СТРАДНЫЕ ДНИ

ПОРТЪ-АРТУРА.

Хроника Военныхъ событій и жизни въ осажденной Крѣпости

съ 26-го января 1904 г. по 9-е января 1905 г.

145.

400
25

П. Ларенко.

СТРАДНЫЕ ДНИ ПОРТЪ-АРТУРА.

Хроника военныхъ событій и жизни въ осажденной крѣпости съ 26-го января 1904 г. по 9-е января 1905 г.

По дневнику мирнаго жителя и разсказамъ защитниковъ крѣпости.

Въ двухъ частяхъ.

Съ 365 иллюстраціями въ текстѣ и: 1) планомъ города со схемой силы обстрѣла, 2) картиной послѣдняго штурма Орлинаго гнѣзда и 3) картой крѣпости — въ видѣ отдѣльныхъ приложеній.

... Ты и могучая,
Ты и безсильная,
Матушка Русь!..

Некрасовъ.

Часть I.

С.-Петербургъ.
1906.

ПОЖЕРТВОВАНІЕ
исторической
библіотекѣ Россіи
отъ Борисовой
Натальи Ивановны

Федеральное государственное
учреждение культуры
"Государственная
публичная историческая
библиотека России"
№ 526293 20 г.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ
ШРЕДЕРА
С.ПЕТЕРБУРГЪ
Гороховая д.

Введеніе.

Защита Портъ-Артура представляетъ собою несомнѣнно одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи русско-японской войны.

Эта книга имѣетъ цѣлью дать безпристрастное описаніе самоотверженной защиты крѣпости и жизни въ осажденномъ городѣ.

Описывая жизнь въ отрѣзанной отъ всего міра крѣпости, отнюдь не имѣемъ въ виду поражать читателя избранными эффектными картинами, искусно изукрашенными, сильно дѣйствующими на нервы.

Если жизнь называется вообще сѣренькой, то несомнѣнно жизнь въ осажденной крѣпости не только сѣра, но въ сравненіи съ обыденной и мрачна.

Наша цѣль нарисовать эту жизнь просто и правдиво; этого достаточно для того, чтобы получить ту разницу между ней и обыденной жизнью мирнаго уголка, которая сама собой безъ искусственныхъ эффектовъ вытекаетъ изъ необычайныхъ условій войны.

Условія обороны крѣпости, какъ впрочемъ и вообще условія войны, не даютъ возможности человѣку быть всюду, видѣть все, что происходитъ. Оффиціальныя же данныя всегда болѣе односторонни и имѣютъ, болѣе или менѣе, особую окраску. Слѣдовательно, чтобы получить болѣе правдивую картину всего происходившаго, необходимо имѣть возможно больше наблюденій съ разныхъ мѣстъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія и пользоваться возможно бо́льшимъ фактическимъ матеріаломъ.

Именно въ такихъ исключительныхъ условіяхъ начатъ этотъ трудъ, чтобы онъ могъ дать болѣе правдивую картину жизни въ осажденной крѣпости въ теченіи 11 мѣсяцевъ.

Нашъ Государь Императоръ Николай Александровичъ обратился когда-то къ представителямъ печати съ просьбой—говорить правду и одну только правду. Тѣмъ не менѣе говорить правду осталось тѣмъ же безполезнымъ и нерѣдко опаснымъ предпріятіемъ, какъ у насъ на родинѣ, такъ, впрочемъ, и въ другихъ странахъ свѣта.

Но все же попытаемся слѣдовать зову нашего Государя Императора и нашей совѣсти—голосу изболѣвшей русской души. Скажемъ, что было и что происходило, насколько что входило въ нашъ кругозоръ.

Наше повѣствованіе расходится неоднократно съ оффиціальными данными, частью опубликованными; также расходится оно съ объясненіями нѣкоторыхъ лицъ, болѣе или менѣе причастныхъ и отвѣтственныхъ по защитѣ крѣпости. Но именно это и есть одна изъ причинъ появленія въ печати нашихъ наблюденій, пережитаго нами и перечувствованнаго, что въ общей суммѣ составило въ насъ непоколебимое убѣжденіе,—дало намъ выводы.

Правда остается въ фактахъ и ихъ послѣдствіяхъ, дальнѣйшихъ фактахъ. Разберитесь въ нихъ и найдете правду. Такой отвѣтъ можно дать на вопросъ—кому же, наконецъ, вѣрить—именно въ то время, когда факты и небылицы сбросаны въ общую, хаотическую кучу.

Просматривая то, что писалось объ Артурѣ въ то время, когда мы были отрѣзаны отъ всего міра, и что писалось еще въ долги послѣ сдачи крѣпости съ явной тенденціею въ ту, или другую сторону—становится и смѣшно и досадно. Боже мой—чего, чего только не писали!

Цѣль этого изданія—помочь разобраться въ фактахъ, чтобы имѣть возможность вѣрно судить о событіяхъ.

Для этого, намъ думается, необходимо одновременно съ описаніемъ протекающихъ событій приводить и все то, что такъ или иначе объясняетъ происходившее.

Но прежде, чѣмъ приступить къ повѣствованію, намъ кажется необходимымъ предпослать нѣкоторые штрихи, впечатлѣнія свѣжаго человѣка, прибывшаго до войны на мѣсто происшествія міровой трагедіи—дать нѣкоторыя нити, объясняющія дальнѣйшій ходъ событій въ цѣлой ихъ связи.

Какъ уже сказано выше, оффиціальныя данныя не вполнѣ освѣщаютъ дѣйствительное положеніе. Для того, чтобы получить болѣе полную и вѣрную картину всего происходившаго, необходимо заглянуть и за кулисы. Въ этомъ оказываютъ намъ огромную услугу слухи. Не каждому, конечно, слуху можно вѣрить, но между ними есть весьма достовѣрные и характерные.

Помимо такихъ закулисныхъ слуховъ, объясняющихъ намъ нѣкоторыя явленія, иначе непонятныя, циркулировала въ Портъ-Артурѣ, особенно въ послѣднее время, масса фантастическихъ, но тѣмъ не менѣе очень интересныхъ слуховъ, показывающихъ намъ настроеніе осажденной массы, особенно солдатъ, глядящихъ тамъ, на передовыхъ позиціяхъ и въ окопахъ, ежеминутно въ глаза смерти и гибели.

Почти не мыслимо прослѣдить, откуда появлялись каждый разъ эти слухи. Они подхватывались, какъ-то на лету; никто не спрашивалъ о достовѣрности ихъ, а передавалъ слышанное дальше—и осажденная, отрѣзанная отъ всего міра крѣпость оживала и жила ими—до появленія новыхъ слуховъ, пока достовѣрныхъ свѣдѣній извнѣ не откуда было взять.

Оставляя въ сторонѣ чисто военные — чисто спеціальные вопросы, которые навѣрно будутъ обработаны нашими военными писателями, мы отмѣчаемъ здѣсь только то, что могъ наблюдать и узнавать изъ всего происходившаго любознательный, пытливый мирный житель и тотъ или другой изъ участниковъ кровавой борьбы на морѣ и на сушѣ. Отмѣчаемъ и то, что дала намъ логика изъ всего наблюдаемаго.

При всемъ нашемъ стараніи быть вполнѣ безпристрастными, все же предвидимъ возможность вызвать негодованіе того или другого изъ упоминаемыхъ дѣятелей минувшихъ дней осады и обороны, а также тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ, за отсутствіемъ вѣрныхъ данныхъ и составившагося убѣжденія, приходится умолчать. Но *не лицамъ, а событіямъ*—цѣлой эпопеѣ посвященъ этотъ трудъ и мѣриломъ въ этой работѣ взята совѣсть, а не лицепріязнь или вражда *).

Обѣщая заглядывать и дать заглянуть читателю кое-гдѣ за кулисы, мы отвергаемъ напередъ всякое обвиненіе въ разглашеніи какихъ-бы то ни было тайнъ. Если тайны эти имѣли когда-то какое либо значеніе, то въ данное время его уже нѣтъ. Факты, обнаружившіеся на дѣлѣ и ставшіе достояніемъ непріятеля, при томъ непріятеля всѣхъ европейскихъ народовъ, угрожающаго всей нашей вѣковой культурѣ,—какимъ мы считаемъ японцевъ въ эту и въ *несомнѣнно грядущихъ* войнахъ,—никакъ не могутъ считаться уже тайною. Завладѣвъ Портъ-Артуромъ, японцы завладѣли многими нашими тайнами, не убереженными нами. По улицамъ уже сданной крѣпости носило иногда вѣтромъ бумаги съ надписью «секретно», «не подлежитъ оглашенію» и т. д. Поэтому въ оглашеніи какого-нибудь изъ такихъ документовъ виновенъ тотъ, кто обязанъ былъ уберечь эти тайны. Если же мы приведемъ что либо изъ содержанія такихъ документовъ, то только для необходимаго разъясненія того или другого случая или для указанія извѣстнаго фактора въ общемъ ходѣ вещей.

Если въ этомъ правдивомъ повѣствованіи, о происходившемъ въ Портъ-Артурѣ, будутъ вскрыты нѣкоторыя образовавшіяся въ нашемъ государственномъ организмѣ гноевыя язвы, то только для того, чтобы

*) Въ разныхъ газетахъ и журналахъ была помѣщена масса портретовъ участниковъ обороны Артура. Мы же не считаемъ возможнымъ помѣстить всѣ эти портреты здѣсь.

достичь уничтоженія этихъ болячекъ, при которыхъ не мыслимъ расцвѣтъ даже здороваго самаго по себѣ организма. Прикрывать подобныя язвы, лишь-бы не прозрачной, хотя-бы грязной тряпицей замалчиванья, считаемъ прямо вреднымъ *).

Другія страны цивилизованнаго міра не стѣсняются обличать свои недостатки и подвигаются, благодаря этому, къ бо́льшему во всемъ совершенству между тѣмъ, какъ существующая у насъ система запрещеній говорить и писать и могущественнаго прикрывательства злоупотребленій и попущеній приводитъ насъ къ бѣдствіямъ, позору и гибели.

Въ заключеніе мы должны замѣтить, что европейскій народъ воюетъ впервые съ такимъ противникомъ, какъ японцы — народомъ безспорно культурнымъ и воспріимчивымъ, но настолько же безспорно еще полудикимъ, оставшимся болѣе сыномъ природы, чѣмъ мы — дѣти западной вѣковой культуры, западныхъ міровоззрѣній.

Этотъ народъ все еще въ силахъ всецѣло отдаться какому-нибудь дѣлу (въ данномъ случаѣ военному), его ничто не увлекаетъ въ сторону и онъ, поэтому, можетъ дойти до такой высоты въ своей спеціальности, до которой намъ, при свойственной намъ разбросанности мысли, вѣрованій, воззрѣній и убѣжденій, при нашемъ увлеченіи новымъ и лишь пріятнымъ — почти не мыслимо. При этомъ мы не должны забывать, что у японцевъ военное дѣло составляетъ особый, доведенный до высокой степени культъ, примѣнительно къ которому ими выработаны вѣками особыя воззрѣнія на жизнь и даруемыя ею блага, на семейныя связи и пр. **). Напримѣръ, одна, но въ тоже время весьма широко разработанная, японская система физическаго воспитанія для разныхъ видовъ борьбы —

*) Такъ, напримѣръ, никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніями контръ-адм. Лощинскаго и ген.-маіора Рейса, высказанными въ письмѣ послѣдняго въ № 10407 «Нов. Вр.» отъ 24-го февраля (9-го марта) с. г., на стр. 3-й — будто пересуды объ условіяхъ обороны и сдачи Портъ-Артура и преждевременны, и безтактны и даже недисциплинарны. Наше убѣжденіе совершенно противоположно этому — именно сейчасъ должна быть раскрыта истина, чтобы сейчасъ же исправить все то, что привело насъ къ катастрофѣ, повлекшей за собой ударъ за ударомъ. Сейчасъ и безпощадно должно быть разобрано все то, что даетъ намъ право судить о правильности и неправильности поступковъ того или другого отвѣтственнаго лица,—сейчасъ, пока все это не поросло мохомъ давности и не покрылось слоемъ оправданій, извращающихъ факты. Признаться, мы менѣе всего ожидали такого мнѣнія со стороны адмирала Лощинскаго. Только въ интересахъ виновныхъ затянуть разборъ виновности.

**) См. трудъ профессора доктора Erwin Bälz, Tokio «Ueber den kriegerischen Geist und die Todesverachtung der Japaner». 1904. Yokohama, Verlag der deutschen Japan-Post.—Эта брошюра будетъ вскорѣ издана на русскомъ языкѣ подъ тѣмъ-же заглавіемъ: Эрвинъ Бяльцъ. «О воинственномъ духѣ японцевъ и ихъ презрѣніи къ смерти»,—съ нѣкоторыми возраженіями и дополненіями переводчика, по его наблюденіямъ во время войны.

«дзіудзутсу» (Jiujutsu) составляетъ (въ то время, какъ японцы переняли у насъ все полезное, все лучшее) для насъ пока почти полную тайну, а въ ихъ рукахъ — чудовищную силу. Эта система проглядываетъ, даже, какъ-бы основной, характерной чертою всей дѣятельности японцевъ.

Боевыя качества русскаго солдата — его выносливость, стойкость, беззавѣтная храбрость и умѣніе спокойно умирать за свою родину — качества, которыя нынѣ только и требуются отъ солдата, какъ боевого матеріала — едва-ли могутъ быть превзойдены чьей либо арміей. При этомъ природный умъ и смѣтливость нашего солдата также не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Примѣненіе всѣхъ новыхъ адскихъ приспособленій массоваго истребленія противника (тоже плоды нашей высокой западной культуры!) было знакомо всѣмъ, пока только теоретически и пока только при маневрированіи въ хорошо знакомой мѣстности, на легко опредѣлимой дистанціи и т. д. Но перенесите любое войско въ совершенно иныя условія и — сразу окажутся, какъ несовершенства, такъ и неумѣніе вполнѣ приспособляться къ даннымъ условіямъ.

Если еще принять во вниманіе полную неподготовленность нашу къ этой войнѣ въ надеждѣ, что дѣло окончится дипломатическимъ соглашеніемъ, то — думаемъ — едва ли кто посмотритъ на наше войско, какъ на что-то малоцѣнное, несоотвѣтствующее цѣли.

Этотъ первый экзаменъ показалъ не только намъ, но и всему культурному западу, что многое въ нашихъ военныхъ системахъ не соотвѣтствуетъ цѣли, подлежитъ измѣненію.

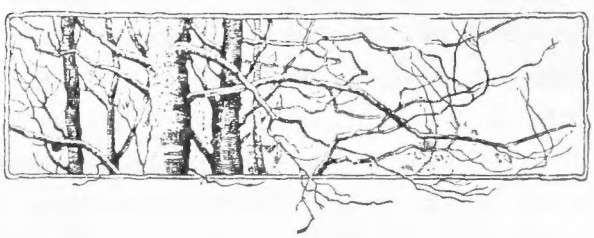
Такъ какъ о началѣ войны, покуда сообщеніе крѣпости со внѣшнимъ міромъ не было прервано, писалось очень многое, излагаемъ наши наблюденія за этотъ періодъ времени не въ видѣ полнаго дневника, а лишь выборками о главныхъ моментахъ и фазисахъ, касаясь особенно тѣхъ сторонъ, которыя, по нашимъ наблюденіямъ и собраннымъ нами свѣдѣніямъ, не сходятся съ оффиціальными донесеніями и отчетами и не могли быть опубликованными въ газетныхъ корреспонденціяхъ. Главное же наше вниманіе посвящено періоду отъ начала *тѣсной* осады, бомбардировки города съ суши до капитуляціи и включая самую сдачу и эвакуацію крѣпости мирными жителями

Закончивъ описаніе хода событій мы намѣрены дать, въ сжатой формѣ, наше убѣжденіе, нашъ взглядъ на всѣ причины этой несчастной войны, на сколько онѣ уловимы, а также резюмировать все то, что дало намъ выводы о крайне необходимыхъ, не терпящихъ отлагательства во многомъ коренныхъ реформахъ, дабы мы могли все же воспрянуть, оправиться и снова

стать грудью за свои жизненные интересы не только на Дальнемъ Востокѣ, но вездѣ, гдѣ-бы это не понадобилось.

Желая быть, первымъ долгомъ, безпристрастными правдивыми, приступаемъ къ повѣствованію съ глубокой вѣрой въ болѣе успѣшный прогресъ нашей дорогой родины и въ несомнѣнно грядущія, необходимыя коренныя реформы всего ея внутренняго, въ томъ числѣ и военнаго строя *).

Весна 1905 года.



*) При выборѣ иллюстраціоннаго матеріала нами обращено особое вниманіе на фотографическіе виды, дающіе возможность читателю изучить мѣстность, окружающую Артуръ—всѣ фронты этой «неприступной твердыни», какъ называли крѣпость до войны—и расположеніе города, которое трудно понять по описаніямъ, такъ какъ городъ Портъ-Артуръ очень разбросанъ. Для этой же цѣли прилагаются: къ 1-й части этой книги планъ города со схематическимъ указаніемъ степени обстрѣла каждой его части—и ко 2-й части—планъ крѣпости, на которомъ нанесено и расположеніе японскихъ осадныхъ батарей, обстрѣливавшихъ крѣпость и городъ.

1. Передъ войной.

I. По дорогѣ.

Наконецъ ѣду и я на Дальній Востокъ, который меня интересовалъ уже нѣсколько лѣтъ, благодаря тѣмъ разнообразнымъ и часто совершенно противоположнымъ слухамъ — отъ великаго до смѣшного — которые носились о немъ болѣе, такъ сказать, въ воздухѣ, чѣмъ въ осязаемыхъ формахъ печатнаго слова.

Переходъ мой изъ мирнаго уголка на передовую позицію русскаго государства состоялся довольно просто: мнѣ предложили лучшую оплату моего личнаго труда,—и я поѣхалъ. Рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше; тѣмъ болѣе знакомый съ нуждою.

Желѣзная дорога уноситъ меня все дальше отъ родины, то по тряской Сызрано-Вяземской дорогѣ, то убаюкивая въ мягко-рессорныхъ, удобныхъ вагонахъ Самаро-Златоустовской и Сибирской дорогъ.

На Уралѣ еще всюду виднѣлся снѣгъ и прохлада иногда переходила далеко за предѣлы нѣжности. Но Оренбургская, около Челябинска, и далѣе Сибирскія степи уже начали зеленѣть; становилось теплѣе, запахло весною.

Любуясь ширью совершенно необработанной и малообработанной земли, черезъ которую мчитъ насъ желѣзная дорога нѣсколько дней подъ рядъ, задаешь себѣ вопросъ: нужны-ли намъ, при такомъ просторѣ пахатныхъ полей, еще какія нибудь колоніи—этотъ дальній или крайній востокъ—гдѣ, по словамъ людей дальновидныхъ, едва-ли дѣло можетъ обойтись безъ войны? Что можетъ дать намъ этотъ востокъ?

Но, ознакомившись съ серьезными изслѣдованіями Сибири и разспросивъ спутниковъ-сибиряковъ, скоро приходишь къ заключенію, что несмотря на то, что Сибирь можетъ еще пріютить милліоны безземельнаго люда и прокормить ихъ, все же благосостояніе этого люда, расцвѣтъ этой страны не мыслимы, пока Сибирь не имѣетъ путей сбыта своихъ земледѣльческихъ продуктовъ и другихъ природныхъ богатствъ. Пока Сибирь не имѣетъ обширнаго доступа къ міровымъ рынкамъ, не имѣетъ возможности сама обрабатывать, хотя-бы часть своего сырья, она обречена на участь капитала, запертаго въ сундукъ скупца, умирающаго на этомъ сун-

дукѣ съ голоду. Культурный прогресъ страны не мыслимъ, если продукты, напримѣръ, земледѣлія, настолько малоцѣнны, что не даютъ большинству—среднихъ пахарей возможности обмѣнить эти продукты на все необходимое въ его незатѣйливомъ обиходѣ и для пріобрѣтенія всего этого приходится ему прибѣгать къ постороннимъ заработкамъ, преобладающіе между которыми: далеко не раціонально поставленная добыча кедроваго орѣха, чисто хищническое истребленіе пушного и другого цѣннаго звѣря, такое же рыболовство и пр., угрожаютъ окончательнымъ изсякновеніемъ этого добавочнаго дохода, добываемаго уже и такъ все въ меньшихъ и меньшихъ размѣрахъ. Культурный прогресъ земледѣлія не мыслимъ, если по крайней мѣрѣ 90 процентовъ пахарей не въ силахъ и подумать о пріобрѣтеніи болѣе усовершенствованныхъ орудій земледѣлія, которыя, при данныхъ условіяхъ сбыта и цѣнахъ, слишкомъ для него дороги.

Это точка замерзанія — заколдованный кругъ, изъ котораго Сибирь не могла выбраться втеченіе многихъ столѣтій русскаго ею владѣнія, изъ котораго она не выбилась и, не можетъ на то надѣяться, при существованіи одной Сибирской желѣзной дороги *) — этой слишкомъ малой артеріи при такомъ огромномъ организмѣ.

Доисторическія передвиженія по Сибири разныхъ народовъ, все же не осѣвшихъ въ ней и достигшихъ болѣе высокой степени культуры и благосостоянія внѣ ея, только подтверждаютъ вышеприведенный выводъ.

Но, вопросъ въ томъ—правиленъ ли путь, избранный нашей политикой на Дальнемъ Востокѣ, чтобы оживить, обогатить Сибирь и дать выгоду государству? Съумѣли-ли мы обезпечить тамъ наши интересы и съумѣемъ ли мы тамъ отстоять свои права отъ ненасытныхъ аппетитовъ другихъ народовъ?

Стоитъ лишь поверхностно ознакомиться съ экономической жизнію Сибири до постройки желѣзной дороги и даннаго времени, чтобы найти въ ней уже много и существенной разницы.

Пожалѣть стоитъ развѣ только о томъ, что желѣзная дорога нарушила ея вѣковую патріархальную жизнь, ея полную обособленность отъ всей внѣшней, но не слѣдуетъ при этомъ забывать,—культурной жизни и освѣжающихъ волнъ прогреса. Оставаясь и далѣе безъ желѣзной дороги, она должна была-бы оставаться и мало населенной, и трудно населяемой страной — тѣмъ же мертвымъ капиталомъ.

Природная краса Забайкалья — уютныя ущелья между горъ, покрытыхъ густой зеленью, быстро мчащіеся навстрѣчу поѣзду горные потоки, мѣняющіеся одинъ за другимъ ландшафты — все это заставило меня скоро забыть суетный Иркутскъ съ его огромнымъ переливомъ капиталовъ, въ данное время преимущественно съ Кругобайкальской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ, и съ возбуждаемой легкой наживой алчностью и прочими страстями. Она заставила меня забыть и бурю на Байкалѣ, мѣшав-

*) Сибирская дорога Челябинскъ—Иркутскъ.

шую любоваться окружающими это, въ высшей степени интересное озеро снѣжными вершинами, а также забыть негодованіе всѣхъ и каждаго на то,

Торговая гавань Портъ-Артура въ мирное время.

что несмотря на бурю, пароходъ завозилъ кого-то изъ крупноокладныхъ инженеровъ на какой-то еще строющійся участокъ Кругобайкальской дороги и заставилъ этой любезностью всѣхъ насъ, платныхъ пассажировъ, изъ

числа обыкновенныхъ смертныхъ, промучиться морской болѣзнію лишнихъ 4 часа и прибыть на ст. Мысовую лишь вечеромъ.

Не могу не отмѣтить, что прекрасное настроеніе, навѣянное природой Забайкалья нарушалось рѣзкимъ диссонансомъ — громадными, опустоши-

Работы по постройкѣ Китайской Восточной желѣзной дороги.

тельными лѣсными пожарами на склонахъ горъ вблизи Байкала — этимъ бичемъ нашихъ богатыхъ лѣсами окраинъ, — плодомъ нашей преступной неосторожности, что, въ свою очередь, можетъ быть объяснено тѣмъ, что всѣми этими богатствами владѣетъ казна, ея чиновники, а не само населеніе, въ интересахъ котораго экономно расходовать эти богатства, заботиться о сохранности ихъ.

Небрежность, безпорядки и злоупотребленія, особенно на строющихся вновь желѣзныхъ дорогахъ, у насъ на столько обычны, что не нахожу нужнымъ коснуться здѣсь Забайкальской и Китайской Восточной желѣзныхъ дорогъ. Одно не подлежитъ никакому сомнѣнію—это то, что, чѣмъ

Въ южной Маньчжуріи.

дальше отъ метрополіи, тѣмъ рѣзче, выпуклѣе, въ полномъ своемъ безобразіи выступаютъ на свѣтъ Божій всѣ эти прелести.

Забайкальская дорога находилась въ то время, сколько помнится еще во временной эксплуатаціи, а Китайская Восточная или короче — Маньчжурская, только недавно открыла сквозное движеніе и возила пассажировъ, хотя по очень высокому тарифу, но какъ-бы только изъ любезности и не допускала поэтому никакихъ претензій.

Увозимый по Маньчжурской желѣзной дорогѣ на невѣдомый, но обѣщающій много интереснаго югъ и восточную окраину, все еще мало изслѣдованнаго материка, въ среду такихъ же, мало знакомыхъ намъ народовъ, я замѣтилъ, что желѣзнодорожные служащіе и прочіе осѣдлые на станціяхъ европейцы почти поголовно вооружены хлыстами и тростьми, и пускаютъ эти хлысты безъ стѣсненія въ ходъ среди китайцевъ, толпящихся около вокзаловъ ради заработка по переноскѣ багажа и т. д. Этотъ способъ прививки цивилизаціи былъ всегда глубоко ненавистенъ мнѣ и возмущалъ меня здѣсь особенно. На одной изъ станцій я не утерпѣлъ и обратился со слѣдующимъ вопросомъ къ дежурному по станціи, уже не молодому человѣку.

— Скажите пожалуйста, неужели вы находите примѣненіе этого атрибута, отжившей школы, необходимымъ здѣсь и нероняющимъ имени русскаго человѣка и нашей, такъ сказать, культурности?

Онъ посмотрѣлъ на меня испытующе, подумалъ немного.

— Вы навѣрное впервые здѣсь на Дальнемъ Востокѣ. Иначе вы не задали бы мнѣ такого вопроса. Съ этой голытьбой нельзя поступать иначе. Впрочемъ, если вы ознакомитесь и съ колоніями другихъ странъ, то убѣдитесь, что тамъ примѣняется палка болѣе сурово, и только палка. А мы же, если и бьемъ палкой, то и приглаживаемъ рублемъ. Повѣрьте, что у насъ вы встрѣтите даже много излишнихъ нѣжностей.—Какъ будто вы не знаете безхарактерность русскаго человѣка!—

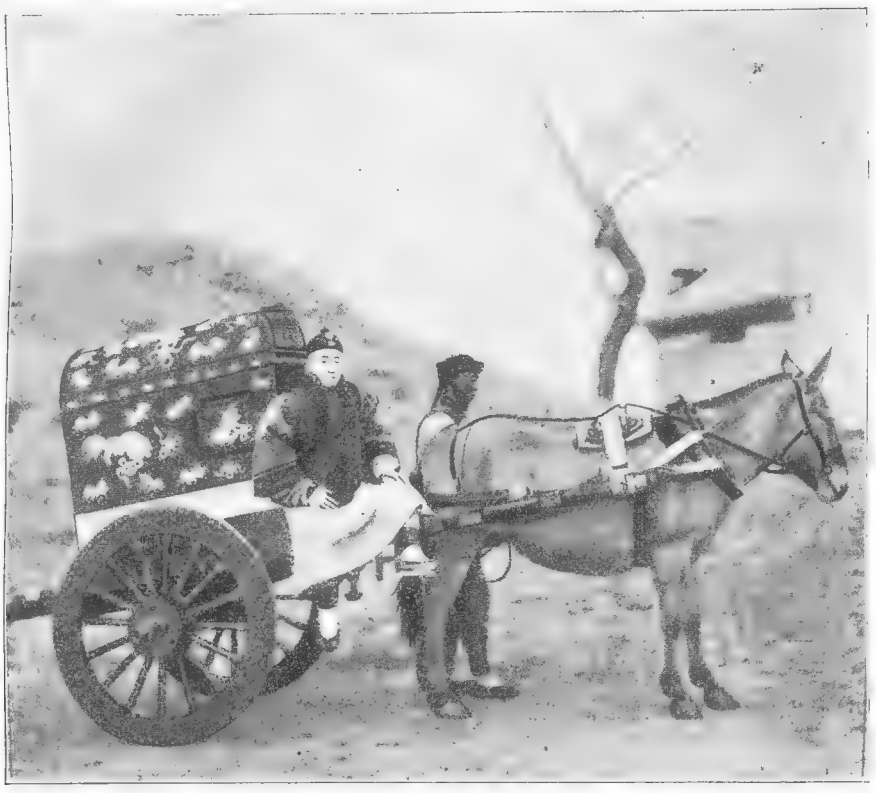
Я началъ было возражать ему, доказывать, что это не можетъ служить оправданіемъ дурныхъ поступковъ,—что уже по одному тому, что Европа насъ и по сейчасъ называетъ «варварами», мы должны стремиться показать, именно, лучшія качества русской души—сочувствіе къ меньшему или къ обиженному судьбой брату—нашу природную гуманность,—а не выносить на показъ міру лишь дурныя привычки и т. д., но поѣздъ тронулся.

Пока дорога шла по пустынной мѣстности сѣверной Маньчжуріи или даже еще Монголіи, я имѣлъ много времени подумать надъ этимъ вопросомъ. Сколько я не старался понять весь смыслъ даннаго мнѣ отвѣта, я приходилъ къ одному заключенію, что, возможно, что мѣстное населеніе и зарабатываетъ около насъ болѣе денегъ, чѣмъ около прочихъ иностранцевъ,—также очень можетъ быть, что иногда съ нашей стороны проявляется много ненужной и непонятной для другихъ народовъ нѣжности,—но все же такое отношеніе къ голодной толпѣ, ищущей грошового заработка — поступокъ скверный, если для оправданія его не имѣется болѣе вѣскихъ аргументовъ. Тотъ, кто около насъ зарабатываетъ крупныя деньги, навѣрное, не находится въ этой толпѣ, а эта голодная масса, получающая удары хлыстомъ безъ всякаго на то основанія, всегда останется враждебной къ обижающему ее иностранцу, и всегда, въ случаѣ войны, перейдетъ на сторону врага, и можетъ отомстить намъ за каждый ударъ хлыстомъ очень и очень чувствительно.

Чѣмъ дальше я углублялся въ невѣдомую мнѣ страну, чѣмъ гуще становилось населеніе ея и чѣмъ многочисленнѣе толпа, собирающаяся около станцій дороги, тѣмъ болѣе навязывалась мнѣ эта мысль.

Невольно испытывалъ я нѣкоторое опасеніе, допуская всегда возможнымъ здѣсь вооруженное столкновеніе съ Японіей или даже просто, возможность, со временемъ, болѣе интенсивнаго возстанія китайцевъ противъ представителей бѣлой расы, которыхъ здѣсь, въ сравненіи съ численностью коренного населенія, только горсть.

Не мало удивляли меня попадавшіеся уже на Сибирской желѣзной дорогѣ встрѣчные поѣзда съ войсками, возвращающимися изъ Маньчжуріи; здѣсь встрѣчались они чуть не ежедневно.



Китайскій экипажъ, такъ называемая, фудутунка.

Неужели, — думалъ я, — тамъ такъ много нашихъ войскъ, что не смотря на носящуюся въ воздухѣ угрозу войною со стороны Японіи, мы имѣемъ тамъ даже излишнія силы?..

Нашъ поѣздъ врѣзался уже глубоко въ Маньчжурію, но я все еще не могъ найти тѣхъ грандіозныхъ казармъ на двѣсти, триста тысячъ солдатъ, постройка которыхъ, по сообщенію газетъ, была уже давно рѣшена или уже предпринята, на случай необходимости эвакуаціи Маньчжуріи. Сколько мнѣ вспоминается изъ этого, въ то время мало меня интересующаго извѣстія, казармы эти должны были строиться или на границѣ Забайкальской области, или же на полосѣ отчужденія Маньчжурской желѣзной дороги, нарочито расширенной въ намѣченныхъ мѣстахъ.

Хотя у меня промелькнула мысль — неужели и эти постройки производились у насъ только на бумагѣ?—я успокоилъ себя мыслію, что казармы эти навѣрно выстроены въ мѣстности, укрытой отъ любопытнаго взора проѣзжающихъ по Маньчжурской желѣзной дорогѣ иностранцевъ; тѣмъ болѣе, что здѣсь ожидалось огромное сквозное движеніе иностранныхъ пассажировъ, и въ томъ числѣ массы военныхъ. Эту предусмотрительность я одобрялъ вполнѣ.

Казармы для пограничной (здѣсь вѣрнѣе—желѣзнодорожной) стражи, нельзя сказать, что-бы особенно восторгали меня. Зная истинную цѣну нашихъ казенныхъ построекъ, я не могъ заставить себя повѣрить, что въ этихъ низменныхъ баракахъ жилось солдатамъ гигіенично, а главное зимою, при здѣшнихъ большихъ морозахъ, въ нихъ было-бы тепло.

Но эти бараки не нарушали, такъ сказать, общаго ансамбля среди всѣхъ, возводимыхъ нами вдоль дороги построекъ. Напримѣръ, выстроенныя и еще достраивающіяся станціи желѣзной дороги также не поражали ни красотой, ни своимъ объемомъ; ихъ можно было признать вполнѣ соотвѣтствующими для любой захолустной, чахлой узкоколейки, но, конечно, ужъ не такими для великаго транзитнаго пути.

Впрочемъ, это не дѣло путешественниковъ, къ какому-бы званію они не принадлежали. На то существуютъ у насъ пріемныя коммиссіи...

Кажется, я уклонился въ сторону.

Когда мы уже минули Хинганскій хребетъ съ его тупиками на головокружительной кручѣ (тунель только еще строили и никто не могъ мнѣ сказать, когда именно онъ будетъ достроенъ), я замѣтилъ на одной изъ платформъ вагона III класса японца. Но дѣло не въ немъ — японцы встрѣчались мнѣ уже по Сибирской дорогѣ; видалъ я ихъ и раньше, особенно въ труппахъ странствующихъ артистовъ-жонглеровъ. У этого японца висѣлъ черезъ плечо прекрасный, большихъ размѣровъ фотографическій аппаратъ.

Это явленіе, какъ не какъ, а поразило меня въ значительной степени. Недавно въ Россіи и Сибири былъ опубликованъ правительственный циркуляръ, которымъ строго воспрещалось фотографировать какое-бы то ни было желѣзнодорожное сооруженіе и ближайшія ихъ окрестности, и была предписана конфискація открытыхъ писемъ съ таковыми фотографическими видами.

Не для защиты же строителей-инженеровъ отъ возможныхъ обличеній въ прессѣ изданъ такой циркуляръ?—мелькнуло у меня въ головѣ.—Можно было полагать, что при этомъ имѣлось въ виду что-то болѣе важное—чтобы непріятель, кто-бы онъ не былъ, не имѣлъ возможности слишкомъ ознакомиться съ нашими путями сообщенія, изучить мѣстности. А тутъ, вдругъ, японецъ съ аппаратомъ на платформѣ и можетъ снимать все, что ему угодно!

Поэтому, при первомъ удобномъ случаѣ, я обращаюсь къ этому японцу съ вопросомъ, что онъ тутъ дѣлаетъ со своимъ аппаратомъ.

Онъ разъяснилъ мнѣ прехладнокровно, что онъ служитъ у русскаго участковаго инженера и снимаетъ сооруженія и все, что ему велятъ или что онъ находитъ интереснымъ...

На мое предложеніе продать мнѣ интересные снимки, онъ согласился охотно и обѣщалъ доставить мнѣ возможно большій выборъ таковыхъ. При этомъ онъ пояснилъ мнѣ, что японцы работаютъ дешевле русскихъ фотографовъ.

Картина.

На югѣ Маньчжуріи.

И такъ—у насъ, въ Россіи конфискуютъ открытыя письма съ видами какой-бы то ни было желѣзной дороги, а наши инженеры, зарабатывающіе здѣсь баснословныя суммы, нанимаютъ, все равно, для нуждъ ли постройки, для собственнаго ли удовольствія, японскихъ фотографовъ, потому, что они дешевле русскихъ...

Не дурно на первый случай, не правда-ли?—Но куда мы идемъ при такихъ порядкахъ? *)

*) Недавно пріобрѣлъ японское описаніе войны «The russo-japanese War», изд. Kinkodo C°, Tokio — и уже въ первомъ выпускѣ этого изданія — апрѣль 1904 года — нашелъ полное подтвержденіе тому, что меня обезпокоило во время поѣздки въ Портъ-Артуръ. На стр. 13-й прекрасный фотографическій снимокъ порта Владивостока, снятый, видимо, съ колокольни; на стр. 15-й видъ станціи Маньчжурской жел. дор. съ казармами желѣзнодорожной стражи и *прилегающей окрестностью;* на стр. 71-й прекрасный снимокъ входа въ гавань Портъ-Артуръ, сдѣланный съ вершины Перепелочной горы; на стр. 72-й вновь одна изъ станцій Маньчжурской желѣзной дороги *съ прилегающей окрестностью* и т. д. Въ дальнѣйшихъ выпускахъ видимъ фотографическіе снимки осмотра генераломъ Куропаткинымъ фортовъ Владивостока и Портъ-Артура, — строющійся фортъ въ Портъ-Артурѣ и пр. Такъ, безъ сомнѣнія, японцы успѣли снять все, что имъ нужно было, притомъ на русскія же деньги, при помощи нашихъ инженеровъ и проч.

Чѣмъ дальше мы подвигались къ югу, тѣмъ чаще встрѣчались японцы и въ нашемъ, и во встрѣчныхъ поѣздахъ, и на станціяхъ; они, повидимому, принадлежали къ всевозможнымъ профессіямъ. Между ними виднѣлись и несомнѣнные интеллигенты, какъ-бы путешествующіе ради удовольствія и очень интересующіеся и красивой мѣстностью, и русской дѣятельностью здѣсь.

Инкоу. Гавань.

Не смотря на то, что я никогда не служилъ въ полиціи и что меня очень занимали встрѣчающіяся все чаще около пути китайскія селенія, города, своеобразная архитектура, ихъ способы обработки полей ихъ способы и пути сообщенія и все наблюдаемое изъ ихъ быта,—я не могъ избавиться отъ сверлящей въ мозгу мысли, что Маньчжурская дорога кишитъ японскими шпіонами, или по крайней мѣрѣ людьми, имѣющими къ тому всѣ данныя.

Но такъ какъ это не только могли, но были, прямо таки, обязаны замѣтить, при томъ много раньше меня, многіе другіе, по долгу службы и положенія, я былъ готовъ приписать это подозрѣніе болѣзненному во мнѣ явленію—мнительности, а послѣднюю признать послѣдствіемъ долгаго, уто-

На Квантунѣ.

мительнаго путешествія и полному моему незнакомству съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ на востокѣ Азіи...

Русскій человѣкъ замѣчательно способенъ полагаться на попеченіе начальства; онъ пріученъ къ этому вѣками.

— Объ этомъ начальство должно заботиться...

Къ несчастью моему я не имѣлъ никого, кто-бы могъ давать мнѣ необходимыя объясненія мѣстностей, игравшихъ какую либо роль въ японско-

китайской войнѣ, а также въ китайскомъ походѣ 1900 года. Въ вагонѣ я былъ единственнымъ русскимъ; сосѣдями моими были молодой французъ-агрономъ, пожелавшій изучить китайскую агрикультуру и какой-то нѣмецъ, не то коммерсантъ, не то чиновникъ, обремененный семьей. Каждый изъ нихъ былъ занятъ своими интересами.

Впрочемъ, мое назначеніе было вполнѣ мирное и я никакъ не думалъ, что вскорѣ придется и мнѣ очутиться среди ужасовъ войны.

Когда, по времени, поѣздъ долженъ былъ подходить къ Портъ-Артуру, я замѣтилъ, что на вершинахъ горъ производились какія-то земляныя работы. Но вспомнилось мнѣ, тоже газетное описаніе — что стоитъ только попытаться подняться на какую нибудь изъ окружающихъ эту крѣпость горъ, какъ моментально выростаетъ предъ вами жандармъ...

— Что мнѣ,—думалъ я,—любопытствовать; крѣпость строится и караулится строго. Ну, и ладно!—

II. Въ Портъ-Артурѣ.

Когда я, послѣ почти цѣлаго мѣсяца путешествія, оставилъ въ Портъ-Артурѣ поѣздъ, то сразу попалъ въ шумный водоворотъ людей, точно въ муравейникъ. Масса всякаго народа, преимущественно китайцевъ-рабочихъ, сновала около вокзала и вагоновъ, а болѣе того около гавани, ея складовъ и огромныхъ грудъ всякаго товара. Все копошилось, спѣшило куда то и не обращало вниманіе на все остальное.

Шествуя пѣшкомъ за моимъ багажемъ на китайской подводѣ, запряженной муломъ и осломъ, я обратилъ вниманіе на бѣлые, какъ лебеди, наши крейсера, стоявшіе на якорѣ въ западномъ бассейнѣ гавани; ихъ было нѣсколько; кромѣ нихъ тутъ же стояли минные транспорты, канонерки, а далѣе виднѣлись и миноносцы.

Далеко на рейдѣ была расположена эскадра броненосцевъ, также бѣлѣя на темномъ фонѣ моря.

Все побережье покрыто грозными фортами, между которыми особенно выдѣляется Золотая гора.

Все это сразу такъ успокоило меня, что мучившихъ меня дорогой сомнѣній, какъ не бывало. Наскоро поужинавъ, я легъ спать и заснулъ такъ, какъ едва-ли когда засыпалъ.

— Тутъ, вѣдь, работаетъ масса людей, спеціалистовъ военнаго и морского дѣла—сыновъ отечества—получающихъ значительные оклады,—шепнулъ мнѣ съ сарказмомъ внутренній голосъ,—а ты было вообразилъ, тамъ, по дорогѣ, что какіе-то японцы могутъ угрожать намъ войною, грозить нашей здѣсь колоніи, нашему пути сообщенія, могущему, въ кою пору, доставить сюда многочисленную армію... Россія велика; излишнія опасенія не къ лицу ея подданнымъ и слугамъ.

Это была моя послѣдняя мысль въ этотъ день.

Слѣдующіе дни я посвятилъ необходимымъ служебнымъ визитамъ и ознакомленію съ городомъ.

Городъ состоитъ преимущественно изъ старыхъ китайскихъ построекъ и ничего особенно интереснаго, въ смыслѣ архитектуры, изъ себя не представляетъ. Если китайская архитектура и характерна, то все же довольно однообразна.

Станція Цзиньчжоу.

Начальствомъ я былъ принятъ весьма благосклонно, но тотчасъ мнѣ было заявлено, что придется возможно скорѣе приняться за дѣло, ибо есть кой-какія запущенія.

Оглядѣвшись я замѣтилъ, что въ Портъ-Артурѣ не видно присущаго всѣмъ большимъ портовымъ городамъ празднаго и пьянаго босяческаго

Таліенванъ.

элемента. Китайцы, среди которыхъ несомнѣнно очень много бѣдноты,—попадаются и нищіе,—не выдѣлили изъ себя отдѣльной группы типовъ-героевъ Максима Горькаго. Ими гордится, видимо, только культурный, но пропитанный алкоголемъ западъ.

Квартиры запираются здѣсь довольно примитивными китайскими замками, но не слыхать, чтобы кражи изъ квартиръ были въ порядкѣ вещей.

Нашимъ, арендуемымъ у Китая, новымъ краемъ управлялъ главный начальникъ Квантунской области генералъ-адъютантъ адмиралъ Алексѣевъ; онъ же командовалъ тихоокеанскими морскими силами и сухопутными войсками на Квантунѣ. Фактически подчинялись ему, кромѣ того, желѣзнодорожная стража вдоль всей Восточной Китайской дороги, гарнизоны, расположенные въ городахъ Маньчжуріи и всѣ русскія тамъ учрежденія. При немъ состоялъ областной совѣтъ, дипломатическая канцелярія, морской и сухопутный штабы. Второй инстанціей по управленію областью было гражданское управленіе, вѣдающее начальниками участковъ и полицейскими управленіями въ городахъ. Въ городѣ Дальнемъ существовало особое градоначальство, во главѣ съ инженеромъ Сахаровымъ. Городомъ Портъ-Артуромъ завѣдывалъ особый городской совѣтъ, состоящій изъ офицеровъ, чиновниковъ и нѣсколькихъ представителей купечества, подъ предсѣдательствомъ особаго, назначеннаго на этотъ постъ офицера—капитана, позднѣе подполковника Вершинина.

Золотая гора; подъ ней угольные склады; часть набережной; въ восточномъ бассейнѣ (военномъ порту) видны два крейсера.

Начальникомъ эскадры, расположенной въ Портъ-Артурѣ, былъ вице-адмиралъ Старкъ; младшимъ флагманомъ контръ-адмиралъ князь Ухтомскій; владивостокскимъ отрядомъ крейсеровъ и миноносцевъ командовалъ контръ-адмиралъ баронъ Штакельбергъ.

Помощникомъ командующаго сухопутными войсками области состоялъ генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Волковъ. И. д. коменданта крѣпости былъ генералъ-лейтенантъ Стессель, о которомъ мы услышали впервые во время китайскаго похода. Командиромъ порта—контръ-адмиралъ Греве. Вотъ, все главное начальство.

Какъ это бываетъ на далекихъ окраинахъ, вокругъ главнаго начальника стояла группа высшихъ чиновъ и составляла его, такъ сказать, придворную сферу, которая, въ свою очередь, кичилась этой честью, интриговала и разносила разныя сплетни въ ближайшую среду.

Среди европейскаго населенія города значительно преобладалъ военный элементъ.

Купечество города состояло изъ разныхъ народностей и менѣе всего могло бытъ названо русскимъ. Только одна большая русская торговая фирма существовала въ Портъ-Артурѣ—Чуринъ и К⁰; остальные болѣе мелкіе чисто русскіе торговцы терялись среди иностранцевъ и выходцевъ преимущественно изъ южной полосы Россіи. Тутъ были армяне, евреи, греки, молдаване и пр., преимущественно изъ Одессы. Изъ иностранныхъ торговыхъ фирмъ главенствовали нѣмецкія—Кунстъ и Альберсъ, Сіэтасъ, Блокъ и К⁰,

Мостъ около полевого телеграфа; груды товаровъ на набережной.

потомъ англійскія—Кларксонъ и К⁰, французскія - Шретеръ и Марсеру и т. д. Количествомъ преобладало китайское купечество. И японскихъ торговцевъ было здѣсь не мало.

Подрядныя работы по постройкамъ и сооруженіямъ были также въ разныхъ рукахъ; рабочія же руки исключительно китайскія, ужасно эксплуатируемыя подрядчиками и переводчиками—компрадорами.

Кромѣ того въ городѣ прямо таки бросалась въ глаза масса легкомысленнаго элемента—прожигателей жизни, искателей приключеній обоего пола, разныхъ прихлебателей.

Не могло также ускользнуть отъ наблюдателя то, что здѣсь два, совершенно разныхъ, военныхъ элемента живутъ разрозненно и въ разныхъ условіяхъ. Это—моряки и сухопутныя войска.

Первые имѣютъ во всемъ преимущество, получаютъ значительно большіе

оклады, имѣютъ, видимо, болѣе свободнаго времени *); по крайней мѣрѣ они болѣе замѣтны всюду, на улицахъ, въ садикахъ, ресторанахъ и т. п.; они одѣты всегда въ безукоризненно бѣлые костюмы; видно также, что они не стѣсняются въ средствахъ.

Напримѣръ, извозчики, ожидающіе вечеромъ у воротъ порта выхода морскихъ офицеровъ, берутъ весьма неохотно сухопутнаго или просто частнаго пассажира, при чемъ заявляютъ безъ особаго стѣсненія, что моряки расплачиваются много щедрѣе.

— Поѣздишь съ нимъ, и знаешь за что!

Какъ сухопутные офицеры, такъ и солдаты,—въ сравненіи со своими морскими товарищами одинаковаго чина и положенія,—являются какъ бы

Часть Николаевскаго бульвара — дѣтская площадка.

пасынками, замарашками, во внѣшнемъ блескѣ далеко уступая вторымъ и всюду передъ ними стушевываясь.

Мнѣ объяснили ихъ привиллегированное положеніе и вытекающія изъ этого преимущества.

— За то это народъ отчаянный, жизнь ему ни почемъ! Въ случаѣ войны они принимаютъ первый ударъ и побѣждаютъ или гибнутъ вмѣстѣ со своимъ судномъ. (А именно здѣсь можетъ грозить намъ, первымъ долгомъ морская война. Поэтому и не грѣшно имъ погулять, пока на то есть время). Развѣ вамъ незнакомы славныя традиціи нашего доблестнаго флота?..

Что я могъ отвѣтить на такіе вѣскіе доводы?

*) Неизбѣжныя послѣдствія состоянія половины эскадры въ пресловутомъ «вооруженномъ резервѣ».

— Куда, нашему брату, сухопутному, до столь высокаго полета! И образованіе мы получаемъ, въ подавляющемъ большинствѣ, далеко низшее и роль наша на войнѣ куда проще—сиди себѣ въ окопѣ или на форту, ройся въ землѣ или чахни въ какомъ нибудь штабѣ и только.

И сухопутные офицеры имѣютъ свое приличное гарнизонное собраніе, гдѣ устраивались регулярно танцовальные вечера и прочее—и если здѣсь не выпивается столько шампанскаго, сколько въ морскомъ собраніи, то, во всякомъ случаѣ, живется и сытно и весело.

— Да, нашъ братъ съизмала менѣе избалованъ. Наша роль не свѣтская,—говорили мнѣ офицеры гарнизона.

Портъ-Артуръ. Видъ съ Золотой горы на часть стараго города.

Явное недовольство этихъ двухъ категорій офицеровъ усиливалось нескрываемымъ высокомѣріемъ морской молодежи надъ сухопутными. Бывали даже непріятныя столкновенія.

Отъ наблюдателя не ускользала и нѣкоторая расшатанность дисциплины среди нижнихъ чиновъ, всевозможныя вольности, не терпимыя въ благоустроенныхъ войскахъ.

И этотъ оттѣнокъ стушевывался въ общей шумной, веселой, чтобы не сказать—довольно безшабашной жизни Портъ-Артура.

Человѣкъ способенъ иногда примириться со всѣмъ, что-бы не посылала ему судьба.

И флотскіе, и армейскіе офицеры встрѣчались дружелюбно въ домахъ общихъ знакомыхъ и совмѣстно чувствовали себя хорошо. Только когда

дѣло касалось болѣе крупныхъ расходовъ на что-либо, тутъ уже сухопутная молодежь должна была стушевываться и затаенная обида на сравнительно неравномѣрную оцѣнку труда пробуждалась каждый разъ снова и оставляла въ душѣ ихъ на долго желчный осадокъ недовольства.

Меня уже не такъ удивляло и не такъ безпокоило то, что и въ Портъ-Артурѣ много всевозможныхъ японцевъ *).

Сперва, конечно, казалось страннымъ, что въ крѣпости проживаетъ такая масса иностранцевъ и, тѣмъ болѣе, безспорно враждебно къ намъ настроенныхъ. Но, что было дѣлать? Портъ-Артуръ составлялъ въ одно и тоже время крѣпость, городъ и весьма оживленный коммерческій портъ **), въ который входили иностранныя торговыя суда ежедневно и, ставъ на якорь въ гавани, были уже среди крѣпости. Не смотря на всѣ затраты правительства, ему все еще не удавалось направить волну торговыхъ сношеній на спеціально для того созданный портъ и городъ Дальній. Главнымъ потребителемъ на всемъ Ляодунскомъ полуостровѣ оказался пока Портъ-Артуръ съ эскадрой и гарнизономъ, а также съ начавшимъ строиться новымъ европейскимъ городомъ. Также необходимые для построекъ крѣпости матеріалы составляли значительную часть морского ввоза.

Во всякомъ случаѣ я вѣрилъ, что надъ иностраннымъ элементомъ, могущимъ угрожать нашимъ крѣпостнымъ и военно-портовымъ тайнамъ, существуетъ здѣсь спеціальный и особенно бдительный надзоръ.

Это, дескать, само собой разумѣется!..

Что мнѣ не понравилось, это—воспрещеніе нашимъ офицерамъ посѣщать верки крѣпости безъ особаго на то каждый разъ разрѣшенія коменданта крѣпости. Получать это разрѣшеніе,—говорили мнѣ знакомые и сослуживцы,—процедура, довольно непріятная — нелюбезные разспросы: зачѣмъ и почему понадобилось посѣтить то или другое укрѣпленіе—отбивали охоту даже у болѣе любознательныхъ.

Должно быть имѣются на все это вѣскія причины, подумалъ я и мирился съ фактомъ, хотя чувствовалъ большую потребность ознакомиться съ нашей твердыней, о которой говорили, что она неприступна.

— Я всегда стригусь и бреюсь у парикмахера главнаго начальника Квантунской области (такъ и увидите на вывѣскѣ, по Широкой улицѣ), у

---

*) Какъ примѣръ отношеній японцевъ къ намъ, указывалъ мнѣ потомъ одинъ изъ новыхъ друзей, что когда онъ посѣтилъ въ 1901 году Японію, то въ гор. Нагасаки высказался ему одинъ изъ торговцевъ, что *онъ готовъ отдать правительству свою послѣднюю рубаху, если оно объявитъ войну Россіи*...

Это говорили въ гор. Нагасаки, гдѣ зарабатывали отъ русскихъ огромныя деньги. Тотчасъ послѣ начала войны почувствовали тамъ это всѣ. Тамъ же были первые безпорядки и возмущенія по поводу все возрастающихъ военныхъ налоговъ. Цѣлыя части города, существовавшія въ прежнее время всецѣло отъ щедротъ русскихъ, начали нуждаться и голодать, пока волна русскихъ плѣнныхъ снова не оживила ихъ торговлю, оставивъ тамъ проѣздомъ около 30 тыс. рублей.

**) За неготовностью порта Дальняго.

японца. Это у насъ принято, считается какъ-бы хорошимъ тономъ.—Такъ

Портъ-Артуръ. Старый городъ со стороны гарнизоннаго собранія.

отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ младшихъ сослуживцевъ, но уже изъ «старыхъ артурцевъ» на мой вопросъ, гдѣ онъ стрижется.

— При томъ у него все такъ опрятно; имѣется и индійскій комнатный вѣеръ (панка). Пока стрижетесь, васъ обвѣваетъ пріятная прохлада, — счелъ онъ нужнымъ добавить и, самъ того не сознавая, поразилъ меня въ «ахиллесову пяту».

Дѣло въ томъ, что меня, прожившаго послѣдніе годы только на сѣверѣ, замучила на первыхъ порахъ артурская жара—нигдѣ не найдешь прохлады, чтобы отдохнуть; потъ льетъ съ тебя градомъ и днемъ и ночью. Съ первыхъ же дней наступившей жары я мечталъ только объ одномъ, какъ-бы устроить себѣ искусственную прохладу.

Пріѣздъ военнаго министра генерала Куропаткина въ Артуръ; встрѣча его адмираломъ Алексѣевымъ.

Поэтому, не смотря на лакействующій «хорошій тонъ», я все же рѣшилъ пойти постричься у японца съ такой громкой вывѣской, лишь-бы разсмотрѣть устройство индійскаго комнатнаго вѣера.

Не знаю, почему,—быть можетъ чувствуя ко мнѣ инстинктивную антипатію,—японцы-парикмахеры приняли меня такъ нелюбезно, какъ будто они оказывали мнѣ великое одолженіе и будто совсѣмъ не въ ихъ интересахъ завлекать къ себѣ возможно больше публики.

А мнѣ говорили, что японцы очень галантны, предупредительны.

Такой пріемъ испортилъ у меня все настроеніе и я не только не разсматривалъ у нихъ устройство комнатнаго вѣера, но даже разъ на всегда оставилъ мысль устроить у себя что нибудь въ этомъ родѣ.

Такимъ же образомъ я былъ принятъ въ одномъ изъ многихъ здѣсь японскихъ магазиновъ и рѣшилъ не пользоваться, безъ крайней на то надобности, одолженіями славящихся вѣжливостью японцевъ. Только послѣ

начала войны я нашелъ разгадку своимъ, казалось, исключительнымъ неудачамъ въ сношеніяхъ съ этими сынами непріязненной намъ страны. Но, объ этомъ послѣ.

Вскорѣ предстоялъ пріѣздъ военнаго министра генерала Куропаткина, гостившаго въ Японіи. Всѣ штабы и прочія учрежденія старались, какъ обыкновенно, подобрать запущенія, чтобы, въ случаѣ посѣщенія министромъ, быть на высотѣ своего призванія. Работа кипѣла. И. д. коменданта крѣпости, генералъ Стессель, подтягивалъ гарнизонъ съ фронтовой стороны; маршировками, учебной стрѣльбой, мелкими маневрами и эволюціями, подтягивалъ до того усердно, что среди войскъ было нѣсколько смертей отъ солнечнаго удара. Этимъ путемъ погибъ, между прочимъ, весьма почтенный офицеръ крѣпостной артиллеріи, капитанъ Голубевъ.

Встрѣча министра городскимъ совѣтомъ, представителями отъ купечества, вольной пожарной дружины, японской колоніи и пр.

Жара стояла, по мнѣнію такого непривычнаго къ ней человѣка, какимъ былъ я, очень сильная; но мнѣ говорили, что бывало здѣсь и жарче.

Факты на лицо: здѣсь необходимо считаться съ солнечнымъ ударомъ, и головные уборы нашихъ войскъ — бѣлые чахлы — мало, чтобы не сказать—совсѣмъ не соотвѣтствуютъ этой цѣли.

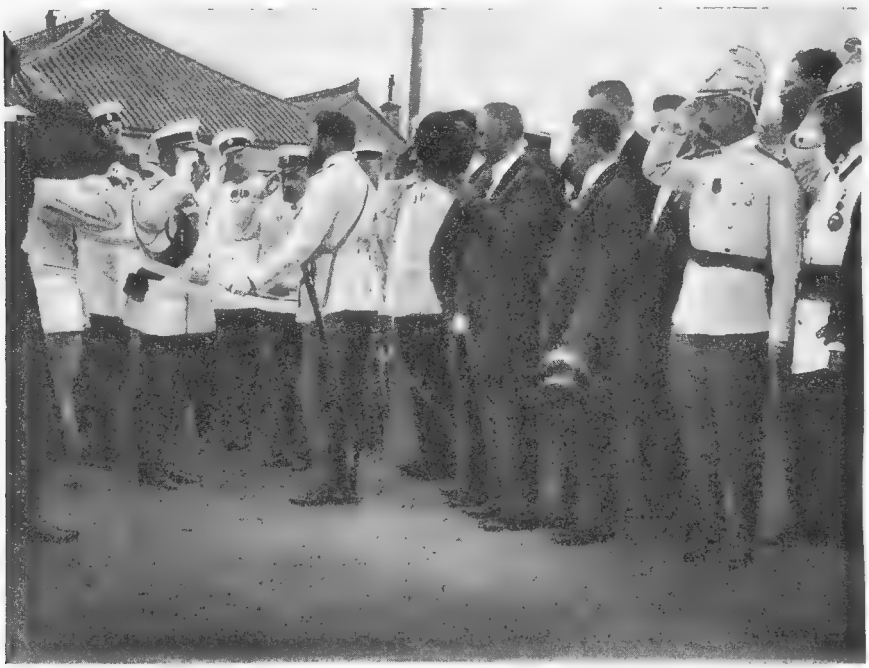
Пріѣздъ генерала Куропаткина затянулся; министръ, говорятъ, отдыхалъ въ мирномъ уголкѣ Японіи, на берегу моря, какъ-бы удалившись на время отъ всѣхъ работъ и заботъ.

Ходили слухи, что его пріѣздъ можетъ доставить кой-кому много непріятностей, такъ, какъ будто, по постройкѣ фортовъ и установкѣ орудій многое не въ должномъ совершенствѣ.

Такъ какъ генералъ просилъ приготовить ему поѣздъ, то полагали, что онъ не намѣренъ погостить въ городѣ, а остановится до отъѣзда своего въ поѣздѣ.

Все это повергло наши артурскія высшія сферы въ уныніе, чреватое опасеніями, будто передъ грозой. Единственнымъ утѣшеніемъ въ данныя, мрачныя минуты считали дружественныя отношенія министра къ помощнику главнаго начальника края, командующему сухопутными силами, генералъ-лейтенанту Волкову.

Къ пріѣзду министра, по мановенію свыше, городъ разукрасился флагами и все приготовлялось къ иллюминаціи. Положимъ, это дѣлалось съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ генерала Куропаткина не только уважали, но и любили всѣ русскіе люди, а тѣмъ болѣе военный элементъ, всегда доминирующій въ Артурѣ. Китайцы же всегда рады пріѣзду сановныхъ гостей и всякой церемоніи; тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, они на-



Предсѣдатель городского совѣта подполковникъ Вершининъ подноситъ министру хлѣбъ-соль.

дѣялись, что этотъ генералъ убережетъ ихъ отъ ненавистныхъ имъ японцевъ, вожделѣнія коихъ не были имъ чужды.

За нѣсколько дней до пріѣзда министра, возвратился въ Артуръ на экстренномъ поѣздѣ, статсъ-секретарь Безобразовъ, — будто по особому Высочайшему повелѣнію, отправился тотчасъ къ адмиралу Алексѣеву, и, какъ передаютъ, потребовалъ, чтобы тотчасъ разбудили отдыхающаго адмирала и, чтобы тотъ его немедленно принялъ.

Наконецъ дождались пріѣзда министра. Сойдя на берегъ и принявъ почетный караулъ, при представленіи генерала Стесселя, какъ и. д. коменданта крѣпости, министръ сразу высказалъ далеко не любезное пожеланіе, что-бы г.г. офицеры впредь не стрѣляли въ генерала Стесселя...

Дѣло въ томъ, что этой же весною поручикъ К., обиженный будто-бы генераломъ Стесселемъ и желая застрѣлить послѣдняго, во время встрѣчи адмирала Алексѣева, возвратившагося изъ Петербурга, ранилъ, по ошибкѣ, другого, ни въ чемъ неповиннаго офицера; этому будто помѣшала близорукость К. и излишне выпитое для храбрости. Поручика осудили за это покушеніе, кажется, въ каторжныя работы. Генералу Куропаткину должно быть были извѣстны отношенія генерала Стесселя къ офицерамъ, и то, что въ обращеніи съ солдатами онъ билъ на популярность, позволяя себѣ при этомъ дѣлать оскорбительныя замѣчанія по адресу офицеровъ, подрывая этимъ дисциплину и озлобляя послѣднихъ.

Значитъ — первый громъ грянулъ; ожидали еще и еще. Но, сверхъ ожиданія, министръ уѣхалъ къ адмиралу Алексѣеву и остановился у него;

Депутаціи отъ китайцевъ съ почетными знаменами въ ожиданіи министра.

въ поѣздѣ помѣстились лишь лица свиты. Быть можетъ были еще кой у кого, серьезныя непріятности, но чисто келейныя и не получившія огласки.

Кому охота похвастать полученной головомойкой?

Вмѣсто унынія наступило праздничное настроеніе. Вечерами великолѣпная иллюминація. Съ военныхъ судовъ свѣтили боевые фонари, играя снопами электрическаго свѣта, освѣщая то Перепелочную гору, то склоны другихъ скалъ; зрѣлище было величественное.

На слѣдующій день былъ парадъ войскамъ на казачьемъ плацу; министръ благодарилъ гарнизонъ именемъ Царя за молодцоватый видъ и выправку. Войска ликовали.

Потомъ торжественная закладка собора имени Св. Николая Чудотворца. Шпалеры войскъ съ музыкой; торжественный обѣдъ отъ города,

на которомъ генералъ высказалъ нѣсколько лестныхъ словъ по адресу адмирала Алексѣева и увѣренность въ расцвѣтѣ города подъ защитой неприступной твердыни... *).

Говорили, что при министрѣ будетъ изъ крѣпости учебная морская стрѣльба (которая меня очень интересовала); но дѣло обошлось, почему-то безъ нея.

Министръ, имѣвшій будто первоначально намѣреніе остаться въ Портъ-Артурѣ лишь нѣсколько дней, отложилъ свой отъѣздъ на двѣ недѣли.

Въ виду носившихся, такъ сказать, въ воздухѣ симптомовъ серьезныхъ осложненій по поводу предстоящаго договорнаго срока эвакуаціи нашими войсками Маньчжуріи, — грозящей подрывомъ нашихъ интересовъ, — должно было состояться совѣщаніе для разрѣшенія многихъ вопросовъ.

Кромѣ военнаго министра генерала Куропаткина и статсъ-секретаря Безобразова прибыли къ этому времени въ Артуръ: посланникъ въ Пекинѣ Лессаръ, посланникъ въ Сеулѣ Павловъ, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Вогакъ (бывшій военный агентъ въ Китаѣ) и военный агентъ въ Китаѣ ген.-маіоръ Десино. Всѣ эти лица собирались на совѣщанія у адмирала Алексѣева. Изъ мѣстныхъ властей иногда будто участвовалъ въ совѣщаніяхъ уполномоченный Краснаго Креста егермейстеръ Балашовъ **).

*) Положимъ, генералъ Куропаткинъ остался правымъ; со стороны тѣхъ твердынь (берегового фронта), на которыя министръ указалъ во время своей краткой рѣчи, городу не нанесенъ и по нынѣ какой-либо ущербъ; городъ разстрѣливали японцы съ другого фронта; и въ позорной капитуляціи крѣпости не участвовалъ адмиралъ Алексѣевъ.

**) Роль И. П. Балашова, какъ завѣдывающаго дѣлами лѣсопромышленнаго товарищества на Ялу, на этихъ совѣщаніяхъ мнѣ точно неизвѣстна. Во всякомъ случаѣ нареканія на него, будто онъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ, такъ сказать, накликавшихъ на Россію эту несчастную войну, — кажутся мнѣ даже смѣшными. Далѣе выскажусь о причинахъ войны подробнѣе и постараюсь указать лѣснымъ концессіямъ подобающее имъ среди этихъ причинъ мѣсто. Знаю, во первыхъ, что И. П. Балашовъ очень тяготился возложенной на него должностью по лѣсопромышленному товариществу и, во вторыхъ, никто, кто ознакомился во время войны съ этой почтенной личностью, какъ къ завѣдывающимъ Квантунскимъ отдѣленіемъ Краснаго Креста, не можетъ допустить и мысли о томъ, что-бы онъ могъ преслѣдовать свои личныя выгоды и проявлять алчность наживы во что-бы то ни стало. Мы узнали въ немъ рѣдко гуманнаго человѣка, служившаго всю жизнь идеѣ Краснаго Креста съ любовью, побывавшаго съ Краснымъ Крестомъ уже въ нѣсколькихъ войнахъ, тратившаго много личныхъ средствъ на постройку новаго зданія Маріинской общины въ Артурѣ и вообще на всѣ нужды этого своего дѣтища. Мы, конечно, видимъ въ немъ стараго, иногда оригинальнаго (не любимаго за его прямоту и рѣзкость) барина — но въ общемъ истинно русскаго человѣка и пылкаго патріота, болѣвшаго наравнѣ съ другими душою при видѣ наносимыхъ Россіи ударовъ, при видѣ страданія людей. Никто не видалъ въ немъ человѣка съ коммерческими, стяжательными наклонностями. Одно ставили ему въ вину — это то, что онъ одно время дружилъ съ генераломъ Стесселемъ. Но и въ этомъ онъ сильно раскаивался послѣ позорной сдачи крѣпости; онъ ошибся, былъ введенъ въ заблужденіе. По глубокому моему убѣжденію упреки, высказанные нѣкоторыми газетами по его адресу, несправедливы, совершенно неосновательны. Балашовъ — идеалистъ, къ сожалѣнію, вымирающаго типа.

Вопросы обсуждавшіеся и резолюціи принятыя этими совѣщаніями остались для насъ пока тайною.

Японская, англійская, американская и даже нѣмецкая пресса на Дальнемъ Востокѣ муссировала, якобы угрозу со стороны русской «наступательной» политики миру—разжигала страсти, не стѣсняясь всевозможными выдумками, намеками.

Тотчасъ послѣ отъѣзда генерала Куропаткина были подтянуты нѣкоторыя части войскъ съ сѣвера въ Таліенванъ.

Въ газетѣ «Новый Край», въ этомъ до нѣкоторой степени политическомъ барометрѣ крайняго востока, послышалось бряцаніе оружіемъ—давались на столько подробныя свѣдѣнія о прибывающихъ съ сѣвера

Портъ-Артурская вольная пожарная дружина.

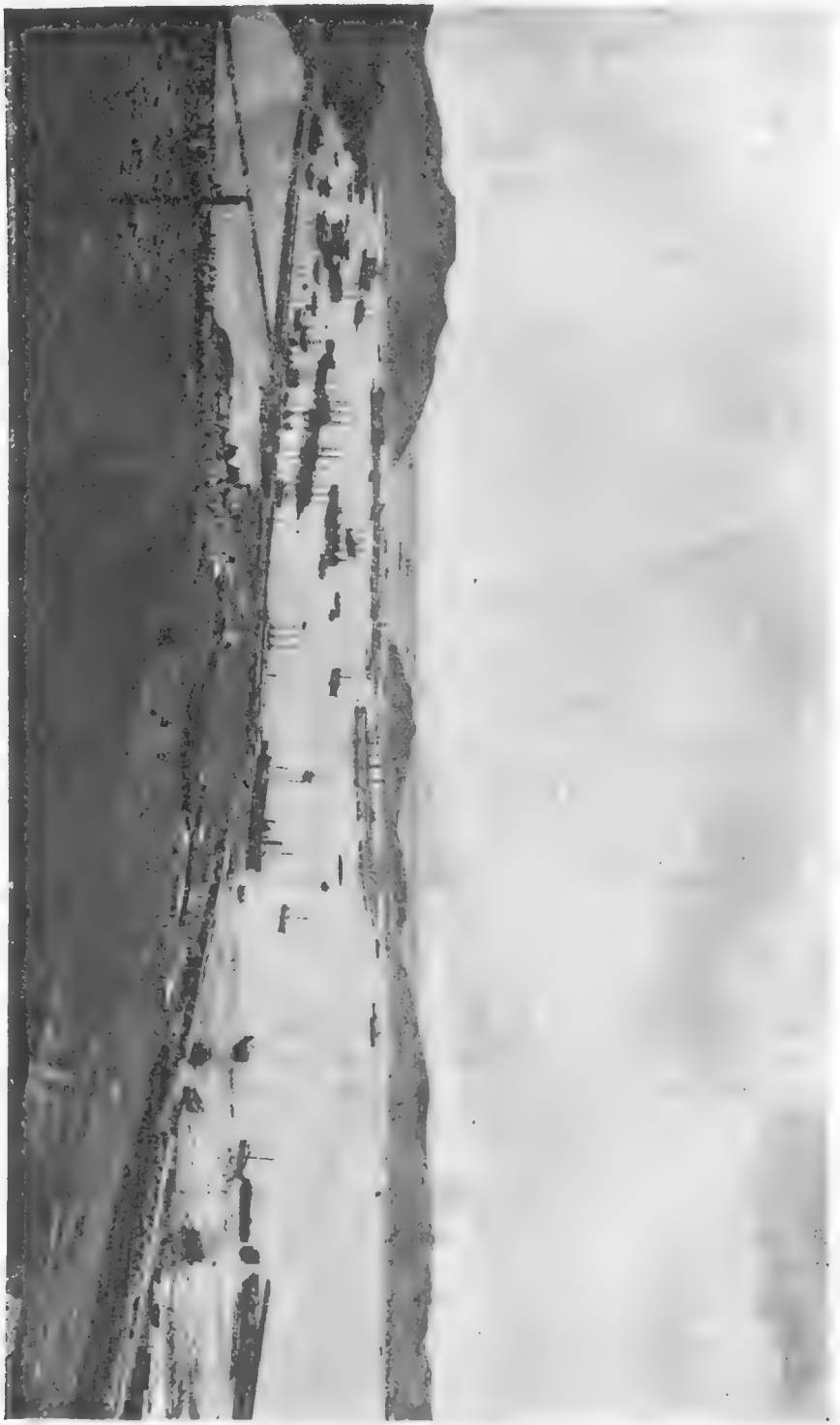
войсковыхъ частяхъ и провіантскихъ грузахъ, что трудно было понять, какая именно масса того и другого прибывала на Квантунъ.

Въ Читу была пододвинута одна дивизія, предназначенная къ дальнѣйшему передвиженію въ Маньчжурію въ то время, какъ истекалъ договорный срокъ эвакуаціи страны.

Добыть точныя свѣдѣнія о томъ, сколько у насъ военныхъ силъ по всей Маньчжуріи и на Ляодунѣ, для успокоенія моихъ внутреннихъ сомнѣній, не было возможности, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ неблаговидныхъ намѣреніяхъ; да и собственная работа, которой я былъ буквально заваленъ, не давала возможности увлекаться посторонними вопросами изъ любопытства, хотя бы возбуждаемаго чисто патріотическими чувствами.

Въ Портъ-Артурѣ не существовало жандармеріи, о которой я читалъ въ какой-то газетѣ. Какъ мнѣ передавали, казаки, составляющіе почетную

охрану главнаго начальника, исполняютъ и обязанности жандармовъ. Ихъ дѣятельности на этомъ поприщѣ, ни по отношенію къ русскимъ, ни по



Видъ на гавань и рейдъ Портъ-Артура съ Соборной горы.

Шпалеры войскъ въ ожиданіи проѣзда военнаго министра къ мѣсту закладки собора.

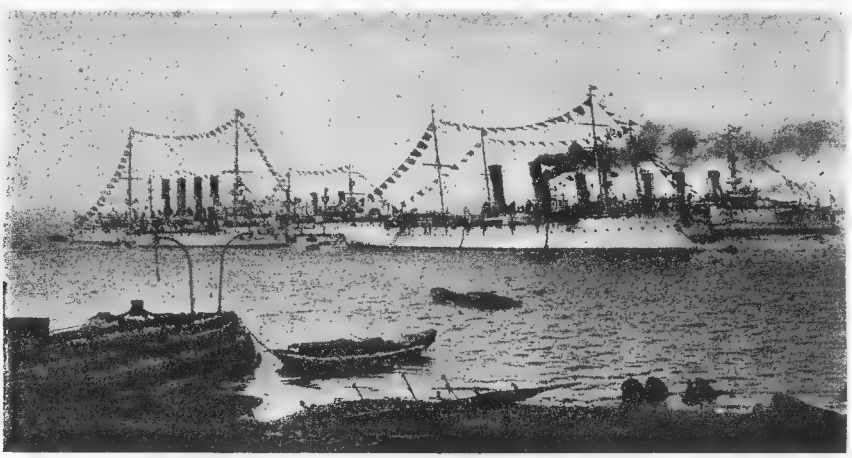
отношению враждебныхъ къ намъ иностранцамъ, особенно японцамъ, я ничуть не замѣчалъ.

Видъ на западную часть Портъ-Артурской бухты, на Суворовскую батарею, Лаотешанъ и часть нового города съ Соборной горы. Тѣ-же шпалеры войскъ.

Дѣло въ томъ, что я все еще предполагалъ, что въ Артурѣ должна существовать тайная, антишпіонская полиція; но, какъ потомъ оказалось, здѣсь и помину не было чего либо подобнаго.

Довольно скоро послѣ прибытія г. Безобразова въ Петербургъ послѣдовало назначеніе адмирала Алексѣева намѣстникомъ всего Дальняго Востока, т. е. района до озера Байкала и границъ Якутской области. Новая торжественная, хотя и неудачная, встрѣча при возвращеніи его изъ Владивостока и иллюминація; ненастная погода помѣшала этому празднеству.

Начались совѣщанія по устройству управленія намѣстничествомъ. Нужно-же было объединить управленіе краемъ во избѣжаніе ненужныхъ преній, препирательствъ разныхъ вѣдомствъ.



Наши военныя суда въ западномъ бассейнѣ Портъ-Артура. Слѣва впереди крейсеръ «Варягъ»; за нимъ броненосецъ «Полтава»; вправо впереди минные транспорты «Енисей» и «Амуръ»; за ними броненосецъ «Побѣда».

Нельзя не отмѣтить, что какъ только получилось извѣстіе о новомъ назначеніи адмирала, пріамурскій генералъ-губернаторъ генералъ-лейтенантъ Д. И. Суботичъ попросилъ объ увольненіи его отъ занимаемой имъ должности и отказался встрѣтить намѣстника во Владивостокѣ. Между нимъ, какъ предшественникомъ адмирала по управленію Квантунской областью и новымъ намѣстникомъ, будто было какое-то крупное недовольство. Кромѣ того назначеніемъ намѣстника былъ положенъ конецъ самостоятельному Пріамурскому генералъ-губернаторству; оно должно было стать лишь составной частью намѣстничества и этимъ уже потеряло все, изъ за чего оно боролось съ новыми, болѣе южными нашими владѣніями, какъ съ ненавистной во всемъ соперницею.

Учрежденіе намѣстничества выставлялось колоніальной прессою также мѣрой, угрожающей яко-бы миру на Дальнемъ Востокѣ. Все это истолковывалось, яко-бы направленнымъ противъ интересовъ — жизненныхъ интересовъ Японіи, и что Японія навѣрно этого не потерпитъ... Въ самой Японіи разжигались страсти противъ Россіи большинствомъ низшей прессы,

агитаціей противорусской лиги «Тайро-доши-кай», выступившими особо семью профессорами и пр. Поэтому травля колоніальной прессы находила благодарную почву и она старалась использовать ее.

Между прочимъ, я убѣжденъ, что подготовленія къ открытію въ гор. Дальнемъ нашей таможни возмущали японцевъ больше, чѣмъ наши лѣсныя концессіи на Ялу. О послѣднихъ лишь переливалось въ прессѣ многое изъ пустого въ порожнее.

То что Россія, потратившая на Маньчжурію милліоны *), превратившая это, до того недоступное, царство хунхузовъ въ цвѣтущую страну, открыв-

Русское печатное слово на крайнемъ востокѣ. Книжный магазинъ, редакція и типографія газеты «Новый Край».

шая ее для мировой торговли (которая увеличивалась съ поразительной быстротой),—стала заботиться о нѣкоторомъ возвратѣ затратъ посредствомъ таможни; это возмутило всѣхъ «защитниковъ свободы», какими себя выставляли англійскіе и американскіе агитаторы.

Вездѣсущіе японскіе агенты слѣдили за каждымъ шагомъ нашаго правительства и въ Токіо прекрасно знали обо всемъ тотчасъ-же. Въ то же время мы знали лишь то, что Японія усиленно готовится къ войнѣ, но вѣрили, что дѣло уладится дипломатическимъ путемъ—взаимными уступками,—ибо ясно было видно, что иностранная травля имѣла цѣлью обоюдное кровопусканіе между Россіей и Японіей, чтобы извлечь изъ этого свои выгоды.

*) Не подлежитъ сомнѣнію, что другія страны, затратили бы эти же милліоны много производительнѣе, — что при нашей старой, безконтрольной системѣ много денегъ утекло въ карманы хищниковъ.

Не бросать же было тогда Россіи, отъ испуга предъ газетной травлей, всего, что стоило много лѣтъ труда и уйму средствъ, для того, чтобы только умолкли беззастѣнчивые колоніальные публицисты!

Между тѣмъ приблизился срокъ договорной окончательной эвакуаціи Маньчжуріи (8 окт. н. ст.). Въ «Новомъ Краѣ» появилась передовица, заявляющая, что и послѣ этого срока будетъ сохранено существующее въ Маньчжуріи status quo.

Интересенъ маленькій дипломатическій инцидентъ по поводу этой статьи, про который я узналъ изъ окружающей адмирала сферы.

По порученію ли японскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, или же по собственному почину, одинъ изъ ближайшихъ японскихъ консуловъ

Наборная газеты «Новый Край».

обратился будто-бы къ намѣстнику съ запросомъ, какъ слѣдуетъ понимать статью «Новаго Края» о сохраненіи и впредь существующаго въ Маньчжуріи status quo.

На это дипломатическая канцелярія при намѣстникѣ выразила лишь свое удивленіе, что почтенный консулъ нашелъ нужнымъ обратиться съ запросомъ къ намѣстнику по поводу того, что пишется въ *частной* газетѣ...

Дѣло въ томъ, что «Новый Край» считали чуть-ли не всюду оффиціальнымъ изданіемъ.

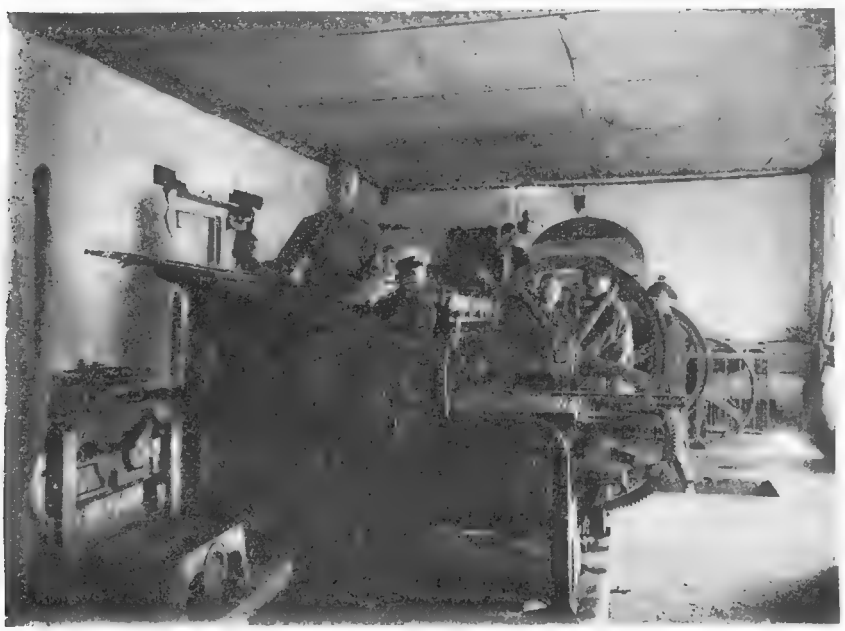
Не малымъ сюрпризомъ для насъ выплылъ вдругъ заключенный Японіей и Соединенными Штатами договоръ съ Китаемъ о томъ, что эти государства имѣютъ право пріобрѣсть сетльменты и учредить консульства въ Мукденѣ и Андунѣ... Этотъ договоръ былъ заключенъ съ соблюденіемъ такой тайны, что нашей дипломатіи пришлось только считаться съ совершившимся уже фактомъ.

Въ тоже время колоніальная пресса извѣщала о томъ, что Китай открываетъ еще такіе-то порты для міровой торговли...

Тогда-же искалъ, но не могъ найти ни на одной картѣ эти порты—и до сей поры не слыхалъ объ нихъ ни полуслова болѣе...

Около этого же времени посѣщали иностранные высшіе морскіе офицеры на своихъ военныхъ судахъ Портъ-Артуръ, для поздравленія адмирала съ высокимъ назначеніемъ. Гостей принимали съ чисто русскимъ хлѣбосольствомъ и сердечностью. Но когда прибывшій въ это время, съ подобной же цѣлью въ Дальній, японскій адмиралъ будто спросилъ позволенія прибыть на рейдъ Артура на своемъ суднѣ, ему отказали.

Эти частичныя, мелкія обиды, конечно, не могли имѣть большого вліяния на важныя политическія событія. И адмиралъ Алексѣевъ едва ли былъ вправѣ поступить иначе, ввиду натянутыхъ съ Японіей отношеній.



Машинное отдѣленіе тип. «Новаго Края».

«Новый Край» продолжалъ увѣрять, что наше положеніе въ Маньчжуріи, опираясь на *солидную* военную силу, непоколебимо; но въ то же время высказывалъ, что если наши постоянныя военныя силы на Дальнемъ Востокѣ будутъ доведены численностью до 300,000, и усиленъ составъ боевыхъ судовъ, то, само собой разумѣется, миръ будетъ сохраненъ.

Но, этого упорно не хотѣли понять въ Петербургѣ. На это жаловался и адмиралъ Алексѣевъ своимъ ближайшимъ окружающимъ; говорили, что его категорическія заявленія о необходимости усиленія военныхъ силъ, оставлялись тамъ безъ вниманія.

Говорили, что будто всѣ враги адмирала въ Петербургѣ тормозили его ходатайства.

Очень жаль, если въ этомъ есть хотя-бы капля правды—если на самомъ дѣлѣ у насъ личные разсчеты могутъ быть ведены на счетъ интересовъ цѣлаго государства и его народовъ.

Во всякомъ случаѣ несвоевременное усиленіе военныхъ силъ на дальнемъ востокѣ привело насъ къ очень печальнымъ, если не сказать ужаснымъ результатамъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше чувствовалось, что не миновать намъ грозы — кровопролитной войны, что война эта совсѣмъ не за горами. Многіе, конечно, увѣряли, что Японія не осмѣлится мѣряться силами съ такимъ великаномъ, какимъ является, въ сравненіи съ нею, Россія. Трактовали также о томъ, что пока мы здѣсь имѣемъ сильный флотъ, можно совсѣмъ недопустить высадки Японцевъ на материкъ; объясняли какую огромную

Японскіе (современные) снаряды разныхъ калибровъ, китайскія круглыя бомбы, крышки подводныхъ минъ и пр. со времени японско-китайской войны, добытыя землечерпалками при очищеніи Дальнинской бухты.

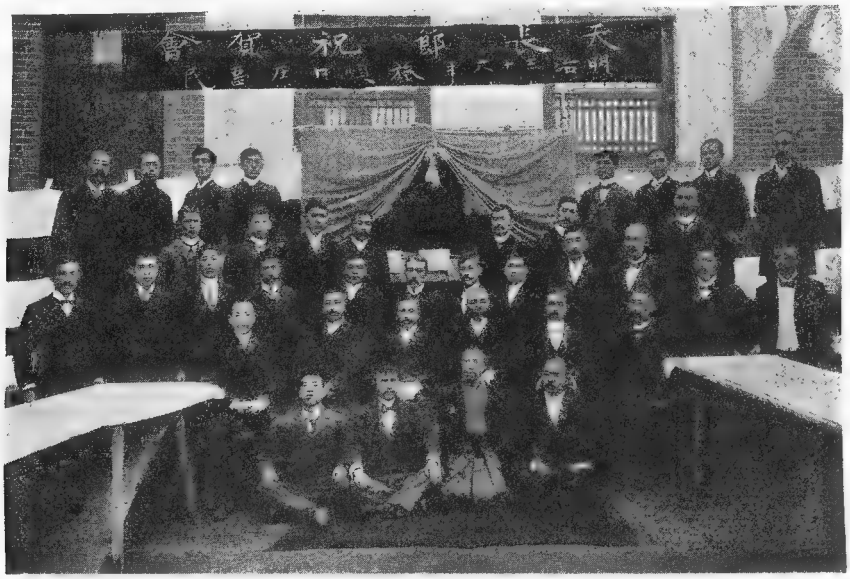
силу представляютъ изъ себя эти плавучія крѣпости, — сколь страшны они тѣмъ, что они могутъ передвинуться именно туда, куда это нужно. Но увѣряли, что во всякомъ случаѣ раньше весны не можетъ быть и разговоровъ о войнѣ.

При томъ, все еще допускали, что начатые съ Японіей дипломатическіе переговоры могутъ, при нѣкоторой уступчивости съ обѣихъ сторонъ, закончиться даже болѣе упроченнымъ миромъ.

Не можемъ обойти молчаніемъ и послѣдніе до войны осенніе маневры нашей Тихоокеанской эскадры и сухопутныхъ силъ, въ тѣхъ чертахъ, которыя особенно бросились намъ въ глаза. Какъ извѣстно, японскія морскія и сухопутныя силы были заняты чуть ли не цѣлый 1903 годъ серьезными маневрами, при которыхъ далеко не всегда и вездѣ было дозволено присутствовать иностраннымъ военнымъ агентамъ и спеціально на то командиро-

ваннымъ офицерамъ. Мы узнавали объ этихъ маневрахъ по газетнымъ и другимъ сообщеніямъ.

Наконецъ начались и наши маневры, сперва морскіе, которые производились, преимущественно, гдѣ-то около Таліенвана и какъ они прошли, этого мы не видѣли. Знали мы только, что по ночамъ стерегли входъ въ Артурскую гавань два или три миноносца, чтобы «непріятель» (Владивостокская эскадра, усиленная нѣсколькими судами изъ базирующихъ въ Артурѣ главныхъ морскихъ силъ) не проникъ внутрь ея. Часть входа въ гавань была затянута бономъ — сцѣпленными параллельно бревнами, концы которыхъ заострены и окованы желѣзомъ. Мнѣ, какъ совершенному профану въ военно-морскомъ дѣлѣ, было совсѣмъ непонятно, какъ можетъ такой бонъ удержать непріятельское судно, если бы ему вздумалось форсировать



Японскіе офицеры и чиновники, проживавшіе до войны въ Портъ-Артурѣ и городѣ Дальнемъ подъ видомъ купцовъ, парикмахеровъ и пр.

гавань. Напрасно ломалъ я объ этомъ свою голову. Развѣ,—думалъ я,—бревны эти замѣняются страшными плавучими минами, дотронувшись до которыхъ любой исполинъ-броненосецъ долженъ пойти ко дну; или тутъ что-нибудь другое въ такомъ же родѣ... Опять же не могъ я себѣ уяснить, почему непріятельское судно, добравшись до бона (который былъ поставленъ даже не въ самомъ узкомъ мѣстѣ входа, а ближе къ самой гавани) должно было прорываться дальше, когда оно могло отсюда прекрасно разстрѣливать всѣ суда, находящіяся во всей гавани и въ восточномъ бассейнѣ, а также удобно превратить весь городъ, расположенный вокругъ гавани, въ развалины. Впрочемъ, тутъ по одной сторонѣ стояли двѣ полубатареи скорострѣльныхъ пушекъ 57-милиметр. калибра, а по другой, въ загибѣ Тигроваго хвоста (врѣзающагося въ гавань узкаго продолженія Тигроваго полуострова), виднѣлись какіе-то бруствера съ болѣе крупными пушками. Видимо эти то

пушки должны были окончательно изрѣшетить и потопить прорывающееся

Парадъ портъ-артурскому гарнизону на Казачьемъ плацу, послѣ осеннихъ маневровъ.
Намѣстникъ пропускаетъ войска церемоніальнымъ маршемъ.

непріятельское судно... Но, въ такомъ случаѣ оно должно загородить своимъ корпусомъ чуть не весь входъ въ гавань!..

Такъ путались мои мысли въ разгадкѣ военно-морскихъ тайнъ. Мнѣ

Казачій плацъ и выстроенныя къ парадѣ войска со стороны арсенала. Влѣво кладбищенская гора; вправо Панлуншань, на лѣвомъ флангѣ крѣпости.

казалось, что маневры эти, по крайней мѣрѣ, что касается защиты гавани, слишкомъ отдаютъ добродушной опереттой.

Теперь же имѣю полное право сказать, что это была недостойная кукольная комедія. Когда началась война, бона этого не было ни здѣсь, ни на другомъ мѣстѣ; а послѣ, при испытаніи его способности удержать судно (когда послѣ первыхъ японскихъ брандеровъ-заградителей рѣшено было искусственное загражденіе входа въ гавань), онъ не выдержалъ серьезной критики—простое паровое судно прорвало бонъ*), при среднемъ ходѣ, пополамъ. Оберегающія входъ батареи были вскорѣ убраны, какъ совершенно безполезныя на этихъ мѣстахъ.

Какъ-то утромъ рано разбудилъ насъ грохотъ крупныхъ орудій. Наскоро одѣвшись я вышелъ на улицу узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что крѣпость отражаетъ «непріятельскія» суда, показавшіяся въ бухтѣ Луизы. Съ большимъ интересомъ наблюдалъ я, какъ на большой и малой мортирныхъ батареяхъ Золотой горы подымались жерла орудій, выбрасывали густые клубы дыма, раздавался оглушительный раскатъ и орудіе вновь скрывалось за брустверомъ.

Стрѣляли не долго. Непріятель считался отраженнымъ, какъ передавали мнѣ люди болѣе освѣдомленные.

И это было ни что иное, какъ кукольная комедія. Впослѣдствіи, во время осады, часто дѣйствительныя непріятельскія суда приходили въ бухту Луизы, а съ Золотой горы даже не думали открывать по нимъ огонь, такъ какъ разстояніе до этой бухты было слишкомъ большое, чтобы хотя одинъ снарядъ могъ долетѣть до берега, не то, чтобы поразить непріятеля на водѣ.

Одинъ изъ офицеровъ съ миноносца, сторожившаго въ то время входъ въ гавань, сознался мнѣ, что они разъ чуть не проспали «непріятеля», старавшагося пробраться въ гавань. И тогда я повѣрилъ ему, а сейчасъ не имѣю уже ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ говорилъ чистѣйшую и вполнѣ характерную правду.

Что касается сухопутныхъ маневровъ, они заключались въ слѣдующемъ: войска, находившіяся въ Таліенванѣ и Дальнемъ (позднѣе развернутыя въ 4-дивизію), наступали подъ командой генералъ-маіора Фока, а гарнизонъ, подъ руководствомъ и. д. коменданта генералъ-лейтенанта Стесселя, защищалъ крѣпость. Генералъ Фокъ предпринялъ диверсію и — занялъ казачій плацъ безъ выстрѣла, то-есть, завладѣлъ крѣпостью, какъ будто пришелъ въ гости. Генералу Стесселю доносили его передовые посты и развѣдочные отряды, что «непріятель» двигается сюда, т. е. по большой Мандаринской дорогѣ, а тамъ, гдѣ его ожидаетъ генералъ Стессель, движутся только обозы, для отвода глазъ, — но онъ не повѣрилъ. Посланная имъ всетаки для защиты Казачьяго плаца артиллерія была расположена такъ, что не только не могла отразить непріятеля, но и не видала, какъ онъ явился уже въ тылу ея. Этимъ, конечно, закончились маневры.

Бывшій при этомъ намѣстникъ обратился къ своему начальнику штаба, генералъ-маіору Флугу, съ ироническимъ вопросомъ:

*) Боны эти были доставлены въ 1901 году изъ Таку, какъ военные трофеи, да и тогда они были уже полугнилые. Боны эти могли, конечно, задержать любую китайскую джонку...

— А что, Василій Егоровичъ, если-бы на самомъ дѣлѣ такъ случилось?... Теперь, конечно, имѣемъ полную возможность утверждать, что если

Парадъ на Казачьемъ плацу. За плацомъ, въ срединѣ арсеналъ; вправо, у подножія послѣдняго уступа Перепелочной горы велосипедный трэкъ; вдали горы праваго фланга крѣпости; особенно выступаетъ Большая гора.

на самомъ дѣлѣ паденіе Артура произошло *не такъ*, то въ этомъ, ни въ коемъ случаѣ, нельзя обвинять генерала Стесселя...

Въ заключеніи маневровъ состоялся, конечно, парадъ, завтракъ у намѣстника для высшихъ и угощеніе между собой прочихъ офицеровъ, и побѣдителей и побѣжденныхъ, причемъ, разумѣется, не было недостатка въ тостахъ и спичахъ. Послѣ того наступилъ зимній отдыхъ.

На парадъ, состоявшійся на Казачьемъ плацу, я немного опоздалъ. По дорогѣ встрѣчаю возвращающагося оттуда японца съ... фотографическимъ аппаратомъ; далѣе двухъ японцевъ—интеллигентовъ, на лицахъ которыхъ играла нескрываемо презрительная улыбка; они бесѣдовали между собой оживленно. Въ толпѣ публики всѣхъ націй около самаго парада я замѣтилъ еще много японцевъ. Можно быть увѣреннымъ, что они также прослѣдили весь ходъ маневровъ.

Это опять таки покоробило меня, но, поглядѣвъ на нашъ бравый гарнизонъ во время церемоніальнаго марша, я снова успокоился.

Объ этомъ парадѣ сообщали міру, что будто на немъ участвовало 40.000 войскъ; на самомъ же дѣлѣ было тутъ всего около 14 тысячъ.

Но время было такое, что требовалось бряцать оружіемъ,—чтобы отдалить катастрофу. На сколько это удалось—вопросъ другой.

Кстати долженъ замѣтить, что въ это время генералъ-маіоръ Фокъ сталъ героемъ дня. О немъ разсказывали, что это чудный генералъ — напримѣръ, въ турецкую кампанію онъ будто, еще въ чинѣ капитана, разъ какъ-то велѣлъ связать нерѣшительнаго своего начальника, командира батальона, повелъ батальонъ въ атаку и взялъ турецкую позицію, за что награжденъ Георгіевскимъ крестомъ. Раненъ въ ту же кампанію въ голову; но это-де не мѣшаетъ ему быть по прежнему героемъ.

Такимъ онъ слылъ вплоть до Киньчжоускаго боя. Всѣ ожидали отъ него прямо чудесъ *).

Переговоры съ Японіей тянулись; требованія Японіи стали частью извѣстны; также обсуждались отвѣты Россіи и предполагаемыя уступки съ той и съ другой стороны. Большинство увѣряло, что дѣло обойдется безъ нарушенія мира. Та часть военныхъ, на долю которыхъ выпали дешевые лавры Китайскаго похода 1900 года высказывалась довольно открыто за войну. Усиленный окладъ военнаго времени—тоже искушеніе не малое.

Въ одно прекрасное утро наша эскадра начала окрашиваться въ темный, боевой цвѣтъ; снимался весь излишній такелажъ и прочее, безъ чего можно было обойтись; принимали всѣ необходимые запасы въ кратчайшій срокъ, чтобы, — какъ говорили, — по данному сигналу выйти въ море.

Желаешь мира, готовься къ войнѣ...

Это были громкія фразы, которыя мало кого утѣшали. Мрачный видъ недавнихъ бѣлыхъ красавцевъ прямо угнеталъ. Нѣкоторые крейсера 2-го класса стараго типа, какъ «Разбойникъ» и «Джигитъ», получили, по снятію рангоута, очень жалкій видъ; они не внушали никакого довѣрія въ свою боевую силу; и походили на ощипанныхъ воронъ.

*) Впослѣдствіи оказалось, что планъ маневра на Портъ-Артуръ былъ составленъ и выполненъ однимъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба — подполковникомъ Мандрыкой, потомъ куда-то переведеннымъ; а ген. Фокъ тутъ былъ не при чемъ.

Тутъ же стало извѣстно, что при быстрой сдачѣ на берегъ всей ненужной мебели и пріемкѣ запасовъ была масса злоупотребленій; наживались поставщики и содержатели разныхъ отраслей судового хозяйства и береговыхъ, портовыхъ складовъ. Контроль былъ совершенно невозможенъ.

И въ мирное время не обходилось безъ этого. Нѣкоторые содержатели судовыхъ частей хвастались, подъ пьяную руку, что имъ ничего не стоитъ выдать, напримѣръ, росписку въ полученіи нѣсколькихъ сотъ тоннъ угля, принять на дѣлѣ всего одну сотню тоннъ и получить остальное деньгами; то же относительно качества угля. При этомъ они называли имена тѣхъ изъ начальствующихъ, съ кѣмъ приходилось дѣлиться добычей.

Такъ готовились мы отстоять миръ и—честь родины.

Въ декабрѣ стало извѣстно, что намѣстникъ собирается уѣхать въ Петербургъ, какъ только переговоры съ японцами будутъ благополучно закончены. Поѣздъ стоялъ уже на готовѣ.

Многіе уѣзжали въ отпускъ, отдохнуть, полѣчиться.

Прошло Рождество и новый годъ. Отъѣздъ намѣстника все еще откладывался.

Иногда маршировали по городу отряды гарнизона въ зимней походной одеждѣ, полушубкахъ; иногда въ полной боевой амуниціи. Все это были прогулки *).

Наконецъ, въ началѣ января стали уходить части нашихъ войскъ **) куда-то на сѣверъ; прогрохотала на вокзалъ и вся наша полевая артиллерія ***). Но все это не особенно тревожило насъ.

Всякій сознавалъ, что время настало критическое; но всякій также еще надѣялся на мирное улаженіе дѣла.

А если дѣло дойдетъ до войны, то не раньше весны...

Нѣсколько разъ, во время раннихъ утреннихъ прогулокъ, когда улицы еще пустынны и кромѣ китайцевъ-караульныхъ, подметающихъ свой участокъ улицы ни кого не встрѣтишь,—мнѣ попадались на встрѣчу спѣшившіе по направленію къ гавани отдѣльные японцы-интеллигенты.

Но и это меня не особенно безпокоило; я былъ все еще увѣренъ, что въ такое тревожное время бдительность наша, навѣрное, на должной своей высотѣ.

Встрѣтивъ какъ-то предъ самымъ началомъ войны въ домѣ общихъ знакомыхъ одного изъ морскихъ штабъ-офицеровъ, изъ числа командующихъ миноносцами, я поинтересовался — оберегается ли входъ въ гавань миноносцами и освѣщаетъ ли хотя-бы дежурное судно горизонтъ боевымъ фонаремъ. Почтенный капитанъ отвѣтилъ мнѣ, что все это дѣлается въ должномъ порядкѣ.—Это успокаивало все возникающія у меня новыя сомнѣнія.

*) Въ концѣ декабря (увы, только въ концѣ декабря) была предпринята рекогносцировка на р. Ялу, для выбора путей сообщенія на случай войны.

**) 9-й, частью 10-й, 11-й и 12-й стрѣлковые полки—3-я В.-С. стр. бригада; въ полку было около 2000 человѣкъ и при 9-мъ полку 1 пулеметная рота—8 пулеметовъ.

***) Вост.-Сиб. артиллерійскій дивизіонъ—3 батареи - 24 орудія.

Съ другой стороны передавали мнѣ уже давно, что наши крейсера предпринимаютъ по ночамъ таинственные и весьма рискованные рекогносцировочные рейсы *).

Наконецъ японцы начали ликвидировать свои дѣла и оставлять городъ. И это объяснялось только желаніемъ японскаго правительства произвести нѣкоторое давленіе на русскія дипломатическія сферы.

26 января (8 февраля н. ст.) пріѣхалъ въ Портъ-Артуръ японскій консулъ изъ Чифу, просилъ намѣстника оказать, въ случаѣ осложненій, покровительсто японскимъ подданнымъ, что и было ему обѣщано. Въ честь гостя былъ данъ богатый обѣдъ и онъ уѣхалъ въ тотъ-же вечеръ, провожаемый дружественными рукопожатіями довольныхъ всякому гостю русскихъ людей. И этотъ пріѣздъ считался только мѣрой на всякій случай; да и этотъ «всякій случай» не принимали въ серіозъ.

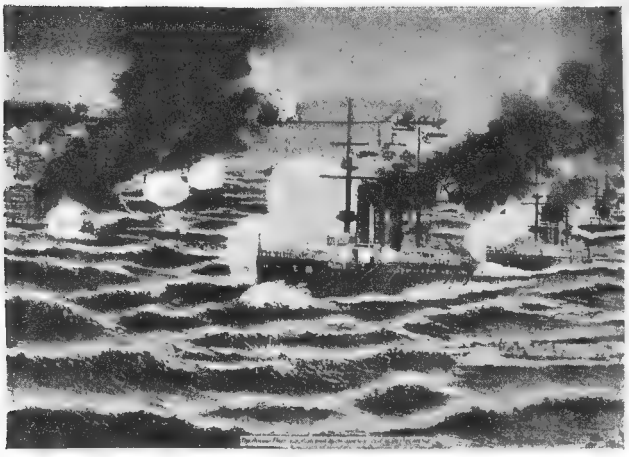
Было нѣсколько случаевъ, что власти стали разыскивать внезапно исчезнувшихъ японцевъ. Но и это не тревожило никого.

Городъ жилъ и въ этотъ вечеръ обычной своей, разгульной жизнію и легъ спать со спокойной совѣстью.

Вѣдь, война еще не была объявлена, какъ это принято вѣковыми обычаями культурнаго запада.

Бесѣдка въ саду Пушкинской школы.

*) Рекомендуемъ прочесть брошюру: «Акацуки» передъ Портъ-Артуромъ. Изд. Ѳ. И. Булгакова, Спб., 1905 г., цѣна 15 коп.—Оказывается, что японцы уже давно рейсировали въ водахъ Артура, а мы не имѣли о томъ ни малѣйшихъ свѣдѣній.



Японское изображеніе первой бомбардировки Портъ-Артура.

2. Начало войны.

I. Боевое крещеніе флота и крѣпости.

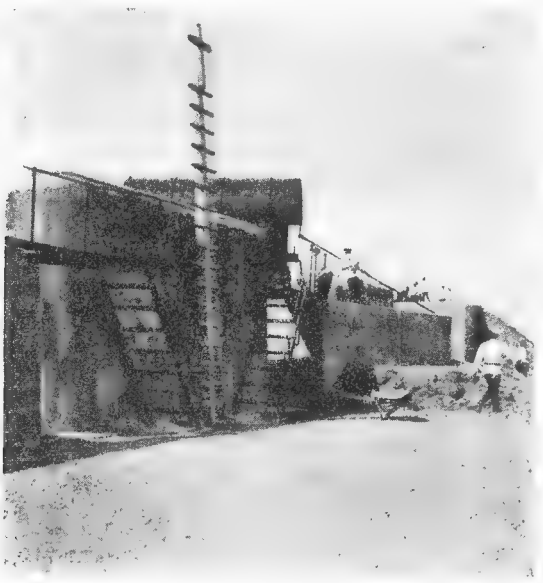
26 января (8 февраля). Сколько помнится, утромъ мнѣ сообщили, что получена депеша о разрывѣ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Японіей. Это извѣстіе встревожило меня довольно сильно; но такъ какъ текста депеши я не видѣлъ, а своей работы и заботъ было у меня въ это время, такъ сказать, по горло, я вскорѣ успокоилъ себя тѣмъ, что не всякій разрывъ дипломатическихъ сношеній влечетъ за собой войну. И даже въ послѣдніе годы было тому нѣсколько примѣровъ. Полагалъ я, что это еще одна изъ попытокъ со стороны Японіи принудить Россію къ большей уступчивости.

Вечеромъ китайцы начали праздновать свой новый годъ. Трескотокъ сжигаемаго фейерверка, среди котораго разрывались болѣе крупныя хлопушки, раздавался по всему Артуру и окружнымъ селеніямъ — казалось началась война—будто идетъ повсемѣстный штурмъ. Нашего брата—европейца всегда раздражаетъ эта нескончаемая пальба *).

*) На слѣдующее утро разсказывали, будто подъ этотъ шумъ взорваны нѣкоторые телеграфные столбы. Слухъ этотъ не удалось провѣрить. Во всякомъ случаѣ японцы могли имѣть въ виду и китайскій новый годъ, чтобы имъ замаскировать начало военныхъ дѣйствій — начало борьбы съ «бѣлыми чертями» въ то время, когда весь китайскій народъ занятъ изгнаніемъ злыхъ духовъ изъ своихъ жилищъ. (Позднѣе китайцы радовались ужасной канонадѣ въ увѣренности, что этотъ годъ пройдетъ для нихъ счастливо—ибо, по ихъ убѣжденію, отъ этого грохота долженъ удирать всякій злой духъ шибко далеко...).

Въ этотъ день я не видался почти ни съ кѣмъ и когда вечеромъ ложился, усталый, довольно рано спать, мнѣ даже не вспомнилось о прерванныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Но, когда въ двѣнадцатомъ часу ночи раздалась съ моря канонада, я приподнялся въ постели и понялъ, что началась, безповоротно началась война. Меня охватила мелкая нервная дрожь; я прислушивался къ зловѣщимъ звукамъ, мысли зароились съ такой быстротой въ головѣ, что я и не подумалъ встать и выйти посмотрѣть, что творится тамъ, на морѣ. Такъ просидѣлъ я въ кровати очень долго, почти не слышалъ промежутковъ затишья; потомъ лежалъ въ какой-то полудремотѣ, какъ-бы въ кошмарѣ. Когда раздались послѣдніе орудійные выстрѣлы, я посмотрѣлъ на часы; они показывали 5 часовъ 30 минутъ.



На батареѣ Электрическаго утеса.

Какъ я узналъ впослѣдствіи, къ немалому моему удивленію, многіе приняли эту стрѣльбу за морской маневръ, полагали что наконецъ-то производится ночная практическая стрѣльба, о которой раньше поговаривали.

На запросы нѣкоторыхъ горожанъ (и даже офицеровъ) по телефону — что это за выстрѣлы, — имъ отвѣчали, что эта ночная стрѣльба флота... *).

Въ эту ночь береговыя батареи не стрѣляли вовсе. Нельзя было узнать, что происходитъ на морѣ и по чему именно стрѣлять, опасаясь, что-бы не разстрѣлять собственныя суда или миноносцы.

---

*) Кромѣ того на эскадрѣ въ этотъ день усиленно циркулировалъ слухъ, что начальство рѣшило, наконецъ, устроить серьезные морскіе маневры, въ которыхъ должны были участвовать и береговыя батареи.

Былъ ли у вице-адмирала Старка въ этотъ вечеръ балъ, или просто ужинъ по случаю имянинъ его супруги, не берусь также рѣшать.

Теперь, когда вопросъ этотъ пересталъ быть такимъ жгучимъ и когда выяснилось, что дѣло не въ одномъ адм. Старкѣ, мнѣ подвернулся случай спросить о немъ одного изъ моряковъ, который лично въ этомъ нисколько не заинтересованъ и не довѣрять которому я не имѣю никакихъ основаній.

— Что тамъ и какъ тамъ было, не скажу; а безспорный фактъ тотъ, что адмирала не было на эскадрѣ во время перваго нападенія японцевъ на наши суда *).

Вотъ его отвѣтъ, который привожу какъ одинъ изъ примѣровъ тому, что было на самомъ дѣлѣ и какъ повѣствовали о томъ.

27 января (9 февраля). Было около 7 часовъ утра, когда я побѣжалъ на набережную и къ порту, чтобы разузнать, что такое произошло ночью. Не далеко отъ воротъ, ведущихъ въ портъ, я очутился какъ-то вблизи двухъ полицейскихъ, пристава П. и околодочнаго надзирателя Д. и былъ невольнымъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены.

По набережной, по направленію къ порту шествуетъ какой-то лейтенантъ, замѣтно на веселѣ, ведетъ подъ руку двухъ дамъ и весело бесѣдуетъ съ ними. Видно, что ему ничего неизвѣстно о случившемся.

— Должно быть съ тѣхъ миноносцевъ, которые еще въ гавани, — говоритъ приставъ околодочному.—Идите, скажите ему.

— Боюсь, — отвѣчаетъ околодочный, — знаете, оскорбитъ и кинется, пожалуй, бить—не повѣритъ.

— Вѣрно, — соглашается съ нимъ приставъ и отправляется самъ на встрѣчу лейтенанту, козыряетъ ему съ вѣжливымъ наклоненіемъ своей довольно внушительной фигуры. — «Позвольте, господинъ лейтенантъ, доложить вамъ, что еще около полуночи пробита боевая тревога. Видите въ проходѣ, на мели поврежденныя минами суда».

Бравый морякъ, въ первый моментъ, пріосанился, какъ-бы недовольный неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ его бесѣду полицейскаго чина, потомъ посмотрѣлъ растерянно на входъ въ гавань, гдѣ виднѣлись грустные силуэты раненыхъ великановъ и въ слѣдующій моментъ скрылся бѣгомъ въ ворота порта, бросивъ своихъ дамъ на произволъ судьбы.

— Кабы вы видѣли,— обратился теперь ко мнѣ приставъ, — что было ночью. Вѣстовые, кто на извозчикѣ, кто пѣшкомъ, бѣгаютъ по разнымъ домамъ, розыскивая своихъ господъ. Потомъ несутся тѣ, кто безъ фуражки, кто безъ кортика, во весь духъ и на шампуньки **).

Что это фактъ, подтвердитъ вамъ каждый артурскій житель того времени.

---

*) По точнымъ справкамъ адмиралъ Старкъ ушелъ въ 9 часовъ вечера изъ квартиры, но куда — не извѣстно; полагаютъ—къ намѣстнику.

**) Китайскія лодки—сампани.

Суматоха, происходившая въ это время въ сухопутныхъ частяхъ крѣпости была немногимъ лучше, съ той только разницей, что г.г. офицеровъ не приходилось такъ розыскивать, развѣ за очень рѣдкимъ исключеніемъ; они были вскорѣ всѣ на своихъ мѣстахъ и ихъ команды выстроились, ожидая дальнѣйшихъ приказаній. Не было только при этихъ командахъ достаточ-

Капитанъ 1-го ранга Робертъ Николаевичъ Виренъ, командиръ крейсера «Баянъ».

наго количества патроновъ; всѣ надѣялись, «въ случаѣ чего», отбросить непріятеля штыками. Но и тутъ многіе приняли все это за маневръ, такъ какъ изъ приказанія не было видно, что война дѣйствительно началась.

Что происходило въ штабѣ крѣпости и въ отдѣльныхъ управленіяхъ, не поддается описанію.

Диспозиція вывода войскъ на позиціи не была разработана. Отовсюду спрашивали, куда выводить такія-то части? Генералъ Стессель потерялъ совсѣмъ голову; то кидается на начальника штаба и адъютантовъ, ежеминутно диктуя новыя распоряженія, отмѣняя только-что данныя; то рветъ и мечетъ,

приказывая передать по телефону начальникамъ отдѣльныхъ частей, на ихъ запросы, что они сами должны знать, что въ данномъ случаѣ дѣлать и что онъ, комендантъ, имѣлъ, дескать, право разсчитывать на то, что господа командиры будутъ на высотѣ своего долга и что у нихъ все въ должномъ порядкѣ; то диктуетъ имъ кой-какія распоряженія, которыя тѣ, въ свою

Капитанъ 2-го ранга Н. О. фонъ-Эссенъ, командиръ кр. «Новикъ».

очередь, не знаютъ, какъ исполнить и какъ согласовать между собою; то обращается къ главноначальствующимъ съ разными запросами.

Во всѣхъ отдѣльныхъ управленіяхъ происходитъ то же самое, лишь въ меньшихъ размѣрахъ. Начальники кидаются на адъютантовъ и писарей и приказываютъ, и удивляются, почему все то-то и то-то не было исполнено раньше и получая отвѣты, что то-то не имѣлось совсѣмъ ввиду, то-то отложено на болѣе свободное время, а этого свободнаго времени все не оказывалось, что вотъ такое-то распоряженіе по части не было еще санкціонировано комендантомъ или осталось не исполненнымъ по такимъ-то

причинамъ;—кидаются вновь къ телефонамъ, запрашиваютъ снова комендантское управленіе—и не получая оттуда необходимыхъ указаній, а вмѣсто нихъ часто незаслуженные упреки и даже колкости, обращаются снова къ адъютантамъ, то приказывая, то совѣтуясь, мѣшая имъ работать. Хватаются за голову, бѣгаютъ по комнатѣ, садятся, вскакиваютъ, умоляютъ, чтобы скорѣе строчили и передавали приказы и ругаются, что все это не клеится.

Въ высшихъ инстанціяхъ нервничаютъ также; даютъ невыполнимыя приказанія, отмѣняютъ только-что данныя или уже начатыя и стараются увѣрять спрашивающихъ, что они сами должны все это знать и все это должно было быть заранѣе предусмотрѣно.

Вездѣ оказываются недочеты, неподготовленность, которые все же должны были быть частію выяснены при прежней отправкѣ частей гарнизона на Ташичао, направляя ихъ на Ялу.

Наконецъ войсковыя части распредѣлены; но они долго блуждаютъ по горамъ, дорогамъ и тропинкамъ, покуда добираются до мѣста назначенія. Вѣдь, офицерамъ не было позволено ходить въ мирное время по укрѣпленнымъ или предположеннымъ укрѣпить вершинамъ, окружающимъ городъ, они совершенно не въ силахъ оріентироваться въ полумракѣ наступающаго утра и даже на разсвѣтѣ. Это одна изъ отрицательныхъ заслугъ суроваго коменданта, всегда увѣрявшаго, что у него все въ порядкѣ и онъ ко всему готовъ и спокоенъ. Тутъ въ первый разъ больно почувствовалось отсутствіе третьей бригады *), наиболѣе знакомой съ мѣстностью,—отправленной на сѣверъ,—въ также незнакомыя ей мѣста.

Двуколокъ съ запасами и кухонь части не имѣли съ собой; первыя были посланы въ арсеналъ за патронами и прибыли къ своимъ частямъ, также блуждая по горамъ, нѣкоторыя только на другой день. Трудно было голоднымъ солдатамъ на холоду и безъ пріюта, пока доставили все необходимое. Но русскій солдатъ всегда отличался умѣніемъ переносить то, что другимъ могло-бы казаться непосильнымъ.

Вотъ видимая сторона въ переполохѣ крѣпости, произведенномъ внезапнымъ ночнымъ нападеніемъ непріятеля.

Однимъ словомъ—увертюра была съиграна—съиграна плохо,—занавѣсъ поднялся и началась трагедія—трагедія міровая.

Но на самомъ дѣлѣ положеніе крѣпости было въ эту минуту болѣе ужаснымъ, чего, однако, ни непріятель, ни мирное населеніе города не могли даже подозрѣвать.

Батареи берегового фронта не всѣ были достроены и далеко не всѣ были въ боевой готовности; на сухопутномъ фронтѣ не было ни одной вполнѣ установленной пушки, не то что батареи; активнаго гарнизона, послѣ отправки третьей бригады и полевой артиллеріи на сѣверъ, осталась горсть, въ сравненіи даже съ тѣмъ количествомъ войскъ, которое находилось здѣсь въ мирное время.

---

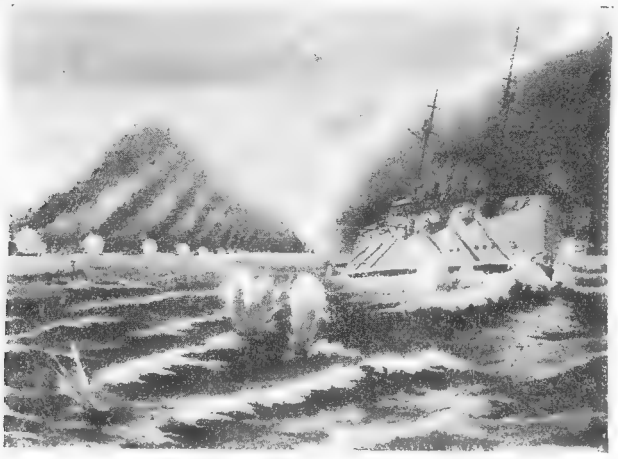
*) Развернутой послѣ мобилизаціи въ 3-ю дивизію, при чемъ полки, до этого двухбаталіонные, увеличились третьимъ баталіономъ,—коренного гарнизона Артура.

Надо было благодарить Бога, что при этой нашей непростительной, даже преступной неподготовленности, непріятель не рѣшился на болѣе грандіозную и болѣе энергичную минную атаку, не произвелъ тотчасъ же ночью бомбардировки нашихъ судовъ всей своей эскадрой и не высадилъ, въ тоже время, въ одной или нѣсколькихъ ближайшихъ бухтахъ дессанта *). Участь всего нашего флота и крѣпости могла быть рѣшена, если не въ эту же ночь, то на слѣдующій день, окончательно. Своей нерѣшительностью непріятель далъ намъ опомниться, оправиться.

Но вернемся къ фактамъ и событіямъ.

У входа въ гавань стояли приткнутыя къ мели броненосцы «Цесаревичъ» и «Ретвизанъ» — цвѣтъ нашей броненосной эскадры—и крейсеръ «Паллада», поврежденные японскими минами Уайтхеда. Вокругъ нихъ что-то суетились.

На берегу народъ волновался и спорилъ, не имѣя никакихъ положительныхъ свѣдѣній; никому не хотѣлось вѣрить въ эту ужасную дѣйстви-



Японское изображеніе боя эскадръ у Портъ-Артура.

тельность. Разсказывались всевозможныя небылицы; между прочимъ передавали, что, помимо потопленныхъ ночью японскихъ миноносцевъ, взятъ одинъ въ плѣнъ и находится у Тигроваго хвоста. Но это была невзорвавшаяся, выловленная мина Уайтхеда, коихъ въ эту ночь было выпущено японцами множество.

Мнѣ удалось вскорѣ получить газету. Но какъ я не просматривалъ ее, не нашелъ ничего о ночныхъ событіяхъ; газета была въ то время уже напечатана или же печаталась, и вѣрныхъ свѣдѣній нельзя было достать ночью.

За то, когда я нашелъ текстъ телеграммы, извѣщающей о разрывѣ дипломатическихъ сношеній — текстъ, явно указывающій, что Японія не желаетъ мирнаго исхода переговоровъ, что военныя дѣйствія должны начаться съ перваго удобнаго для Японіи момента,—я не могъ понять, какъ люди могли еще вѣрить въ мирный исходъ дѣла и почему нашъ флотъ и

*) Говорятъ, что наши сторожевые посты на бухтахъ состояли всего изъ 3—5 человѣкъ

крѣпость *не ожидали* появленія врага, не были въ полной боевой готовности, тѣмъ болѣе, что телеграмма была отъ 25-го января?

Простой здравый смыслъ требовалъ этого!

Между тѣмъ войска были уведены на позиціи и въ городѣ не было замѣтно какой-либо суеты военнаго начальства.

У намѣстника только что собралось высшее начальство на военный совѣтъ, начавшій обсуждать положеніе и что надлежитъ предпринимать, какъ около 10 часовъ 35 минутъ утра получилось извѣстіе о томъ, что красавецъ крейсеръ «Бояринъ»,—посланный на развѣдки при появленіи около 8 часовъ утра первыхъ 4 японскихъ крейсеровъ 2-го класса въ виду берега,—идетъ съ горизонта полнымъ ходомъ и сигнализуетъ приближеніе большихъ непріятельскихъ силъ.

Какое впечатлѣніе произвело это извѣстіе на собравшихся въ домѣ намѣстника отдѣльныхъ лицъ, сказать трудно, но ясно, что оно встревожило всѣхъ и очень затруднило этимъ успѣшное разрѣшеніе вопросовъ.

Первымъ выѣхалъ, по свидѣтельству заслуживающаго довѣрія очевидца, изъ воротъ дома намѣстника вице-адмиралъ Старкъ и спѣшилъ на свое флагманское судно; это было въ исходѣ одиннадцатаго часа *). Потомъ уѣзжали одинъ за другимъ всѣ остальные начальствующіе; всѣ имѣли довольно растерянный видъ. Генералъ Стессель поспѣшилъ на Электрическій утесъ и, кажется, успѣлъ прибыть туда до начала бомбардировки. Но когда намѣстникъ выѣхалъ, въ сопровожденіи своего штаба изъ дому, направляясь къ Золотой горѣ, бомбардировка была уже въ разгарѣ, и онъ только еще поднимался на Золотую гору, какъ стрѣльба уже заканчивалась.

Между тѣмъ въ городѣ мало кто зналъ о готовящихся ужасахъ; каждый занимался, какъ ни въ чемъ не бывало, своимъ дѣломъ. Кто и зналъ объ этомъ или могъ предполагать, ожидать что либо подобное, надѣялся на «неприступныя твердыни» крѣпости, какъ это всегда и всюду было принято говорить и увѣрять.

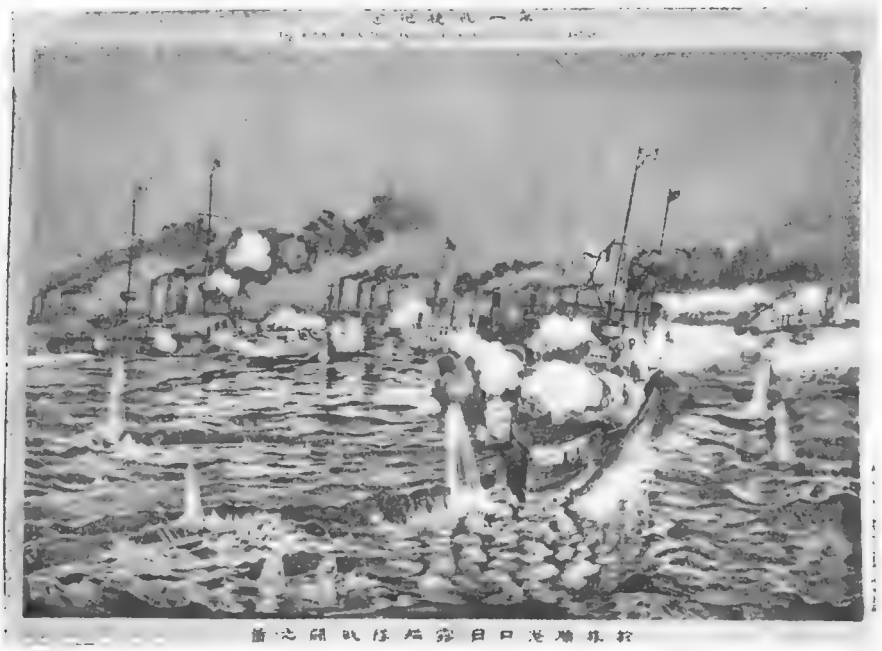
Мнѣ было сообщено по телефону о приближеніи японской эскадры и объ ожидаемой бомбардировкѣ. Я было рѣшилъ продолжать хладнокровно свою работу и не обращать вниманія на то, что будетъ твориться на морѣ и на береговыхъ батареяхъ; я признавалъ напередъ безуміемъ со стороны японцевъ, рѣшиться на бомбардировку такой крѣпости, не имѣя никакихъ шансовъ нанести ей серьезный вредъ, но рискуя при этомъ многимъ.

За нѣсколько секундъ или быть можетъ за минуту до половины двѣнадцатаго, по моимъ часамъ, раздался первый, довольно глухой орудійный выстрѣлъ; ровно въ 11 часовъ 30 минутъ заговорили орудія съ такой силой, что земля дрожала, окна дребезжали и стекла грозили растрескаться, двери растворялись и ходили ходуномъ, увеличивая этимъ, ужасающій хаотическій громъ, грохотъ, вой и трескъ. Кажется, около 10 минутъ я выдержалъ на мѣстѣ, хотя работа шла все плоше и плоше; наконецъ нервы

*) Адмиралъ Старкъ поспѣлъ на свое судно въ то время, какъ флагъ-капитанъ Эбергардтъ уже приказалъ открыть огонь по непріятелю.

не выдержали. Вскочилъ, вышелъ, на улицу, добрался до ближайшей возвышенности—такъ называемой Военной горы, и сталъ наблюдать за происходящимъ. Нервы были настолько потрясены силой адскаго рева орудій и какого-то стихійнаго шипѣнія и свиста въ воздухѣ, что все казалось какъ-бы во снѣ. Голова перестала работать; глаза блуждали безсмысленно вокругъ, не зная, на чемъ остановиться.

Надъ Золотой горой, стрѣлявшей изъ своихъ мортиръ дымнымъ порохомъ, стояли густые клубы и вились огромные красивые столбы и кольца бѣлаго дыму; на остальныхъ батареяхъ виднѣлись тоже то бѣлые, то желтоватые дымки; что творилось на морѣ мнѣ не было видно; я видѣлъ только огоньки и дымки на стоявшихъ у входа раненныхъ судахъ. Но что это



Японское изображеніе морского боя подъ Портъ-Артуромъ.

было—попаданіе ли вражескихъ бомбъ или выстрѣлы съ этихъ судовъ я не былъ въ силахъ разобрать и некогда было объ этомъ подумать.

Вдругъ взрывъ какой-то, облако дыму и пыли на набережной, вблизи полевого телеграфа и моста; не успѣло еще разсѣяться это облако, какъ снова раздается какое-то шипѣніе и среди верхнихъ домиковъ, облѣпившихъ восточный оврагъ Перепелочной горы, раздается рѣзкій, какъ щелканіе бича, трескъ и бѣлый съ чернымъ дымъ и пыль разрушенныхъ непріятельскимъ снарядомъ зданій покрываетъ мѣсто катастрофы.

Собравшаяся выше этихъ домиковъ публика, наблюдавшая за боемъ, бросается въ разныя стороны, чтобы скорѣе избѣгнуть опасности.

Вслѣдъ за этимъ взрывается еще снарядъ, ниже перваго, потомъ еще и еще. Ничего не видать, что происходитъ на мѣстахъ взрывовъ.

Смутно понимаешь, что непріятельскія бомбы стали перелетать черезъ укрѣпленія, или же посылаются нарочито въ городъ черезъ проходъ въ гавань — и, что это худо.

Внизу, по улицѣ отъ мѣста, гдѣ начали падать снаряды, бѣжитъ густой толпой народъ, и китайцы, и европейцы, направляясь преимущественно въ Китайскій городъ, и по направленію арсенала, къ Казачьему плацу.

Въ воздухѣ продолжаетъ стоять оглушительный рокотъ, какъ будто ужасная гроза, громовые удары, словно огромнѣйшій вулканъ клокочатъ постоянно слѣдующими другъ за другомъ взрывами, сопровождаемыми землетрясеніемъ, подземными раскатами и грозитъ гибелью всему окружающему. Но небо чисто, солнышко свѣтитъ и пригрѣваетъ; лишь дымъ, съ батарей Золотой горы начинаетъ его заволакивать легкими бѣлыми полосами.

Человѣкъ замеръ на мѣстѣ отъ ужаса, сознавая полное свое безсиліе, свое ничтожество предъ стихіей; но въ немъ не угасла надежда на то, что все это должно скоро пройти, что не все будетъ уничтожено бѣдствіемъ. Всякія понятія о мѣстѣ и времени перестали существовать для него; барабанныя перепонки надорваны оглушительными звуками; они, кажется, потеряли свою чуткость, а глаза острую воспріимчивость.

Тамъ, внизу все еще бѣгутъ и бѣгутъ по улицамъ сотни народа, толпа, синѣющая отъ преобладающихъ въ ней китайскихъ костюмовъ. Но что испытываютъ въ эти минуты задыхающіеся тамъ отъ пыли и усталости люди, не можешь сообразить, представить себѣ ихъ муки; это не отзывается въ твоей душѣ, она не чувствуетъ; стоишь себѣ точно прикованный къ горѣ, какъ будто на облакахъ, вдругъ оторванный этимъ адскимъ гуломъ и рокотомъ отъ всего земного *). Становится холодно, будто кровь перестаетъ циркулировать по жиламъ.

Но—вотъ—ревъ орудій становится рѣже и рѣже, какъ-бы удаляясь въ море; еще и еще отдѣльные сильные выстрѣлы съ ближайшихъ батарей и снова болѣе долгая пауза, заполняемая лишь раскатами съ моря, будто плоско расплывающимися по водѣ. Еще и еще минута и все затихаетъ, какъ эхо, какъ удалившаяся грозовая туча...

Отъ сердца отлегло, оно снова забилось ровнѣе; начинаешь приходить въ себя; будто просыпаешься.

Выхватываю часы — ровно 12; слѣдовательно; всѣ эти ужасы, казавшіеся безконечными, длились *всего полчаса.*

— Папа, — окликаетъ меня вдругъ знакомый голосъ, возвращаетъ во мнѣ полное сознаніе. Это мой сынъ.—Папа, иди, домой, мама перепугалась. Полицейскій крикнулъ — спасайтесь!—а до того она была совершенно спокойна. Я побѣжалъ къ тебѣ, но тебя нѣтъ на занятіи. Тогда я началъ розыскивать тебя всюду, пока, вотъ, не нашелъ.

Гляжу на него и снова сжимается у меня сердце.

---

*) Въ изданіи профессора Dr. Erwin Bälz, Tokio «Ueber den kriegerischen Geist und die Todesverachtung der Japaner» — я нашелъ подтвержденіе этого душевнаго состоянія человѣка во время ужасовъ.

— Да ты не боялся, что тебя задавитъ толпа или можетъ убить снарядомъ?

— Нисколько, папа. Съ народомъ такъ весело бѣжать. Но только никто не отвѣчаетъ, когда спрашиваю, не видали-ли тебя...

Вотъ оно — счастливое дѣтство.

Мнѣ могутъ замѣтить, что продолжительность этой первой бомбардировки Артура съ моря показана мною невѣрно,—что по оффиціальнымъ и газетнымъ сообщеніямъ бомбардировка продолжалась 45 минутъ *). Но, какъ я уже оговорился въ предисловіи, мои свѣдѣнія не разъ и не въ этомъ только уже расходились и будутъ не рѣдко расходиться съ оффиціальными и прочими цензурованными свѣдѣніями, какъ того требуетъ справедливость— правда, о которой просилъ Государь Императоръ представителей періодической печати.

Восточный склонъ Перепелочной горы, гдѣ среди верхнхъ домиковъ попалъ 27-го января японскій 12-дюймовый снарядъ. На переднемъ планѣ магазинъ и склады фирмы Кунстъ и Альберсъ.

(Признаюсь, по сейчасъ не могу себѣ уяснить, почему понадобилось продлить этотъ срокъ въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ. Но должно быть были на то причины; вѣрнѣе всего какой нибудь разсчетъ).

Когда я спустился съ Военной горы въ городъ, то только тогда увидѣлъ, что происходило здѣсь, во время паники—вездѣ по улицѣ валялись дамскія туфли, китайская обувь, галоши, разныя принадлежности платья, домашнія вещи, разныя коробки, даже лампы. Все это было стоптано, помято; повидимому, охваченные паникой люди схватывали, что попадалось подъ руки, желая спасти болѣе цѣнное имущество, потомъ бросали всѣ эти вещи, куски одежды и обувь, мѣшавшую быстро убѣгать; у кого спадала съ ноги обувь, тотъ и не думалъ подымать ее, да это было-бы немыслимо. Каждый думалъ объ одномъ, какъ-бы поскорѣе уйти подальше

*) Только въ «Новомъ Краѣ» почему то сказано—«отъ 30 до 45 минутъ».

отсюда, попасть въ безопасное мѣсто, спасти свою жизнь. И эта картина была видна на всѣхъ улицахъ, по которымъ убѣгалъ народъ.

Зашелъ домой, успокоилъ семью, сказавъ, что ужасы окончились и пошелъ на набережную, посмотрѣть, что произошло и что случилось съ нашими судами.

Оказывается, что дѣйствительно полицейскіе кричали: спасайтесь, спасайтесь!—и этимъ только усилили панику; пользы этимъ не принесли никому и никакой.

Люди, услышавъ этотъ крикъ, выскакивали даже чрезъ окна, застрявали въ дверяхъ и обезумѣвали, не зная, какъ и куда спасаться и что имъ еще грозитъ.

Если кто-либо споткнулся и упалъ, то черезъ него не смотря ни на полъ, ни на возрастъ, продолжала толпа свой путь, также спотыкаясь и падая. Полуодѣтыя женщины и дѣти убѣжали изъ дому, не зная, гдѣ пріютиться.

Къ счастію день былъ солнечный, теплый. Серьезныхъ увѣчій и несчастныхъ случаевъ однако не было; болѣе всего, конечно, были случаи легкой простуды.

Нѣкоторые свободные отъ службы офицеры оказали большія услуги охваченной страхомъ толпѣ, помогая и успокаивая во время паники.

Улицы еще пустынны, но народъ уже начинаетъ возвращаться въ свои дома.

Когда я приближался къ набережной, слышу музыку — спѣшу туда скорѣе. На рейдѣ играютъ на всѣхъ судахъ встрѣчный маршъ, «Боже Царя храни» и маршъ намѣстника. Это встрѣчали, какъ мнѣ потомъ сказывали, возвращающихся съ лихой атаки крейсера «Баянъ» и «Новикъ». На этотъ разъ музыка гремѣла, послѣ недавняго потрясающаго грома пушекъ, казалось, небывало торжественно; звуки лились такъ стройно и мягко и вкрадывались въ душу, успокаивая, ободряя человѣка, выброшеннаго событіями изъ обычной, мирной колеи. Духъ воспрялъ и возвращалась увѣренность, что все же врагу не удастся сокрушить эту твердыню, — что по одному тому, что онъ такъ скоро прекратилъ бомбардировку, онъ несомнѣнно понесъ значительныя потери и не могъ нанести намъ бо̀льшаго вреда.

Въ эту минуту нельзя было добыть среди встрѣчаемыхъ на набережной людей никакихъ свѣдѣній о томъ, что именно произошло и велики ли наши потери за время боя. Говорили о всякихъ возможныхъ и невозможныхъ подвигахъ и успѣхахъ; а потерь какъ будто и не бывало.

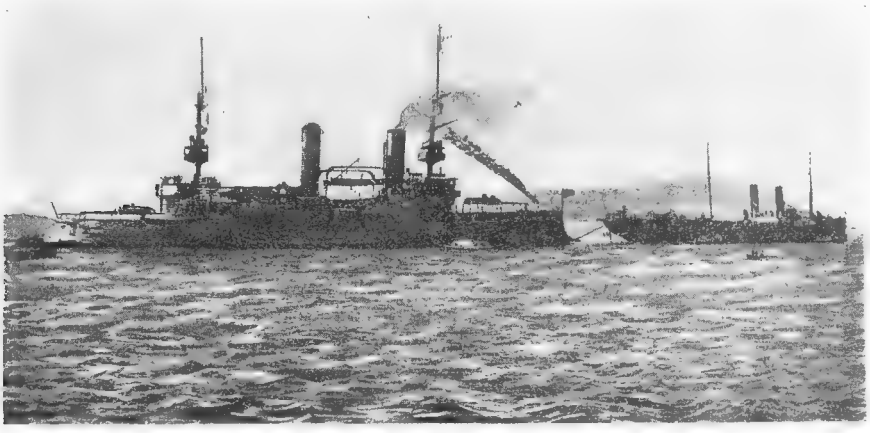
Вотъ духъ увѣренности въ силу нашего оружія и непобѣдимость крѣпости. Этотъ-то духъ и поддержалъ нашу бодро̀сть и послѣ, въ болѣе трудные дни.

Подъ этими впечатлѣніями, успокоенный музыкой, пошелъ я осмотрѣть яму вблизи моста, образовавшуюся при взрывѣ 12-дюймоваго японскаго снаряда. Яма эта была воронкообразная, въ центрѣ глубиной въ человѣческій ростъ, шириной около 3 саженъ. Вокругъ нея собралась уже порядочная толпа народу, старательно розыскивая осколки снаряда, какъ будто они составляли бо̀льшую цѣнность.

За мостомъ, въ саду конторы богача Тифонтая, легъ одинъ неразорвавшійся 12-дюймовый снарядъ; вокругъ него также стояла толпа любопытныхъ.

На набережной были выбиты взрывомъ бомбы всѣ оконныя стекла; пустыя рамы производили непріятное впечатлѣніе, какъ орбиты черепа. Но это только въ первый моментъ; потомъ, такъ сказать, приглядѣлись.

За то взорвавшаяся на пустомъ скалистомъ мѣстѣ, на первомъ уступѣ Перепелочной горы граната оставила мало слѣдовъ; на небольшомъ пространствѣ, аршина на полтора всего въ діаметрѣ, верхній слой въ 2 вершка скалы раздробленъ. Среди домиковъ вокругъ восточнаго ущелья Перепелки—какъ эту гору обыкновенно называли—одна фанза (домикъ китайской постройки и ихъ же образца) разрушена, а у другой поврежденъ край и крыша. Сколько при этомъ убито и поранено, такъ и не удалось тогда разузнать; говорили, что есть раненые, но и только. Вѣрнѣе



Введеніе броненосца «Цесаревичъ», подбитаго миной Уайтхэда, въ западную часть гавани (такъ называемый внутренній рейдъ).

всего, что жители взобрались при самомъ началѣ бомбардировки выше на гору, чтобы лучше наблюдать. Снаряды же стали попадать сюда только къ концу боя.

Также не причинили никакого вреда снаряды, попадавшіе въ восточный бассейнъ; только одна 12-дюймовая бомба попала тамъ въ привезшій недавно 1.900 новобранцевъ и грузъ изъ Одессы пароходъ добровольнаго флота «Казань,» еще не вполнѣ разгруженный. Въ грузѣ парохода возникъ пожаръ, хотя бомба не разорвалась; пожаръ тотчасъ затушили и снарядъ извлекли цѣликомъ. Изъ людей никого не ранило.

Постепенно оживились снова всѣ улицы и стало замѣтно, что многіе поспѣшно уѣзжаютъ на вокзалъ. Встрѣтивъ знакомую семью я спросилъ, что принуждаетъ ихъ такъ торопиться.

— Помилуйте,—отвѣчаютъ мнѣ чуть не со слезами, — говорятъ, что въ 4 часа будетъ вторая бомбардировка, а то еще и вечеромъ.

— Полноте, вѣрить всякому вздору—это невозможно!

— Да, да — намъ говорили также, что войны не будетъ и что сюда не будутъ попадать бомбы. А видите!

И такъ всѣ. Паника полная. Укладывали наскоро только то, что попадало подъ руки — иногда совершенно ненужное,—бросали все остальное, оставляя даже квартиру незапертой. Этой суматохой воспользовались разныя темныя личности и брали что могли.

Не рѣдко возвращавшіеся съ вокзала мужья, проводивъ послѣ многихъ хлопотъ свои семьи, находили свои квартиры обокраденными. Но были и квартиры, совершенно брошенныя жилцами навсегда — лишь-бы поскорѣе убраться отсюда.

Эта, все еще продолжавшаяся малодушная паника и безпорядокъ дѣйствовали на нервы угнетающе. Все становилось противнымъ; не глядѣли-бы глаза.

Отправляясь въ новый европейскій городъ, встрѣчаю знакомаго молодого интеллигента Г. со всѣми его чемоданами и одѣтаго по дорожному. Этотъ молодой человѣкъ высказывался всегда презрительно о цѣнѣ и смыслѣ жизни и, видимо, носился съ мыслями о самоубійствѣ. Сколько разъ его знакомымъ приходилось изощряться въ краснорѣчивыхъ доказательствахъ, что лишить себя жизни — поступокъ недостойный, что слѣдуетъ бороться, трудиться надъ собою и на благо другихъ и т. д. А тутъ вижу его убѣгающимъ одновременно съ женщинами и дѣтьми.

— Куда вы? — спрашиваю.

— Ну ихъ къ чорту! — отвѣчаетъ онъ отрывисто, причемъ вижу, что его нижняя губа дрожитъ,—какая мнѣ надобность подставлять лобъ!—

— Да, вы же хотѣли... Вотъ; лучшій способъ доказать ваше презрѣніе къ смерти!—кричу ему вслѣдъ, но онъ уже не слышитъ. Помчался на вокзалъ; уѣхалъ, давя женщинъ и дѣтей.

Въ новомъ городѣ собралось много людей изъ стараго города. Они всѣ бѣжали сюда въ надеждѣ, что сюда не могутъ попадать непріятельскіе снаряды. И въ этотъ разъ сюда дѣйствительно не попалъ ни одинъ японскій снарядъ; но, кромѣ перечисленныхъ мѣстъ, не попадали они и въ старый городъ.

Многіе изъ этихъ перепуганныхъ жителей остались ночевать въ новомъ городѣ. Потомъ вернулись всѣ по своимъ квартирамъ. Которые уѣзжали на сѣверъ, домой;—которые остались или добровольно, чтобы раздѣлить участь главъ семей, находящихся на службѣ, или же не имѣли средствъ, достаточныхъ для того, чтобы добраться «домой» и начать тамъ что нибудь. Здѣсь были ихъ заработки, ихъ существованіе.

Въ этотъ же день были призваны всѣ находящіеся на Квантунѣ запасные на дѣйствительную службу.

Вечеромъ увеличилось число уже и такъ попадавшихся пьяныхъ *), такъ

*) Наша характерная особенность—пить съ горя, пить съ радости и пить, когда не знаемъ, что дѣлать — показалась мнѣ въ этотъ вечеръ до нельзя мерзкою. Въ минуту, когда трезвому, ясному уму не легко разобраться въ томъ, что дѣлать, что будетъ дальше—перепились всѣ мало-мальски пьющіе до безобразія. Какъ же не

что непріятно было ходить по улицамъ. Но все же нужно было побывать у знакомыхъ, чтобы выяснить положеніе дѣлъ.

Но это было не легко. Всѣ принадлежащіе къ высшему начальству, если удалось кого изловить дома, были въ такомъ настроеніи, что толку отъ нихъ добиться нельзя было никакого. Пришлось довольствоваться тѣмъ, что удалось добыть у того или другого изъ участниковъ и очевидцевъ дѣла.

Капитанъ 2-го ранга Владиміръ Алексѣевичъ Степановъ, строитель минныхъ транспортовъ, командиръ транспорта «Енисей».

Суммируя всѣ свѣдѣнія я получилъ слѣдующую картину.

Вечеромъ 26-го числа (8 февр.), пока у намѣстника радушно угощали обильнымъ хлѣбомъ-солью японскаго консула. прибывшій съ нимъ изъ Чифу, въ качествѣ слуги, офицеръ японскаго флота пробрался на лодкѣ на внѣшній рейдъ, выяснилъ расположеніе нашей эскадры и убѣдился въ томъ, что тутъ не ожидаютъ никакого нападенія. Потомъ онъ отбылъ благополучно съ консуломъ и пересѣлъ на свою эскадру, чтобы руководить атакой миноносцевъ.

напиться, если подвернулся такой чудный случай: напиться изъ-за обиженнаго патріотическаго чувства!..

Никогда въ жизни безпомощность пьяныхъ людей не показалась мнѣ такой жалкой, обидной; никогда еще споенная вѣками Россія—столь безсильной, увязшей въ алкоголь, какъ въ этотъ вечеръ «боевого крещенія»!.. и фраза эта столь пустозвонной, противной, лицемѣрной, фальшивой!..

Наши суда были на рейдѣ въ трехъ параллельныхъ колоннахъ; ближе къ берегу стояли броненосцы, мористѣе крейсера, изъ коихъ «Паллада» имѣла дежурство.

Тамъ стояло у насъ 7 броненосцевъ: «Цесаревичъ», «Ретвизанъ», «Пересвѣтъ», «Побѣда», «Петропавловскъ», «Полтава» и «Севастополь» и 6 крейсеровъ: «Баянъ», «Аскольдъ», «Діана», «Паллада», «Бояринъ» и «Новикъ»; кромѣ того транспортъ «Ангара» (недавно купленный у Добровольнаго флота пароходъ «Москва»). Два нашихъ миноносца «Безстрашный» и «Расторопный» ушли въ дозорѣ—рейсировать впереди рейда миль на двадцать; остальные лежали преспокойно въ гавани.

Миноносцамъ, крейсирующимъ впереди эскадры было приказано итти при полномъ освѣщеніи, медленнымъ, экономическимъ ходомъ и, въ случаѣ чего, сообщить о томъ адмиралу, но къ бою не готовиться...

Въ началѣ двѣнадцатаго часа ночи часовые на судахъ увидали приближающіеся со стороны Дальняго миноносцы; часовые приняли ихъ за свои, потому, что на спросъ сигналомъ они, будто, отвѣтили нашимъ же, русскимъ, сигналомъ *), а когда подошли еще ближе и ихъ окликнули, то послышалась, одновременно съ отвѣтомъ, «свои», преестественная русская ругань, такъ привычная морякамъ.

Возможно ли было тутъ еще сомнѣваться, что это свои, возвращающіеся съ развѣдки миноносцы?—Говорятъ даже, что когда уже мины взорвались у трехъ нашихъ судовъ, и эти суда снялись съ якоря, чтобы скорѣе войти въ гавань, будто, былъ моментъ, когда японскіе миноносцы оказались, между нашими судами и тогда еще кричали «что вы, дураки, стрѣляете по своимъ!»—и приводили этимъ въ смущеніе нашихъ бравыхъ комендоровъ **).

Поврежденныя суда направились въ гавань, причемъ «Цесаревичу», стоявшему лѣвымъ фланговымъ въ ближайшей къ берегу линіи, когда рулевой приводъ оказался поврежденнымъ миной и приходилось управляться одними машинами, пришлось обогнуть всю эскадру. Когда онъ приближался ко входу, то замѣтилъ идущихъ со стороны Ляотѣшаня еще два миноносца и не принималъ ихъ уже за своихъ, а открылъ по нимъ огонь. Потомъ ихъ преслѣдовали крейсера «Новикъ» и «Аскольдъ».

О томъ, сколько именно было атакующихъ японскихъ миноносцевъ, не удалось собрать данныхъ. Потомъ узнали мы это изъ японскихъ оффиціальныхъ свѣдѣній. Ихъ было сперва пять (изъ нихъ три миноносца приближались со стороны Дальняго, а два со стороны Ляотѣшаня, съ нѣкоторымъ опозданіемъ), а затѣмъ присоединились еще десять,—всего 15 миноносцевъ, выпустившихъ, по японскимъ свѣдѣніямъ всего 18 минъ Уайтхеда.

*) Неправда. Практиковавшіеся въ то время опознавательные сигналы были у насъ настолько сложны, что разобрать ихъ (по тремъ системамъ) можно было лишь тогда, когда уже было слишкомъ поздно.

**) И это неправда. И сигналы и русская рѣчь была съ вернувшихся съ крейсировки русскихъ миноносцевъ, по которымъ стрѣляли, не смотря на опознавательные сигналы. Далѣе получена нами разгадка всему этому. См. въ указателѣ.

Сравнительно малый успѣхъ, при данныхъ условіяхъ, достигнутый такой значительной флотиліей японскихъ миноносцевъ и большимъ количествомъ выпущенныхъ ими минъ, объясняется только нерѣшительностью удара, наносимаго безъ объявленія войны, и тѣмъ, что оправившаяся отъ перваго переполоха наша эскадра встрѣтила ихъ дружнымъ огнемъ даже съ поврежденныхъ уже судовъ.

Раненый медвѣдь проснулся и его дѣйствительно нужно было бояться.

На сколько пострадали при этомъ японскіе миноносцы, такъ и осталось не вполнѣ выясненнымъ, ибо японцы обыкновенно не сознаются въ дѣйствительныхъ своихъ потеряхъ. Одинъ несомнѣнно потопленъ.

Инженеръ-механикъ Николай Дмитріевичъ Яновскій.

Когда поврежденныя суда, одно за другимъ, прибыли ко входу въ гавань, то оказалось, что войти въ гавань нельзя—стоялъ отливъ; пришлось приткнуться къ мели. При этомъ замѣтимъ и то, что японцы выбрали первый моментъ атаки именно съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы суда не могли ретироваться въ гавань.

Этими соображеніями они руководствовались и въ послѣдовавшихъ затѣмъ дѣйствіяхъ съ моря; при бомбардировкахъ, напримѣръ, выбирали время отлива, чтобы броненосцы не могли въ это время выйти изъ гавани и напасть на нихъ; приводя свои брандера или, послѣ, спуская на рейдѣ свои плавучія мины, они пользовались всегда приливомъ, чтобы лучше достигнуть своей цѣли.

Слѣдовательно, въ этой морской войнѣ былъ японцами использованъ и приливъ и отливъ въ такой степени, въ какой едва-ли пользовались ими воюющіе въ прежнія времена.

Суда наши были повреждены: «Цесаревичъ» въ кормовой, «Ретвизанъ» въ носовой части *), а крейсеръ «Паллада» почти въ серединѣ лѣваго борта. При этомъ было убито 2, утонуло и задохнулись отъ газовъ 5 и было ранено 8 нижнихъ чиновъ; изъ офицеровъ не пострадалъ никто.

Поврежденія требовали довольно значительныхъ исправленій, а докъ у насъ былъ только одинъ и въ него могли входить только крейсера; ворота дока были узки. Новый большой сухой докъ только недавно начали строить. Въ Петербургѣ будто все не признавали его необходимость и долго не утверждали его планъ и смѣту.

Пришлось приступить къ исправленію броненосцевъ при помощи кессоновъ; «Паллада» должна была чиниться въ докѣ. Но прежде, чѣмъ начать исправленіе, нужно было снять суда съ мели и ввести въ гавань; а это было не легко. Вода залила поврежденныя части и нужно было ее откачать.

Пока еще осматривали суда, было получено сообщеніе съ Ляотѣшанскаго маяка о томъ, что показались 4 японскіе крейсера 2-го класса; крейсера эти шли вдоль рейда на юго-востокъ, съ очевидной цѣлью вызвать за собой погоню, увлечь нашу эскадру въ море, чтобы главныя силы японскаго флота могли дать ей тамъ бой. Но маневръ этотъ не удался. Былъ посланъ нашъ быстроходный крейсеръ 2-го ранга «Бояринъ», а за нимъ и «Новикъ» развѣдать, нѣтъ-ли по близости всего японскаго флота.

Когда уже приближался непріятельскій флотъ изъ 6 броненосцевъ, 6 крейсеровъ 1-го класса, съ присоединившимися къ нимъ 4 крейсерами 2-го класса, сопровождаемый миноносцами, тогда наша уцѣлѣвшая броненосная эскадра выстроилась въ боевомъ порядкѣ, имѣя на флангахъ крейсера «Бояринъ» и «Аскольдъ» съ лѣвой, а «Діана» и «Новикъ» съ правой стороны, около Ляотѣшаня, а впереди себя крейсеръ «Баянъ»; наши миноносцы стояли въ сторонѣ, у берега.

Наблюдавшіе за ходомъ морского боя, восторгались особенно лихими атаками «Баяна» и «Новика». Нѣкоторые говорили напротивъ, что какія-то суда впереди нашей эскадры («Баянъ» и «Новикъ») только мѣшали стрѣлять броненосцамъ; это говорили люди, видимо не компетентные.

Но чѣмъ всѣ были недовольны, это тѣмъ, что за бросившимся въ атаку на начавшую отступать японскую эскадру, крейсеромъ «Баянъ» не послѣдовали другія суда, а ему было приказано вернуться обратно. Чувствовалось, что у флота не доставало одухотворяющаго его въ бою начальника и поэтому все произошло не такъ, какъ-бы хотѣлось **).

Команды проявили чудеса хладнокровія и храбрости и рвались въ болѣе жаркій бой; никто не обращалъ вниманія на полученныя пораненія, если они позволяли продолжать дѣло. Даже свободные кочегары выскаки-

*) Пробоина величиною въ 220 квадр. футъ.

**) Въ то время мы не имѣли никакого представленія о преимуществахъ японскаго флота, какъ по быстротѣ хода, такъ и по вооруженію, а главное, по обслуживанью судовъ хорошо обученными командами подъ руководствомъ дѣйствительно опытныхъ офицеровъ, настоящихъ моряковъ.

вали посмотрѣть и помогали подавать комендорамъ снаряды. Присущій русскому добродушный юморъ не покидалъ работающихъ посреди этого ада, дыма, грохота орудій, свиста и треска снарядовъ; встрѣчали японскіе снаряды и провожали свои, посылаемые въ отвѣтъ, веселыми прибауточками, какъ-будто на маневрахъ.

Въ бою получили болѣе серьезныя поврежденія только крейсера «Новикъ» (пробоину снарядомъ въ кормовой части), «Аскольдъ» и «Діана». Но поврежденія эти могли быть исправлены въ нѣсколько дней.

Наши потери въ людяхъ за этотъ бой, сколько удалось узнать, слѣдующіе: убитъ 21 нижній чинъ; ранено 4 офицера и 97 нижнихъ чиновъ.

Мичманъ Борисъ Александровичъ Хрущовъ

Несмотря на то, что на Золотую гору, Электрическій утесъ и Тигровый полуостровъ падали японскіе снаряды, поврежденій на фортахъ не было никакихъ. Легко повреждено одно зданіе между батареями.

Потери въ людяхъ на фортахъ: убитъ 1, тяжело раненъ 1, легко ранены 4 нижнихъ чина—осколками гранатъ.

Бомбы попадали болѣе всего въ подножіе горы и ниже батарей; много снарядовъ оказалось не разорвавшимися, а болѣе того попадало въ воду на рейдѣ, въ проходѣ въ гавань и даже въ западный бассейнъ. Говорили, что одну шампуньку потопило, вмѣстѣ съ гребцомъ-китайцемъ, но достовѣрно установить этотъ фактъ не удалось.

Но, что испытали команды бывшихъ въ гавани торговыхъ судовъ, трудно себѣ представить.

Мы утѣшали себя тѣмъ, что потери японцевъ, ни въ коемъ случаѣ не должны быть меньше нашихъ; иначе они не прекратили-бы такъ скоро бомбардировку. И дѣйствительно даже по оффиціальнымъ японскимъ свѣдѣніямъ они оказались много больше, чѣмъ наши. За то японцы увѣряли, что и мы скрываемъ свои дѣйствительныя потери.

Говорили даже, что одинъ японскій крейсеръ потопленъ; другія суда значительно повреждены, ушли подъ кренамъ и даже на буксирѣ.

Въ этотъ же день удалось ввести «Цесаревича» въ западный, а «Палладу» въ восточный бассейнъ (портъ); не такъ скоро удалось снять съ мели «Ретвизана».

Съ наступленіемъ сумерокъ городъ погрузился въ полный мракъ. Было приказано фонарей на улицахъ не зажигать и завѣшивать всѣ окна, выходящія на улицу. При томъ магазины были закрыты. Эта глухая темнота и тишина вмѣсто обычнаго свѣта и шумной жизни города, угнетала всѣхъ—все замерло. Только съ береговыхъ батарей стали скользить по морю блѣдные лучи прожекторовъ.

Ночью выпалъ глубокій снѣгъ и стало очень холодно.

Въ эту ночь, какъ мы потомъ узнали, погибло отъ холода въ окружающихъ Артуръ горахъ много китайцевъ, искавшихъ тамъ спасенія отъ японскихъ снарядовъ и не рѣшившихъ еще вернуться въ городъ, въ свои жилища.

При разрывѣ одной изъ первыхъ попавшихъ въ раіонъ города непріятельскихъ бомбъ былъ легко раненъ въ лицо корреспондентъ «Русскаго Слова» Мамонтовъ, мелкими камешками или посыпавшимся изъ оконъ стекломъ.

Случайное совпаденіе—на сегодня былъ назначенъ въ нашемъ театрѣ спектакль; афиши гласили: «Сегодня, 27 января 1904 г., въ первый разъ въ Портъ-Артурѣ будутъ «Мертвыя души».—Спектакль, конечно, не состоялся, а въ Артурѣ были уже мертвыя тѣла.

28 января (10 февраля). Газета не выходитъ. Рабочіе-китайцы разбѣжались. Разбѣжались и остальные служащіе. Говорятъ, что изъ штабовъ пока не даютъ никакихъ свѣдѣній для газеты.

По городу циркулируютъ всевозможные слухи и волнуютъ публику, уже и безъ того потерявшую голову.

Уже въ день первой бомбардировки стали разсказывать, что японцы высадили десантъ, который уничтоженъ на мѣстѣ штыками; сперва говорили, что это было у Плоскаго мыса, потомъ, что у бухты Тахэ, потомъ у Голубиной бухты, потомъ еще дальше и, наконецъ, около Дальняго и Таліенвана. Цифра дессанта колебалась въ этихъ слухахъ отъ 400 до 800 человѣкъ; всюду японцы уничтожались съ одинаковымъ успѣхомъ и одною нашею пѣхотою. Все это продолжало циркулировать, пока не было оффиціально объявлено, что никакого дессанта, ни даже попытки къ его высадкѣ на Ляодунскій полуостровъ еще не было.

Слухъ о томъ, что нѣкоторыя наши береговыя батареи стрѣляли во время бомбардировки холостыми зарядами,—что утверждаютъ и понынѣ,—такъ и остались слухами. Правда, многія изъ нихъ выпустили лишь нѣсколько снарядовъ или совсѣмъ молчали, такъ какъ ихъ снаряды не долетали до непріятеля, не достигали цѣли.

Также передали мнѣ въ этотъ день, будто генералъ Стессель имѣлъ очень непріятное для него объясненіе съ намѣстникомъ по поводу неготовности командуемой имъ много лѣтъ крѣпости, и что ему, навѣрно прійдется покинуть свой постъ. Въ этомъ никто и не сомнѣвался.

Мичманъ Борисъ Александровичъ Дриженко.

Встрѣтился съ капитаномъ 2-го ранга Степановымъ, по планамъ и подъ наблюденіемъ котораго строились наши однотипные минные транспорты «Енисей» и «Амуръ». Это были его дѣтища и во время войны они должны были доказать свою цѣлесообразность.

На мой вопросъ объ его взглядахъ на положеніе дѣлъ — взглядахъ, которыми я очень дорожилъ, признавая въ немъ не только очень образованнаго, но и въ высшей степени умнаго человѣка съ яснымъ взглядомъ на все, — онъ отвѣтилъ мнѣ довольно отрывисто.

— Что касается моего, миннаго дѣла, то мы уже проиграли его. Мы должны были напередъ знать не только когда начнется война, но даже часъ, когда непріятельскій флотъ намѣревался покинуть свой портъ.

Тогда-бы я долженъ былъ заградить имъ выходъ минами и тутъ наша эскадра могла-бы сразу уничтожить всѣ главныя силы непріятеля. Заграждать же свои порты отъ непріятеля—это не задача моихъ транспортовъ.

Я замѣтилъ, что все же минное дѣло вещь обоюдоострая, очень рискованное для самихъ исполнителей.

— Какъ всѣ военныя предпріятія вообще. Опасность всюду одинаковая. Но если минный транспортъ исполнилъ свой долгъ, то можетъ и погибнуть, хотя-бы даже отъ собственныхъ минъ—это не бѣда. Къ этому долженъ быть готовъ каждый командиръ миннаго транспорта.

При этихъ словахъ онъ крѣпко пожалъ мою руку и мы разстались. Онъ, видимо, очень спѣшилъ.

То была послѣдняя моя встрѣча съ этой выдающейся личностью.

Вездѣ, и въ городѣ, и въ порту суета. Въ штабахъ кипитъ работа. На батареяхъ и на судахъ начались работы, гдѣ по устройству, гдѣ по исправленію.

Семейства продолжаютъ уѣзжать, какъ бы подгоняемыя вотъ, вотъ наступающимъ непріятелемъ. На вокзалѣ все еще каждый день давка.

Телеграфъ заваленъ депешами на родину, что мы-де пока живы, здоровы.

Подъ вечеръ заходитъ ко мнѣ хорошій знакомый; видимо взволнованъ. Говоритъ, встрѣтилъ кого-то, кто сообщилъ ему, что японскій флотъ по сейчасъ еще въ Голубиной бухтѣ; будто генералъ Стессель намѣревался стрѣлять туда «навѣснымъ» огнемъ, но ему не разрѣшили этого; что въ городѣ разрушены еще нѣкоторыя дома, но мы этого не знаемъ, и отъ насъ это скрываютъ; что Портъ-Артуръ не удержать съ этими силами и—что суда нашей эскадры ни куда не годятся, совсѣмъ неспособны къ бою...

— Здоровъ-ли ты?—спрашиваю удивленно.

— Какъ же! онъ только что изъ новаго города — навѣрное знаетъ...

И смѣшно было, и жалко человѣка, вѣрящаго всякой нелѣпицѣ. Не мало стоило мнѣ труда доказать ему, какого поля ягода такіе преувеличенные страхи. Послѣ онъ часто самъ смѣялся надъ этимъ случаемъ.

Вечеромъ получилось извѣстіе, что нашъ отрядъ оставилъ Шанхай-Гуань, передавъ свой фортъ французамъ, и прибылъ въ Инкоу.

Но что же сталось съ нашими судами, находящимися въ иностранныхъ портахъ — съ крейсеромъ «Варягъ» и канонеркой «Кореецъ» *) въ Чемульпо, съ «Маньчжуромъ» въ Шанхаѣ и съ «Сивучемъ» въ Инкоу?—Почему эти суда не отозваны въ Портъ-Артуръ, когда уже нельзя было надѣяться, что дѣло окончится мирнымъ исходомъ дипломатическихъ переговоровъ?

Больно думать обо всемъ этомъ.

*) Павшему впослѣдствіи смертью героя на редутѣ № 1 капитану 2-го ранга Лебедеву было приказано идти на крейсерѣ 2-го ранга «Забіяка» 27-го января, въ полдень, въ Чемульпо, чтобы смѣнить тамъ канонерскую лодку «Кореецъ». Приказъ этотъ такъ и остался неотмѣненнымъ и неисполненнымъ по случаю бомбардировки.

29 января (11 февраля). Городъ все больше пустѣетъ. Весь контингентъ шумно веселой публики, проживавшей здѣсь ради своего удовольствія или же для доставленія удовольствія другимъ, исчезъ. Какъ мнѣ говорили люди, заслуживающіе полнаго довѣрія, въ эти дни платили иногда извозчику до вокзала до 25 рублей.

Лишь-бы скорѣе уѣхать!

Вагоны были всегда набиты народомъ. Никому не хотѣлось остаться до слѣдующаго поѣзда. Многіе довольствовались тѣмъ, что могли присѣсть только на свой багажъ; авось по пути освободится мѣстечко.

Крѣпостные артиллеристы.

Узнаемъ очень непріятную новость—нашъ асенизаціонный обозъ пересталъ дѣйствовать. Подрядчикъ-арендаторъ его—японецъ Казаками скрылся; его рабочіе китайцы разбѣжались.

Теперь городу грозило бѣдствіе отъ собственныхъ нечистотъ. Устройство клозетовъ было таково, что требовалась ежедневная очистка. Всѣ они были переполнены. Это грозило заразой воздуха въ то время когда и безъ того ненормальная жизнь военнаго времени сулила сама по себѣ возможность разныхъ эпидемическихъ заболѣваній.

Послышались громкіе запросы—почему столь серьезная отрасль городского хозяйства оказалась въ городѣ и въ крѣпости Портъ-Артурѣ въ рукахъ японца?—Аргументъ, что японецъ стоилъ городу меньше средствъ, не удовлетворялъ вопрошающихъ, такъ какъ изъ-за дешевизны нельзя было упускать изъ виду другія соображенія. Развѣ не должны были объ этомъ подумать?

Но вопросъ этотъ такъ и остался открытымъ до сей поры.

Говорили, что организуется новый обозъ,—что кто-то захватилъ всю обстановку обоза и дѣло пока за рабочими. Но не скоро все это получитъ надлежащій характеръ.

Такъ раскрывались одна за другой разныя отрицательныя стороны нашего хозяйства, недочеты и упущенія.

Теперь каждый сознавалъ, что услуги юркихъ японцевъ имѣли вездѣ весьма непріятную для насъ заднюю цѣль. Если они что дѣлали, то не только ради наживы, но желали при этомъ вывѣдать обо всемъ, узнать съ точностью все, что мы тутъ дѣлаемъ — изучить всѣ наши привычки, способности и слабости.

Кругомъ заговорили открыто, что японцы-парикмахеры и нѣкоторые изъ купцовъ были офицеры японскаго генеральнаго штаба, и что не было уголка, который былъ бы имъ не доступенъ. Поговаривали также, что не мало должно быть осталось въ крѣпости японцевъ, переодѣтыхъ китайцами, или припрятавшихся въ укромныхъ уголкахъ для наблюденія за ходомъ событій, за нашими дѣйствіями.

Японскій переводчикъ, служившій при полицейскомъ управленіи, православный и чуть-ли не женатый на русской, скрылся также, хотя все время увѣрялъ, что останется здѣсь, на службѣ. И онъ, вѣроятно, успѣлъ пробраться на иностранное судно, стоявшее еще въ гавани и ожидавшее прибытія остальныхъ, выѣзжающихъ изъ Маньчжуріи японскихъ подданныхъ.

Довольно значительное число китайскаго населенія покинуло городъ; оказалось, что японцы тайкомъ пригрозили смертью всѣмъ, кто останется и будетъ помогать русскимъ.

Въ этомъ не было-бы особенной бѣды, если-бы одновременно съ ихъ отъѣздомъ не закрылось бы много китайскихъ лавокъ и сразу не вздорожали бы нѣкоторые товары. На базарѣ не стало торгующихъ зеленью, корнеплодами, птицею. Иногда ничего нельзя было купить ни за какія деньги.

Стали убѣгать также рабочіе изъ портовыхъ мастерскихъ и изъ порта; это были сплошь китайцы, работавшіе дешевле русскихъ. Теперь, когда потребовалось чинить поврежденныя суда и каждый рабочій былъ дорогъ, почувствовался недостатокъ рабочихъ рукъ; необходимо было значительно усилить штатъ рабочихъ, но бѣжавшаго, вѣдь, не вернешь. Именно тѣ, которые опасались, какъ-бы ихъ не вернули обратно, убѣгали сперва въ деревни, а оттуда или на джонкахъ, или же сухимъ путемъ черезъ Инкоу, пробирались домой, на Шандунь.

Теперь вспомнили, и не безъ горечи, что когда изъ Уссурійскаго края прибыли сюда русскіе переселенцы, нуждавшіеся въ заработкахъ, и предложили свои услуги въ качествѣ рабочихъ въ порту и въ мастерскихъ, то имъ отказали по той простой причинѣ, что китайцы-де работаютъ много дешевле—и нашимъ мужичкамъ пришлось вернуться обратно ни съ чѣмъ. На желѣзной дорогѣ также всюду работали китайцы и китайцы.

Были ли правы наши портовыя власти, разсчитывая и въ случаѣ войны имѣть рабочихъ-китайцевъ—это болѣе, чѣмъ сомнительно. Китайцы извѣстны, какъ народъ очень трусливый и полагаться на нихъ въ такомъ случаѣ значило тоже, что довѣряться весеннему льду. Слѣдовательно, здравый смыслъ требовалъ, чтобы принималась въ разсчетъ не одна только экономія въ средствахъ. Экономія эта остается пока еще подъ очень большимъ подо-

зрѣніемъ, такъ какъ продуктивность и выносливость китайскаго рабочаго много ниже, чѣмъ у русскаго; при томъ же мы еще не знаемъ, во что обошлись *правительству* эти рабочія руки,—не знаемъ, были-ли приняты въ соображеніе и интересы того государства, для котораго, на случай военныхъ осложненій, производились всѣ эти работы. Удобства или неудобства портовыхъ инженеровъ и другого начальства должны были отойти на задній планъ, слѣдовало подумать о томъ, чтобы, въ одинъ прекрасный день не очутиться въ безвыходномъ положеніи, не нанести дѣлу государства непоправимый вредъ и убытокъ—несостоятельность.

И вотъ, эта несостоятельность уже наступила.

Новый сухой докъ, съ постройкой котораго надо было безумно спѣшить, строили также только руками китайцевъ. И эти работы стали.

Японское изображеніе прощанія русскаго офицера съ семьей.

Конечно, полетѣли телеграммы всюду, откуда можно было надѣяться получить столь необходимыхъ мастеровыхъ и рабочихъ. Но — улита ѣдетъ, когда то будетъ — а время, столь дорогое время уходило.

Сегодня вечеромъ изъ Дальняго получено удручающее извѣстіе, что въ Таліенванской бухтѣ погибъ минный транспортъ «Енисей» на одной изъ разставленныхъ имъ самимъ минъ; при этомъ будто погибло много людей и самъ командиръ судна — капитанъ 2-го ранга Владиміръ Алексѣевичъ Степановъ.

Не хотѣлось вѣрить этому ужасному извѣстію; не хотѣлось допускать, что послѣднія его слова, сказанныя мнѣ, были продиктованы ему мрачнымъ предчувствіемъ. Что такой свѣтлый умъ не могъ не предвидѣть возмож-

ныхъ случайностей, это, конечно, ясно. Но онъ былъ, съ виду, при этомъ такъ спокоенъ, фаталистически спокоенъ; только торопился туда, куда призывалъ его долгъ.

Вспомнилось, что ему не особенно везло въ жизни; онъ самъ считалъ себя неудачникомъ и нисколько не цѣнилъ своихъ недюжинныхъ способностей; въ семейной жизни онъ былъ глубоко несчастливъ.

И такъ--это первая жертва войны изъ круга близкихъ знакомыхъ.

Быть можетъ спасся онъ потомъ, случайно, какъ нибудь...

Сегодня началось вооруженіе сухопутнаго фронта крѣпости.

30 января (12 февраля). Наши надежды не оправдались. Капитанъ Степановъ не спасся; онъ погибъ вмѣстѣ со своимъ дѣтищемъ—миннымъ транспортомъ «Енисей», не сходя съ своего мѣста, съ командnаго мостика, заботясь лишь о спасеніи другихъ.

Подробности, полученныя здѣсь объ этой ужасной катастрофѣ — роковой случайности, слѣдующія.

Когда транспортомъ были разставлены мины, заграждающія входъ въ Таліенванскую бухту и рейдъ порта Дальняго, съ него замѣтили одну сорвавшуюся съ мѣста мину и готовились разстрѣлять ее, чтобы ее не унесло теченіемъ; для этого транспортъ долженъ былъ приблизиться къ ней.

Въ это время капитанъ Степановъ находился въ своемъ кабинетѣ и былъ занятъ какой-то работой.

Вѣтеръ крѣпчалъ и волненіе становилось все чувствительнѣе; этимъ и объясняется срывъ поставленной мины. Разстрѣливаніе не удавалось сразу и это привлекло на себя вниманіе всѣхъ.

Когда капитанъ Степановъ выбѣжалъ на верхъ и справился по плану разстановки минъ, онъ убѣдился, что судно нажало, нанесло незамѣтно вѣтромъ на ближайшую линію загражденія. Онъ сразу скомандовалъ спускать всѣ шлюпки и приказалъ спасаться всѣмъ, кто можетъ.

— Сейчасъ судно должно взорваться отъ собственной мины. Насъ нанесло вѣтромъ. Спасенія нѣтъ!—крикнулъ онъ въ дополненіе своихъ приказаній.

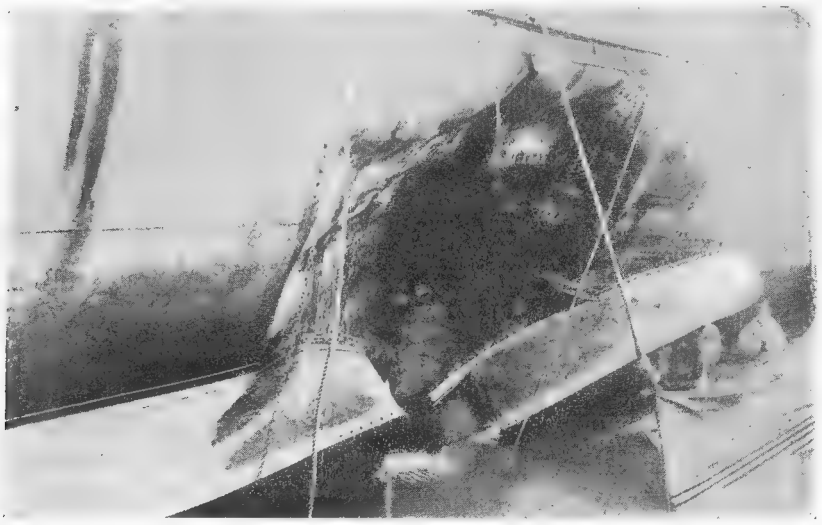
Вскорѣ послѣдовалъ взрывъ; судно приподнялось, а потомъ стало быстро погружаться въ воду. Команда упрашивала своего любимаго командира сѣсть также въ шлюпку; но онъ пригрозилъ стрѣлять въ того, кто не поторопится спасаться.

— Обо мнѣ не заботьтесь, — кричалъ онъ имъ вслѣдъ, — спасайтесь только сами.

Когда первый успѣвшій разгрузиться вельботъ вернулся къ мѣсту несчастія, онъ могъ только подобрать окоченѣвшаго въ ледяной водѣ, державшагося при помощи двухъ коекъ (спасательныхъ круговъ) часового съ денежнаго сундука, спрыгнувшаго съ погибающаго судна послѣднимъ, по приказанію командира.

Ни судна, ни его командира не было уже на водѣ. На поверхности воды плавали только кое-какія деревянныя предметы, сплывшіе при гибели транспорта.

Человѣческихъ жертвъ при этомъ несчастіи оказалось много: кромѣ командира, капитана Степанова, погибли мичманы Хрущовъ и Дриженко, инженеръ-механикъ Яновскій, машинный кондукторъ Крамовъ и 92 нижнихъ чина. Часть изъ нихъ убило взрывомъ, часть потонула, а нѣкоторые умерли на берегу. Вѣтеръ дулъ очень холодный, вблизи же не было ни жилого помѣщенія, не имѣлось сухого платья, не было возможности отогрѣть уже было спасшихся, вытащенныхъ изъ ледяной воды людей.



Минная пробоина въ корпусѣ крейсера «Паллада».

Спаслись при этомъ: лейтенанты Дрешеръ *) и Ромашевъ, мичманы Де-Симонъ, Власьевъ и Вильгельмсъ **), судовой врачъ Агафоновъ и 92 нижнихъ чина.

Изъ полученныхъ свѣдѣній ясно видно, что капитанъ Степановъ, уцѣлѣвшій при взрывѣ мины, имѣлъ возможность спастись. Скорбя объ утратѣ хорошаго знакомаго и рѣдкаго офицера, нельзя было не задать себѣ вопроса: правъ ли онъ былъ сознательно погибая вмѣстѣ со своимъ судномъ въ то время, когда имѣлъ возможность спастись?

Вопросъ этотъ рѣшенъ уже давно европейской прессой отрицательно. Требованіе традиціонной этики моряковъ, по которой капитанъ долженъ погибнуть вмѣстѣ со своимъ судномъ, признано несостоятельнымъ и отжившимъ свой вѣкъ безцѣльнымъ рыцарскимъ самолюбіемъ.

Но въ данномъ случаѣ нельзя примѣнить къ капитану Степанову общую мѣру.

---

*) Умеръ впослѣдствіи.

**) Убитый въ августѣ на батареѣ Большого Орлинаго Гнѣзда.

Какъ командиръ и строитель судна, какъ рѣдко даровитый офицеръ, въ какихъ въ данное время отечество нуждается болѣе, чѣмъ когда либо,— онъ не былъ правъ погубивъ себя. Вѣдь можно было выстроить новый транспортъ, который былъ-бы совершеннѣе погибшаго; всѣ недостатки, выяснившіеся на практикѣ, были бы устранены и примѣнены болѣе совершенныя приспособленія. Помимо того, какъ дѣльный и храбрый офицеръ онъ могъ бы принесть много пользы въ дѣлѣ общей защиты крѣпости.

Но, съ другой стороны, какъ командиръ — строитель судна и какъ человѣкъ онъ имѣлъ право сознательно погибнуть въ то время, какъ его дѣтище-судно, не будучи въ силахъ, по сложившимся обстоятельствамъ, выполнить прямое и главное свое назначеніе, погибало, исполнивъ лишь второстепенное, — онъ былъ правъ не пожелавъ спасаться въ то время, когда не всѣ подчиненные ему люди могли спастись и когда онъ чувствовалъ себя отвѣтственнымъ за ихъ гибель, — когда его убивало неудачное начало войны, — когда, наконецъ, онъ видѣлъ въ этомъ несчастіи довершеніе всѣхъ выпавшихъ на его долю неудачъ — и жизнь ничѣмъ не прельщала его. Да, онъ имѣлъ право уйти изъ этой, опостылѣвшей ему жизни. Миръ праху героически погибшаго!

Не успѣли мы еще примириться съ этой потерею, какъ явились подозрѣнія — не попалъ-ли пароходъ Россійскаго общества транспортованія кладей «Манджурія», вышедшій изъ Шанхая еще до начала военныхъ дѣйствій сюда, въ руки японцевъ? — Онъ былъ нагруженъ снарядами и другими военными припасами и везъ предназначенный для Артура воздухоплавательный паркъ — три воздушныхъ шара со всѣми необходимыми принадлежностями. Всѣ справки о немъ подтверждали одно, что пароходъ долженъ былъ прибыть въ Портъ-Артуръ 27, самое позднее 28 января. Теперь вспомнили, что пароходъ этотъ нагружался въ разныхъ портахъ очень долго и вышелъ сюда слишкомъ поздно. Японцамъ, навѣрно, было извѣстно, съ какимъ грузомъ шелъ этотъ пароходъ; ихъ агенты не дремали.

Осталась еще маленькая надежда—авось прійдетъ еще... Но онъ такъ и не пришелъ. (Потомъ узнали мы изъ иностранныхъ газетъ, что пароходъ взятъ японцами 27 января (9 февраля) подъ самымъ Артуромъ и уведенъ въ Сасебо).

30 января (12 февраля). Сегодня, подъ вечеръ мы получили вновь газету, пріостановившуюся изъ за бомбардировки. Она вышла въ видѣ бюллетеня (вмѣсто большого листа, печатавшагося мелкимъ шрифтомъ) и содержитъ лишь царскій манифестъ о началѣ войны, приказы намѣстника: 1) призывающій всѣхъ воиновъ къ спокойной и дружной защитѣ крѣпости и 2) о томъ, что на основаніи Высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго намѣстнику 25 января (7 февраля) военнымъ министромъ по телеграфу, — крѣпость Портъ-Артуръ объявляется съ 27 января (9 февраля) въ осадномъ, а крѣпость Владивостокъ и районъ Китайской-Восточной дороги на военномъ положеніи. — Далѣе въ бюллетенѣ помѣщены телеграммы изъ Россіи, поздравляющія защитниковъ крѣпости съ отраженіемъ перваго, при томъ

коварнаго, безъ объявленія войны, нападенія непріятеля. Далѣе телеграммы Россійскаго агенства, передовица и еще кой-какія замѣтки. О военныхъ событіяхъ обѣщаютъ сообщить на слѣдующій день. Но все же газета, какъ-бы оживляетъ нашу потускнѣвшую жизнь, даетъ намъ больше опоры, чѣмъ всѣ эти циркулирующіе слухи.

Одно только непонятно—почему Высочайшее повелѣніе объ осадномъ и военномъ положеніи, полученное *25 января* (7 февраля), объявлено только 27, а если его нельзя было обнародовать до начала враждебныхъ дѣйствій со стороны японцевъ, — то почему крѣпость (хотя-бы береговой фронтъ) не была въ боевой готовности,—почему не были приняты *всѣ мѣры*

Поврежденія непріятельскимъ снарядомъ на палубѣ крейсера «Баянъ».

предосторожности военнаго времени, — почему нападеніе непріятеля могло быть, какъ для флота, такъ и для крѣпости *неожиданностью?*

Эти вопросы нуждаются въ основательномъ разъясненіи со стороны нашихъ отвѣтственныхъ властей.

31 января (13 февраля). Гдѣ находится непріятельскій флотъ, намъ ничего не извѣстно. Получены лишь свѣдѣнія, что 29 числа около Инкоу на морѣ виднѣлись какіе-то огни, а вчера подходили къ Дадунгоу 6 японскихъ судовъ, дали нѣсколько выстрѣловъ и этимъ переполошили всѣхъ жителей.

Начинаютъ получаться свѣдѣнія о захватѣ японцами нашихъ торговыхъ судовъ уже 25-го января (7 февраля) и въ послѣдующіе дни.

Возникли предположенія о гибели «Варяга» и «Корейца» въ Чемульпо; но никто не знаетъ истиннаго положенія дѣла.

Чѣмъ дальше, тѣмъ мрачнѣе становится на душѣ. Все складывается для насъ такъ неудачно, такъ неблагопріятно, что хуже и быть не можетъ.

Что насъ радуетъ, это только сочувственная телеграмма изъ Россіи, вѣсти, что тамъ выражаютъ готовность постоять за честь родины, — что тамъ уже добровольцы записываются на войну. Да развѣ еще сознаніе, что несчастіе наше могло быть еще много больше.

Намѣстникъ предлагаетъ коменданту крѣпости принять мѣры къ выселенію мирныхъ жителей изъ всего укрѣпленнаго района Портъ-Артуръ—Киньчжоу. Предоставляется оставаться только тѣмъ, кто обязуется, въ случаѣ надобности, ухаживать за больными.

Неимущимъ предлагаютъ безплатный проѣздъ до Иркутска и 10 рублей пособія. Казалось-бы большая милость со стороны правительства; на самомъ же дѣлѣ далеко не такъ. Какимъ способомъ должны неимущіе, особенно многосемейные люди, пробираться отъ Иркутска до своего мѣста причисленія, которое можетъ быть и въ какомъ нибудь отдаленномъ отъ желѣзной дороги мѣстѣ, и на какія средства должны они питаться дорогой?—Такой массѣ выселяемаго люда разсчитывать на заработокъ въ Иркутскѣ нечего и думать; проживать же безъ заработка, конечно, немыслимо, такъ какъ Иркутскъ и въ мирное время всегда отличался дороговизною жизни.

III. Новыя атаки.

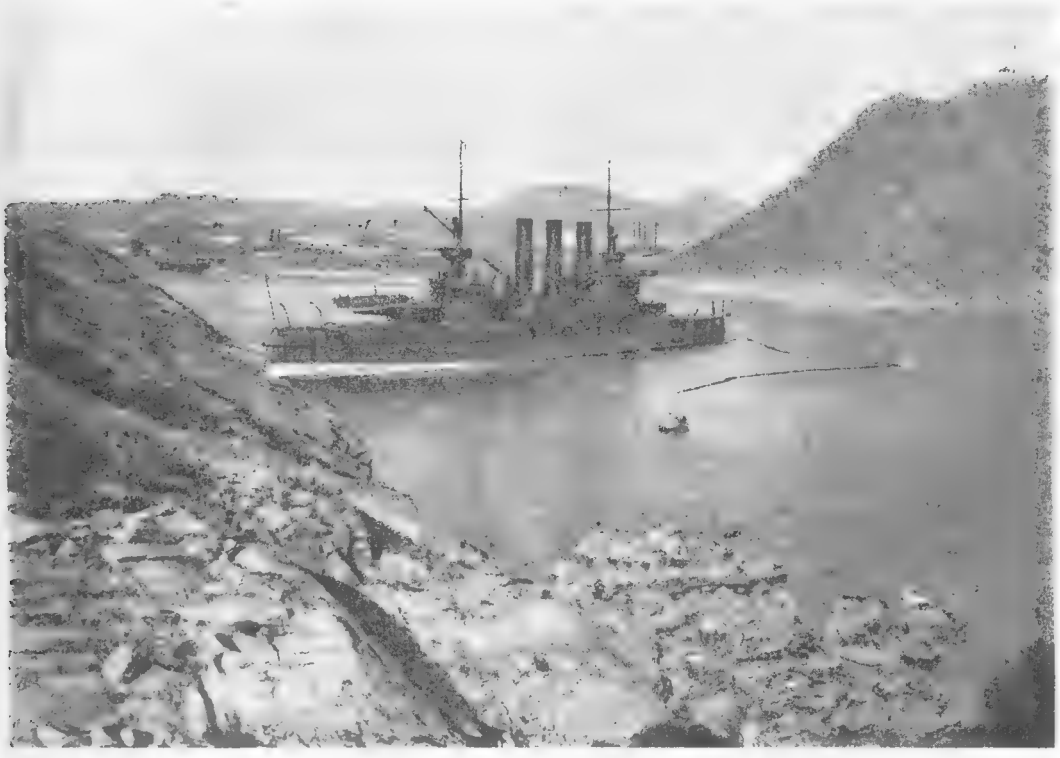
1/14 февраля. Ночью, такъ около 3 часовъ утра, снова встревожили насъ выстрѣлы съ моря. На дворѣ была буря со снѣгомъ, поэтому казалось, будто стрѣляютъ гдѣ-то далеко. Оказалось, что съ «Ретвизана», все еще находящагося у входа въ гавань, замѣтили на морѣ какіе-то огоньки и открыли по нимъ стрѣльбу. Тѣмъ дѣло и кончилось.

(Впослѣдствіи по оффиціальному японскому сообщенію въ иностранныхъ газетахъ, мы узнали, что это подходили два японскіе миноносца «Асагари» и «Хаятори». Каждый изъ нихъ, какъ увѣряли, выпустилъ по одной минѣ, каждый повредилъ по одному русскому военному судну, послѣ чего они ушли благополучно).

Къ утру буря улеглась и насталъ день солнечный, но все же холодный. Жители на этотъ разъ мало безпокоились о происшедшемъ ночью, хотя возникли слухи объ ожидаемой новой бомбардировкѣ. Въ отрядной (гарнизонной) церкви былъ торжественно прочитанъ манифестъ по поводу начала войны, состоялось молебствіе и парадъ войскамъ; потомъ намѣстникъ присутствовалъ на панихидѣ по павшимъ въ бою воинамъ, которую служили на броненосцѣ «Петропавловскъ».

Послѣ обѣда пошелъ было гулять, но услышалъ духовую музыку. Поднялся на Военную гору и предо мной предстала слѣдующая картина. По

восточному склону Перепелочной горы, покрытой мѣстами снѣгомъ, падали уже тѣни; солнце клонилось къ закату. Чернѣющія прогалины получали отъ этой тѣни еще болѣе темную окраску; казалось будто гора покрыта черной матеріей, на которой вышиты бѣлые траурные узоры, что, какъ-бы гармонировало съ нашимъ душевнымъ состояніемъ и со всѣмъ совершающимся вокругъ насъ, а особенно съ тѣмъ, что происходило тамъ, откуда неслись печальные звуки. У подножья горы, около часовенки Своднаго военнаго госпиталя суетятся люди — это выносятъ павшихъ въ бою и умершихъ отъ тяжкихъ ранъ воиновъ, первыхъ жертвъ начавшейся войны.



Броненосецъ «Ретвизанъ» посаженный на мель у входа въ гавань въ ночь на 27-е января. Сѣтка спущена; впереди виденъ бонъ.

По сторонамъ дороги, по которой спускаются носилки съ трупами къ ожидающимъ внизу телѣгамъ, выстроены музыканты и отрядъ, который долженъ отдать умершимъ послѣднюю воинскую почесть. Музыка играетъ «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ». Звуки льются торжественно, печально, и медленно. — Чувства, испытываемыя при этихъ звукахъ, не поддаются описанію. Тутъ и слезы, безутѣшныя слезы и рыданія, и торжественныя клятвы отомстить за эти молодыя, безвременно погибшія жизни; и сила вѣры и безсиліе, ничтожество человѣка. Сила музыки сказалась тутъ чѣмъ-то божественно полнымъ—печальнымъ до отчаянія и ободряющимъ до ликованія. Потомъ похоронный маршъ при медленномъ движеніи погребаль-

наго шествія. Все это такая величественная картина, что чувствуешь себя совершенно подавленнымъ ничтожествомъ обыденной, сѣренькой жизни.

Но, гдѣ родные этихъ поплатившихся жизнью героевъ? — ихъ здѣсь нѣтъ! Не знаютъ, они, не чувствуютъ, что происходитъ здѣсь при этой печально-торжественной обстановкѣ. Если бы они могли присутствовать при этомъ, все же было бы имъ легче на душѣ, чѣмъ узнать лишь послѣ, что ихъ сынъ, братъ или мужъ убитъ на войнѣ и только; они и выплакали бы свое горе и успокоились бы. Небесный даръ—музыка исполнила бы тутъ великую миссію утѣшительницы въ скорби и печали. А какъ тяжело будетъ имъ узнать, что дорогой человѣкъ убитъ, зарытъ въ далекой, чужой землѣ и не ихъ любящей рукой закрыты его глаза, не ими сказано ему послѣднее прости!

Какой ничтожной, даже банальной кажется въ данную минуту всякая остальная музыка!

2/15 февраля. Снова сообщаютъ очень непріятныя вещи. Увѣряютъ, что всетаки нѣкоторыя изъ нашихъ береговыхъ батарей стрѣляли 27 января холостыми зарядами. Далеко не всѣ батареи были въ боевой готовности и снарядовъ было мало. Сейчасъ требуютъ изъ морскихъ артиллерійскихъ складовъ по 600 снарядовъ на каждую 6-дюймовую пушку берегового фронта. Мало того—у насъ на судахъ подбиты непріятельскими снарядами двѣ шестидюймовыя и повреждена собственной стрѣльбой одна, или даже двѣ, — а въ складѣ имѣется всего одна шестидюймовая запасная пушка!— Замѣнить поврежденныя нечѣмъ. 75-милиметровыхъ пушекъ тоже мало— дай Богъ, чтобы хватило ихъ на оборудованіе незаконченныхъ миноносцевъ *).

Что будетъ съ нами дальше, если уже сейчасъ обнаруживаются такіе недочеты? Удастся ли намъ пополнить всѣ эти пробѣлы при помощи желѣзной дороги? Сомнительно. Вотъ, что значитъ потеря такого дорогого груза, какой былъ на «Манджуріи».

Сегодня опубликованъ въ газетѣ приказъ и. д. коменданта крѣпости генерала Стесселя, въ которомъ онъ, описывая событія, увѣряетъ, что 27 января «въ *11 часовъ* съ батареи Электрическаго утеса открытъ огонь»,— что «бомбардировка продолжалась съ крѣпости и эскадры *около часу*» и—что «Нашъ Высокочтимый Намѣстникъ Его Величества **) *былъ* на Золотой горѣ и *ясно видѣлъ*, какъ дрался флотъ совмѣстно съ сухопутными батареями».

Первыя увѣдомленія его о ходѣ событій, если и уклоняются отъ истины, то несомнѣнно выказываютъ способности генерала писать громкія реляціи, а послѣднія разсчитаны на то, чтобы понравиться намѣстнику, ибо бытность его на Золотой горѣ во время боя очень нуждалась въ подтвержденіи, — потому, что, какъ сообщали очевидцы, онъ прибылъ туда поздно.

Такія способности, генерала Стесселя — видѣть въ угоду начальству

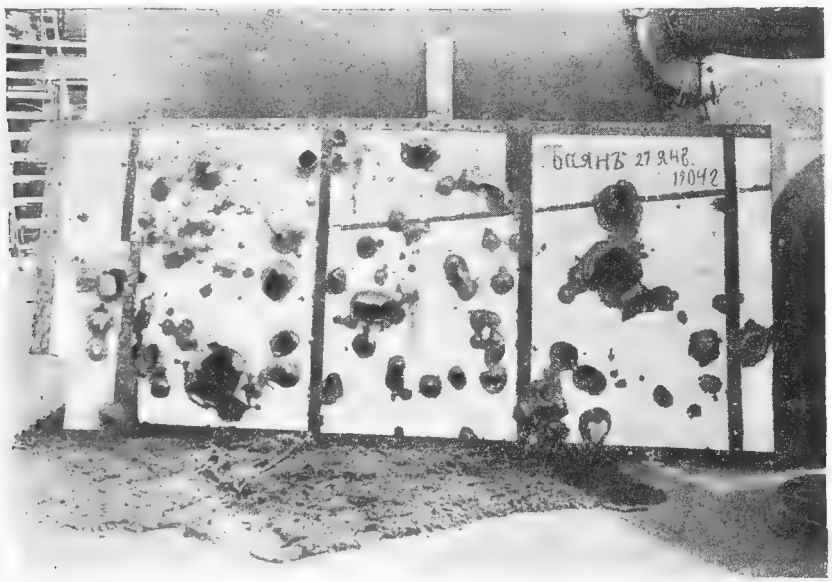
*) Къ началу войны оказалось запасныхъ пушекъ налицо въ артиллерійскомъ складѣ морского вѣдомства всего: одна 6″, семь 75 мм. и семь 47 мм., вмѣсто требующихся положеніемъ 25% всего наличія пушекъ на судахъ флота, притомъ каждаго калибра.

**) Передаю такъ, какъ сказано въ приказѣ.

даже съ Электрическаго утеса то, что другіе и на самой Золотой горѣ не могли видѣть—вѣроятно не разъ поспѣшествовали его карьерѣ, объясняютъ ее.

Отправили на Киньчжоу пушки, между ними старую китайскую рухлядь Комендантомъ позицій назначенъ командиръ 5-го Вост.-Сиб. стрѣлковаго полка, полковникъ Николай Александровичъ Третьяковъ; работа по укрѣпленію поручена военному инженеру, капитану Алексѣю Владиміровичу Шварцу, а командиромъ крѣпостной артиллеріи назначенъ штабсъ-капитанъ Николай Алексѣевичъ Высокихъ.

Мнѣ сообщили подъ строгимъ секретомъ, что крейсеръ 2-го ранга «Бояринъ» погибъ у входа въ Таліенванскую бухту. О гибели этого судна



Броневая плита, изрѣшетенная осколками непріятельскихъ снарядовъ.

рѣшено молчать. Точныхъ подробностей добыть нельзя. Крейсеръ будто былъ посланъ розыскивать спасшихся на одномъ изъ острововъ людей съ миннаго транспорта «Енисей», но его забыли снабдить планомъ миннаго загражденія, или же такого вовсе не имѣлось, такъ какъ «Енисей» погибъ тотчасъ по окончаніи разстановки минъ, и едва ли планы могли быть спасены,—или же, наконецъ, по собственной неосмотрительности, но крейсеръ наткнулся на мину и погибъ, и хотя его можно было еще спасти, но командиръ приказалъ всѣмъ спасаться на находившіеся вблизи (должно быть сопровождавшіе крейсеръ) наши миноносцы; не слыхать, чтобы самъ командиръ сходилъ послѣднимъ съ судна *). Говорили также, будто миноносцы пред-

*) Мнѣ передавали, будто, когда командиръ съ судовымъ врачемъ уже отплыли на шлюпкѣ отъ подбитаго миной крейсера, врачъ предлагалъ вернуться на судно и попытаться спасти его, такъ какъ оно только накренилось, но не погружаетсявъ воду. Но командиръ будто сказалъ, махнувъ рукой, что оно все равно погибнетъ.

лагали свои услуги, хотѣли отбуксировать подбитый миной крейсеръ или въ Дальній, или въ Портъ-Артуръ, но командиръ будто отклонилъ это предложеніе съ руганью *).

3/16 февраля. Генералъ Стессель назначенъ командиромъ 3-го сибирскаго армейскаго корпуса и приступилъ къ формированію корпуснаго штаба.

5/18 февраля. Сегодня замѣченъ на горизонтѣ крейсирующій японскій флотъ. Принимаются мѣры предосторожности. Появляются конечно и новые слухи о готовящейся бомбардировкѣ.

На этихъ дняхъ узнали мы достовѣрно о геройской гибели въ Чемульпо крейсера 1-го ранга «Варягъ» и канонерской лодки «Кореецъ». Бой этотъ представляетъ собою все же свѣтлую, среди другихъ, страничку въ исторіи этой войны.

Въ депешахъ иностранныхъ газетъ, появляются самыя невѣроятныя свѣдѣнія о войнѣ, плоды фантазіи. Событія совершаются слишкомъ медленно для міра, жаждущаго сенсаціонныхъ сообщеній, жаждущаго всевозможныхъ кровавыхъ, ужасающихъ происшествій.

Сегодня опубликованъ въ бюллетенѣ «Новаго Края» приказъ намѣстника отъ 2 февр. № 87, крайне интересный по существу. Въ немъ перечисляются всѣ суда и ихъ командиры, которые участвовали въ бою 27-го января, высказывается всѣмъ благодарность и объявляется число Георгіевскихъ крестовъ, пожалованныхъ нижнимъ чинамъ. Посыпались награды, по примѣру китайской войны, направо и налѣво. На суда 1-го и 2-го ранга, имѣющія болѣе 200 чел. команды дано по 6 знаковъ отличія на каждую роту; на остальныя суда 2-го ранга по 4 знака на роту, на миноносцы по одному знаку и на сигнальную станцію 1 знакъ. Награды офицерамъ не объявлены, но онѣ будутъ, навѣрное, въ той же пропорціи.

Каждый знакъ отличія, а тѣмъ болѣе Георгіевскій крестъ имѣетъ свой уставъ, который точно указываетъ, за что, за какой подвигъ полагается воину получить этотъ знакъ. Если же знаки эти жалуются огульно на извѣстныя части войскъ, тогда неизбѣжно то, что въ одной, напримѣръ, ротѣ нѣсколько человѣкъ получатъ кресты, совершенно не заслуженно, тогда, какъ въ другой нѣкоторые останутся безъ дѣйствительно и сознательно заслуженнаго отличія. Далѣе, въ данномъ случаѣ совершенно непонятно, зачѣмъ награждены команды миноносцевъ, которые никакого участія въ бою не принимали? Развѣ за то, что они могли быть «храбрыми» зрителями боя?..

Получается профанація, обезцѣниванье знака отличія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самаго подвига. Каждая несправедливость въ этомъ отношеніи имѣетъ

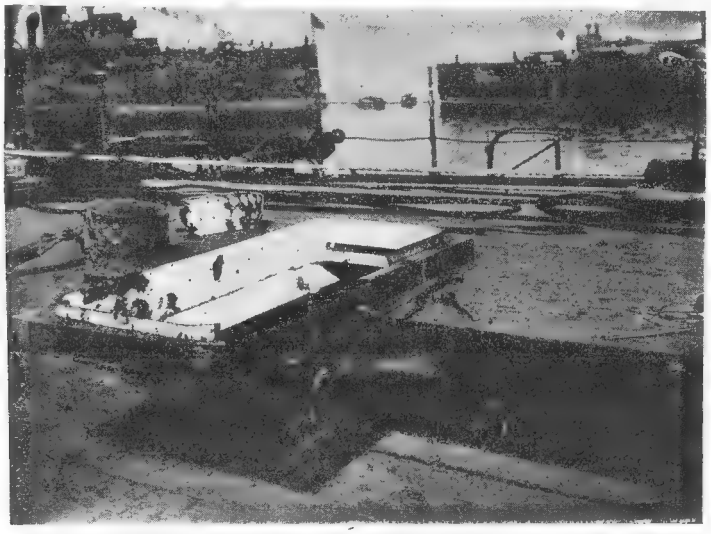
---

*) Впослѣдствіи выяснилось, что крейсеръ, брошенный командой, носило еще дня два, если не три, по морю и китайцы стащили съ него много судовыхъ вещей и имущества офицеровъ и команды. Позднѣе отбирали все это у китайцевъ-жителей ближайшихъ острововъ и берега; конечно, многое осталось нерозысканнымъ. Потомъ судили командира крейсера—капитана 2 ранга и Георгіевскаго кавалера китайской войны—Сарычева; судъ отрѣшилъ его отъ командованія судномъ. Все же было-бы интересно узнать, оставилъ-ли онъ морскую службу?

вредныя послѣдствія, а потому я останавливаюсь на этомъ вопросѣ. Георгіевскій крестъ—эта желательная награда всякаго воина—долженъ служить къ поднятію духа войскъ и къ поощренію къ дальнѣйшимъ подвигамъ; имъ долженъ быть награжденъ лишь дѣйствительно достойный. Награжденіе же имъ какъ-бы въ счетъ будущихъ подвиговъ является средствомъ весьма сомнительнымъ и, скорѣе, на столько же вреднымъ, какъ несправедливое обхожденіе отличившагося заслуженной наградой.

6/19 февраля. Сегодня получено извѣстіе, что кабель Артуръ-Чифу поврежденъ. Вотъ, чѣмъ объясняется появленіе непріятельскаго флота вчера на горизонтѣ.

Привожу характерный приказъ генерала Стесселя № 73, опубликованный сегодня.



Поврежденія палубы крейсера «Баянъ».

«До свѣдѣнія моего дошло, что въ гарнизонномъ собраніи г.г. офицеры занимаются совершенно не своими дѣлами: вкривь и вкось обсуждаютъ военныя событія, сообщаютъ разные нелѣпые слухи, Богъ знаетъ откуда ими набранные. Дѣло офицера хорошенько подумать и обсудить, какъ-бы лучше выполнить данное приказаніе или распоряженіе, а не осуждать дѣйствія высшихъ начальниковъ. Такіе господа крайне вредны и я, разумѣется, буду ихъ карать по силѣ данной мнѣ власти. И. д. коменданта крѣпости генералъ-лейтенантъ Стессель».

Не правда-ли, приказъ весьма краснорѣчивый и знаменательный: у генерала Стесселя есть приспѣшники, сообщающіе ему, что говорятъ товарищи *въ гарнизонномъ собраніи* и онъ собирается покарать всѣхъ тѣхъ, кто осмѣливается разсуждать *на досугѣ!*..

7/20 февраля. Получено извѣстіе о назначеніи вице-адмирала Макарова командующимъ флотомъ Тихаго океана. Является новая надежда на улучшеніе у насъ морского дѣла. Много хорошаго знаемъ мы о немъ; но

каковы его боевыя качества въ данное время, мы еще не знаемъ. Одно ясно, что дѣло должно улучшиться, ибо хуже теперешняго положенія и быть не можетъ.

Въ то же время узнаемъ, что командующимъ Манчьжурской арміей назначенъ военный министръ генералъ Куропаткинъ. Это извѣстіе также оживило всѣхъ увѣренностью, что армія наша въ лучшихъ рукахъ,—что съ Куропаткинымъ во главѣ нашей арміи нечего бояться. Это опытный боевой генералъ, ученикъ, соратникъ и другъ Скобелева, легендарное геройство котораго еще свѣжо въ памяти всѣхъ.

Съ самаго начала военныхъ дѣйствій возникли среди темныхъ массъ войска и простонародья слухи-легенды о томъ, что Скобелевъ не умеръ, что онъ еще живъ и, услыхавъ про войну, не утерпитъ — явится и вновь поведетъ русскія войска къ побѣдамъ... Это разсказывалось съ наивной увѣренностью, повторялось въ причудливыхъ варіаціяхъ.

Назначеніе комендантомъ крѣпости Портъ-Артура генералъ-лейтенанта Смирнова, хотя не могло вызвать воодушевленія, такъ какъ никто не зналъ его, но все же успокаивало, подавало надежду на улучшеніе положенія.

Кстати, генераломъ Стесселемъ сегодня изданъ приказъ о формированіи изъ охотниковъ и другихъ свободныхъ отъ дѣла жителей города вольныхъ дружинъ. Желающіе поступить въ дружину должны записываться въ полицейскомъ правленіи... Не можемъ мы обойтись безъ полиціи даже тогда, когда готовы всей душою помочь родинѣ, умереть за нее!

8/21 февраля. Сегодня утромъ намѣстникъ уѣхалъ со своимъ штабомъ на сѣверъ, въ Маньчжурію, предоставивъ командованіе флотомъ адмиралу Старку, на правахъ и. д. командующаго *и предписавъ генералу Стесселю вступить во всѣ права коменданта укрѣпленнаго раіона* Цзиньчжоу-Артуръ, на правахъ командира отдѣльнаго корпуса *).

Изъ этого видно, что намѣстникъ снова благоволитъ къ своему покорному слугѣ. Грустно. Но, быть можетъ, его еще возьмутъ въ сѣверную армію.

Генералъ Стессель приказываетъ принять полицейскія мѣры противъ рабочихъ и служащихъ Невскаго завода, воспрещаетъ имъ выѣздъ и учреждаетъ за ними надзоръ.

Къ отъѣзду намѣстника относятся двояко: одни говорятъ, что онъ опасается новой бомбардировки, другіе увѣряютъ, что ему необходимо уѣхать въ интересахъ дѣла: нельзя-же ему рисковать быть отрѣзаннымъ отъ всего намѣстничества. Областное управленіе переведено въ Харбинъ; туда выѣхало старшее начальство разныхъ вѣдомствъ.

Портартурскій окружный судъ выѣхалъ во всемъ своемъ составѣ на сѣверъ и неизвѣстно, гдѣ онъ откроетъ свои дѣйствія; здѣсь остался только исправляющій обязанности прокурора И. И. Азаровъ, какъ прапорщикъ запаса артиллеріи. Тяжущіяся стороны, имѣющія срочныя дѣла, приходятъ въ отчаяніе, не зная, что дѣлать. Судъ не счелъ даже нужнымъ объявить, куда обращаться съ ходатайствами въ случаѣ надобности.

*) Приказъ намѣстника отъ 8-го февраля, опубликованный въ «Новомъ Краѣ» № 31.

Узналъ, будто поврежденія броненосца «Цесаревичъ» не особенно значительны и легко исправимы, но практикъ-механикъ, завѣдывающій ремонтомъ землечерпательнаго каравана, Владимірскій, котораго считаютъ здѣсь положительнымъ авторитетомъ своего дѣла и котораго пришлось привлечь на совѣтъ и въ помощь при снятіи поврежденныхъ судовъ съ мели, будто расходится во мнѣніяхъ съ командиромъ судна капитаномъ I-го ранга Григоровичемъ по поводу характера поврежденія. Владимірскій утверждаетъ, что взрывомъ мины должна быть повреждена рама рулевого аппарата и, что если сейчасъ не исправятъ это поврежденіе, то рулевой аппаратъ «Цесаревича» можетъ отказаться дѣйствовать въ самую

Броневыя плиты броненосца, сдвинутыя съ мѣста взрывомъ мины.

нужную минуту и этимъ погубить судно. По его увѣреніямъ необходимо устроить кессонъ такъ, чтобы можно было поднять всю корму судна и тогда можно все это исправить; при этомъ пройдетъ можетъ быть лишній мѣсяцъ, максимумъ полтора, но за то судно будетъ въ несомнѣнной исправности. Командиръ не соглашается съ нимъ, такъ какъ признаніе большихъ поврежденій, конечно, не въ его интересахъ. Но если Владимірскій окажется правымъ, то самолюбіе и упрямство командира могутъ обойтись намъ очень дорого *).

Начинаютъ циркулировать слухи, будто на Ялу были уже сраженія и цифры потерь съ обоихъ сторонъ большія — считаются тысячами.

*) Послѣ выхода эскадры 10-го іюня понадобились исправленія рулевого привода «Цесаревича»; 28-го іюля «Цесаревичъ» вошелъ въ портъ Цзинтау съ бездѣйствующимъ рулемъ. Въ «Дневникѣ сестры милосердія Баумгартенъ», на стр. 170 сообщается, что когда «Цесаревичъ» вышелъ 28-го іюля на рейдъ, то оказалось, что руль броненосца не дѣйствуетъ... Значитъ, покойный Владимірскій оказался правымъ.

11/24 февраля. Около 3 часовъ утра насъ разбудилъ все усиливающійся орудійный грохотъ. Одѣться, накинуть шубу и взобраться на Военную гору было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Въ проходѣ гавани, гдѣ стоитъ «Ретвизанъ», на Тигровомъ полуостровѣ и въ сторонѣ Электрическаго утеса то и дѣло, вспыхиваютъ огоньки въ темнотѣ и раздаются, довольно часто выстрѣлы; но по чему стрѣляютъ не видать; также не видать, чтобы гдѣ либо рвались непріятельскіе снаряды. Но вдругъ за «Ретвизаномъ» показывается какой-то огонекъ и приближается къ нему все ближе и ближе и, наконецъ, останавливается возлѣ него. Пальба продолжается. Бѣгу съ горы на набережную, чтобы узнать, что творится на морѣ, но и здѣсь никто ничего не знаетъ. Вотъ, вспыхнуло пламя и освѣтило силуэтъ «Ретвизана». Что-то горитъ правѣе броненосца; какъ будто большое судно. Отблескъ пожара обдаетъ «Ретвизана» краснымъ свѣтомъ и онъ кажется какимъ-то сказочнымъ чудовищемъ. Около броненосца «Ретвизанъ» и горящаго судна, видна какая-то суета; по временамъ затихаетъ стрѣльба, слышны голоса людей. Въ собравшейся на берегу публикѣ возникаютъ предположенія не «брандеръ» ли это? Не хотятъ ли японцы сжечь «Ретвизанъ»?.. Но едва-ли это возможно. И въ догадкахъ рисуются всевозможныя картины ужаснѣйшихъ замысловъ.

Пальба усиливается, становится рѣже и затихаетъ; и такъ нѣсколько разъ. Холодно. Иду домой въ надеждѣ, что къ утру все выяснится.

Пальба становится все рѣже. Уже пятый часъ утра. Легъ не раздѣваясь, но заснулъ такъ крѣпко, что уже не слышалъ, рѣдкихъ выстрѣловъ, раздававшихся до 7 часовъ утра.

Не скоро удалось добыть свѣдѣнія о происшедшемъ. Наконецъ узналъ слѣдующее: съ «Ретвизана» замѣтили какое-то приближающееся ко входу судно и открыли огонь; вслѣдъ затѣмъ начали стрѣлять съ Тигроваго полуострова и Электрическаго утеса. Одно за другимъ шли какія-то суда; наши батареи и «Ретвизанъ» засыпали ихъ снарядами, до тѣхъ поръ, пока они не пошли ко дну. Одно изъ нихъ приткнулось къ мели подъ Золотой горой, второе подъ маякомъ, вблизи «Ретвизана», а другія по направленію Ляотѣшана *). Ночью было насчитали ихъ больше, но на разсвѣтѣ увидали только четыре затонувшія судна **). Ставшее вблизи «Ретвизана» судно все еще горѣло, несмотря на старанія затушить пожаръ. Выяснилось, что суда эти нагружены камнемъ и углемъ, облитымъ керосиномъ; кромѣ того имѣлись провода, ведущіе въ трюмъ, гдѣ должно быть были заложены мины. Становилось яснымъ, что японцы, по примѣру американцевъ у Сантъ-Яго, на Кубѣ, желая воспрепятствовать выходу нашей эскадры изъ гавани послали эти суда. Ихъ назвали у насъ «брандерами-заградителями». Это

*) Южный мысъ Ляодунскаго полуострова, на которомъ стоялъ маякъ; мысъ этотъ представляетъ изъ себя высокій скалистый хребетъ, спускающійся къ Голубиной бухтѣ, на юго-западѣ полуострова.

**) По японскимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ было всего пять такихъ судовъ: «Hokoku Maru», «Bushu Maru», «Tenshiu Maru», «Buyo Maru» и «Tinsen Maru». Послѣднее затонуло на глубокомъ мѣстѣ и его не было видно.

были все старыя торговыя суда. Что стало съ командами этихъ судовъ, осталось неизвѣстнымъ. На судахъ были найдены лишь части одежды, изъ чего можно было заключить, что люди бросались вплавь, спасаясь отъ неминуемой гибели. Подозрѣвали, что часть команды спаслась на берегъ; но всѣ поиски за ними остались безъ результатовъ.

Одно было ясно, что адскій замыселъ японцевъ не удался, хотя они были не далеки отъ удачи. Попади эти суда, — особенно тѣ, которыя сѣли на мель подъ Золотой горой и у маяка, — въ самый проходъ гавани—то вся эскадра наша была-бы заперта въ ней и не скоро удалось-бы очистить выходъ для нея. Поднять затопленныя суда было-бы не легко; оно, пожалуй, могло-бы оказаться даже невозможнымъ, такъ какъ японцы, конечно, не дали-бы намъ спокойно работать, тревожили бы насъ ежеминутно.

«Ретвизанъ» въ проходѣ въ гавань. Между нимъ и Маячной горой (вправо). виденъ японскій брандеръ-заградитель.

Эта неудача грандіознаго замысла японцевъ озарила насъ надеждою, что мы съумѣемъ отстоять крѣпость, при всѣхъ ея недочетахъ *) и что не такъ-то легко завладѣть ею съ моря, какъ-бы это ни казалось легкимъ съ перваго взгляда.

Начались опасенія, не появится ли сейчасъ опять японскій флотъ, чтобы снова бомбардировать крѣпость. Во время атаки брандеровъ японскія военныя суда держались далеко отъ берега и стрѣляли изрѣдка, видимо только для прикрытія отступленія командъ съ брандеровъ. Ихъ снаряды не долетали до берега.

Утромъ дѣйствительно появились на горизонтѣ 6 большихъ судовъ; къ нимъ присоединились 4 крейсера 2 класса и около 17 миноносцевъ. На встрѣчу этой эскадрѣ вышли наши крейсера: «Аскольдъ», «Баянъ» и «Новикъ», чтобы показать, что выходъ изъ гавани не загражденъ. Издали об-

*) Всѣ недочеты ея были мало кому извѣстны; въ этомъ случаѣ у насъ умѣютъ хранить тайну. Большинство вѣрило, что твердыня наша все же неприступна. Блаженъ, кто вѣруетъ.

мѣнялись нѣсколькими выстрѣлами, далеко не долетавшими до цѣли. Японцы не давали привлечь себя подъ обстрѣлъ батарей, а отошли подальше. На горизонтѣ показались еще какія-то суда; потомъ удалось разсмотрѣть, что помимо броненосцевъ, крейсеровъ и миноносцевъ были какія-то какъ-бы торговыя суда. Изъ этого вывели заключеніе, что японцы проконвоировали свои транспорты въ Корею, попытавшись заградить выходъ русской эскадрѣ, чтобы она не вздумала напасть на эти транспорты. Но наша эскадра и не подумала выйти въ море, предпринять что-нибудь.

Японцы продержались на горизонтѣ до полудня; потомъ скрылись.

Кто-то пустилъ слухъ, что горящее у маяка судно — «добровольцъ», т. е. судно, принадлежащее нашему добровольному флоту. Всѣ были готовы повѣрить этому и допускали даже, что всѣ эти суда, пожалуй, не что иное, какъ захваченные въ началѣ войны наши торговыя суда.

Вскорѣ удалось выяснить, что какой-то кореецъ «Иванъ» сказалъ, будто онъ знаетъ, что, горящее судно—дѣйствительно русское. Корейца арестовали и подвергли допросу. Совершенно неожиданно довелось мнѣ присутствовать при этомъ допросѣ. Высокорослый, хорошо одѣтый кореецъ, служившій поваромъ на разныхъ судахъ; онъ жилъ въ послѣднее время на Тигровомъ хвостѣ; могъ объясняться по русски и по японски; зналъ немного и по англійски. Онъ, видимо, перетрусилъ и корчилъ ужасно глупую физіономію; порой представлялся, что не понимаетъ задаваемаго ему вопроса и не можетъ отвѣчать на русскомъ языкѣ. Допрашивавшій его очень нервничалъ и горячился. Все же изъ показаній корейца «Ивана» выяснилось, что въ горящемъ суднѣ онъ узналъ русское, купленное нѣсколько лѣтъ тому назадъ во Владивостокѣ и стоявшее потомъ въ гавани Іокогамы, гдѣ ему пришлось видѣть его, такъ какъ онъ, «Иванъ», служилъ въ то время поваромъ на пароходѣ, стоявшемъ рядомъ съ нимъ. Но онъ не утверждаетъ, что это то самое судно. На вопросъ, съ какимъ это человѣкомъ, шея и лицо котораго были укутаны шарфомъ, онъ ходилъ однажды утромъ вдоль нашихъ миноносцевъ по Тигровому хвосту, — «Иванъ» отвѣтилъ, что это былъ какой-то кореецъ, искавшій мѣста повара на судахъ.

«Такъ рано утромъ!» восклицаетъ удивленно допрашивающій.

«Иванъ» молчитъ. Какъ звали этого корейца, откуда онъ и куда дѣвался «Иванъ» не знаетъ.

«Я вижу»,—обращается ко мнѣ допрашивающій,—«что если все то, что онъ показываетъ, записать, то не миновать петли этому дураку»...

Что было записано въ протоколѣ допроса—не знаю, но еще разъ этого корейца «Ивана» я видѣлъ на вокзалѣ. Его отправляли, вмѣстѣ съ нѣсколькими японцами и корейцами, во Владивостокъ, чтобы оттуда выслать на родину. Онъ, какъ болѣе хорошо одѣтый, держался отдѣльно отъ корейцевъ и бесѣдовалъ съ японцами, судя по наружности интеллигентами *). При этомъ лицо его было далеко не такъ глупо, какъ во время допроса. Бесѣда была, повидимому, веселая, его, довольно узкіе, глаза при

*) Подозрѣвали, что это японскіе офицеры, но не было основаній задержать ихъ.

этомъ лукаво свѣтились. Мнѣ вспомнились послѣднія слова допрашивавшаго его чина; и мнѣ стало яснымъ, что не этотъ «Иванъ» былъ дуракъ...

12/25 февраля. Во второмъ часу ночи меня будили, говорили, что опять стрѣляютъ на морѣ, но я, оказывается, повернулся лишь на другой бокъ сказавши—пускай стрѣляютъ. Прошлую ночь спалъ я мало, а день былъ довольно таки тревожный; утомленіе брало свое.

Только утромъ я узналъ, что японскіе миноносцы атаковали «Ретвизанъ», но были благополучно отбиты; одинъ миноносецъ будто потопленъ, а другой поврежденъ *).

Эти неудавшіяся попытки японцевъ, при всей нашей безпомощности и все еще большой неподготовленности, очень ободряли всѣхъ и каждаго. Всѣ убѣждались, что если мы не подготовлены къ встрѣчѣ врага, то и непріятель не особенно подготовленъ и рѣшителенъ, чтобы воспользоваться нашею слабостью. Увѣренность въ томъ, что удастся отстоять крѣпость, росла съ каждымъ днемъ.

Наши крейсера вышли утромъ на рейдъ; нѣкоторые миноносцы высланы на развѣдки.

Въ десятомъ часу утра появились на горизонтѣ непріятельскія морскія силы съ разныхъ сторонъ и приближались къ Артуру. Наши крейсера пошли было навстрѣчу имъ и завязали перестрѣлку, но должны были вскорѣ ретироваться въ гавань; казалось, что непріятель на этотъ разъ идетъ самъ подъ батареи и не нужно подманивать его.

Броненосцы приближались съ юго-востока къ батареямъ Крестовой горы, а крейсера держались отдѣльными отрядами. Всего насчитывали: 6 броненосцевъ, 6 крейсеровъ 1-го и 4 крейсера 2-го класса и еще два какихъ-то судна, должно быть авизо; за эскадрой виднѣлись и миноносцы.

Броненосцы приблизились, какъ мнѣ передавали объ этомъ очевидцы, къ Крестовой горѣ верстъ на восемь съ половиной и открыли огонь по крѣпости; батареи отвѣчали имъ, но наши снаряды не долетали до нихъ. Между тѣмъ уже нѣсколько непріятельскихъ снарядовъ попало въ восточную часть стараго города; одинъ изъ нихъ упалъ на гору за комендантскимъ управленіемъ, второй, около городской больницы и смертельно ранилъ тамъ китайца; третій упалъ около зданія флотскаго экипажа, а остальные падали по берегу, вблизи батарей. Осколки рвавшихся снарядовъ отлетали далеко, что заставляло ожидать большихъ бѣдъ. Но на этотъ разъ грохотъ орудій былъ менѣе потрясающій, такъ какъ наши 12-ти дюймовыя орудія молчали. Эскадра наша была въ гавани, *стоялъ отливъ* и броненосцы не могли выйти, если-бы даже и захотѣли.

*) Сообщенія о поврежденіи и потопленіи при ночныхъ атакахъ японскихъ миноносцевъ оказались все же преувеличенными, даже допуская, что японцы тщательно скрываютъ всѣ свои недоказанныя потери. Мнѣ думается, что и тутъ японцы могли вводить насъ въ заблужденіе пусканіемъ пара—будто миноносецъ поврежденъ — и заставлять этимъ насъ стрѣлять по невѣрному прицѣлу, что-бы самимъ между тѣмъ благополучно уйти изъ сферы нашего огня.

Съ воемъ прилетавшіе въ районъ города снаряды заставляли сжиматься сердце; каждый искалъ себѣ мѣстечко побезопаснѣе, гдѣ могъ-бы спрятаться отъ летающихъ осколковъ. Залѣзали даже подъ мосты. Но было и множество любопытныхъ проявлявшихъ большую смѣлость: во все время бомбардировки на Перепелкѣ и на одной изъ горокъ за интендантскимъ складомъ виднѣлись зрители, наблюдавшіе за ходомъ стрѣльбы, хотя послѣднее мѣсто было подъ обстрѣломъ.

На этотъ разъ бомбардировка длилась почти цѣлый часъ. Японскіе крейсера, стоявшіе западнѣе, замѣтили идущіе со стороны Ляотѣшаня два наши миноносца и устремились имъ наперерѣзъ, желая отрѣзать ихъ отъ гавани. Въ это время канонада вновь усилилась, но не надолго; миноносецъ «Безстрашный» проскочилъ благополучно въ гавань, а другому,

Японское изображеніе бомбардировки Портъ-Артура.

«Внушительному» пришлось вернуться обратно, искать спасенія въ Голубиной бухтѣ. Но и тамъ не нашлось для него укрытія. Миноносецъ бросился къ берегу. Команда выбралась благополучно на берегъ и сама затопила миноносецъ, въ который не попалъ ни одинъ непріятельскій снарядъ. Въ это время другія японскія суда уже отступали. Была слышна только залповая, бортовая стрѣльба по направленію къ Голубиной бухтѣ, въ которую японцы все же не рѣшались входить, опасаясь береговыхъ батарей и подводныхъ минъ; а ихъ тамъ и не было.

Сообщаютъ, будто одинъ снарядъ съ Тигроваго полуострова попалъ въ одинъ изъ крейсеровъ, преслѣдовавшихъ «Внушительнаго»; стрѣльба эта озадачила японцевъ.

На этотъ разъ Артурская публика успокоилась тотчасъ же, какъ только прекратилась канонада. Всѣ знали, что такія бомбардировки не

могутъ длиться цѣлыми днями. На слѣдующій день все же уѣхали нѣкоторые изъ жителей, намѣревавшихся было остаться.

Сколько мнѣ удалось выяснить, наши потери за эту бомбардировку были: 1 матросъ раненъ въ ногу и убитъ 1 китаецъ; говорили, что еще кое-кто получилъ легкія пораненія. На «Аскольдѣ» была повреждена одна пушка.

Но что насъ поразило очень непріятно—это то, что японская эскадра могла подойти такъ близко къ крѣпости и наши снаряды не достигали ее въ то время, когда японскіе снаряды рвались даже въ районѣ города. Наши батареи вооружены пушками стараго образца и не могутъ состязаться съ японской судовой артиллеріей. У насъ всего только пять хорошихъ батарей на береговомъ фронтѣ, оборудованныхъ пушками Канэ: на Электрическомъ

Одна изъ береговыхъ батарей, вооруженная 6-дюймовыми пушками Канэ.

утесѣ 5 пушекъ 10-дюймовыхъ, на Тигровомъ полуостровѣ 2 батареи 6 дюймовыхъ и 2 такія же по обѣимъ сторонамъ Крестовой горы (влѣво отъ Электрическаго утеса). Этимъ-то непріятель воспользовался (какъ хорошо онъ зналъ даже установку нашихъ пушекъ!) и сталъ бомбардировать крѣпость съ такого мѣста и разстоянія, которое было недостигаемо нашими батареями.

Вотъ она, крѣпость въ боевой готовности,—въ чемъ насъ всегда увѣрялъ генералъ Стессель.

Сегодня, оказывается, какъ разъ во время бомбардировки, происходило засѣданіе временнаго военно-морского суда. Прервать засѣданіе было невозможно, и оно продолжалось подъ громъ нашихъ и непріятельскихъ орудій. Конечно, всѣ присутствовавшіе были блѣдны и чрезвычайно серьезны. Каждую минуту можно было ожидать, что ворвется непріятельскій снарядъ.

Голубиную бухту охранялъ отъ попытки высадки всего взводъ (2 орудія) вновь сформированной вылазочной батареи.

13/26 февраля. Въ 11 час. 30 мин. ночи снова была небольшая канонада на морѣ. Японскіе миноносцы подбирались, какъ сообщаютъ, замаскированные парусами, къ «Ретвизану», который, стоя на мели у входа въ гавань, служилъ и сторожевымъ постомъ и береговой батареей — плавучимъ фортомъ. Взорвать это судно было поэтому важной задачей японцевъ. Но и этотъ замыселъ не удался; ихъ встрѣтили градомъ снарядовъ; пришлось убрать паруса и утекать *).

Это уже третью ночь подъ рядъ японцы атакуютъ нашу гавань. Неужели эти атаки будутъ повторяться каждую ночь?

IV. За кулисами войны.

15/28 февраля. Буря съ градомъ и снѣгомъ должно быть заставила непріятеля отойти отъ нашихъ береговъ. Двѣ ночи прошли безъ всякой тревоги.

За то насъ всѣхъ не на шутку встревожилъ приказъ генерала Стесселя (14 февраля № 126):

«Славные защитники крѣпости Портъ-Артура и всего укрѣпленнаго раіона, и все населеніе области! Обращаюсь къ вамъ со слѣдующимъ: по той назойливости, съ которой непріятель ведетъ атаки и бомбардировки противъ крѣпости и различныхъ бухтъ полуострова (?!), я заключаю, что онъ намѣренъ высадиться на полуостровѣ и попытаться захватить крѣпость, а въ случаѣ неудачи — попортить желѣзную дорогу и, сѣвъ на суда, уйти. Помните, что захватъ Артура они считаютъ вопросомъ своей національной чести; но врагъ ошибется, какъ онъ уже во многомъ ошибся. Войска твердо знаютъ, а населенію объявляю, что отступленія ни откуда не будетъ, потому во 1) что крѣпость должна драться до послѣдняго, и *я, какъ комендантъ, никогда не отдамъ приказъ объ отступленіи и* 2) потому, что *отступить рѣшительно некуда.* Обращая на это вниманіе болѣе робкихъ, призываю всѣхъ къ тому, чтобы прониклись твердымъ убѣжденіемъ въ необходимости каждому драться до смерти; человѣкъ, который рѣшился на это, страшенъ и онъ дорого продаетъ свою жизнь, кто-же безъ драки, думая спастись, уйдетъ, тотъ самъ себя все ровно не спасетъ, такъ какъ идти некуда, съ 3 сторонъ море, а съ 4 будетъ непріятель: драться надо, и тогда противникъ со срамомъ уйдетъ и будетъ вѣчно помнить ту трепку, которая ожидаетъ его отъ русской доблести, при которой, я увѣренъ, каждый

*) На слѣдующій день выяснилось, что японцы пустили въ эту ночь по теченію, съ приливомъ, по направленію къ гавани (слѣдов. и «Ретвизана») доски съ огнями. Къ доскамъ этимъ были прикрѣплены сосуды съ фосфористымъ кальціемъ, горящимъ въ водѣ. Этотъ маневръ японцевъ заставилъ насъ попусту тратить снаряды. «Миноносцы подъ парусами» остались послѣ этого разъясненія подъ большимъ сомнѣніемъ.

русскій, кто-бы онъ не былъ, будетъ биться, забывъ даже о возможности отступленія. Помните, что вѣчная память убитымъ и вѣчная слава живымъ. И. д. коменданта крѣпости генералъ-лейтенантъ Стессель».

Насъ озадачило всѣхъ — къ чему всѣ эти жалкія слова? — Развѣ непріятель уже гдѣ высадился и отъ насъ это скрыли? — Развѣ наши войска нуждаются въ такомъ застращиваньи для того, чтобы они исполнили свой долгъ? — Развѣ непріятель, узнавъ (и несомнѣнно вскорѣ черезъ своихъ шпіоновъ и друзей) объ этихъ громкихъ фразахъ, оставитъ крѣпость въ покоѣ?

Выяснивъ, что пока не грозитъ крѣпости никакой опасности — непріятель нигдѣ еще не высадился и не было замѣтно, чтобы онъ собирался вскорѣ высаживаться—пришлось убѣдиться, что имѣемъ дѣло съ геройствомъ—на словахъ.

Чтобы не возвращаться къ этому приказу впослѣдствіи, когда интересъ дня загроможденъ все новыми и новыми событіями, долженъ замѣтить, что мѣстными представителями Россійскаго телеграфнаго агентства этотъ приказъ былъ переданъ по телеграфу въ Петербургъ, для того, чтобы тамъ обратили на него особенное вниманіе. Въ Петербургѣ же и во всей остальной Россіи нисколько не потрудились подумать надъ этимъ краснорѣчивымъ документомъ,—повидимому, всѣ были опьянены «блестяще отбитыми первыми атаками» и принялись лишь восхваливать геройство генерала Стесселя, которое ничѣмъ еще не было доказано.

И такъ приказъ генерала Стесселя достигъ вполнѣ цѣли — о немъ, какъ о героѣ, заговорили повсюду.

Говорили, будто генералъ Стессель получилъ «свыше» маленькое наставленіе по поводу этого приказа; но дальнѣйшія событія заставляютъ сомнѣваться въ правдивости этихъ слуховъ.

Въ этотъ же день опубликованы еще два приказа генерала Стесселя по поводу сигнализаціи и шпіонства.

«№ 120, 14 февр. Не смотря на то, что вчера поймали 20 человѣкъ, замѣченныхъ въ производствѣ какой-то сигнализаціи сего числа ночью, около 3-хъ часовъ, на площадкѣ между моимъ домомъ и интендантскими складами *), кто-то сигнализировалъ фонаремъ; поймать его не могли, убѣжалъ онъ по направленію къ Новому китайскому городу. Всѣхъ задержанныхъ за этимъ невиннымъ занятіемъ буду предавать суду по законамъ военнаго времени. Постамъ, которые будутъ для сего учреждены, вмѣнить въ обязанность стрѣлять по убѣгающимъ сигнализаторамъ. Предлагаю гражданскому комиссару приказъ сей объявить во всеобщее свѣдѣніе».

«№ 125. — Согласно телеграммы Намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ отъ 13 февраля за № 355 ввѣренная мнѣ крѣпость Портъ-Артуръ объявляется въ осадномъ положеніи **) съ примѣненіемъ во всей строгости предоставленныхъ мнѣ, какъ коменданту, правъ

*) Площадка эта была видимо предназначена для установки батареи; отсюда было видно море.

**) Это вторичное объявленіе крѣпости въ осадномъ положеніи. См. 28-е января.

и обязанностей въ особенности по отношенію къ гражданскому и туземному населенію.

Вновь подтверждаю, что съ уличенными въ сигнализаціи съ непріятелемъ китайцами буду поступать по всей строгости законовъ. Гражданскому начальству разъяснить населенію, какой отвѣтственности подвергается каждый уличенный въ шпіонствѣ и сигнализаціи съ непріятелемъ. Вездѣ это расклеить на китайскомъ, англійскомъ и русскомъ языкахъ».

Эти приказы были вызваны тѣмъ, что начиная съ первой минной атаки японцевъ появлялись, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, подозрительные огни, они то подымались, то опускались, то вспыхивали, то потухали, подобно огнямъ при морской сигнализаціи. Всѣ знали, по описаніямъ японо-китайской войны, какъ ловко была устроена въ то время японцами сигнализація на берегахъ и островахъ Кореи—слѣдовательно, можно было съ увѣренностью сказать, что японцы имѣли и у насъ своихъ шпіоновъ, передающихъ имъ всѣ необходимыя свѣдѣнія. Среди китайскаго населенія Артура и его окрестностей могло быть много переодѣтыхъ японцевъ и нанятыхъ ими китайцевъ шпіоновъ. Средствъ къ борьбѣ съ этими шпіонами не было никакихъ.

Въ одинъ изъ первыхъ вечеровъ послѣ начала войны было поймано 8 китайцевъ, подававшихъ съ берега какіе-то сигналы. При этомъ выяснилось, что ихъ было всего 11 человѣкъ, но трое успѣли скрыться и остались не розысканными. Эти 8 китайцевъ отказались сказать кто были убѣжавшіе, отговариваясь незнаніемъ ихъ. Что-же касается сигнализаціи—подниманія и опусканія фонаря, они объясняли, что молились Богу, молились своему Буддѣ, и подымали фонарь для того, чтобы Будда лучше замѣтилъ, услышалъ ихъ молитву...

Чуть не каждую ночь, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ появлялись подозрительные огни; иногда удавалось изловить китайцевъ на мѣстѣ преступленія; но чаще всего, покуда дозоры подоспѣвали къ мѣсту сигнализаціи, тамъ уже не было никого. Эти неудачи страшно раздражали.

Почему-то генералъ Стессель поручилъ производство предварительныхъ допросовъ не военно-слѣдственной власти, а одному изъ офицеровъ *), неопытному въ производствѣ слѣдствій; офицеръ этотъ довольствовался иногда совсѣмъ наивными оправдываньями китайцевъ, объяснявшихъ свое хожденіе съ фонарями, то моленіемъ Буддѣ, то необходимостью сбѣгать въ сосѣднюю деревню, то желаніемъ принести себѣ воды (это ночью-то!)—и освобождалъ пойманныхъ **).

Между прочимъ характеренъ слѣдующій случай, переданный мнѣ офицеромъ 25-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка.

*) Который впослѣдствіи оказался очень храбрымъ воиномъ.

**) Впослѣдствіи говорили, будто генералъ Стессель впалъ въ другую крайность: поручилъ расправу съ заподозрѣнными въ шпіонствѣ китайцами чинамъ полиціи, которые будто и казнили, и миловали просто, безъ суда, по своему усмотрѣнію... На это жаловались и китайцы при нашемъ проѣздѣ черезъ Чифу; будто пострадали и совсѣмъ безвинные.

Офицеръ этотъ, командуя отрядомъ пѣхоты на одной изъ батарей, замѣтилъ вдругъ ночью, что съ одного довольно далекаго холма, откуда виденъ морской горизонтъ, подаются какіе-то сигналы. То появляется яркій огонь, то потухаетъ, то вновь вспыхиваетъ. Появленіе огня и промежутки, между какъ-бы свѣтовыми точками и тире, разные. До мѣста, гдѣ производилась сигнализація, далеко; въ темнотѣ не найти туда и дороги. Онъ приказываетъ дежурному артиллеристу точно навести на эти огоньки пушку, чтобы утромъ разсмотрѣть, гдѣ это было,—чтобы въ случаѣ новаго появленія огней отправить туда отрядъ солдатъ и арестовать виновныхъ. На утро оказывается, что на томъ мѣстѣ, куда наведена была ночью пушка, стоитъ китайская фанза—слѣдовательно, сигнальщики имѣли тутъ постоянное жительство и можно было ожидать, что сигнализація повторится. Изучивъ путь, по которому можно было дойти незамѣченнымъ до фанзы, офицеръ послалъ вечеромъ туда отрядъ солдатъ, приказавъ имъ притаиться до времени, а при появленіи сигналовъ, схватить всѣхъ вблизи находящихся, въ томъ числѣ и жителей этой фанзы.

Солдаты исполнили свое порученіе вполнѣ удачно; притаились и ожидали, что будетъ съ наступленіемъ ночи. Вотъ уже совсѣмъ стемнѣло; все, казалось, уже спало, какъ вдругъ отворяется дверь фанзы, кто-то выходитъ изъ нея, отходитъ на нѣсколько шаговъ отъ фанзы, останавливается и начинаетъ подавать сигналы. Солдаты, конечно, схватили его. Сигнальщикъ оказался мальчикомъ-китайцемъ лѣтъ 12—14, приблизительно. Въ одной рукѣ онъ держалъ глубокое желѣзное ведро, другой рукой онъ подымалъ изъ этого ведра лампу и опускалъ ее снова туда. При этомъ казалось, что огонь то вспыхиваетъ, то потухаетъ.

Его, какъ и всѣхъ китайцевъ, оказавшихся въ этой фанзѣ, арестовали и представили въ штабъ крѣпости. Но послѣ допроса они были освобождены—по сердобольному ли довѣрію допрашивающихъ, или же они успѣли сговориться относительно фабулы оправданья,—на что они имѣли довольно времени дорогой, такъ какъ ихъ разговора никто не понимаетъ.

Тутъ снова сказались важные недохваты: у насъ нѣтъ надежныхъ переводчиковъ; почти никто не знаетъ китайскаго языка, настолько, чтобы понять въ точности, что именно китаецъ хотѣлъ сказать; приходится довольствоваться переводчиками изъ китайцевъ-же, которые, въ свою очередь, говорятъ очень плохо по русски и не всегда понимаютъ задаваемый имъ вопросъ, или же не способны дать намъ ясный отвѣтъ. Какъ добиться правды, когда мы не знаемъ, какъ переданъ переводчикомъ нашъ вопросъ и какой получился отвѣтъ изъ устъ обвиняемаго. Никто своевременно не позаботился о надежныхъ переводчикахъ; а между тѣмъ вопросъ этотъ имѣетъ громадное значеніе.

Затѣмъ, для того, чтобы предать человѣка военному суду по столь серьезному обвиненію и чтобы судъ могъ дѣйствительно осудить его къ заслуженной карѣ, для этого необходимо оформить дѣло съ самаго начала, собрать всѣ улики и ясно изложить всю суть въ протоколѣ ареста. Но всего этого у насъ не доставало. Людей ловили, положимъ, на дѣлѣ, пред-

ставляли начальству, а оно часто не знало, въ чемъ именно обвиняется данный субъектъ, гдѣ и кто его задержалъ, кто является свидѣтелемъ преступленія.

Прокуроръ военнаго суда, человѣкъ въ высшей степени добросовѣстный, требовалъ доказательствъ виновности и безъ нихъ отказывался предавать обвиняемаго суду и поддерживать обвиненіе противъ него.

И такъ, въ дѣлахъ о шпіонствѣ сказалось полное наше безсиліе выяснить истину и поэтому ощущались неумѣстныя попущенія, или же проявлялась безсмысленная жестокость.

17 февраля (1 марта). Въ крѣпости всюду кипитъ работа на возводимыхъ по сухопутному фронту батареяхъ и укрѣпленіяхъ; вокругъ города строятъ центральную ограду, значеніе которой никакъ не могу себѣ объяснить. Если непріятель завладѣетъ окружающими городъ высотами, то за этой оградой намъ не устоять. Ограда эта можетъ имѣть смыслъ развѣ только въ случаѣ прорыва небольшихъ отрядовъ непріятельской пѣхоты, сквозь окружающія городъ укрѣпленія, чтобы за нею защищаться самимъ горожанамъ. Спрашиваю о значеніи ея людей свѣдующихъ въ фортификаціи, но они трясутъ неодобрительно головами, говорятъ, что это огромная и напрасная затрата средствъ и труда—которыя пригодились-бы болѣе тамъ, на укрѣпленіяхъ *).

Жизнь нашего слишкомъ наполовину опустѣвшаго города начинаетъ все же входить, какъ-бы въ обычную свою колею — по улицамъ двигаются и пѣшіе, и въ экипажахъ, на извозчикахъ и на рикшахъ; каждый спѣшитъ на свою работу или съ работы. Масса китайскихъ телѣгъ, запряженныхъ нерѣдко быкомъ, муломъ и осломъ, или же только парою этихъ животныхъ, но рѣдко лошадьми, перевозитъ интендантскіе грузы съ вокзала или доставляютъ строительные матеріалы на позиціи сухопутнаго фронта.

По вечерамъ и по праздникамъ видны гуляющіе и улицы кажутся довольно оживленными. Два раза въ недѣлю играетъ на бульварѣ и въ новомъ

*) Въ подтвержденіе сказаннаго приводимъ опубликованное нынѣ письмо генерала Кондратенко отъ 11-го апрѣля:

«Наши военные инженеры совершенно не помогаютъ войскамъ въ скорѣйшемъ созиданіи блиндажей и вообще не идутъ навстрѣчу интересамъ войскъ, а заняты почти исключительно казнокрадствомъ. Поэтому инженеры ведутъ только тѣ работы, на которыя можно нанять китайцевъ, причемъ число нанятыхъ китайцевъ въ своихъ отчетахъ для полученія денегъ увеличиваютъ страшно и, такимъ образомъ, наживаются. Тѣ-же работы, на которыхъ участвуютъ только войска, инженеры страшно тормозятъ. Такова-же и дѣятельность интендантства: недостаетъ обуви, обмундированія, снаряженія, часть людей ходитъ въ прорванныхъ валенкахъ, принесенныхъ изъ дому, а интенданты изощряются, какъ-бы урѣзать части войскъ въ отпускѣ самаго необходимаго. Словомъ, интенданты и инженеры — позоръ для нашей славной арміи».

Допуская даже, что покойный генералъ-герой написалъ эти строки въ минуту озлобленія и утверждая, что это его осужденіе непримѣнимо ко всѣмъ безъ исключенія (оно было-бы въ такомъ случаѣ несправедливо), все же не имѣемъ основанія даже подумать о томъ, чтобы онъ могъ написать все это безъ всякихъ основаній, яко-бы вымещая личную свою злобу на безвинныхъ людей.

городѣ музыка; въ это время тамъ собирается много публики, слышны веселые разговоры, смѣхъ — будто войны и нѣтъ. Вмѣсто уѣхавшихъ прибываютъ новыя лица, чины разныхъ вѣдомствъ, добровольцы, между которыми видны студенческія и гимназическія формы. Вернулись многіе изъ уѣхавшихъ подъ впечатлѣніемъ перваго страха. Стали прибывать запасные— сибиряки. Глядя на этихъ бородатыхъ рослыхъ людей видишь, что не вымерли еще русскіе богатыри! — Съ ихъ помощью отбросимъ врага, отстоимъ крѣпость.

И за нихъ, этихъ семейныхъ сибирскихъ пахарей радуешься въ душѣ, что и имъ здѣсь, за стѣнами крѣпости, будетъ легче, ихъ жизнь въ меньшей опасности, чѣмъ тамъ, на сѣверѣ, въ открытомъ бою *)...

Ввиду начавшагося было сильнаго пьянства, по приказанію генерала Стесселя закрыты всѣ питейныя заведенія. Конечно, сейчасъ же нашлись «благодѣтели», которые продаютъ водку тайкомъ по двойной — тройной цѣнѣ. Продажа эта производится все же въ ограниченномъ количествѣ. Но не одна водка вздорожала; поднялись цѣны и на всѣ необходимые съѣстные припасы и на предметы первой необходимости. Изданныя обязательныя таксы не всегда помогаютъ покупателю. Хочешь купить по таксѣ — то товара нѣтъ, покупаешь по *вольной цѣнѣ* — его сколько угодно.

19 февраля (3 марта). Несчастіе за несчастіемъ. Узналъ, что лейтенантъ Пелль и 11 матросовъ, ставившіе у входа въ Голубиную бухту мины, погибли отъ взрыва опускаемой ими мины. Люди разорваны на клочки, а катеръ, на которомъ они работали, пошелъ ко дну. Лейтенантъ Пелль считался очень дѣльнымъ офицеромъ; его гибель считаютъ тяжкой потерей. Тамъ же въ бухтѣ одинъ нашъ миноносецъ наскочилъ на другого и причинилъ ему такія поврежденія, что пришлось поспѣшно возвратиться въ портъ... Исправленія поврежденнаго миноносца — «Боевого», — однако не потребуютъ много времени **).

Приказъ генерала Стесселя (отъ 14 февраля) начинаетъ приносить ему желанные плоды. Извѣстный издатель патріотическихъ книжекъ и картинъ генералъ Богдановичъ прислалъ ему привѣтственную телеграмму, въ которой, въ высокопарныхъ выраженіяхъ, говоритъ, что въ этомъ приказѣ слышатся завѣты Суворова, Нахимова и Скобелева...

Постоянно появляются новые слухи объ ожидаемыхъ высадкахъ японцевъ то въ той, то въ другой бухтѣ.

23 февраля (7 марта). Получены депеши, извѣщающія, что отрядъ японскихъ судовъ бомбардировалъ вчера Владивостокъ, не причинивъ городу

*) Нельзя не отмѣтить при этомъ, что почти вся тяжесть мобилизаціи пала преимущественно на Сибирь, потребовавъ почти все здоровое мужское населеніе ея. Между тѣмъ центръ Россіи участвовалъ только въ частичныхъ мобилизаціяхъ.

**) На вопросъ, какъ это возможно, что свои миноносцы наскакиваютъ на своихъ же, я получилъ отвѣтъ офицера-моряка:

— Вся бѣда въ томъ, что недостаточно быть морякомъ и казаться имъ.. Нужно умѣть плавать!..

серьезнаго вреда; ранено нѣсколько матросовъ и убита одна женщина. Но интереснѣе всего то, что и тамъ непріятель выбралъ мѣсто, откуда могъ безнаказанно забрасывать городъ бомбами. Крѣпость не могла ему отвѣчать. Слѣдовательно, японцы прекрасно изучили слабыя мѣста нашихъ крѣпостей.

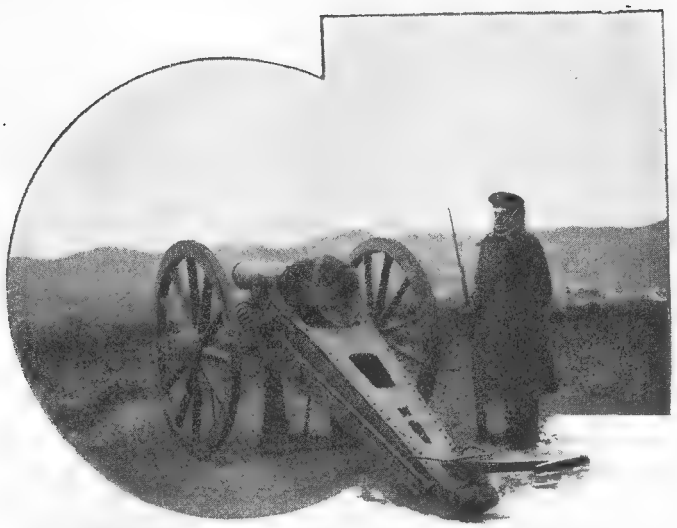
Слухи о спрятавшихся здѣсь японцахъ подтвердились въ нѣкоторой степени. Полиція арестовала молодого японца, бывшаго приказчика одного изъ японскихъ магазиновъ, скрывавшагося въ заколоченныхъ японскихъ помѣщеніяхъ. Онъ объясняетъ свое присутствіе въ Артурѣ нежеланіемъ итти на войну; когда запасы пищи, сдѣланные имъ, были съѣдены, онъ будто ловилъ крысъ и кормился ими. Боялся показаться русскимъ, опасаясь что его убьютъ. Такъ какъ у насъ нѣтъ хорошаго переводчика, то толку добиться трудно. На видъ это очень скромный мальчикъ лѣтъ 17 — 20; быть можетъ это солдатъ или матросъ, нарочно оставленный для наблюденій и сигнализаціи; онъ могъ по ночамъ свободно выходить изъ своего убѣжища. Разсказъ о крысахъ можетъ быть выдуманъ; его могли кормить сообщники-китайцы.

Чужая душа—потемки.

При оборудованіи сухопутныхъ батарей оказывается уже недостатокъ нѣкоторыхъ матеріаловъ, необходимаго желѣза. Пускаютъ въ ходъ всевозможныя «замѣны». Запасы снарядовъ далеко еще не полны.

Прибылъ 3-й батальонъ крѣпостной артиллеріи съ офицерами.

Японскій солдатъ передъ отправленіемъ на войну.



3. Эпоха адмирала Макарова.

I. Прибытіе и первые дни.

24 февраля (8 марта). Сегодня, въ половинѣ восьмого утра, прибылъ ожидаемый съ большимъ нетерпѣніемъ новый командующій флотомъ, вице-адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. Его встрѣчали всѣ высшіе морскіе чины, во главѣ съ вице-адмираломъ Старкомъ и, между прочимъ, прибывшіе недавно сюда контръ-адмиралы Моласъ и Іессенъ. Представители отъ города поднесли адмиралу драгоцѣнный образъ св. Николая Чудотворца и предсѣдатель городского совѣта [онъ же и. д. гражданскаго комиссара (губернатора)] подполковникъ Вершининъ привѣтствовалъ его краткой, но хорошо продуманной рѣчью, изъ которой вытекало, что всѣ надежды города возлагаются на него, на адмирала, что безъ него мы были готовы впасть въ отчаяніе—и это было правда.

Адмиралъ поблагодарилъ въ краткихъ словахъ за встрѣчу и за икону и обѣщалъ свою помощь городу, когда она понадобится.

Многимъ изъ привыкшихъ къ пышно-чваннымъ оффиціальнымъ встрѣчамъ артурцевъ не особенно понравился на этотъ разъ адмиралъ Макаровъ *). Въ немъ сказывалось что-то, если не рѣзкость, то нѣкоторая сухость, дѣловитость и онъ какъ будто торопился, не смаковалъ устроенной ему встрѣчи,

*) Никто, конечно, не подозрѣвалъ, что лихой лейтенантъ турецкой кампаніи, а нынѣ убѣленный сѣдинами адмиралъ, извѣстный всему міру ученый по морской технической наукѣ,—много поработавшій на всѣхъ поприщахъ морского дѣла, которымъ онъ жилъ и дышалъ, — еще сохранилъ весь боевой пылъ молодости, что энергія его еще не надломлена житейскими невзгодами, а его свѣтлый умъ и желѣзная воля лишь закалены опытомъ, — что предъ нами богатырь, для котораго нѣтъ невозможнаго на свѣтѣ.

не рисовался. Его, повидимому, меньше всего интересовала сама встрѣча. Въ немъ не видно было того внѣшняго блеска, къ которому мы привыкли и который считали присущимъ такому извѣстному моряку, избраннику Царя въ данную трудную минуту. Но всѣ поняли сразу, что пріѣхалъ дѣйствительно начальникъ, командующій, а не чей бы то ни было «покорный слуга». Думаю, что не у одного мелькнула въ эту минуту мысль — а пожалуй, лучше бы убраться отсюда поскорѣе.

Адмиралъ Макаровъ поселился и поднялъ свой флагъ на крейсерѣ 1-го ранга «Аскольдъ». Этимъ онъ сразу выказалъ свое предпочтеніе быстроходному судну. Въ этомъ сразу сказалось что-то ободряющее — адмиралъ не искалъ спасенія за толстой броней и подъ прикрытіемъ Золотой горы, а перешелъ на легкій крейсеръ, стоявшій какъ разъ напротивъ входа въ гавань—будто сталъ сразу на стражѣ и готовъ былъ самъ защищать эту гавань. Это поняли всѣ и вздохнули облегченно.

«Пріѣхалъ!» говорили другъ другу при встрѣчѣ.

«Каково!» восклицалъ восторженно другой.

И всѣ были довольны, веселы.

Пріѣздъ адмирала Макарова ознаменовался радостнымъ событіемъ — броненосецъ «Ретвизанъ» былъ въ этотъ день снятъ съ мели—на которой онъ выдержалъ три минныхъ атаки,—и торжественно введенъ въ западный бассейнъ. Во время его прохода на судахъ играла музыка, команды судовъ привѣтствовали освободившагося великана радостнымъ «ура», подхваченнымъ наблюдавшей на берегу публикой. Долгое пребываніе броненосца на мели объяснялось тѣмъ, что при каждомъ отраженіи атаки, т. е. при усиленной стрѣльбѣ изъ крупныхъ орудій, при сильномъ сотрясеніи судна, отрывало подведенныя задѣлки, вода заливала вновь судно и всѣ работы по снятію его съ мели приходилось начинать снова.

На снятіе броненосца съ мели смотрѣли, какъ на счастливое предзнаменованіе, что адмиралъ Макаровъ сниметъ съ мели и весь русскій флотъ...

Одновременно съ адмираломъ прибыли въ Артуръ: капитаны 2-го ранга М. П. Васильевъ и К. Ѳ. Шульцъ, главный инженеръ-механикъ Кронштадтскаго порта Линдебекъ, корабельный инженеръ Вешкурцевъ, лейтенантъ Кедровъ и докторъ Филипченко. Наканунѣ прибылъ подполковникъ Меллеръ съ мастеровыми Обуховскаго сталелитейнаго завода; а до нихъ еще прибыло порядочное число морскихъ офицеровъ и инженеръ-механиковъ и, между прочимъ, завѣдующій воздухоплавательнымъ паркомъ, лейтенантъ Лавровъ, паркъ котораго захваченъ былъ японцами съ пароходомъ «Манджурія».

Говорили, что адмиралъ Макаровъ выбиралъ въ свой штабъ только способнѣйшія силы.

Передавали, что адмиралъ Макаровъ уже высказывалъ кое-кому изъ своихъ приближенныхъ, что онъ не потерпитъ того-то и того-то и будетъ строго требовать точнаго исполненія своихъ приказаній. Вслѣдствіе этого

предвѣщаютъ возможность нѣсколькихъ «заболѣваній» и просьбъ объ отпускѣ на лѣченіе...

Будучи у генерала Стесселя съ визитомъ и познакомившись съ нимъ онъ высказалъ ему свое желаніе, чтобы возможно скорѣе пріѣхалъ вновь назначенный комендантъ крѣпости...

Адмиралъ Макаровъ.

25 февраля (9 марта). Сегодня адмиралъ продолжалъ знакомиться съ состояніемъ эскадры, порта и прочаго. Говоритъ, выслушиваетъ охотно мнѣніе и маленькаго чина, если оно дѣльно. Рѣзко требователенъ и пустыхъ оправданій, увертокъ не терпитъ.

26 февраля (10 марта). Около половины восьмого утра мы услышали стрѣльбу въ морѣ и вскорѣ узнали, что два изъ вышедшихъ вечеромъ на развѣдки миноносцевъ отрѣзаны непріятелемъ, окружены имъ и вступили съ нимъ въ смертный бой. Наши крейсера «Новикъ»—подъ флагомъ адми-

рала Макарова и «Баянъ» спѣшили къ нимъ на выручку; остальныя суда не могли выйти, такъ какъ начался отливъ. Въ то же время удалось узнать о полученномъ еще вечеромъ извѣстіи, что непріятель снова появился въ нашихъ водахъ; поэтому тотчасъ же былъ высланъ отрядъ миноносцевъ. Отъ вернувшихся съ развѣдки миноносцевъ мы узнали, что они уже на разсвѣтѣ выдержали жаркій бой съ непріятельскими миноносцами, при чемъ миноносцу «Властный» удалось взорвать и потопить одинъ японскій миноносецъ вмѣстѣ съ его командой.

Бой продолжается. «Рѣшительному» удается прорваться въ гавань, но «Стерегущаго» не могутъ выручить наши крейсера и бравый адмиралъ, такъ какъ помимо 12 японскихъ миноносцевъ и 5 крейсеровъ, окружившихъ «Стерегущаго» къ нему подходитъ японскій броненосный флотъ и крейсера наши должны отступить. «Стерегущій» погибаетъ, спасти его нельзя!—Онъ пойдетъ ко дну, ибо наши суда не сдаются.

Вскорѣ получаемъ извѣстіе съ береговыхъ батарей, что «Стерегущій» погибъ. На немъ были лейтенанты Сергѣевъ и Головизнинъ, мичманъ Кудревичъ, инженеръ-механикъ Анастасовъ и 45 нижнихъ чиновъ. По всей вѣроятности всѣ они погибли, а если и были уцѣлѣвшіе, раненые, то они попали въ плѣнъ. Новая жертва ненасытному молоху—войнѣ. Сколько сразу осиротѣлыхъ; сколько печали и скорби!

Не успѣли мы еще опомниться отъ этого потрясающаго событія, какъ, въ десятомъ часу, началась третья бомбардировка крѣпости и города со стороны Ляотѣшаня. Много людей на Перепелкѣ и Военной горѣ наблюдали эту ужасную картину.

Наши береговыя батареи отвѣчали мало. Непріятель посылалъ изъ за Ляотѣшаня свои смертоносные снаряды въ новый европейскій городъ, въ западную бухту и въ прилегающій къ ней районъ желѣзнодорожнаго вокзала; обстрѣлъ все расширялся; снаряды прилетали даже въ восточный бассейнъ. Видимо, главной цѣлью этой бомбардировки былъ нашъ, расположенный въ гавани, флотъ, который не могъ выйти на рейдъ вслѣдствіе *отлива.*

Оказывается, что непріятельскія суда расположились за Ляотѣшанемъ такъ, что ни одна изъ нашихъ батарей не могла его обстрѣливать. Японская эскадра выстроилась въ трехъ боевыхъ колоннахъ, ближайшая всего на одну милю отъ берега и стрѣляла перекиднымъ огнемъ по невидимой цѣли.

Были ли у японцевъ шпіоны наблюдатели-сигнальщики, сказать нельзя съ увѣренностью; фактъ тотъ, что когда снаряды, наконецъ, достигли мѣста стоянки нашихъ судовъ, то прицѣлъ уже не измѣнялся и стрѣльба продолжалась только по этому направленію.

Около 11 часовъ канонада замолкла, но не надолго; какъ потомъ сообщали, во время этого перерыва суда первой колонны отошли назадъ, а на ихъ мѣсто стали суда второй колонны и продолжали бомбардировку съ

прежней силой, и также по послѣднему и тому же прицѣлу, установленному первымъ отрядомъ. Снаряды попадали въ гавань, и рвались на нашихъ судахъ, на Тигровомъ хвостѣ и въ порту. Большинство, конечно, попадало въ воду. Осколки гранатъ долетали и на Военную гору, падали и на улицахъ стараго города, прилегающихъ къ гавани. Одинъ снарядъ попалъ въ введенный въ западный бассейнъ «Ретвизанъ» и потопилъ около него катеръ съ находящимися на немъ людьми. Но несмотря на то, что кругомъ рвались

Комендантъ крѣпости генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Константинъ Николаевичъ Смирновъ.

снаряды, далеко разбрасывая свои смертоносные осколки, что въ воздухѣ стоялъ ревъ орудій, вой, свистъ и трескъ пролетающихъ снарядовъ, въ гавани и около судовъ не прекращались движеніе и работы; несмотря на то, что на улицахъ уже появлялись носилки съ ранеными, движеніе и здѣсь не прекратилось. Мальчишки собирали, перегоняя другъ друга, упавшіе, еще горячіе осколки бомбъ; любопытные наблюдали спокойно за ужасающимъ зрѣлищемъ. Въ этотъ день видали одну даму, запасшуюся перевязочными

средствами, спѣшившую туда, гдѣ требовалось оказать первую медицинскую помощь—наложить перевязку.

Въ первомъ часу дня, японцы прекратили огонь, повернули въ море и вскорѣ скрылись за горизонтомъ. Наступилъ приливъ и русскія суда могли выйти каждую минуту изъ гавани. По сообщенію наблюдательныхъ постовъ японцы выпустили по Артуру въ этотъ день 204 однихъ 12-дюймовыхъ снаряда не считая снарядовъ болѣе мелкаго калибра.

Жертвъ этой бомбардировки оказалось много. Первымъ пострадалъ бѣдный китаецъ, которому осколокъ снаряда превратилъ всю нижнюю часть лица въ безобразно кровяную массу; несчастный скончался тутъ же.

Въ новомъ городѣ осколками вблизи разорвавшагося снаряда убило супругу военнаго слѣдователя, барона Пфейлицеръ фонъ Франкъ; несчастной снесло, на глазахъ всей ея семьи, голову. Тутъ же смертельно ранило недавно пріѣхавшую изъ гор. Дальняго барышню Валевичъ; осколокъ въ полтора вершка длиной прошелъ въ брюшную полость; доставленная въ Маріинскую общину Краснаго Креста она скончалась. Тамъ же, въ той же комнатѣ, убило на повалъ, безъ внѣшнихъ признаковъ пораненія, адвоката Сикорскаго. Несчастныя дочери-подростки барона Франкъ, какъ сообщаютъ, кричали въ отчаяніи, укоряя отца, зачѣмъ онъ привелъ ихъ сюда изъ дому. Ихъ квартира осталась цѣла и невредима.

Въ новомъ городѣ ранены еще кучеръ и солдатъ. Повреждены болѣе или менѣе снарядами нѣсколько домовъ. На батареи Золотой горы одна бомба повредила бетонъ.

Но главныя наши потери за этотъ день были въ районѣ гавани. Сколько было раненыхъ и убитыхъ на эскадрѣ, такъ и не удалось точно установить; но можно полагать, что было около 20 человѣкъ болѣе или менѣе тяжко пострадавшихъ.

Намъ сообщали, что японскій крейсеръ «Такасаго» поврежденъ нашими снарядами.

Но что поразило и угнетало всѣхъ, это то, что японцы своей сегодняшней бомбардировкой снова доказали намъ, что крѣпость наша имѣетъ такія мѣста, откуда они могутъ безнаказанно забрасывать гавань и городъ снарядами.

— Что же это за крѣпость?!—восклицали удивленные жители города; также возмущались и вновь прибывшіе офицеры, которые только что узнали, какъ плохо вооруженъ нашъ береговой фронтъ. И на самомъ дѣлѣ, мы, владѣя уже шесть лѣтъ этой крѣпостью, не потрудились не только вооружить ее, но и не изучили ее такъ, какъ изучили ее японцы. У насъ нѣтъ даже по береговому фронту необходимыхъ наблюдательныхъ пунктовъ, соединенныхъ съ крѣпостью телефономъ, необходимыхъ для отраженія непріятеля перекиднымъ огнемъ, когда онъ подходитъ такъ близко къ берегу. Спрашивается, изучали ли у насъ вообще перекидную стрѣльбу?

Что же будетъ съ нашимъ флотомъ? Стоитъ онъ въ гавани, его разстрѣливаютъ, а онъ не можетъ выйти въ море, чтобы, хотя подъ защитой береговыхъ батарей, дать непріятелю чувствительный отпоръ. Входъ въ га-

вань настолько мелокъ, что наши большія суда не могутъ ни выходить, ни входить во время отлива. И этимъ обстоятельствомъ прекрасно пользуется нашъ непріятель.

Японскій флотъ не посмѣлъ бы подходить такъ близко къ крѣпости, если бы ему было извѣстно, что наши суда имѣютъ возможность выйти въ море во всякое время и, если даже не вступать въ открытый бой, то все же сильно угрожать непріятелю при помощи и подъ защитою береговыхъ

Капитанъ 1-го ранга Щенсновичъ, командиръ броненосца «Ретвизанъ».

батарей; тогда бы онъ держался всегда въ почтительномъ разстояніи отъ нашего берега.

Почему входъ въ гавань не былъ углубленъ до необходимой для военныхъ судовъ глубины, объяснить трудно чѣмъ-либо инымъ, какъ не тою же, всюду оказавшейся, преступной небрежностію, легкомысліемъ, соблюденіемъ менѣе всего интересовъ государства. Тратили же мы десятки милліоновъ на искусственно выращиваемый «міровой» торговый портъ Дальній,

который самъ по себѣ все еще не принимался расти! Будь эти десятки милліоновъ приложены къ устройству Артура (и сколь плохо бы—по установившимся у насъ порядкамъ,—не прикладывали ихъ,—сколько бы изъ нихъ не утекало въ бездонные карманы ненасытныхъ казенныхъ подрядчиковъ и ихъ покровителей),—все же что-нибудь да было бы здѣсь вмѣсто сплошныхъ минусовъ!

4/17 марта. Сегодня ночью прибылъ новый комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ К. Н. Смирновъ. Первое впечатлѣніе очень хорошее; человѣкъ живой, со сверкающими, умными глазами.

И его привѣтствовала депутація отъ горожанъ съ хлѣбомъ-солью и высказала ему возлагаемыя на него надежды.

Генералъ обѣщался быть и добрымъ гражданиномъ.

Дѣлая визиты онъ оставался дольше всего у адмирала Макарова, который успѣлъ уже ознакомиться съ положеніемъ дѣла.

На дняхъ сообщали о видѣнной будто непріятельской подводной лодкѣ; но этому мало кто вѣритъ.

Нѣсколько дней уже ломаютъ*) пожарную каланчу на Перепелочной горѣ—чтобы японцы не имѣли точки опоры при стрѣльбѣ по невидимой цѣли.

На мой вопросъ—почему такъ долго копошатся вокругъ этой башенки, мнѣ отвѣтили, что эта башенка построена однимъ изъ нашихъ русскихъ инженеровъ, стоила 12,000 рублей и, поэтому, было бы неловко сломать ее въ одинъ день...

5/18 марта. Вчера генераломъ Стесселемъ изданъ интересный приказъ (№ 223): «Вновь назначенный комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ прибылъ и вступаетъ въ исполненіе своихъ обязанностей. Я на дняхъ долженъ уѣхать изъ крѣпости для командованія Высочайше ввѣреннымъ мнѣ 3-мъ Сибирскимъ армейскимъ корпусомъ. Начиная съ 1899 года я былъ свидѣтелемъ роста крѣпости, былъ свидѣтелемъ всѣхъ тяжелыхъ работъ, которыя легли на начальниковъ и солдатъ по устройству и вооруженію; я, какъ первый комендантъ Артура, имѣлъ счастіе видѣть и крещеніе его первымъ огнемъ непріятеля, при чемъ славные защитники крѣпости имѣли счастіе порадовать Батюшку Царя отбитіемъ всѣхъ трехъ бомбардировокъ. Благодаря энергіи всѣхъ чиновъ, отъ младшаго до старшаго, Артуръ теперь представляетъ твердыню, неодолимую для врага». (Далѣе генералъ благодаритъ всѣхъ начальниковъ частей гарнизона поименно — и заканчиваетъ свой приказъ такъ): «Отъѣзжая къ корпусу я увѣренъ, что скоро услышу радостныя боевыя вѣсти изъ Артура и буду имѣть счастье поздравить коменданта крѣпости генералъ-лейтенанта Смирнова и васъ, своихъ старыхъ боевыхъ товарищей. И. д. коменданта крѣпости ген.-лейт. Стессель».

Въ послѣднее время онъ не разъ высказывался, что и онъ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ прибытія новаго коменданта.

*) По приказанію адмирала Макарова.

— Я стрѣлковый генералъ; мое дѣло полевой бой. Какъ защищать крѣпость и какъ ее укрѣпить, не знаю. Вотъ, пріѣдетъ новый вашъ комендантъ, который, какъ росписываютъ газеты, прошелъ чуть не цѣлый десятокъ академій—человѣкъ образованный,—это его дѣло. Все, все переходитъ въ его распоряженіе.

Новый комендантъ осматривалъ крѣпость и, по слухамъ, пришелъ въ отчаяніе отъ ея состоянія; говорятъ, будто онъ выразился, что это укрѣпленный лагерь, а не крѣпость.

Лейтенантъ Александръ Семеновичъ Сергѣевъ, командиръ миноносца «Стерегущій» † 26-го Февраля 1904 года.

9/22 марта. Съ полуночи снова заговорили наши береговыя орудія, но не на долго; послѣ 4 час. снова и до утра. Сообщаютъ, что подходили миноносцы; они какъ бы испытываютъ бдительность нашу и развѣдываютъ расположеніе нашихъ батарей; говорятъ, они атаковали наши сторожевыя канонерскія лодки, но безуспѣшно. Выпустили нѣсколько минъ Уайтхэда, попавшія въ прибережныя скалы. Съ разсвѣтомъ появилась цѣлая непріятельская эскадра и стала приближаться къ Портъ-Артуру. Съ 7 часовъ утра начала выходить наша эскадра; впереди на «Аскольдѣ» адмиралъ Макаровъ. Приливъ только что начался; поэтому броненосцы могли двинуться лишь въ половинѣ девятаго. Непріятель подошелъ опять къ Ляотѣшаню и пустилъ по городу, гавани и батареямъ около ста 12-дюймовыхъ снарядовъ и сто слишкомъ снарядовъ по Ляотѣшанскому маяку. Но когда наши суда и ба-

тареи начали отвѣчать ему перекиднымъ огнемъ и снаряды наши начали попадать въ цѣль *), онъ отошелъ на югъ, а потомъ прошелъ вдоль рейда на почтительномъ разстояніи, не осмѣливаясь атаковать наши 5 броненосцевъ и 4 крейсера. Онъ видимо разсчитывалъ еще разъ бомбардировать городъ совершенно безнаказанно; но организованная адмираломъ Макаровымъ перекидная стрѣльба разстроила его планъ.

Эта бомбардировка не причинила почти никакого вреда, если не считать поврежденій Ляотѣшанскаго маяка; но одна бомба, попавшая въ казарму команды плавучихъ средствъ на Тигровомъ хвостѣ, подъ Маячной горой, убила 5 чел. и поранила 9 чел. тяжело и нѣсколько человѣкъ легко изъ собравшихся тамъ солдатъ. Картина ужасная—люди разорваны на куски, на клочья.

II. Дѣятельность адмирала и его смерть.

13/26 марта. Сегодня день необычайно радостный. Адмиралъ Макаровъ выходилъ съ эскадрой къ берегамъ Шандуня и задержалъ около острововъ Мяо-тао развѣдочный пароходикъ чифускаго японскаго консула. Пароходикъ оказался съ плохимъ ходомъ и поэтому его разстрѣляли, снявъ команду и бумаги. Нѣкоторые изъ команды имѣли фальшивыя косы — это были, конечно, японцы.

Не важенъ тутъ результатъ, а важно то, что адмиралъ не побоялся начать активныя дѣйствія и поднялъ этимъ общій духъ.

За короткое время его пребыванія въ Артурѣ имъ вооружены даже всѣ катера. Дѣятельность въ порту стала кипучей; въ штабѣ адмирала на «Петропавловскѣ» (куда адмиралъ перешелъ ради удобствъ помѣщенія), разрабатываются всевозможные проекты дальнѣйшей борьбы. Всюду царитъ воодушевленіе и увѣренность въ успѣхѣ.

Говорятъ, что адмиралъ нерѣдко совѣтуется съ генераломъ Смирновымъ относительно согласованія дѣйствій крѣпости и флота.

Недавно принялись за устройство батарей на Ляотѣшанскихъ высотахъ — и, какъ ни странно — по проекту подпоручика 28-го Вост.-Сиб. стрѣлковаго полка Крумина **). Сколько ни возставали противъ этого проекта инженеры и непосредственное начальство молодого офицера, высшія власти одобрили проектъ и приказали выполнить его. Тогда инженеры заявили, что невозможно втащить пушки крупнаго калибра по крутизнамъ Ляотѣшанскихъ скалъ на высоту въ 461 метръ. Подпоручикъ Круминъ заявилъ готовность

---

*) Въ этотъ разъ, по японскимъ свѣдѣніямъ, снова пострадалъ броненосецъ «Фуджи», подбитый 12 дюймовымъ снарядомъ во время боя 27 января.

**) Впослѣдствіи за удачное отбитіе ночной атаки награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-ой степени.

доказать эту возможность, лишь бы дали ему необходимое количество людей. Пушки втащили; въ умѣлыхъ рукахъ все оказалось возможнымъ *).

Для того, чтобы не допустить загражденія входа въ гавань японскими «брандерами-заградителями», впереди прохода затопили четыре старыхъ торговыхъ парохода. Затопленіе это совершено какъ будто не вполнѣ удачно, такъ какъ кто-то изъ дѣйствующихъ лицъ взялъ старые канаты, вмѣсто новыхъ,—изъ экономіи вѣроятно... Канаты лопнули и затопляемые пароходы легли не совсѣмъ такъ, какъ это нужно было. Но все же суда

Брандеръ-заградитель съ пробитой миною носовой частью, выскочившій на мель подъ Золотой горой.

эти защищаютъ въ нѣкоторой степени входъ въ гавань. Остальное пространство прохода заграждается бономъ.

14/27 марта. Съ 2-хъ часовъ ночи опять адская канонада на взморьѣ. Ночь была очень темная. Но съ полуночи немного прояснилось и блѣдный свѣтъ луны освѣтилъ море, покрытое легкимъ туманомъ. Въ это время прожектора уловили что-то движущееся по направленію ко входу въ гавань. Моментально заговорили орудія сторожевыхъ канонерокъ «Бобръ» и «Отважный» и съ крѣпости, въ которой, казалось, все спало крѣпчайшимъ сномъ. Въ гавани все зашевелилось. Адмиралъ Макаровъ промчался уже на

*) Впослѣдствіи эти батареи оказали огромныя услуги по защитѣ крѣпости—держали японскія суда далеко отъ берега; они охраняли Голубиную бухту и обстрѣливали тамъ японцевъ. Говорятъ, что когда батареи были устроены, инженеры приписывали себѣ заслугу по устройству ихъ.

катерѣ къ проходу, на одно изъ сторожевыхъ судовъ, а комендантъ и начальникъ артиллеріи спѣшатъ на Электрическій утесъ, чтобы лично руководить стрѣльбой.

Новая попытка японцевъ заградить выходъ изъ гавани. 4 большихъ коммерческихъ парохода, въ сопровожденіи 6 миноносцевъ, на всѣхъ парахъ стремятся къ намѣченной цѣли. Вдали свѣтъ прожекторовъ большихъ непріятельскихъ судовъ. Въ это время снова скрывается луна; наступаетъ непроглядная тьма. Почти безпрерывно вспыхивающіе выстрѣлы орудій ослѣпляютъ глаза; послѣ нихъ становится какъ бы еще темнѣе.

Миноносецъ «Сильный», подъ командой лейтенанта Криницкаго *), проявилъ себя героемъ, взорвалъ миной носовую часть перваго брандера и этимъ заставилъ его выскочить на мель влѣво отъ входа; свисткомъ обманулъ онъ остальные два брандера, которые взяли курсъ вправо и, вмѣсто прохода, оказались на мели подъ Золотой горой. «Сильный», выдержавъ бой съ 5-ю непріятельскими миноносцами, былъ принужденъ и самъ выброситься на берегъ **).

Только четвертому брандеру удалось, несмотря на ужасный артиллерійскій огонь и на пущенную въ него съ миноносца «Рѣшительный» мину, достичь входа въ гавань, стать почти поперекъ и лечь здѣсь на мель, носомъ къ тому брандеру, который, мѣсяцъ тому назадъ, подошелъ такъ близко къ «Ретвизану». Очевидцы замерли отъ ужаса. Еще одинъ брандеръ, проведенный настолько же удачно къ кормѣ этого — и гавань заграждена! И, главное, заграждена на глазахъ самого адмирала Макарова, не смотря на только-что затопленные пароходы «Хайларъ», «Харбинъ» и др... Точно и это уже было извѣстно японцамъ.

Адмиралъ не растерялся, послалъ охотниковъ-офицеровъ на уже загоравшіеся брандера обрѣзать провода къ минамъ, находящимися въ трюмахъ и потушить огонь, чтобы японцы не могли, при помощи этого освѣщенія, направить еще брандеръ прямо въ желанное мѣсто.

Тѣмъ временемъ люди, оставшіеся въ живыхъ на брандерахъ, искали спасенія на шлюпкахъ, надѣясь доплыть до ожидающихъ ихъ миноносцевъ, но напрасно. Лишь только замѣтили наши сторожевые суда отчаливающіе отъ брандеровъ шлюпки, какъ тотчасъ же направили на нихъ огонь пулеметовъ и мелкой артиллеріи. Луна освѣтила снова на мгновеніе море. Тамъ убѣгающая шлюпка, надъ которой дружно подымается около шести паръ веселъ; она успѣла уже порядочно отойти отъ брандера и удаляется съ каждымъ ударомъ весла все дальше и дальше. Но ее замѣтили и начали осыпать смертоноснымъ градомъ изъ пулемета. Моментъ — и виднѣвшіяся весла рѣдѣютъ и рѣдѣютъ; наконецъ остается только одно; и его не стало; лодка погружается медленно въ воду. Такъ исчезали одна шлюпка за другой.

Но и на нашей сторонѣ не безъ потерь. На одномъ миноносцѣ «Сильномъ» не мало жертвъ: 6 чел. убитыхъ и 13 раненыхъ.

*) Криницкій награжденъ орденомъ 4 степени; нынѣ капитанъ 2-го ранга.
**) Сообщаютъ, что одинъ японскій миноносецъ погибъ.

Брандера вооружены пушками Гочкиса; они засыпали сторожевыя суда и берегъ своими снарядами; много снарядовъ съ нихъ и съ миноносцевъ попадало и въ городъ, особенно въ окрестности Прѣснаго озера и Отрядной церкви, не причинивъ, однако, никому ни вреда, ни пораненій.

Пушечная пальба и татаканье пулеметовъ умолкаетъ и вскорѣ царитъ снова такая тишина, что и трудно представить себѣ, что тутъ только-что разыгралась ужасная драма,—что тамъ еще умираютъ, еще тонутъ люди...

Выбросившійся на мель (въ ночь на 14-е марта) миноносецъ «Сильный»; далѣе три японскихъ брандера, сѣвшіе на мель подъ Золотой горой. Вдали вправо Тигровый полуостровъ и Ляотѣшань.

На утро опять появился на горизонтѣ японскій флотъ, видимо желая удостовѣриться, не удалось ли на этотъ разъ заградить входъ въ гавань Артура.

Какъ только адмиралъ получилъ извѣстіе о появленіи непріятеля, тотчасъ приказалъ онъ всей эскадрѣ выйти на внѣшній рейдъ.

На рейдѣ протралили, выловили японскую мину, потомъ вышли и стали ждать атаки. Японцы же, убѣдившись, что и на сей разъ ихъ жертвы напрасны, повернули въ море и вскорѣ скрылись.

Кто-то назвалъ брандеръ, заградившій часть прохода—«макаровскимъ» и это имя осталось за нимъ до конца *).

*) Впослѣдствіи этотъ брандеръ оказалъ большую услугу защитѣ порта — за нимъ становились сторожевыя суда и были тамъ обезпечены отъ минныхъ атакъ и сильнаго волненія. См. фотогр. снимокъ на стр. 113.

Узналъ, что утромъ, при выходѣ эскадры «кокнулись» два нашихъ броненосца, причинивъ другъ другу незначительныя поврежденія. Говорятъ, что адмиралъ Макаровъ уже смѣнилъ командира, виновнаго въ столкновеніи: прочелъ всѣмъ большое наставленіе, что недостаточно однихъ теоретическихъ знаній—необходимо умѣть и управлять судномъ.

Молодецкій выходъ эскадры послѣ ночной атаки, при первомъ появленіи непріятеля, подѣйствовалъ ободряюще даже на скептиковъ.

— Да,—говорили всѣ, — будь адмиралъ Макаровъ здѣсь до начала войны! Совсѣмъ было бы другое дѣло ..

— Съ дѣдушкой Макаровымъ мы не пропадемъ! — говорили матросы.

17/30 марта. Сегодня торжественно хоронили жертвы ночного дѣла на 14/27 марта — инженеръ-механика Звѣрева и 7 матросовъ. День выдался чудный, солнечный. Гробы, покрытые Андреевскимъ флагомъ, провожала масса народу. Похоронная музыка и пѣніе хора уже не подавляла грустью, какъ это было при похоронахъ первыхъ жертвъ войны. Угнетенное состояніе населенія, гарнизона и флота замѣнилось спокойной увѣренностью и озарялось надеждою, что мы отстоимъ нашу крѣпость,—что всѣ отчаянныя попытки непріятеля останутся безъ успѣха. Въ плавныхъ звукахъ похоронныхъ мотивовъ какъ бы слышалась, вмѣстѣ съ плачемъ о погибшихъ, торжественная клятва отомстить за эти жертвы долга. Мы хоронили 8 человѣкъ, но были увѣрены, что на сторонѣ японцевъ потери значительно больше. Послѣднія воинскія почести — ружейные залпы; послѣднія горсти земли сопровождающихъ — и всѣ разошлись спокойно по домамъ.

Сегодня прибылъ нашъ извѣстный живописецъ-баталистъ В. В. Верещагинъ. Онъ желаетъ увѣковѣчить своей чудной кистью ужасы войны съ усовершенствованнымъ оружіемъ массоваго избіенія, истребленія людей.

Прибыла изъ Петербурга первая группа мастеровыхъ (170 чел.) Балтійскаго судостроительнаго завода.

Работа по исправленію поврежденныхъ судовъ пойдетъ теперь много успѣшнѣе.

Пожертвованія въ пользу раненыхъ, въ пользу вдовъ и сиротъ, а особенно на усиленіе русскаго флота, поступавшія съ первыхъ дней войны, увеличиваются все больше и больше. Жертвуютъ и солдаты, и матросы, и рабочіе; жертвуютъ служащіе разныхъ учрежденій и фирмъ, офицеры всѣхъ родовъ оружія. Жертвуетъ всякій усердно, каждый по силѣ своей возможности; лишь, какъ всегда и вездѣ, чужды призыву сердца капиталисты, какого бы званія и профессіи они ни были, въ числѣ ихъ и разные поставщики, составляютъ исключеніе. Ихъ подачки и рѣдки, и ничтожны въ сравненіи съ лептой «бѣдной вдовицы».

21 марта (3 апрѣля). Прибыла изъ Петербурга вторая партія портовыхъ мастеровыхъ разныхъ цеховъ (82 чел.).

На дняхъ состоялись похороны японцевъ, погибшихъ при попыткѣ заградить входъ въ гавань (въ томъ числѣ одного офицера*). Хоронили ихъ со всѣми подобающими воинскими почестями. Гроба были покрыты японскимъ военнымъ флагомъ. Взводъ матросовъ, при хорѣ музыки, составлялъ почетный военный эскортъ похоронной процессіи, сопровождаемой многочисленной публикою.

Сегодня уѣхалъ вновь на сѣверъ намѣстникъ, адмиралъ Алексѣевъ прибывшій въ Артуръ 18/31 марта.

Японскіе брандеры подъ Золотой горой. За ними, по ту сторону входа въ гавань, подъ Маячной горой видны другіе брандеры. Правѣе видна часть западнаго бассейна гавани за Тигровымъ хвостомъ; вдали, около контура Золотой горы, Высокая (203 метровая) гора.

Конечно, пышная встрѣча, и проводы, осмотры судовъ эскадры, батарей и т. д.

Говорятъ, что генералъ Стессель снова пріобрѣлъ благоволеніе намѣстника. Какъ мнѣ передавали, между намѣстникомъ и адмираломъ Макаровымъ, а также новымъ комендантомъ крѣпости, генераломъ Смирновымъ не установилось дружескихъ отношеній; существуетъ нѣкоторая натянутость. Адмиралъ Макаровъ желаетъ дѣйствовать совершенно самостоятельно и рѣзокъ относительно попущеній, найденныхъ имъ здѣсь во всемъ; генералъ Смирновъ также неосторожень въ выраженіяхъ относительно рекламированной боевой готовности крѣпости. Генералъ же Стессель изучилъ тонко своего начальника и пользуется полнымъ его довѣріемъ. Ходятъ слухи,

*) Капитанъ-лейтенанта Такео Хирозе.

что благодаря этому онъ будетъ утвержденъ начальникомъ укрѣпленнаго района Портъ-Артуръ — Киньчжоу, съ подчиненіемъ ему коменданта крѣпости.

Сколько правды во всѣхъ этихъ слухахъ, покажетъ будущее.

Отрадную картину представляетъ энергичная дѣятельность въ порту и на эскадрѣ. Адмиралъ Макаровъ принимаетъ всѣ мѣры, чтобы не дать непріятелю загородить входъ въ гавань. Онъ выслушиваетъ охотно всѣ проекты по защитѣ и дальнѣйшему отраженію атакъ, по очисткѣ рейда отъ непріятельскихъ минъ, по загражденію, гдѣ это необходимо минами *), по обезпеченію судовъ отъ возможности наскочить на мину и т. д. Одобренный проектъ передается имъ способнѣйшимъ офицерамъ штаба для дальнѣйшей разработки и осуществленія.

Между проектами, говорятъ, есть одинъ представляющій прекрасный способъ охраненія судна отъ минъ,—изобрѣтеніе одного молодого моряка. Приспособленіе не дорогое, но вопросъ въ томъ—удастся ли изготовить это приспособленіе, найдется ли здѣсь необходимый для этого матеріалъ и возможно ли скоро доставить недостающее.

Насколько адмиралъ сочувствуетъ всѣмъ занимающимся изобрѣтеніемъ лучшихъ средствъ къ оборонѣ и всѣмъ дѣятельнымъ исполнителямъ его плановъ, настолько же безпощаденъ онъ къ нерадивымъ. Онъ посовѣтовалъ уже не одному уѣхать отсюда, чтобы болѣе дѣятельные могли заступить ихъ мѣста.

Многіе непривыкшіе къ серьезному труду недовольны имъ; но это недовольство не встрѣчаетъ сочувствія болѣе дѣятельныхъ товарищей. Говорятъ, адмиралъ Макаровъ не правъ въ томъ, что привезъ съ собою много сотрудниковъ и замѣщаетъ ими мѣста, вытѣсняя старыхъ служакъ. Но — спрашивается — что же сдѣлали эти старые служаки? Въ чемъ же ихъ заслуга?

Главное, что поставилъ себѣ цѣлью адмиралъ Макаровъ, это поднятіе духа во флотѣ — желаніе пріучить флотъ къ активнымъ дѣйствіямъ, чтобы вырвать иниціативу на морѣ изъ рукъ непріятеля. Недавняя его рекогносцировка къ островамъ Мяо-тао была первымъ и блестящимъ доказательствомъ того, что тактика сидѣнія въ гавани неправильна; она только угнетаетъ.

Къ адмиралу являются ежедневно офицеры-охотники съ просьбой разрѣшить имъ то или другое отважное предпріятіе противъ непріятеля: ночной набѣгъ на мѣста стоянки непріятельскихъ судовъ и т. д. Онъ обѣщаетъ каждому изъ нихъ дать возможность доказать свою отвагу, но поручаетъ имъ пока то, что болѣе необходимо. Между тѣмъ подготовляются и къ этимъ набѣгамъ, снаряжаются необходимые для этого катера съ минными аппаратами и т. д.

*) Надѣясь вскорѣ завладѣть моремъ адмиралъ Макаровъ не очень сочувствовалъ загражденію моря минами, опасаясь стѣснять этимъ себя.

Всѣ храбрецы находятъ въ немъ отца-покровителя и сочувствующаго друга. Предложенія нѣкоторыхъ онъ отклоняетъ, не находя соотвѣтствующимъ или самый проектъ или самого исполнителя, но направляетъ въ то же время молодую энергію въ ту сторону дѣятельности, которую онъ находитъ болѣе подходящей для даннаго офицера.

Адмиралъ увѣренъ, что японцы сильнѣе насъ только технической стороною и что сильный духомъ, хотя и слабѣе техникой флотъ имѣетъ больше данныхъ на побѣду. У японцевъ поднятъ этотъ духъ первыми удачами; ими же подавленъ онъ среди нашихъ моряковъ. Надломить духъ японцевъ безуспѣшностью предпринимаемыхъ атакъ и этимъ же приподнять этотъ духъ на русской эскадрѣ считаетъ адмиралъ Макаровъ возможнымъ и имѣетъ въ этомъ уже видимый успѣхъ.

Японскіе брандеры-заградители у входа въ гавань. Впереди «ретвизановскій», къ нему, поперекъ «макаровскій», за которыми стоятъ сторожевыя суда: канонерка «Гилякъ» и дежурный миноносецъ. Далѣе влѣво брандера подъ Золотой горой; вправо еще одинъ и виденъ отведенный на день бонъ

— А тогда помѣряемся силами! — говоритъ онъ.

Что онъ правъ, можно было видѣть сегодня, при раздачѣ имъ Георгіевскихъ крестовъ отличившимся, наблюдая за общимъ настроеніемъ, за выраженіями лицъ.

Взглядъ адмирала на каждаго, вызваннаго къ наградѣ матроса, казалось, говорилъ этому послѣднему:

— Ты отличился — я вознаграждаю тебя, но и ожидаю отъ тебя еще бóльшаго въ будущемъ!

Просвѣтлѣвшее отъ радости лицо матроса, какъ бы отвѣчало своему обожаемому начальнику съ полной рѣшимостью:

— Готовъ въ огонь и въ воду!

И на лицахъ присутствовавшихъ при этомъ командъ ни капли зависти къ товарищамъ, а можно было прочесть, что каждый изъ этихъ плечи-

стыхъ молодцовъ ловитъ жадно взглядъ адмирала и желаетъ поскорѣе удостоиться той же награды изъ рукъ самого адмирала.

Нужно видѣть, съ какимъ восторгомъ, съ какой глубокой вѣрой въ адмирала матросы говорятъ: «нашъ дѣдушка...».

Его знаетъ и любитъ каждый матросъ. Въ этомъ вѣрный залогъ успѣха.

28 марта (10 апрѣля) (Пасха). Къ Пасхѣ ожидали новую атаку японцевъ. Но, вотъ, уже вечеръ перваго дня свѣтлаго праздника, а японцы нигдѣ не показались.

Въ городѣ циркулировали самые нелѣпые слухи о замыслахъ японцевъ. Одни увѣряли, что японцы приплавятъ цѣлый караванъ керосина, зальютъ, во время начала прилива всю гавань керосиномъ и зажгутъ этотъ керосинъ; все, что около берега загорится и удушливый дымъ керосина не дастъ возможность загасить этотъ ужасный пожаръ—люди задохнутся въ этомъ противномъ дыму и все погибнетъ. Другіе сообщали, что японцы нагрузили цѣлый пароходъ пироксилиномъ и взорвутъ его на внѣшнемъ рейдѣ, возможно близко къ батареямъ и гавани. Отъ этого взрыва получится такое сотрясеніе воздуха, что разрушатся всѣ батареи, а въ городѣ не останется и камня на камнѣ... однимъ словомъ—смерть и гибель.

Къ счастью, этому слуху вѣрили лишь самые наивные и самые трусливые изъ мирныхъ жителей.

Что все это время прошло въ очень напряженномъ ожиданіи, это правда. На рейдѣ съ наступленіемъ темноты дежурили всѣ канонерскія лодки, миноносцы и вновь приспособленные минные катера, чтобы предупредить всякую новую атаку брандерами-заградителями.

Прошлая ночь была кульминаціоннымъ пунктомъ этихъ ожиданій. Своеобразная ночь на свѣтлый праздникъ, торжественная и страшная.

Всѣ готовились встрѣтить великій праздникъ Христова Воскресенія и съ трепетомъ ожидали, что вотъ-вотъ можетъ грянуть зловѣщій выстрѣлъ, за нимъ неизбѣжная адская канонада со взрывомъ минъ, съ ужаснымъ воемъ прилетающихъ въ городъ и разрушающихъ все японскихъ снарядовъ, возможной ночной бомбардировкой, одновременно съ новыми брандерами или другимъ адскимъ замысломъ.

Погода стояла пасмурная и дулъ небольшой вѣтеръ. Ночь наступила темная, но все еще кое-гдѣ были замѣтны освѣщенныя, но плотно занавѣшенныя окна, все еще было замѣтно нѣкоторое движеніе по пустыннымъ улицамъ; слышенъ тихій говоръ.

Когда раздался тихій благовѣстъ небольшихъ колоколовъ нашихъ все еще временныхъ церквей-бараковъ, весь городъ ожилъ, но не было того шума и свѣта, той радости, что видится въ далекой Россіи среди мирной жизни. Со всѣхъ сторонъ безшумно задвигались тѣни по направленію церквей; кто только могъ, спѣшилъ помолиться объ избавленіи отъ грозящихъ бѣдъ, но уходя прощался съ остающимися дома; могли, вѣдь, не вернуться или не застать въ живыхъ.

Сразу, какъ выйдешь изъ освѣщенной комнаты, на улицѣ кажется такъ темно, что ни зги не видно. Слышишь по шагамъ и шуршанію платья, что недалеко отъ тебя также спѣшатъ въ церковь люди, но разсмотрѣть ихъ невозможно. Постепенно глаза привыкаютъ къ темнотѣ и вскорѣ начинаешь различать дорогу и людей.

Пока мы добрались до Отрядной церкви, казалось, будто стало даже свѣтлѣе. Церковь полна уже народомъ; стоятъ на улицѣ много не помѣстившихся въ ней, пристраиваются снаружи къ окнамъ и дверямъ.

Всѣ окна церкви со стороны моря плотно завѣшаны темными занавѣсками. Внутри обычное праздничное освѣщеніе. Среди молящихся особенно

Отрядная церковь. (Снимокъ сдѣланъ послѣ того, какъ церковь уже пробита нѣсколькими снарядами при бомбардировкѣ съ суши).

много солдатъ и офицеровъ. Кто знаетъ—не послѣдняя ли это пасхальная ночь для большинства изъ нихъ...

Адмирала Макарова нѣтъ въ церкви; онъ на одномъ изъ сторожевыхъ судовъ на рейдѣ и встрѣчаетъ тамъ свѣтлый праздникъ, служа для всѣхъ примѣромъ бдительности и неустрашимости.

Комендантъ и прочіе высшіе чины уже въ церкви; прибываетъ, наконецъ, и генералъ Стессель. Началось пасхальное богослуженіе *).

Трудно себѣ представить болѣе торжественную службу, болѣе искреннюю молитву, болѣе захватывающее пѣніе! Всѣ устремились къ Всевышнему съ мольбой и съ надеждою. Нерѣдко блистали слезы на истомленныхъ лицахъ молящихся.

*) Это ужъ такъ у насъ принято—чѣмъ важнѣе чинъ, тѣмъ позже прибываетъ онъ на торжество, тѣмъ дольше онъ заставляетъ другихъ ждать его; этотъ обычай соблюдается очень заботливо, какъ бы не уронить своего достоинства...

Человѣкомъ никогда не овладѣвали такъ сильно воспоминанія о ранней молодости, мысль о родномъ краѣ, о далекихъ родныхъ, — какъ здѣсь, на этой, находящейся подъ постоянной угрозой врага, окраинѣ, въ эту ночь подъ великій, свѣтлый праздникъ—въ этой зловѣщей неизвѣстности будущаго, въ этой, окружающей все, темнотѣ, готовой внезапно озариться отблескомъ смертоноснаго огня, въ этой тишинѣ, готовой зарокотать голоднымъ ревомъ орудій.

— Господи, спаси и помилуй!..

Люди стояли глубоко погруженные въ молитву, въ свои тяжкія думы, заботы и предчувствія, лишь изрѣдка подымая головы, прислушиваясь, не начинается ли тамъ, на морѣ, новая, страшная трагедія.

Плавно льются гармоничные звуки пасхальнаго пѣнія, этого радостнаго возгласа каждаго христіанина: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ!»

Всѣ чувствуютъ, что смерть витаетъ надъ головой каждаго жителя одинокой крѣпости, удаленной на тысячи верстъ отъ родного края, и опустѣвшаго города — что смерть его можетъ быть ближе около него, чѣмъ когда-либо.

Служба кончается и каждый спѣшитъ радостно домой. Непріятель оставилъ насъ въ эту ночь въ покоѣ,—не нарушилъ нашъ праздникъ.

Первый день пасхи былъ довольно холодный, облачный.

Два мѣсяца прошло съ начала войны, но казалось, что прошло не болѣе двухъ недѣль. Правда, бывали моменты, которые казались вѣчностью. Русская пословица говоритъ: «Привыкнешь — и въ аду хорошо!» Въ этомъ мы убѣдились, какъ нельзя лучше. Въ трудныя же минуты успокаиваешь себя мыслію—«чему быть, того не миновать!»

Вчера прибыла спеціальная минная рота, которая начнетъ загораждать гавань электро-ударными минами.

29 марта (11 апрѣля). Сегодня побывалъ на горахъ, окружающихъ Артуръ и на нѣкоторыхъ батареяхъ; навѣстилъ друзей, привязанныхъ здѣсь долгомъ службы. По всему фронту кипитъ работа (сегодня работаютъ только китайцы), воздвигаются батареи, редуты и достраиваются форты. Генералы Смирновъ и Кондратенко объѣзжаютъ ежедневно фронтъ, наблюдая за ходомъ работъ, давая необходимыя указанія и выслушивая доклады и мнѣнія участковыхъ начальниковъ.

Когда мы добрались до вершины Большого Орлинаго гнѣзда—высокой, конусообразной вершины, на которой когда-то стояла китайская батарея, намъ открылся чудный видъ на море, окружающее съ трехъ сторонъ Артуръ. На востокѣ виденъ островъ Кебъ и мысъ, за которымъ расположенъ городъ Дальній; на западъ видны бухты Голубиная, Луизы и Десяти Кораблей. На сѣверо-западѣ, сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Волчьи и Зеленыя горы.

На морѣ виднѣется наша эскадра. Адмиралъ Макаровъ вышелъ на прогулку-развѣдку съ полнымъ составомъ боеспособныхъ судовъ. Мы узнаемъ

эти суда, называемъ по имени. А тамъ, по направленію Дальняго—что это

Гибель броненосца «Петропавловскъ». По рис. художника А. А. Чикина.

за судно—наше, или непріятельское? Вдругъ, да начнется грандіозный морской бой!.. Мы увидимъ это ужасное зрѣлище...

Человѣкъ забываетъ, что такое зрѣлище губитъ сотни, тысячи людей...: и что оно не для празднаго любопытства.

Всматриваемся и узнаемъ подозрительное судно. Это нашъ «Аскольдъ», выходившій впередъ на развѣдку; онъ возвращается и занимаетъ свое мѣсто рядомъ съ колонной броненосцевъ.

Вскорѣ эскадра начинаетъ скрываться за горизонтомъ.

Изъ разговоровъ собравшихся здѣсь съ окрестныхъ укрѣпленій офицеровъ слышу, что они не знаютъ точно, какъ былъ укрѣпленъ китайцами Артуръ въ японско-китайскую войну, гдѣ находились батареи и какъ происходилъ бой. Одинъ изъ присутствующихъ увѣряетъ, что съ этого мѣста — Большого Орлинаго Гнѣзда—китайскій штабъ наблюдалъ за ходомъ боя и здѣсь же будто одинъ китайскій генералъ проглотилъ золотую пластинку, т. е. покончилъ съ собою посредствомъ ея.

Послѣднее, конечно, не важно; но первое должно бы быть именно теперь извѣстно каждому изъ защитниковъ Артура; не помѣшала бы и поучительная лекція на мѣстахъ боя; изъ нея можно бы сдѣлать цѣнные выводы.

—

Къ вечеру вернулась эскадра въ гавань, не встрѣтивъ врага. На судахъ царило веселье—раздавался веселый смѣхъ, затѣвались игры, пѣніе. Выходъ въ море ободрилъ, оживилъ снова всѣхъ.

И въ городѣ радовались выходу адмирала съ эскадрой. Съ начала войны до прибытія его въ Артуръ угнеталъ всѣхъ и каждаго этотъ флотъ, лежащій въ гавани, въ то время, какъ непріятель свободно разгуливаетъ по морю.

Адмиралъ не признавалъ софизма *) о необходимости сохраненія флота. Какъ-то въ хорошемъ настроеніи духа онъ высказался, что эти дорогія игрушки созданы не для того, чтобы ихъ *сохраняли,* но для того, *чтобы они охраняли* интересы государства, не пожалѣвшаго на постройку ихъ десятки—сотни милліоновъ!

— Такая дичь, какъ оправданіе тактики во время перваго боя необходимостью сохранить этотъ флотъ, — сказалъ онъ, — могла выпорхнуть только изъ Артура...

Вечеромъ мнѣ пришлось по дѣламъ службы побывать въ первый разъ на броненосцѣ, а именно на «Петропавловскѣ», гдѣ я познакомился съ профессоромъ академіи генеральнаго штаба полковникомъ Агапѣевымъ, который поразилъ меня своимъ моложавымъ, но весьма блѣднымъ лицомъ.

Въ штабѣ адмирала Макарова онъ завѣдывалъ военнымъ отдѣломъ и прибылъ сюда одновременно съ адмираломъ.

Онъ возбудилъ въ свое время много злобы противъ себя тѣмъ, что назвалъ китайскій походъ 1900 года не войной, а разбойничьимъ набѣгомъ, который не послужилъ урокомъ, а только испортилъ участвовавшихъ въ немъ солдатъ и офицеровъ. Конечно, особенно озлобились противъ него

*) Которымъ оправдывали вялость флота въ началѣ войны.

нѣкоторые герои этой войны, осыпанные наградами и пообогрѣвшіе свои руки около чужого добра.

Видѣлъ тамъ также капитана II ранга Васильева, одного изъ выдающихся офицеровъ, которому предсказываютъ блестящую карьеру.

Художникъ В. В. Верещагинъ.
† 31-го Марта 1904 года.

Матросы весело разгуливали по средней палубѣ и оживленно бесѣдовали, должно быть, о впечатлѣніяхъ дня, о выходѣ въ море и о предстоящихъ дѣлахъ. Ихъ загорѣлыя лица сіяли довольствомъ и увѣренностью.

Пока я ожидалъ пріема, къ дверямъ, отдѣляющимъ меня отъ батарейной палубы, подошла близко группа гуляющихъ, остановилась и посмотрѣла на меня весело. Ихъ глаза какъ бы говорили мнѣ:

И ты пришелъ посмотрѣть на «нашего дѣдушку», поговорить съ нимъ, посовѣтоваться!.. Стоитъ!

Вскорѣ прошелъ къ матросамъ священникъ іеромонахъ о. Алексѣй и началась вечерняя молитва.

Только тотъ, кому довелось слышать вечернюю молитву на русскихъ военныхъ судахъ, только онъ знаетъ, какъ въ вечерней тишинѣ величественно льются звуки, изъ полной груди сотенъ молодыхъ людей, этого стройнаго хора: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ».

Изъ чисто дѣловой бесѣды выдѣлилось особо желаніе адмирала Макарова, чтобы о немъ возможно меньше писали въ газетахъ и телеграммахъ.

Здѣсь два великихъ человѣка, одинаково украшенныхъ сѣдинами — адмиралъ Макаровъ и художникъ Верещагинъ, окруженные блестящей способностями молодежью,—наша гордость, наши надежды.

Меня поражали невиданные до сей поры обстановка и размѣры плавучей желѣзной громады съ ея 12-дюймовыми пушками и прочими механизмами. Встрѣтившій меня вахтенный начальникъ, мичманъ Шлиппе, проводилъ меня при уходѣ до трапа освѣщеннаго на то время, пока я сходилъ на берегъ. Когда же я прошелъ мимо часового, стоявшаго у конца трапа, огонь погасъ и снова все погрузилось во мракъ и тишину. Все это увеличило мои сегодняшнія впечатлѣнія.

День рѣдко богатый воодушевляющими впечатлѣніями. Но я не чувствую того утомленія, которое получается послѣ даже незначительной бомбардировки, какъ послѣдняя, — къ которымъ все же начинаемъ больше и больше привыкать.

30 марта (12 апрѣля). Узналъ о несчастіи у бухты 10 кораблей. Вчера утромъ выкинуло тамъ на берегъ мину. Унтеръ-офицеръ Барановъ съ 11 стрѣлками принялись оттаскивать эту мину подальше отъ воды. При этомъ мина взорвалась и — отъ всѣхъ 12 человѣкъ остались лишь мелкіе окровавленные клочья.

Сегодня матросы были отпущены въ городъ погулять, но съ условіемъ, что по тревогѣ—два выстрѣла съ Золотой горы—они быстро соберутся на свои мѣста. Этотъ маневръ удался прекрасно. Нужно было видѣть какъ мчались матросы, по тревогѣ, на свои суда, которыя могли тотчасъ выйти въ море.

31 марта (13 апрѣля). Самый ужасный, самый тяжелый день для Портъ-Артура! Самый ужасный день для нашего флота! Сегодня погибъ адмиралъ Макаровъ. Въ его лицѣ мы потеряли не менѣе, чѣмъ половину всей нашей морской силы. Потеря невозмѣстимая!

Одинъ изъ возвращающихся изъ ночной развѣдки съ острововъ Элліотъ (предполагаемая японская морская база) миноносецъ, «Страшный», былъ отрѣзанъ отъ другихъ, проскочившихъ въ гавань, бился богатырски и погибъ отъ снаряда, попавшаго въ заряженный минный аппаратъ въ тотъ моментъ, когда мина должна была быть выброшена въ бокъ японскому миноносцу. Поспѣшившій на помощь крейсеръ «Баянъ» спасъ только 5 человѣкъ, удержавшихся еще на поверхности воды.

Японскимъ миноносцамъ помогали подошедшіе крейсера и два броненосца, сосредоточивая на «Баянѣ» свой огонь. «Баянъ» бился съ многократно сильнѣйшимъ противникомъ, пока выходилъ изъ гавани нашъ флотъ съ броненосцемъ «Петропавловскъ», подъ флагомъ адмирала Макарова, впереди.

Контръ-адмиралъ Михаилъ Павловичъ Моласъ.
† 31-го Марта 1904 года.

Завязался артиллерійскій бой, японцы оттягивались, преслѣдуемые успѣвшими выйти на рейдъ судами. Послѣднія наши суда все еще выходили.

Въ это время замѣтили съ востока появленіе японской эскадры въ 12 вымпеловъ. Адмиралъ приказалъ отступить на рейдъ и стать въ боевую колонну, чтобы принять атаку японцевъ.

На всѣхъ укрѣпленіяхъ наблюдали за происходившимъ на морѣ. На Перепелочной горѣ собралась масса публики съ биноклями и подзорными трубами; всѣ напряженно слѣдили за движеніями эскадръ.

Дулъ холодный вѣтеръ; тѣмъ не менѣе морской горизонтъ застилался синеватой дымкой — туманомъ.

Сперва намъ было непонятно, почему наши суда возвращаются на рейдъ; но вскорѣ замѣтили мы на восточной сторонѣ появленіе неясныхъ силуэтовъ — одинъ, другой, третій — и еще, и еще...

Вдругъ около «Петропавловска» показался столбъ дыма, одинъ, другой, съ огромнымъ пламенемъ.

Раздались крики, вопли — «Петропавловскъ» погибаетъ!

Не хочется вѣрить — но его уже нѣтъ надъ водою...

Ужасъ охватываетъ всѣхъ. Многіе сбѣгаютъ съ горы, чтобы справиться по телефону—что это случилось? Еще столбъ дыма около другого броненосца; онъ накреняется, но продолжаетъ держаться на водѣ.

Профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба полковникъ Александръ Петровичъ Агапѣевъ. † 31-го Марта 1904 года.

Какъ я узналъ потомъ, на батареяхъ, откуда яснѣе была видна катастрофа, солдаты и офицеры завопили, кричали, рвали на себѣ волосы.

Внизу, въ городѣ, поднялась суматоха. Крики — «Петропавловскъ» погибъ! — Не правда! Только подбитъ миной! — Погибла «Побѣда»! — раздавались всюду. Люди бѣгутъ блѣдные, растерянные; спрашиваютъ другъ друга и, не получивъ яснаго отвѣта, бѣгутъ къ гавани и на Перепелочную гору, откуда полиція начинаетъ прогонять зрителей, по приказанію генерала Стесселя.

Никто не знаетъ, находился ли адмиралъ Макаровъ на «Петропавловскѣ» или, по своему обыкновенію, былъ на одномъ изъ крейсеровъ. Первое настолько ужасно, что не хотѣлось-бы объ этомъ и думать. Хотѣлось еще надѣяться, хотѣлось вѣрить во второе. Кто увѣряетъ одно, а кто и противоположное.

Въ гавань начинаетъ входить, отстрѣливаясь отъ предполагаемыхъ подводныхъ лодокъ, замѣтно накренившійся броненосецъ «Побѣда», нѣкоторые катера и миноносцы. На набережной собирается все больше и больше народу. Въ портъ не пускаютъ публику и даже офицеровъ.

«Побѣда» входитъ во внутренній, восточный бассейнъ.

Людей, выходящихъ изъ порта обступаютъ, разспрашиваютъ. Лица ихъ страшно блѣдны. Они видѣли привезенныхъ раненыхъ, обгорѣлыхъ, умирающихъ и уже умершихъ.

Говорятъ — адмирала еще не нашли...

Наша эскадра начинаетъ входить въ гавань. Всѣ устремляются на набережную противъ входа и ищутъ глазами флагъ адмирала Макарова.

Капитанъ 2-го ранга М. П. Васильевъ, командиръ броненосца «Цесаревичъ». † 31-го Марта 1904 года.

Какъ дѣти-сироты наивно вѣримъ и ожидаемъ возвращенія уже похороненнаго отца-кормильца-защитника.

— А вдругъ, да появится судно съ вице-адмиральскимъ флагомъ! — То-то будетъ радостно!..

Но напрасно — судно это не появляется. Все еще не хочется вѣрить, что такъ — въ одну минуту осиротѣлъ нашъ флотъ, осиротѣли всѣ мы, злосчастные артурцы — а съ нами вся Россія!

Солнце клонится уже къ западу, но все еще кучки людей сидятъ и стоятъ на набережной, устремивъ свои потускнѣвшіе взоры на входъ въ гавань.

Но «онъ» не возвращается; лежитъ онъ на днѣ морскомъ — погибъ впереди ввѣреннаго ему и увѣровавшаго въ него флота, - погибъ готовый ринуться въ смертный бой съ превосходящимъ силами врагомъ.

Одинъ матросъ разсказываетъ о томъ, какъ погибалъ «Петропавловскъ» и съ нимъ «дѣдушка»... А у самого неудержимо катятся слезы.

Тяжело смотрѣть, когда плачетъ мужчина. У слушателей также заблистали слезы. Нѣкоторые отворачиваются, нежелая показать своей слабости и, какъ-бы начинаютъ сморкаться. Едва-ли въ этотъ день нашелся-бы человѣкъ способный смѣяться, — тѣмъ болѣе посмѣяться надъ этими слезами.

Къ вечеру не осталось сомнѣнія, что адмирала Степана Осиповича Макарова не стало.

Капитанъ 2-го ранга К. Ф. Шульцъ, минный офицеръ штаба адмирала Макарова.
† 31-го Марта 1904 года.

Какъ только на эскадрѣ убѣдились, что командующій погибъ, тотчасъ контръ-адмиралъ князь Ухтомскій принялъ командованіе и приказалъ эскадрѣ вернуться въ гавань.

Непріятель продержался недолго на горизонтѣ; убѣдившись, что послѣ катастрофы, происшедшей на его глазахъ, наша эскадра возвращается въ гавань, онъ повернулъ въ море и скрылся.

Кромѣ адмирала Макарова погибъ художникъ Верещагинъ, полковникъ Агапѣевъ *), капитанъ 2-го ранга Васильевъ, лейтенантъ Дукельскій... Трудно всѣхъ перечесть; погибло всего около 500 человѣкъ. Спаслось всего лишь около 90 человѣкъ; да изъ нихъ еще многіе умерли отъ ранъ и ожоговъ, полученныхъ при катастрофѣ.

Пробоина, полученная «Побѣдой», говорятъ, легко исправимая.

*) Какъ передаютъ очевидцы, Верещагинъ и Агапѣевъ находились въ боевой рубкѣ; первый зарисовывалъ въ свой альбомъ эскизы, а второй что-то записывалъ въ журналъ.

— Конецъ!—говоритъ съ отчаяніемъ вошедшій ко мнѣ полковникъ,— теперь нашъ флотъ будетъ снова сидѣть въ гавани. Хотя бы не оставили мѣръ предосторожности по охранѣ гавани, установленныхъ адмираломъ Макаровымъ!

Пытаюсь успокоить его и себя тѣмъ, что недавно прибывшая минная рота заградитъ вскорѣ минами входъ въ гавань.

— Если снова проспимъ, то и это не поможетъ!..

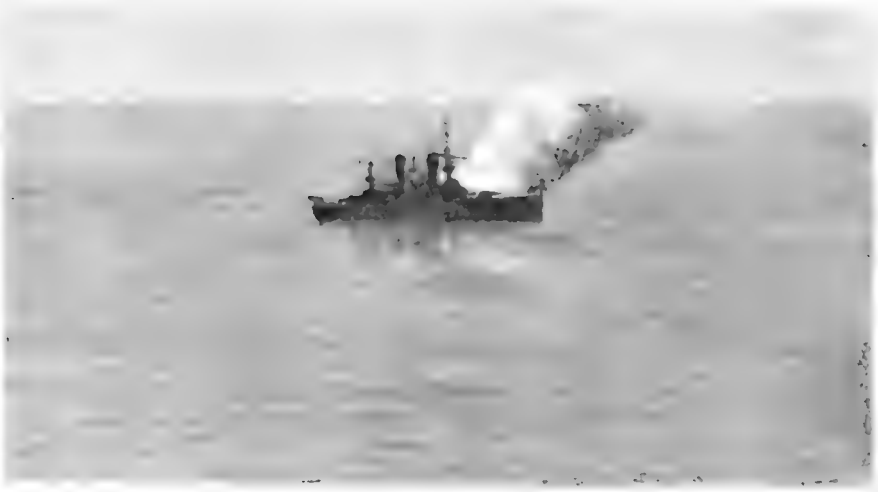
Утѣшаю его тѣмъ, что навѣрно вскорѣ будетъ назначенъ сюда адмиралъ Скрыдловъ, или Рожественскій.

Лейтенантъ Георгій Владиміровичъ Дукельскій.
† 31-го Марта 1904 года.

Онъ качаетъ головой.

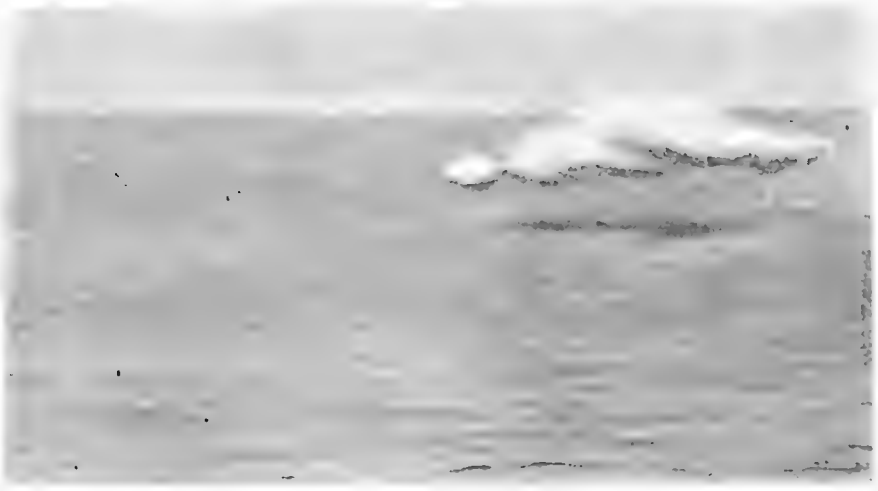
— Когда это будетъ! — А тѣмъ временемъ духъ, внесенный Макаровымъ, замѣнится прежней угнетенной нерѣшимостью. Не вѣрю я въ нашихъ адмираловъ, ни въ кого изъ нихъ не вѣрю. Макаровъ — да — въ него нельзя было не вѣрить! Онъ жилъ, онъ дышалъ моремъ и флотомъ, онъ работалъ для нихъ всю жизнь; его успѣхи налицо. Онъ не былъ паркетнымъ адмираломъ; его поэтому не любили. И умеръ-то онъ какъ настоящій морякъ, легъ на дно моря вмѣстѣ со своимъ кораблемъ. Вы говорите — роковая случайность... Что такое роковая случайность? Случайность-ли привела насъ къ этой утратѣ — къ этой невозмѣстимой утратѣ, къ этому ужасному несчастію — этого мы еще не знаемъ. Произошелъ ли

I



II

III



Три момента гибели броненосца «Петропавловскъ». По фотогр. снимкамъ.

взрывъ внутри судна, мина-ли побила его, подводная ли лодка непріятеля — кто объяснитъ намъ все это? Это уму непостижимо: въ одну минуту погибъ броненосецъ, скрылся съ глазъ, погибъ адмиралъ и столько людей! — Если это были вражескія мины, то какъ же онѣ оказались на этомъ-то мѣстѣ? Вѣдь, ихъ нужно было поставить. А что же дѣлала наша береговая стража, если не видала, что непріятель ставитъ у насъ подъ носомъ мины?..

Добираясь до причинъ гибели «Петропавловска» мы пришли къ убѣжденію, что никакихъ подводныхъ лодокъ тутъ не было, а броненосецъ наскочилъ на связанныя плавучія японскія мины; пробоина у «Побѣды» по-

Лейтенантъ Ермій Александровичъ Маллѣевъ, старшій офицеръ миноносца «Страшный». † 31-го Марта 1904 года.

лучена отъ такой же мины. Оказывается, что ночью были замѣчены около этого мѣста японскіе миноносцы. Объ этомъ, будто, доложили адмиралу и предлагали ему протралить это мѣсто, но адмиралъ будто отвѣтилъ, что это пустяки.

Это просто невѣроятно *). Вѣрнѣе всего, что мы прокараулили или, по обычной нашей простотѣ, приняли эти миноносцы за свои. Иначе по нимъ открыли бы огонь съ батарей, или же адмиралъ Макаровъ прика-

*) 14/27 марта адмиралъ Макаровъ приказалъ же сперва протралить, а лишь тогда вывелъ эскадру на рейдъ. Почему-бъ онъ сталъ въ данномъ случаѣ пренебрегать мѣрами осторожности? Тѣмъ болѣе, если ему доложили о томъ, что японскіе миноносцы подходили близко.

залъ-бы атаковать ихъ миноносцами, тѣмъ болѣе, что наши миноносцы вышли на развѣдки и могли попасть, при возвращеніи, между двухъ огней. Если-бы адмиралу было извѣстно, что японскіе миноносцы на внѣшнемъ рейдѣ, онъ выслалъ бы непремѣнно на встрѣчу возвращающимся своимъ подкрѣпленіе изъ миноносцевъ и крейсеровъ и самъ-бы вышелъ съ ними; а въ такомъ случаѣ японцамъ не удалось-бы потопить въ это утро «Страшнаго». Поэтому, несомнѣнно, что мы проспали и валимъ вину на самого покойнаго адмирала, который уже возразить не можетъ.

Другое дѣло, если-бы адмиралъ боялся выходить въ море, или же мины эти были поставлены за горизонтомъ, а не, такъ сказать, подъ самымъ носомъ *).

*) Все еще появлявшіяся въ газетахъ увѣренія, что «Петропавловскъ» погибъ на нашихъ собственныхъ минахъ — полнѣйшій абсурдъ. Портартурскій рейдъ не загражданся (и мыслимо ли это!) нашими плавучими минами взрывающимися самостоятельно. Загражденіе же рейда минами, воспламеняемыми электрическимъ токомъ, началось только наканунѣ Пасхи, въ день прибытія минной роты, т. е. всего четыре дня тому назадъ и работы эти были только въ зачаткѣ. Такое же загражденіе морского вѣдомства было ближе къ гавани. При томъ эти мины при разомкнутомъ токѣ не представляютъ собою ровно никакой опасности; токъ же замыкался только на ночь, когда нашимъ судамъ не нужно было ни выходить, ни входить. Наконецъ, наше минное загражденіе никогда недостигало до того разстоянія отъ берега (болѣе версты), на которомъ погибъ «Петропавловскъ». Допустимъ, что японскія мины могли быть брошены на болѣе значительномъ разстояніи отъ берега и принесены сюда приливомъ (которымъ японцы всегда пользовались при разбрасываніи минъ на рейдѣ), но все же нужно сознавать, что береговая охрана «проспала» на этотъ разъ.

Несомнѣнное доказательство тому, что «Петропавловскъ» погибъ на японскихъ минахъ имѣемъ теперь въ запискахъ японскаго офицера-моряка. См. «*Акацуки*» *передъ Портъ-Артуромъ*. Изд. Ѳ. И. Булгакова. 1905 г. Цѣна 15 коп.

Мнѣ передаютъ, что адмиралъ Макаровъ распорядился взять на суда, передъ выходомъ на встрѣчу непріятеля, полный комплектъ минъ Уайтхэда. Это распоряженіе адмирала показалось кому то изъ исполнителей его не цѣлесообразнымъ и рѣшили взять только половинный комплектъ; но это узналъ случайно адмиралъ, разсердился и потребовалъ точнаго исполненія его распоряженій.

И это обстоятельство ставятъ, между прочимъ, одной изъ причинъ гибели броненосца. Но это не можетъ послужить оправданіемъ того, что дали японцамъ набросать мины на рейдѣ и не сообщили объ этомъ адмиралу. Детонировалъ ли отъ взрыва японскихъ плавучихъ минъ лишь пороховой погребъ или также и мины Уайтхэда, хранившіяся въ корпусѣ броненосца, это осталось невыясненнымъ и отъ этого никому не легче. Позднѣе (2/15-го мая) японскій броненосецъ «Хатсузе» пошелъ настолько же быстро ко дну. Причиной гибели все же были и остались плавучія мины, набросанныя непріятелемъ; детонація, какъ тутъ, такъ и тамъ, была лишь гибельнымъ послѣдствіемъ.

Случай съ комплектомъ минъ Уайтхэда даетъ мнѣ лишній штрихъ въ характерѣ адмирала Макарова — его непоколебимую рѣшимость принять рѣшительный бой всѣми средствами, которыя имѣлись въ его распоряженіи.

Дальнѣйшіе морскіе бои доказали безцѣльность минныхъ аппаратовъ на большихъ судахъ, если на нихъ нѣтъ сильной артиллеріи и если суда не обладаютъ болѣе быстрымъ ходомъ, чѣмъ непріятельскія. Это доказалъ опытъ.

4. Начало осады.

1. Послѣднія атаки японцевъ съ моря.

2/15 апрѣля. Сегодня утромъ показался на горизонтѣ непріятельскій флотъ, но вскорѣ опять скрылся. Затѣмъ онъ снова появился около 9 час. утра, въ составѣ 23 вымпеловъ, и открылъ огонь со стороны Ляотѣшаня по батареямъ берегового фронта, особенно Тигроваго полуострова и по Ляотѣшаню, къ которому онъ уже не осмѣливался подойти очень близко. Ему отвѣчали наши батареи, а особенно суда, стоявшія въ гавани, перекиднымъ огнемъ изъ 12-ти и 10-дюймовыхъ орудій. Съ наблюдательныхъ пунктовъ сообщаютъ, что одинъ изъ нашихъ крупныхъ снарядовъ попалъ въ японскій крейсеръ типа «Ниссинъ» и заставилъ японцевъ отойти. Бомбардировка продолжалась, съ перерывами, до 1 часу дня и осталась вполнѣ безрезультатной *). Разсказываютъ, что два японскихъ судна сильно повреждены и уведены на бугсирѣ. У одного судна будто вогнуло палубу отъ сильно крутого подъема орудія.

Съ уходящихъ японскихъ судовъ бросили въ городъ, на Перепелочную гору, два крупныхъ снаряда. Первый легъ выше домиковъ, въ мелкій камень (щебень) и не принесъ никому никакого вреда.

*) Какъ образчикъ японскихъ свѣдѣній вообще привожу здѣсь сообщенное ими оффиціально: «..«*Ниссинъ*» и «*Кассуга*» *обстрѣляли въ теченіи 2 часовъ Ляотѣшань, пока всѣ 9 фортовъ Ляотѣшаня были принуждены замолчать...*» На самомъ дѣлѣ на Ляотѣшанѣ не было ни одного форта, а строющіяся тамъ батареи не были еще готовы. Ни тамъ, ни на остальныхъ батареяхъ берегового фронта даже никто не раненъ.

Услышавъ, что снарядъ разорвался на Перепелкѣ, одинъ изъ молодыхъ врачей Краснаго Креста (Горловскій) побѣжалъ туда съ двумя госпитальными служителями, чтобы оказать первую медицинскую помощь, еслибы она понадобилась. Съ другой стороны около десятка подозрительныхъ китайцевъ («хорошему китайцу тамъ нечего искать», говорили китайцы безупречнаго поведенія) спѣшили къ верхнимъ домикамъ на Перепелкѣ, чтобы, воспользовавшись суматохой, и тѣмъ, что жители разбѣжались въ ожиданіи дальнѣйшихъ бомбъ, разграбить квартиры. Бывшій тамъ полицейскій, при помощи желѣзнодорожнаго проводника и одного госпитальнаго служителя, началъ прогонять этихъ китайцевъ. Въ это время снова раздался вой прилетающаго огромнаго снаряда и онъ упалъ какъ разъ среди убѣгающихъ китайцевъ. Взрывомъ розорвало на клочки 7 китайцевъ, тя-

Японское изображеніе бомбардировки Портъ-Артура.

жело ранило 3 китайца и служителя госпиталя; легко раненъ желѣзнодорожникъ; ближайшіе 2 домика-фанзы разрушены и 4 повреждены. Помянутый врачъ оказалъ первую помощь, перевязалъ и проводилъ раненыхъ въ госпиталь. Такъ какъ носилокъ не было, то вынули изъ ближайшихъ домиковъ уцѣлѣвшія двери и понесли на нихъ раненыхъ.

Когда я пошелъ на мѣсто катастрофы, то почти всѣ слѣды ея были уже убраны; лишь мѣстами валялись еще отдѣльные куски человѣческаго тѣла и огромныя кровяныя пятна указывали тѣ мѣста, гдѣ лежали трупы убитыхъ. Очевидцы этой ужасной сцены не могли говорить о ней безъ содроганія; такъ поразила ихъ эта картина, въ то время какъ только немного разсѣялся дымъ. Одинъ изъ китайцевъ, которому оторвало голову, пробѣжалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ, затѣмъ упалъ... Въ ограду одного изъ ближайшихъ домиковъ силой взрыва бросило его оторванную голову подъ

окно; въ другихъ мѣстахъ валялись большіе куски тѣла... Многіе изъ жителей ближайшихъ домиковъ были дома и отдѣлались только испугомъ и этимъ ужасающимъ зрѣлищемъ. Жителей разрушенныхъ и сильно поврежденныхъ фанзъ къ счастью не было дома.

Госпитальный служащій умеръ отъ ранъ; одинъ изъ раненыхъ китайцевъ скончался по дорогѣ въ госпиталь; на выздоровленіе прочихъ 2 китайцевъ, говорятъ, надежды мало.

Мнѣ передавали, что по наблюденіямъ съ Перепелочной горы и съ батарей, одинъ изъ 5 японскихъ крейсеровъ, (наблюдавшихъ на рейдѣ, не выйдетъ ли изъ гавани нашъ флотъ), будто бы налетѣлъ на японскую же мину*)

Японскій адмиралъ Того.

и затонулъ. Такъ какъ падающіе на Тигровый полуостровъ и въ гавань снаряды отвлекали вниманіе зрителей, то фактъ этотъ не удалось установить точно. Съ батарей сообщали, что видѣли ясно взрывъ у одного изъ крейсеровъ, послѣ чего остальные крейсера окружили это мѣсто; а на Перепелочной горѣ одинъ изъ офицеровъ-зрителей зарисовалъ кроки всѣхъ видимыхъ движеній японскихъ судовъ и былъ удивленъ, что изъ зарисованныхъ 5 крейсеровъ на открытомъ мѣстѣ оказалось потомъ только 4. Онъ тоже увлекся разрывающимися болѣе на западъ снарядами и не могъ сказать, куда дѣвался зарисованный пятый крейсеръ. Въ народѣ говорили, что погибъ одинъ японскій крейсеръ, но очевидца самой гибели не случилось встрѣтить **).

Сегодня прибылъ изъ Мукдена намѣстникъ, адмиралъ Алексѣевъ; поѣздъ его простоялъ за Перепелочной горой до окончанія бомбардировки.

*) Это было много далѣе нашего миннаго загражденія.

**) Позднѣе выяснилось, что это по всей вѣроятности былъ крейсеръ «Іошино».

Начали поступать пожертвованія на постройку броненосца «Адмиралъ Макаровъ» и на памятникъ адмиралу *).

3/16 апрѣля. «Паллада» вышла изъ дока, но зацѣпила винтомъ, кажется, за якорную цѣпь «Аскольда» и погнула перо.

7/20 апрѣля. Вчера въ «Новомъ Краѣ» появилась замѣтка будто вблизи Артура появились огромныя акулы; спрашивается, ужъ не это ли тѣ «подводныя лодки» японцевъ, которыя многимъ мерещились, но существованіе коихъ до сей поры не подтвердилось ни чѣмъ.

На самомъ же дѣлѣ и акулъ-то здѣсь никто еще не замѣчалъ; это иронія надъ трусливыми, воображающими, что они видѣли подводныя лодки и оспаривающими вслѣдствіе этого возможность выхода флота въ море.

Считаю долгомъ привести прекрасные примѣры самоотверженія русскихъ матросовъ.

Какъ мы узнали изъ японскихъ свѣдѣній, 26 февраля (10 марта), когда вся команда миноносца «Стерегущій» была перебита и миноносецъ былъ уже взятъ непріятелемъ на буксиръ, оставшіеся еще въ живыхъ 2 матроса не послѣдовали приглашенію сдаться, а скрылись и заперлись въ трюмъ миноносца; тамъ они открыли кингстоны и потопили миноносецъ, чтобы онъ не достался непріятелю. Они похоронили и себя вмѣстѣ со своимъ судномъ—предпочли славную смерть за свою родину сдачѣ въ плѣнъ.

Имена этихъ двухъ матросовъ такъ и останутся неизвѣстными, но фактъ этотъ, ихъ подвигъ, останется свѣтлой точкою въ исторіи этой войны.

Это были два простыхъ, быть можетъ даже неграмотныхъ, русскихъ человѣка.

Не менѣе геройски погибла команда миноносца «Страшнаго» утромъ 31 марта (13 апрѣля).

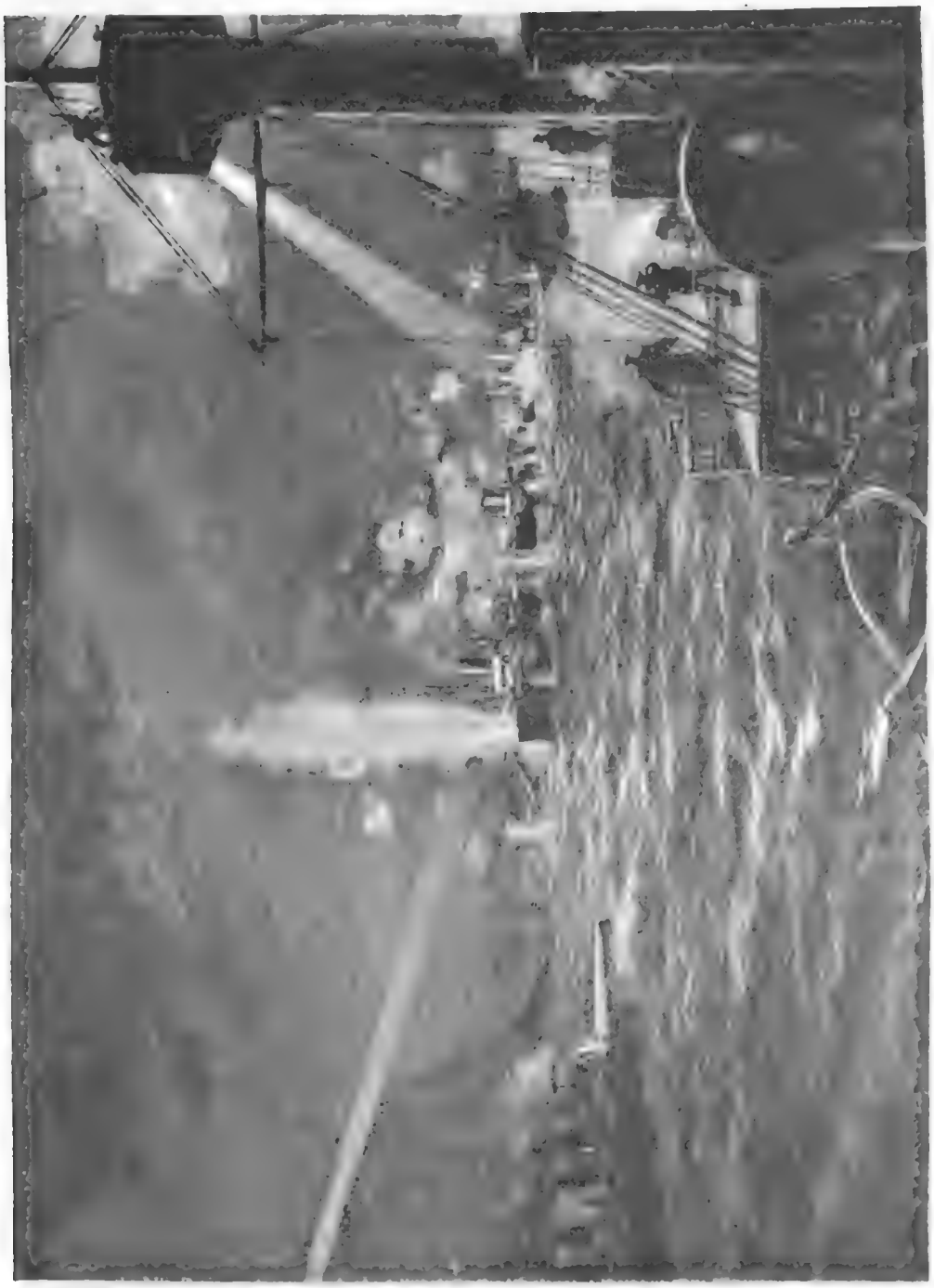
Въ ночной тьмѣ и туманѣ миноносецъ отсталъ отъ своего отряда и, проблуждавъ около острововъ Саншанъ-тао, возвращался одинъ къ Артуру. Когда начало разсвѣтать и туманъ разсѣялся, онъ замѣтилъ вблизи 6 непріятельскихъ миноносцевъ и 2 двухтрубные крейсера, которые открыли по немъ огонь; снаряды пробивали судно и сметали все живое съ палубы. Удачно пущенной съ миноносца миной Уайтхэда подбило одинъ изъ крейсеровъ. Два миноносца и другой крейсеръ стали помогать подбитому; четыре миноносца продолжали преслѣдовать «Страшнаго». Въ тотъ моментъ, когда съ миноносца только что хотѣли пустить вторую мину въ ближайшій непріятельскій контръ-миноносецъ, попалъ въ заряженный минный аппаратъ «Страшнаго» непріятельскій снарядъ; послѣдовалъ взрывъ и произвелъ страшное опустошеніе. Машина перестала работать. Единственный живой еще, но сильно израненый офицеръ лейтенантъ Маллѣевъ—крикнулъ остаткамъ команды:

— Погибнемъ, но не сдадимся!

---

*) Интересно бы знать, гдѣ находятся всѣ эти пожертвованныя суммы? Онѣ не должны были попасть въ руки японцевъ. Деньги эти сдавались въ особую комиссію подъ предсѣдательствомъ контръ-адмирала князя Ухтомскаго и онъ, навѣрно, не откажется дать точный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Онъ поднялъ оторванную взрывомъ голову товарища, инженеръ-механика Дмитріева, поцѣловалъ ее въ губы:



Атака брандерами въ ночь на 21-е Апрѣля (4-е Мая) 1904 года.
По рисунку художника А. А. Чикина.

— Прощай, мой дорогой товарищъ!

А у самого отовсюду сочится кровь; часть кожи на головѣ сорвана осколкомъ и повисла на плечѣ; фуражка давно сбита съ головы...

Онъ бросается къ единственному уцѣлѣвшему орудію—пятиствольной митральезѣ, снятой съ японскаго брандера, и обсыпаетъ непріятеля убійственнымъ огнемъ.—Японцы сосредоточиваютъ весь свой огонь на «Страшномъ», уже погружающемся въ воду.

Когда вода достигла до борта, лейтенантъ Маллѣевъ еще разъ крикнулъ:

— Братцы, спасайся, кто на чемъ можетъ!

Самъ же продолжалъ еще уцѣлѣвшей рукой стрѣлять въ непріятеля.

Миноносецъ пошелъ ко дну и всплыли всего 5 тяжело израненыхъ матроса. Былъ ли убитъ лейтенантъ Маллѣевъ сыпавшимися какъ градъ непріятельскими снарядами или нашелъ свою смерть въ волнахъ, этого не могутъ сказать уцѣлѣвшіе люди. Они боролись отчаянно въ ледяной водѣ, стараясь отплыть отъ водоворота, образовавшагося на мѣстѣ гибели „Страшнаго“.

Во всѣхъ схваткахъ нашихъ миноносцевъ съ японскими перевѣсъ въ вооруженіи и, частію, въ быстротѣ хода оказался на сторонѣ японцевъ; ихъ миноносцы вооружены пушками 120-ти и 75-ти милиметроваго калибра, а наши лишь 75-ти и 47-ми милиметровыми. Притомъ и снаряды у нихъ лучше.

Участники боевъ говорятъ объ этомъ съ большимъ огорченіемъ.

— Подумайте сами—мы, чикъ да чикъ, положимъ, рѣшетимъ ихъ миноносцы; наши снаряды рвутся не всѣ—пробьютъ ихъ миноносецъ насквозь, а ему ничего, все держится на водѣ; долго-ли заткнуть эти дырки. А они какъ ахнутъ изъ 120-ти милиметровой пушки (и 75-ти милиметровый снарядъ ничего, если взорвется внутри нашего миноносца—набѣдокуритъ не мало!) разъ, другой, третій—и нашъ уже начинаетъ накреняться, течь большая и если мы не въ силахъ уйти, то конецъ!

Изъ этого вытекаетъ, что орудія меньше 75-ти милиметроваго калибра не имѣютъ и на броненосцахъ ровно никакой цѣны при отраженіи минныхъ атакъ. Чѣмъ меньше калибръ орудія, тѣмъ меньше и дальнобойность его; непріятельскій же миноносецъ долженъ быть разстрѣлянъ на почтительномъ разстояніи, пока онъ не можетъ поражать миною *).

8/21 апрѣля. Забылъ отмѣтить, что намѣстникъ, адмиралъ Алексѣевъ принялъ на себя временное командованіе флотомъ и переѣхалъ на другой день на броненосецъ «Севастополь»; тамъ же помѣстился весь его штабъ и былъ поднятъ его флагъ.

Вчера днемъ вдругъ началась усиленная пальба съ береговыхъ батарей; народъ переполошился, устремился къ тѣмъ возвышенностямъ, откуда видно море. На морѣ ничего не видно, а батареи что-то палятъ.

*) Интересно бы знать, какими пушками вооружены и сколько узловъ хода имѣютъ выстроенные на народныя пожертвованія наши новые минные крейсера — могутъ ли они на самомъ дѣлѣ догонять и истреблять *непріятельскіе* миноносцы, или же они представляютъ собою такую же «бутафорію» съ «черепашьимъ ходомъ», какою были въ Артурѣ «минные крейсера»: «Гайдамакъ» и «Всадникъ». Желательно узнать и то, что стоили новые крейсера.

На запросъ по телефону съ Золотой горы отвѣтили, что разстрѣливаютъ непріятельскую подводную лодку.

Потомъ оказалось, что разстрѣляли всплывшій опрокинутый вельботъ или баркасъ съ броненосца «Петропавловскъ».

У страха глаза велики. Истратили попусту много снарядовъ; а ими то мы очень не богаты.

На броненосцѣ «Севастополь» попорченъ станокъ одного 12-дюймоваго орудія. Орудіе сняли, пока станокъ не будетъ исправленъ; въ башню, вмѣсто орудія вставили бревно, чтобы въ случаѣ необходимаго выхода въ море японцы не увидали, что одна изъ башенъ съ однимъ орудіемъ.

Что-то не могу уразумѣть, можетъ-ли быть толкъ отъ этого фокуса? Разсматриваютъ-ли японцы, сколько у насъ орудій? — Едва-ли. И это кажется мнѣ пустой комедіей.

Прибыла еще партія (850 чел.) мастеровыхъ и портовыхъ рабочихъ изъ Петербурга.

Китайцы, убѣгающіе съ театра войны.

«Новымъ Краемъ» уже не разъ поднимался вопросъ о томъ, обезпеченъ ли городъ на случай тѣсной осады необходимыми жизненными припасами, топливомъ и прочими предметами первой необходимости.

Кажется, что до сей поры очень мало сдѣлано въ этомъ отношеніи. Слышно, что были недоразумѣнія между генералами Смирновымъ и Стесселемъ. Первый воспретилъ вывозъ какихъ бы ни было съѣстныхъ припасовъ изъ города, а послѣдній разрѣшалъ. Комендантъ будто настоялъ на своемъ; но чтобы кто-либо позаботился о *привозѣ* необходимыхъ припасовъ — не слыхать.

9/22 апрѣля. Сегодня наши миноносцы задержали въ виду Артура пароходъ корреспондента газеты «Daily News» и осмотрѣли пароходъ и его бумаги. По полученіи инструкцій задержанный на внѣшнемъ рейдѣ пароходъ былъ препровожденъ въ море съ дружескимъ совѣтомъ болѣе не подходить такъ близко къ Портъ-Артуру.

На дняхъ прибыли въ Артуръ германскіе военные агенты капитанъ Гоппманъ и капитанъ-лейтенантъ Альфредъ фонъ-Гильгенгеймбъ.

13/26 апрѣля. «Новый Край» остается въ Портъ-Артурѣ, чтобы дѣлить участь защитниковъ крѣпости.

Служившій здѣсь со времени занятія русскими Артура китайскій инженеръ Хо исчезъ, убрался во свояси. Его какъ очень дѣльнаго, опытнаго инженера цѣнили всѣ. Русскіе мастера относились съ большимъ уваженіемъ къ мистеру Хо, — какъ его обыкновенно звали, — за его справедливость и доброту.

Про него разсказывали, что только онъ одинъ умѣлъ вводить суда въ докъ безъ всякихъ поврежденій.

Говорятъ, что мистеръ Хо захватилъ съ собой много чертежей; поэтому его усиленно розыскиваютъ.

Мнѣ кажется, что старику просто надоѣло подвергаться опасности. Деньжонки онъ прикопилъ хорошія, ну, и ушелъ себѣ на покой въ Китай. Онъ просилъ, чтобы его уволили; ему отказали. Потому-то онъ и ушелъ тайкомъ. Что касается чертежей, никто не хочетъ вѣритъ, чтобы онъ могъ выкрасть таковые; вѣрнѣе всего то, что онъ захватилъ съ собою свои работы. Поговариваютъ даже, что онъ можетъ разоблачить кое-какія злоупотребленія и будто изъ-за этого произошелъ такой переполохъ.

Кстати—у насъ выплываютъ некрасивыя вещи. Нѣкоторые купцы подняли цѣну на керосинъ съ 2 р. 80 к. за ящикъ до *шести* рублей, несмотря на то, что и по таксѣ установлено, почему-то, 4 рубля. Что же будетъ дальше, если теперь, когда еще можно что угодно подвести изъ Инкоу, начинаютъ прямо-таки драть дикія цѣны!

Но что еще замѣчательнѣе — это принесенный мнѣ сегодня приказъ по Квантунской крѣпостной артиллеріи за № 57 отъ 29 февраля, въ которомъ, въ пунктѣ 5-мъ, значится: «Выписано въ расходъ—подрядчику Циммерманну *) за 300 ящиковъ (по двѣ банки) поставленнаго имъ керосина по счету отъ 30-го января 1904 года 1350 рублей (т. е. по 4 р. 50 к. за ящикъ).

Какъ я уже сказалъ, до войны керосинъ стоилъ всего 2 р. 80 к. ящикъ. Какъ же по счету отъ 30-го января платилось уже 4 р. 50 к. за поставленный до войны керосинъ? — Интересно бы знать въ чью пользу шелъ излишекъ изъ этой суммы и полагалась ли какая-нибудь провѣрка такихъ расходовъ?—Мнѣ указываютъ, что спросить объ этомъ нужно завѣдывающаго хозяйствомъ артиллеріи подполковника Бржозовскаго **).

Другой приказъ по той же артиллеріи ***) отъ 10-го января 1904 г. за № 9, пунктъ 7-й котораго гласитъ:

«Въ приказѣ прошлаго года за № 262, п. 10-й, было объявлено, чтобы гг. офицеры, принимая по описямъ отъ инженернаго вѣдомства разныя по-

*) Хаиму Абрамовичу. Ихъ нѣсколько братьевъ—всѣ поставщики.

**) Послѣ сдачи крѣпости не оказалось на лицо сахара, который числился по книгамъ и что-то еще.

***) А вѣдь артиллерія въ Портъ-Артурѣ считалась чистоплотнымъ, корректнымъ вѣдомствомъ.

стройки, не входили въ критическую оцѣнку принимаемаго и не дѣлали объ этомъ отмѣтокъ своихъ на сдаточныхъ описяхъ, а о несоотвѣтствіи, усмотрѣнномъ въ принимаемой постройкѣ, доносили мнѣ особо.

Нынѣ завѣдывающій инженерной частью, при отзывѣ отъ 8-го января за № 136, препроводилъ мнѣ 6 сдаточныхъ описей сараямъ, принятымъ во ввѣренную мнѣ артиллерію капитаномъ Вамензонъ и снова проситъ меня сдѣлать распоряженіе, чтобы принимающіе не разбирали качествъ сдаваемыхъ имъ сооруженій и матеріаловъ, изъ которыхъ онѣ построены. Вызвано это надписями въ вѣдомостяхъ капитана Вамензона, что желѣзо *старое*.

Видъ съ Золотой горы: въ восточномъ бассейнѣ, впереди броненосецъ «Побѣда» и миноносцы, далѣе «Севастополь» и «Цесаревичъ». Влѣво Перепелочная гора, бухта Таучинъ, правѣе, вдали Волчьи горы. Внизу складъ угля и пр.

Вновь подтверждаю, что это не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу пріемки собственно и всѣ подобныя надписи совершенно неумѣстны и не нужны».

Нужны ли коментаріи?—Думается, нѣтъ. Но невольно напрашивается вопросъ: куда мы идемъ при такихъ порядкахъ?

Мнѣ говорятъ, что указанные факты пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что творится у насъ въ этомъ родѣ вообще. Цѣлыя пріемныя комиссіи расформировываются будто, если они пріемку не производятъ такъ — какъ это выгодно сдатчику... И образуются новыя, болѣе снисходительныя комиссіи.

Офицеры-моряки говорятъ, что для пріемки миноносцевъ Невскаго завода пришлось расформировать нѣсколько пріемныхъ комиссій, пока на-

шлись люди, принявшіе эти миноносцы... Тоже самое будто было съ комиссіей по пріемкѣ лошадей для военныхъ надобностей и т. д., и т. д.

А мы воюемъ сейчасъ съ государствомъ, въ которомъ контролируется все до мельчайшихъ подробностей, — гдѣ каждая копѣйка, каждый грошъ, предназначенный на военныя надобности, дѣйствительно израсходованы на нее.

У насъ же всѣ эти пріемки и повѣрки сведены на недостойную, крайне деморализующую комедію. Не лучше ли тогда отбросить и всѣ эти пріемочныя комиссіи и всякій контроль? Пусть вѣдаютъ всѣмъ сами подрядчики-поставщики и благосклонное имъ начальство. Тогда виднѣе будетъ, куда мы придемъ при этой системѣ *).

16/29 апрѣля. Въ продолженіи послѣднихъ двухъ ночей были небольшія перестрѣлки береговыхъ батарей съ подходившими непріятельскими миноносцами. Говорятъ, что батареи иногда обстрѣливаютъ и наши собственные... Насъ навѣстилъ, прибывшій въ Артуръ на короткое время, военный корреспондентъ «Новаго Времени» гвардіи ротмистръ Ю. Л. Елецъ.

На дняхъ былъ въ штабѣ одного изъ стрѣлковыхъ полковъ. Тамъ разсказывали мнѣ, что солдаты и офицеры опасаются какъ бы имъ не просидѣть здѣсь во время войны безъ дѣла. Если же японцы не захотятъ высадиться на Ляодунѣ, то это такъ и будетъ.

Въ то же время узналъ, что солдаты остались чуть не босикомъ—въ цейхгаузахъ нѣтъ обуви. Въ ожиданіи подвоза выдавали частями необходимый кожаный товаръ—напримѣръ голенища или переда; подошевъ же нѣтъ. Солдатъ ждетъ, ждетъ недостающее, чтобы сшить новые сапоги; а старые разваливаются. Въ концѣ концовъ онъ или отдаетъ полученную часть кожи за починку старыхъ—или, что еще хуже, пропиваетъ ее. Черезъ долгое время получается недостававшая часть кожи, напр., подошвы; а тогда голенищъ уже нѣтъ—и снова пошла та же исторія.

Возвращаясь въ городъ увидѣлъ вблизи дороги, подъ горкой, какой-то навѣсъ, крыша котораго покрыта слоемъ земли въ поларшина. Спрашиваю извозчика, что это такое.

— Блиндажъ,—говоритъ,—куда во время бомбардировки могутъ прятаться солдаты...

Удивляюсь, что же это за блиндажъ, когда его можетъ пробить любой, даже некрупный снарядъ, а покрупнѣе разобьетъ его всего и вмѣстѣ съ тѣмъ задавитъ всѣхъ искавшихъ въ немъ спасенія.

— А это ужъ дѣло инженеровъ!—говоритъ извозчикъ...

18 апрѣля (1 мая). Сегодня началась практическая стрѣльба съ батарей сухопутнаго фронта, которая будетъ продолжаться еще и завтра.

*) Нынѣ, конечно, уже видно, куда привела насъ эта система—къ позору и несостоятельности.

Жители, не знавшіе, что это стрѣляютъ наши, сильно переполошились, предполагая, что японцы уже наступаютъ съ суши; но вскорѣ всѣ успокоились.

На дняхъ прибылъ извѣстный писатель В. И. Немировичъ-Данченко, въ качествѣ корреспондента «Русскаго Слова». Онъ провелъ уже нѣсколько ночей въ казематѣ батареи на Золотой горѣ, въ напрасномъ ожиданіи новой атаки японцами гавани.

Ехидный вопросъ задалъ недавно въ интимномъ кругу одинъ изъ вновь прибывшихъ изъ столицы офицеровъ:

Видъ съ Золотой горы: Впереди артиллерійскій городокъ и опрѣснитель; у бона канонерская лодка «Бобръ», правѣе «Разбойникъ». За Тигровымъ хвостомъ суда эскадры въ западномъ бассейнѣ.

— Чѣмъ можно объяснить прямо-таки бѣгство отсюда тотчасъ, какъ началась война, многихъ изъ бывшихъ здѣсь до войны начальствующихъ лицъ—личной ли ихъ, такъ сказать, антипатіей къ войнѣ и ея эффектамъ, или же тѣмъ, что они знали лучше всѣхъ, конечно каждый по своей части, какъ плохо мы подготовлены къ войнѣ?..

Ему отвѣтили, что по плану мобилизаціи полагалось перевести всѣ областныя учрежденія въ тылъ арміи,—что личное настроеніе тутъ не причемъ.

Однако же этотъ отвѣтъ не вполнѣ удовлетворилъ вопрошающаго.

20 апрѣля (3 мая). «Новый Край» иронизируетъ надъ тѣмъ, что въ то время, какъ во всѣхъ предметахъ первой необходимости ощущается уже

недостатокъ и цѣны на эти предметы возрастаютъ неимовѣрно, оказывается, что напитками мы обезпечены съ большимъ избыткомъ—наши коммерсанты были настолько предусмотрительны, запаслись ими такъ основательно, что напитковъ должно хватить на всю войну, сколь долго она бы не продолжалась...

Получено извѣстіе о переходѣ японцами Ялу, о первой битвѣ.

21 апрѣля (4 мая). Прошлая ночь—это было что-то почти невѣроятное. Хотя около 6 часовъ вечера и поговаривали, что сегодня ожидаютъ новой атаки со стороны японцевъ, никто этому уже не придавалъ большого значенія. Вѣдь ждали мы ихъ почти каждую ночь до и во время пасхи; ожидаемъ и сейчасъ.

Насъ успокаиваетъ то, что ихъ ждутъ; худо, когда не ожидаютъ, а они являются.

Вечеръ теплый, но темный. Гуляетъ много народу. Тишина въ городѣ полная. Еле замѣтно обрисовываются на небосклонѣ темныя силуэты горъ, окружающихъ городъ. На береговомъ фронтѣ видны лучи прожекторовъ, ровно скользящихъ по морю, то скрещивающихся, то расходящихся въ разныя стороны, чтобы потомъ снова встрѣтиться. Это исполинскіе щупальцы, которыми водитъ вокругъ себя притаившееся чудовище—крѣпость.

Въ гавани тоже все тихо; изрѣдка проскользитъ почти безшумно какой-нибудь катеръ, послышится окрикъ часового. Отдѣльные огоньки видны на судахъ на сторонѣ города; иначе можно бы подумать, что и тутъ все спитъ, какъ большинство города послѣ трудового дня.

Вотъ—просигналили что-то съ Золотой горы, сигнальные огоньки замигали и на «Севастополѣ»; въ отвѣтъ имъ засверкали такіе же огоньки на всѣхъ остальныхъ судахъ. Снова все потухаетъ и погружается во мракъ довольно теплой ночи. Лишь отъ времени до времени раздаются мелодичныя судовыя склянки *), оживляя на минуту начинающую уже надоѣдать тишину.

О чемъ только не поговорили, не посудачили гуляющіе; теперь уже всѣ начинаютъ замолкать. Сонъ подкрадывается; усталость беретъ свое. Пора спать.

Единственный ресторанъ «Саратовъ», на набережной, покидается послѣдними посѣтителями и закрывается.

Лишь въ помѣщеніяхъ «Новаго Края» еще виденъ огонь. Тамъ работаютъ еще надъ номеромъ, который долженъ выйти завтра утромъ.

Въ исходѣ одиннадцатаго часа восходитъ луна, становится свѣтлѣе. На морѣ какая-то молочная пелена, въ которой совершенно теряются лучи прожекторовъ. За то громады горъ съ ихъ вооруженными вершинами получаютъ красивую, фантастическую обрисовку; и военныя суда въ гавани какъ-бы проснулись и вновь насторожились въ ожиданіи чего-то.

Въ 12 часовъ 50 минутъ ночи вдругъ мелкнуло что-то и раздались какъ будто далекіе выстрѣлы.

*) Удары въ судовой колоколъ.

— Должно быть опять миноносцы, — говоритъ кто-то.

Въ это время загрохотали орудія береговыхъ батарей и сторожевыхъ судовъ—канонерокъ «Гиляка», «Отважнаго» и «Гремящаго», но не на долго. Показались 5 японскихъ миноносцевъ, которыхъ этотъ неожиданный артиллерійскій огонь отогналъ на почтительное разстояніе. Орудія вновь замолкли.

Весь городъ встрепенулся, но не въ прежнемъ, въ такихъ случаяхъ испугѣ, а со значительной долей любопытства—не начинается ли задуманная японцами грандіозная атака.

Отовсюду спѣшатъ любопытные къ гавани; имъ хочется посмотрѣть величавую картину ночного боя. На Перепелочную гору часовые не пускаютъ; поэтому каждый пристраивается, гдѣ надѣется лучше видѣть.

Вдругъ снова заревѣли береговыя батареи и съ большей силой.

Батарея на сухопутномъ фронтѣ крѣпости.

Оказывается, что на горизонтѣ показалась непріятельская эскадра и отъ нея отдѣлилось одно судно, идущее полнымъ ходомъ въ проходъ гавани. Значитъ, новый брандеръ-заградитель.

Вспышки отъ выстрѣловъ слѣдуютъ одна за другой или по нѣсколько заразъ на разныхъ батареяхъ; рокотъ орудій сливается въ общій гулъ, перебиваемый громомъ орудій самаго крупнаго калибра, какъ бы отдѣльными сильными ударами—и отдается въ скалахъ многократнымъ эхомъ. Несмотря на то, что свѣтитъ и луна, заволакиваемая лишь изрѣдка отдѣльными тучками, огромные огненные языки, изрыгаемые орудіями, освѣщаютъ свѣтлыми полосами Перепелочную гору съ ея бѣлыми домиками. Иногда кажется, будто на ней рвутся непріятельскіе снаряды.

Брандеръ затопленъ вскорѣ градомъ смертоноснаго металла. Въ 1 часъ 20 минутъ замолкаетъ и грохотъ мелкихъ орудій и пулеметовъ, добивавшихъ спасающихся съ брандера людей.

Въ 1 часъ 45 минутъ показываются снова два брандера, провожаемые или, вѣрнѣе, маскируемые прожекторами съ непріятельской эскадры, пытающимися ослѣпить защитниковъ гавани.

Снова адскій ревъ и рокотъ орудій, покуда и эти брандера не погружаются въ воду, не достигнувъ намѣченной цѣли.

Не успѣла еще замолкнуть эта канонада, какъ, въ 2 ч. 25 м., двинулись ко входу гавани сразу 4 брандера...

Заревѣли съ новой силой всѣ орудія и воздухъ оглашался надрывающими барабанныя перепонки шумомъ и свистомъ. Поднялся легкій вѣтерокъ съ моря, усилилось рокотаніе жерлъ металлическихъ чудовищъ на батареяхъ; ясно слышенъ полетъ снарядовъ съ шипѣніемъ и воемъ и видно, какъ они разрываются, ударяясь въ обреченное на гибель судно.

Изъ этихъ брандеровъ два взорваны миннымъ загражденіемъ, а остальные два потонули изрѣшетенные снарядами. На Золотой горѣ взвиваются иногда ракеты, освѣщая на мгновеніе все кругомъ.

Въ проходѣ гавани снуютъ миноносцы, идущіе на встрѣчу непріятелю и катера, передающіе приказанія и получающіе свѣдѣнія. Слышится команда и свистки.

Въ 2 ч. 40 мин. только что начала рѣдѣть канонада, какъ вновь показались 5 брандеровъ-заградителей, встрѣченныхъ новымъ, сильнѣйшимъ огнемъ. Происшествія этой ночи не поддаются описанію. Цѣлый вихрь—ураганъ снарядовъ окружалъ брандера. Звуки принимали все болѣе бѣшеный, озвѣрѣвшій, какой-то адскій характеръ. Земля дрожитъ, въ воздухѣ чувствуются почти безпрерывные толчки; трескъ, шипѣніе и вой снарядовъ; все клокочетъ какъ въ котлѣ; въ домахъ дребезжатъ стекла; уже треснувшія высыпаются, увеличиваютъ, разбиваясь, своимъ звономъ хаосъ звуковъ. Можно подумать, что непріятельскіе снаряды или ихъ осколки достигаютъ уже и города. Вѣтромъ наноситъ непріятный запахъ пороха. Между выстрѣлами и рѣзкими взрывами снарядовъ слышны и мягкіе, какъ-бы ватные звуки взрывовъ минъ.

Три брандера пошли ко дну, а два будто повернули обратно къ эскадрѣ, не надѣясь выполнить своей задачи и, быть можетъ, сильно поврежденные. Ихъ участь точно неизвѣстна.

Какъ только канонада начинаетъ рѣдѣть, можно разслышать выстрѣлы мелкокалиберныхъ скорострѣльныхъ орудій, татаканіе пулеметовъ и залпы ружейные.

Эти звуки особенно леденятъ душу—ими истребляются уцѣлѣвшіе на брандерахъ люди, пытающіеся достигнуть на своихъ шлюпкахъ крейсирующіе вблизи японскіе миноносцы...

Всѣ попытки миноносцевъ подойти ближе къ гавани, къ брандерамъ, оказываются тщетными; одинъ изъ нихъ пущенъ ко дну попавшими въ него снарядами. Но перестрѣлка съ ними все еще продолжается.

Съ нашихъ сторожевыхъ судовъ и ближайшихъ батарей раздается «ура»—и слышны какіе-то выкрики.

Иду домой усталый, но увѣренный, что кончилась и эта ночная трагедія, и кончилась опять благополучно для насъ.

Мнѣ говорятъ, что между прочими заградителями японцы послали одно судно, похожее на старый китайскій броненосецъ.

Батарея Кладбищенской импани.

Постройка заредутной батареи.
Около пушки командиръ батареи поручикъ Кальнинъ и командиръ Куропаткинскаго люнета поручикъ Дударовъ († 8-го Августа 1904 года) въ сторонѣ инженеръ-полк. Коноваловъ и техникъ.

«Новый Край» все еще печатаютъ. Чтобы китайцы—машинная прислуга—не разбѣжалась, редакторъ, его помощникъ и секретарь, т. е. вся редакція въ полномъ составѣ, — были здѣсь во все время атаки брандеровъ и могли отлучаться лишь по одному, чтобы посмотрѣть на происходящее на рейдѣ.

— Если-бы мы ушли,—объясняютъ мнѣ,—то всѣ китайцы непремѣнно разбѣжались-бы и завтра не было-бы номера. Въ типографіи каждый выстрѣлъ отдается еще сильнѣе, чѣмъ на улицѣ — окна дребезжатъ и все трясется такъ, что кажется, будто тутъ же, рядомъ рвутся снаряды. Нечего и удивляться желанію китайцевъ убѣжать.

Зрители только что окончившейся чудовищной трагедіи утомились и пошли спать; эпилогъ же ея продолжалъ розыгрываться вплоть до бѣлаго дня.

Японскіе миноносцы не перестаютъ крейсировать на рейдѣ, внѣ выстрѣловъ; они пытаются подходить ближе, но та или другая батарея открываетъ по нимъ огонь и заставляетъ ихъ снова отойти внѣ выстрѣловъ. Ихъ задача — подобрать уцѣлѣвшихъ людей съ брандеровъ — сегодня безуспѣшна.

На разсвѣтѣ на морѣ, вблизи прохода въ гавань представилась слѣдующая картина. На мачтахъ и трубахъ вновь затопленныхъ брандеровъ виднѣлись люди, окоченѣвшіе отъ холода, утомленные, одичалые отъ пережитыхъ ужасовъ сатанинской ночи. Нѣкоторые изъ нихъ подавали знаки о спасеніи. Взволновавшееся море казалось хотѣло добыть и эти жертвы— доставало ихъ разбивающимися о новыя препятствія пѣнящимися волнами. По рейду плавали трупы, куски одеждъ, всевозможные обломки и судовыя принадлежности.

Изъ порта и отъ сторожевыхъ судовъ спѣшатъ катера и шлюпки, чтобы снять уцѣлѣвшихъ на брандерахъ людей, что удается съ большимъ трудомъ, вслѣдствіе волненія моря.

На ближайшемъ, затонувшемъ подъ Золотой горой японскомъ пароходѣ уцѣлѣвшіе люди пытаются при приближеніи русскаго вельбота, взорваться заложенной внутри парохода миной.

Въ другомъ мѣстѣ волной прибиваетъ къ берегу шлюпку съ нѣсколькими японцами. Одинъ офицеръ выскакиваетъ изъ шлюпки, прячется за камень и начинаетъ изъ-за него стрѣлять въ офицера и солдатъ, собравшихся на берегу, чтобы принять спасенныхъ. Пришлось дать по нему залпъ.

Одна шлюпка съ нѣсколькими японцами отчаянно отталкивается отъ берега и въ ней обезумѣвшіе храбрецы сами убиваютъ другъ друга, лишь-бы не попасть въ плѣнъ.

Въ другой шлюпкѣ, прибитой волною къ берегу находится около 30 человѣкъ почти въ безсознательномъ состояніи, обезсилѣвшихъ, окоченѣвшихъ отъ холода. Ихъ приняли наши солдаты, обогрѣли и напоили чаемъ. Придя въ себя они полѣзли драться, кидаются на солдатъ, царапаются; одинъ даже пытается задушить самого себя. Наши солдаты усмиряли ихъ какъ непослушныхъ дѣтей.

Одинъ изъ катеровъ привезъ въ портъ спасеннаго съ трубы или мачты японскаго офицера. Два матроса конвоируютъ его мимо собравшейся публики. Японецъ вдругъ выхватываетъ револьверъ и стрѣляетъ въ конвоира. Другой конвоиръ, конечно, хватилъ его прикладомъ.

— Вотъ народъ!—удивляются наши солдаты.—Былъ молодцомъ, ну и ладно. Теперь ужъ нечего буянить. Какъ будто мы тоже не люди!..

Раненыхъ японцевъ отвезли въ госпиталь; здоровыхъ помѣстили на гауптвахту, гдѣ были помѣщены уже раньше взятые.

Японская эскадра держалась на горизонтѣ почти до обѣда, напрасно поджидая уцѣлѣвшихъ храбрецовъ. Едва-ли кому изъ нихъ удалось вернуться къ своимъ.

Сказываютъ, что на многихъ изъ труповъ, какъ и при прежнихъ попыткахъ загражденія, найдены кресты. Изъ этого выводятъ заключеніе

Одна изъ батарей на Киньчжоускихъ позиціяхъ. Орудія 42-линейнаго калибра.

что японцы заставляютъ своихъ собратьевъ-христіанъ доказать именно этимъ отчаяннымъ дѣломъ, что ихъ любовь къ родинѣ неумалена чужестранной вѣрой *).

По собраннымъ свѣдѣніямъ за эту ночь японцы потеряли, кромѣ 10 (если не всѣхъ 12) брандеровъ-заградителей **), два миноносца.

Входъ въ гавань остался свободнымъ. И этой жертвой не достигнуто ровно ничего.

*) По словамъ японцевъ, ихъ собратья-христіане сами рвались въ бой, желая доказать, что ихъ вѣра, хотя отличающаяся отъ вѣры ихъ предковъ, не запрещаетъ, а велитъ защищать свое отечество, служить ему и умереть за него, если это нужно.

**) По полученнымъ позднѣе свѣдѣніямъ 12: «Сибата-мару», «Кокура-мару», «Осагао-мару», «Микава-мару», «Тотоми-мару», «Фудзанъ-мару», «Іеддо-мару», «Нагато-мару», «Отару-мару», «Сакура-мару», «Сагами-мару» и «Айкоку-мару». Изъ нихъ «Сакура-мару» въ 3000 тоннъ, а ост. въ 2000 тоннъ каждый.

Несмотря на отчаянную стрѣльбу съ брандеровъ и миноносцевъ у насъ никто даже не раненъ. Съ брандеровъ и въ этотъ разъ снято много мелкокалиберныхъ пушекъ и множество снарядовъ къ нимъ.—Но, сообщаютъ, что отбитіе этой атаки стоило намъ 1776 крупныхъ снарядовъ, не считая мелкихъ и минъ. Не дешево.

II. Высадка японцевъ.

22 апрѣля (5 мая). Вчера хоронили съ музыкой и большой торжественностью 26 японцевъ, павшихъ въ послѣднюю ночную атаку.

Получены свѣдѣнія о появленіи непріятельскихъ транспортовъ предъ Бицзыво—ожидаютъ высадку и попытку порвать наши сообщенія съ сѣверомъ. Всѣ увѣрены, что если это и удастся, то не на долго.

Сегодня, въ 11 час. утра, уѣхалъ намѣстникъ на сѣверъ, передавъ временное командованіе эскадрой начальнику своего штаба контръ-адмиралу Витгефту, до прибытія вице-адмирала Скрыдлова, назначеннаго, послѣ смерти адмирала Макарова, его замѣстителемъ.

Скрыдловъ пользуется славой лихого моряка и всѣ надѣются, что съ его прибытіемъ вновь оживетъ морское дѣло.

Сегодня же отправили на сѣверъ санитарный поѣздъ съ тяжело ранеными.

Въ городѣ нѣкоторое возбужденіе. Полагаютъ, что высадка японцевъ встрѣтитъ сильный отпоръ.

23 апрѣля (6 мая). Сообщаютъ, что японцы перехватили желѣзнодорожный путь и мы отрѣзаны. На телеграфѣ приняли еще депешу въ Петербургъ. Будто цѣла еще китайская линія, идущая отдѣльно отъ желѣзной дороги.

Между Бицзыво и Таліенваномъ (у бухты Кинчанъ) японцы высаживаются и, кажется, никто имъ не мѣшаетъ.

— Пусть, — говорятъ, — высаживаются! А то намъ не съ кѣмъ будетъ воевать...

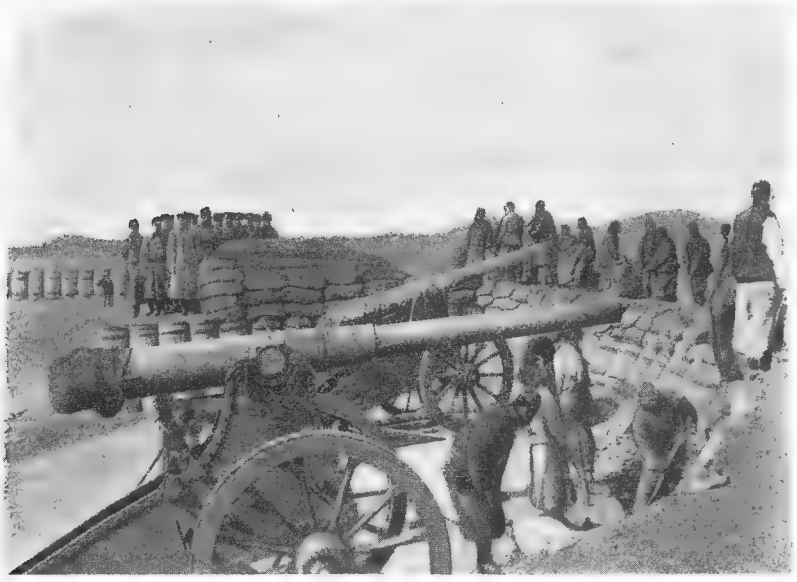
---

24 апрѣля (7 мая). Сегодня уже не принимаютъ депешъ. Мы отрѣзаны. Но вечеромъ получено извѣстіе, что японцы отступили отъ ст. Пуландянъ — отошли на востокъ.

25 апрѣля (8 мая). Прибылъ американскій военный агентъ изъ Ляояна. Значитъ мы еще не совсѣмъ отрѣзаны. Почты нѣтъ — ни газетъ, ни писемъ. Говорятъ съ сѣвера и отсюда, съ юга, отправлены телеграфные техники для возстановленія порванной японцами линіи. Но чѣмъ тревожнѣе становится положеніе, тѣмъ меньше получается достовѣрныхъ свѣдѣній — какъ будто на самомъ дѣлѣ никто не знаетъ, что именно происходитъ тамъ, сѣвернѣе Киньчжоу, куда двигаются японцы и сколько ихъ.

26 апрѣля (9 мая). Сегодня прорвался въ Ляоянъ корреспондентъ «Русскаго Слова» Немировичъ-Данченко. Предпріятіе рискованное, но удалось вполнѣ. На встрѣчу ему шелъ поѣздъ съ боевыми припасами, который благополучно прибылъ въ Артуръ. Привезены, кромѣ снарядовъ, 16 пулеметовъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе разобраться, что происходитъ на самомъ дѣлѣ и что принадлежитъ къ вымысламъ. Сообщаютъ, что японскій отрядъ, повредившій мостъ у Пуландяна потерялъ въ стычкѣ (по разсказамъ китайцевъ) около 20 человѣкъ; у насъ убита 1 лошадь и взятъ одинъ нижній чинъ въ плѣнъ. Пуландянъ по однимъ свѣдѣніямъ сожженъ японцами, по другимъ — своими, бросившими станцію на произволъ судьбы. Тамъ, говорятъ, грабятъ китайцы; по другимъ свѣдѣніямъ они берутъ себѣ побросанныя хозяевами вещи.



Батарея на сухопутномъ фронтѣ крѣпости, спѣшно укрѣпляемая при помощи рабочихъ-китайцевъ.

То, что поѣздъ съ амуниціей могъ пройти въ Артуръ, доказываетъ, что путь не въ рукахъ японцевъ.

Ожидаемъ извѣстій о первомъ сраженіи генерала Фока съ японцами.

Мы увѣрены, что сѣверныя наши войска уже двинулись на японцевъ, идутъ къ намъ въ помощь, на выручку.

28 апрѣля (11 мая). Какъ ни старался добиться толку, что такое представляетъ изъ себя Киньчжоуское укрѣпленіе, ничего не добился.

Одни говорятъ, что Киньчжоу укрѣпленъ такъ сильно, что японцамъ и думать нечего взять его. Тамъ и окопы, и проволочное загражденіе съ волчьими ямами, и фугасы; однихъ орудій что-то около 64 штукъ.

Другіе говорятъ, что это очень слабая позиція, выбранная во время возстанія боксеровъ, чтобы не допускать прорыва боксеровъ на Квантунъ—для этой цѣли вполнѣ хороша; но чтобы противостать современной, хо-

рошо вооруженной арміи, слаба. Орудія тамъ большею частію старыя, китайскія *).

Предпринимаемыя пограничниками и охотничьими командами развѣдки не выяснили ничего положительнаго.

Одно теперь ясно — мы отрѣзаны съ суши и блокированы съ моря, пока насъ не выручатъ долженствующія подоспѣть съ сѣвера войска.

Вчера объявленъ приказъ генерала Стесселя за № 168:

«Градоначальнику города Дальняго инженеру Сахарову мною даны необходимыя приказанія по приведенію въ надлежащій видъ всего того, что необходимо по военнымъ обстоятельствамъ.

Мирному населенію городовъ Дальняго и Таліенвана спокойно оставаться на мѣстахъ жить, такъ какъ имъ не угрожаетъ никакой опасности отъ непріятеля».

Значитъ — наши опасенія за участь Киньчжоу совершенно напрасны. Кто же можетъ знать это лучше, какъ не начальникъ всего укрѣпленнаго района.

Слѣдующіе приказы генерала Стесселя не менѣе интересны.

№ 170.

«Гражданскому коммисару предписываю принять всѣ мѣры къ тому, чтобы различные чины гражданскаго вѣдомства отнынѣ не смѣли оставлять свои мѣста безъ моего, всякій разъ особаго разрѣшенія.

Изъ Бицзыво самовольно ушелъ начальникъ участка и весь служебный персоналъ; сняты были и телеграфные аппараты значительно ранѣе того, чѣмъ началъ насѣдать противникъ. Всѣ служащіе будутъ привлечены къ законной отвѣтственности.

Гражданскій коммисаръ отвѣтствуетъ за своихъ подчиненныхъ.

Самовольно оставившаго свой постъ я тотчасъ предамъ полевому суду».

№ 171.

«Гражданскому коммисару предписываю немедленно собрать старшинъ (китайскихъ) и лично объявить имъ, что я желаю, чтобы китайцы продавали скотъ крѣпостному интендантству и въ полки 4-й В.-Сиб. стрѣлковой дивизіи по взаимному соглашенію. Коммисару разработать этотъ вопросъ и доложить мнѣ не позже 29-го сего апрѣля.

При свободной продажѣ скота не нужна будетъ реквизиція».

Эти приказы удивляютъ очень многихъ. Никто не можетъ понять, какую пользу могъ принести начальникъ участка Бицзыво оставаясь дольше на своемъ посту; онъ и такъ еле-еле успѣлъ убраться, увезти съ собой все казенное имущество, въ то время, какъ японцы начали уже высаживаться. Нельзя-же было ему думать бороться, при помощи десятка казаковъ и

*) Вопросъ—какъ были укрѣплены Киньчжоускія позиціи, удалось разъяснить не вдругъ. Поэтому придется коснуться его нѣсколько разъ, пока получится болѣе достовѣрный отвѣтъ на него. См. алфавитный указатель содержанія въ концѣ книги.

стражниковъ, съ цѣлой японской арміей — помѣшать ей высадиться! — Казенное имущество и бумаги онъ отправилъ въ Артуръ, а самъ отправился въ сѣверную армію, чтобы поступить въ ряды своего драгунскаго полка.

Послѣдній приказъ тоже непонятенъ. Несмотря на то, что непріятель только теперь высадился,—а ожидать должно было его много раньше,—весь скотъ Бицзыво'скаго участка остался не скупленнымъ и не реквизирован-

Японскіе санитары.

нымъ. По оффиціальнымъ даннымъ тамъ находилось не менѣе 1500 головъ быковъ; на самомъ же дѣлѣ могло оказаться и больше. Непріятель можетъ насѣсть въ любую минуту, а мы все еще не торопимся обезпечить себя убойнымъ скотомъ на случай, если-бы могли оказаться отрѣзанными на болѣе долгое время.

Но — «съ горки должно быть виднѣе»...

Японскій кавалеристъ.

30 апрѣля (13 мая). Еще вчера попытались отправить поѣздъ изъ Дальняго на сѣверъ; поѣздъ былъ полонъ публики, желающей избѣгнуть осады, преимущественно женщинъ и дѣтей, конечно, болѣе состоятельныхъ; бѣднѣйшіе не могли и думать объ отъѣздѣ. Но сѣвернѣе Пуландяна путь испорченъ и японцы открыли огонь по поѣзду; пришлось вернуться.

Въ бухтѣ Керръ, говорятъ, появились японскія суда; видимо японцы желаютъ и тамъ высаживаться.

Гдѣ и что именно происходитъ, что дѣлаетъ генералъ Фокъ и, гдѣ онъ дастъ сраженіе японцамъ, никакъ нельзя узнать; всѣ оффиціальныя свѣдѣнія туманны и противорѣчивы.

Генералъ Стессель объявляетъ, что непріятель оттѣсненъ отрядомъ генерала Фока и что желѣзнодорожная стража поставлена опять на своихъ мѣстахъ.

Между тѣмъ поѣзду изъ Дальняго пришлось вернуться.

Даже нельзя точно выяснить, кто именно взорвалъ мостъ и испортилъ желѣзнодорожный путь — японцы-ли или же наши пограничники (жел.-дор. стража).

— Вотъ такъ штука! Взяли, да сами себя отрѣзали! — говоритъ почтенный сослуживецъ.—Захотѣлось быть отрѣзанными — пожить отдѣльно!..

Онъ не вѣритъ въ то, что мы дѣйствительно отрѣзаны и что этого нельзя было избѣгнуть. Во мнѣ таится лишь сильная увѣренность, что все это не на долго, что сѣверная армія выручитъ насъ.

Привезли, говорятъ, нѣсколькихъ раненыхъ въ стычкахъ на аванпостахъ.

III. Первый реваншъ.

2/15 мая. Необычайный день — первыя наши удачи. Сегодня утромъ получено извѣстіе, что въ бухтѣ Керръ наскочилъ на мину и потонулъ японскій крейсеръ — полагаютъ, что это «Асама», видѣнный тамъ вчера. Отъ потонувшаго крейсера видны только концы мачтъ. Катастрофа произошла вслѣдствіе того, что прапорщикъ флота Дейчманъ съ охотниками вечеромъ переставилъ японскіе буйки, указывающіе уже протраленное ими, очищенное отъ подводныхъ минъ мѣсто, — на то мѣсто, гдѣ именно были наши подводныя мины. Крейсеръ, видимо, хотѣлъ воспользоваться ночнымъ покровомъ, чтобы войти въ бухту, и оказаться утромъ передъ самымъ носомъ нашихъ отрядовъ, отбившихъ вчера попытку высадки, и открыть по нимъ самый губительный огонь.

Спасся ли кто изъ экипажа судна, неизвѣстно.

Ночью подходилъ къ Артуру отрядъ японскихъ миноносцевъ; но какъ только ближайшая батарея открыла по нимъ огонь, они повернули и ушли.

Всѣ эти дни виднѣются на горизонтѣ нѣкоторыя дозорныя японскія суда — поддерживается блокада.

Утромъ показались на горизонтѣ, на востокъ отъ Ляотѣшаня, три непріятельскіе броненосца, приближающіеся къ рейду въ кильватерной колоннѣ.

Въ 10 час. 10 мин. раздалось на береговыхъ батареяхъ радостное «ура» — верхушки батарей были усыпаны зрителями.

Непріятельскій головной броненосецъ типа «Яшима» наскочилъ на мину — показался огромный столбъ дыма, воды и пара и судно сильно накренилось. Броненосецъ понесло сперва теченіемъ на западъ. Въ подзорныя

трубы было видно, что съ него спускали шлюпки. Остальные два броненосца пошли къ нему на помощь. Поврежденный броненосецъ сталъ постепенно выпрямляться.

Прошло съ полчаса, какъ вдругъ подъ другимъ броненосцемъ типа «Хатсузе» показался взрывъ, а вскорѣ затѣмъ другой, еще сильнѣйшій, и черезъ нѣсколько мгновеній броненосецъ исчезъ съ поверхности воды

Совершенно такъ, какъ нашъ «Петропавловскъ».

Послѣ перваго взрыва на головномъ броненосцѣ непріятельскія суда открыли огонь съ обоихъ бортовъ, видимо предполагая, что они атакованы нашими подводными лодками.

Портъ-Артурская вольная дружина.

При видѣ второй катастрофы снова загремѣло на береговыхъ батареяхъ «ура». Въ городѣ стало извѣстно о случившемся и всѣ были довольны тѣмъ, что гибель «Петропавловска» отомщена.

Сколько на немъ погибло людей, неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ очень много, больше чѣмъ на «Петропавловскѣ»; можетъ быть погибъ и адмиралъ.

Замѣчательно то, что эта катастрофа также произошла съ двумя броненосцами, какъ это было 31 марта (13 апрѣля). Разница только въ томъ, что нашъ подбитый миной броненосецъ «Побѣда» могъ войти въ близкую гавань, а японскому броненосцу не легко добраться до своей гавани; онъ можетъ не выдержать такого перехода.

Къ подбитому и уцѣлѣвшему японскимъ броненосцамъ подошли три крейсера, а затѣмъ они всѣ стали медленно удаляться на югъ.

Въ это время, въ первомъ часу дня, вышли наши миноносцы въ море, чтобы атаковать поврежденный броненосецъ; вышелъ «Новикъ», но сталъ почему-то на рейдѣ на якорь.

Туманъ на морѣ не даетъ разсмотрѣть всего, что тамъ творится. Черезъ нѣкоторое время раздается вновь оттуда гулъ выстрѣловъ, длившійся не менѣе получаса. Затѣмъ возвращаются всѣ наши миноносцы обратно; ихъ 16. Вернулся и «Новикъ». Что они сдѣлали, не знаемъ.

Да, нѣтъ у насъ Макарова! — восклицаетъ старый почтенный артурецъ. — Некому у насъ выйти изъ гавани въ такую минуту, въ такую *великую* минуту! Не обидно-ли! — У насъ три боеспособныхъ броненосца, четыре крейсера, кромѣ того минные крейсера, 4 канонерскія лодки и болѣе 20 миноносцевъ. Коптятъ же они небо попусту цѣлые дни и ночи,— а когда нужно, до зарѣзу нужно выйти въ море и побить хоть разъ врага, то некому! — И миноносцы-то вышли черезъ два часа послѣ катастрофы. Неужели имъ нужны два часа на разведеніе паровъ! Почему вышли только 16 миноносцевъ, а не всѣ? — Почему «Новикъ» не пошелъ на помощь имъ, а сталъ на якорь? — Почему остальныя суда остались въ гавани лежать, а не пошли уничтожать эту часть непріятельской эскадры?

Ему отвѣчаютъ, что довольно сегодняшняго успѣха.

— Какъ довольно? — Глупости! — горячится онъ снова. — Японцы не позадумались-бы уничтожить насъ до послѣдняго, не струсили-бы въ такомъ положеніи! А мы довольны тѣмъ, что на удачно вчера поставленныя «Амуромъ» мины японцы налетѣли сами. Мы довольны тѣмъ, что наши миноносцы вернулись всѣ въ гавань цѣлыми и невредимыми!.. Никто не спрашиваетъ, что они тамъ сдѣлали на морѣ? — Посмотрѣли, какъ японцы уводятъ на буксирѣ поврежденный броненосецъ — какъ они безсильны въ этотъ моментъ! — Для того ли у насъ миноносцы, крейсера, броненосцы и все такое прочее, чтобы лежать въ гавани и грѣться на солнышкѣ? — Нѣтъ! — Но если они не выходятъ въ нужную минуту, когда они могли и должны были выйти и могли нанести врагу чувствительный ударъ, то грошъ имъ цѣна!..

Всѣ присутствующіе чувствуютъ, что онъ правъ, слишкомъ правъ — и что намъ нечего особенно ликовать по поводу сегодняшней удачи — она блѣдна, въ сравненіи съ тѣмъ, какою она *могла и должна* была быть.

Чувство удовлетворенія за гибель «Петропавловска» портится этой горечью — сознаніемъ, что нашъ флотъ сталъ снова неспособнымъ къ активнымъ дѣйствіямъ, погрязъ въ пассивное созерцаніе *).

Японцы утащили свой подбитый броненосецъ за горизонтъ. Мнѣнія о томъ, можетъ ли онъ дойти до Сасебо или нѣтъ, раздѣлялись. Одни увѣ-

*) Появившееся въ «Новомъ Краѣ», строго цензурованное извѣстіе о событіяхъ этого дня говоритъ: «Миноносному отряду было приказано, произведя *демонстративную* атаку, отогнать непріятеля отъ пострадавшаго корабля...» Спрашивается — почему же только демонстративную, а не *настоящую* атаку? Сейчасъ, конечно, постараются взвалить вину на погибшаго послѣ, въ бою, контръ-адмирала Витгефта. Но не онъ одинъ виноватъ въ этомъ.

ряли, что можетъ, другіе говорили, что напоръ воды въ пробоину погубитъ его *).

На бульварѣ и на судахъ играли «Боже, Царя храни» и настроеніе вообще приподнятое. Все же удовлетвореніе за испытанные тяжелые удары.

Послѣдняя отбитая атака брандеровъ-заградителей утѣшала насъ тѣмъ, что не такъ-то легко запереть гавань, если ее защищаютъ; но съ другой стороны она намъ показала, что японцы не жалѣютъ средствъ на то, чтобы достигнуть успѣха, — что они взялись за оружіе съ рѣшимостью умереть, или побѣдить. И они идутъ, идутъ не задумываясь на неминуемую гибель, чтобы только достигнуть намѣченной цѣли.

Мы защищаемся, но не умѣемъ сами нападать.

Обученіе дружины военному искусству.

Передаютъ интересный инцидентъ. На сколько онъ правдивъ, не знаю.

Наша станція безпроволочнаго телеграфа на Золотой горѣ всегда могла перехватывать японскія депеши съ аппаратовъ на ихъ судахъ и, если не каждую могли разобрать, то знали нерѣдко о приближеніи японской эскадры, когда она была еще за горизонтомъ. Японцы перехватывали также телеграммы съ Золотой горы **).

Когда же наши миноносцы завязали перестрѣлку съ японскими крейсерами и послѣдніе насѣдали на нихъ со своими болѣе крупными орудіями, то съ Золотой горы — имѣя въ виду, что японцы послѣ взрывовъ минъ стрѣляли въ воду, подозрѣвая подводныя лодки — подали приблизительно такую телеграмму: «Подводная лодка № 7 вернулась благополучно въ гавань, № 5 входитъ, а остальныя на указанныхъ мѣстахъ и ожидаютъ приказанія Вашего Превосходительства».

*) Только нынѣ японцы сознались, что тогда погибъ и «Яшима».

**) Безпроволочный телеграфъ оказался на практикѣ обоюдоострымъ оружіемъ. Благодаря ему, нашъ Владивостокскій отрядъ ускользалъ отъ эскадры адмирала Камимуры Но, какъ ни странно, не слыхать, чтобы мы имѣли, благодаря ему, когда-либо *активный* успѣхъ; все лишь пассивный.

Японскіе крейсера, перехвативъ эту депешу, повернули въ море и поспѣшили скрыться за горизонтъ.

Значитъ, прогнали ихъ не миноносцы...

Одно несомнѣнно, это, что теперь японскіе крупные корабли будутъ остерегаться подходить близко къ гавани.

IV. Киньчжоускій бой.

3/16 мая. Сегодня былъ первый бой около селенія Саншилипу, сѣвернѣе Киньчжоу, куда надвигаются японскія силы. Съ нашей стороны участвовали 9 баталіоновъ и 25 полевыхъ орудій *). Бой преимущественно артиллерійскій. Говорятъ наши потери (200) меньше, чѣмъ у японцевъ (600) и позиція осталась за нами. Съ другой стороны узнаю, что наши отступили послѣ боя.

Должно быть побѣда наша не изъ важныхъ.

Въ послѣднее время буквально нельзя понять, что именно творится тамъ, на сѣверѣ, около и за Киньчжоу. Оффиціальныя свѣдѣнія говорятъ одно, со стороны узнаешь другое.

Генералъ Стессель распоряжается отсюда; генералъ Фокъ въ Нангалинѣ. Притомъ говорятъ, что распоряженія одного отмѣняются нерѣдко другимъ; разныя части войскъ посылаются то въ одну, то въ другую сторону, а то обратно въ Артуръ.

Говорятъ, будто полковникъ Третьяковъ, командиръ 5-го Вос.-Сиб. стрѣлковаго полка, какъ комендантъ Киньчжоускаго укрѣпленія, требуетъ уже давно усиленія артиллеріи на позиціи, а добиться ничего не можетъ.

Генералъ Фокъ будто увѣряетъ, что Киньчжоу не приступенъ, японцамъ его никогда не взять, а кто думаетъ иначе—дуракъ, измѣнникъ...

Этотъ генералъ не скупится тому подобными словами.

6/19 мая. Третьяго дня 2 японскихъ крейсера, 2 канонерки и два миноносца обстрѣляли изъ бухты Инченцзы желѣзнодорожный поѣздъ, въ которомъ возвращались, уѣхавшіе того же дня на Киньчжоу генералъ Стессель, начальникъ его штаба генералъ-маіоръ Разнатовскій, командиръ полевой артиллеріи ген.-маіоръ Никитинъ и прочіе офицеры штаба. Генералы и офицеры сошли съ поѣзда, какъ только увидѣли возможность быть обстрѣлянными и объѣхали опасное мѣсто верхами. Вблизи ихъ будто падали непріятельскіе снаряды, но никто не раненъ. Въ «Новомъ Краѣ» объ этомъ было помѣщено извѣстіе, гдѣ не было упомянуто имя генерала Стесселя. Это вызвало крупное объясненіе генерала Стесселя съ редакторомъ, который ссылался на то, что свѣдѣнія эти были получены изъ штаба морского раіона, такого же компетентнаго и оффиціальнаго источника, какъ укрѣпленный раіонъ; но генералъ Стессель настоялъ на опубликованіе широковѣщательнаго

*) По другимъ свѣдѣніямъ подоспѣли во время и участвовали въ дѣлѣ только 6 орудій.

оффиціальнаго извѣстія экстреннымъ прибавленіемъ къ газетѣ, вышедшимъ черезъ номеръ, какъ будто о чемъ то очень серьезномъ... *).

*) Одинъ изъ первыхъ инцидентовъ, положившій начало послѣдовавшимъ гоненіямъ генерала Стесселя на «Новый Край».

Для поясненія этого инцидента приводимъ полностью текстъ обѣихъ извѣстій:

1) 5-го мая.—Послѣднія извѣстія. «По полученнымъ нами извѣстіямъ, 4-го мая въ началѣ 2-го часа на NO отъ мыса Инченцзы были усмотрѣны непріятельскія суда: 2 крейсера, 2 лодки и 2 миноносца, при чемъ съ крейсера были спущены шлюпки съ явнымъ намѣреніемъ высадить десантный отрядъ. Крейсеръ сталъ обстрѣливать берегъ въ то время, какъ 12 шлюпокъ стало приближаться къ берегу. Въ это время, вслѣдствіе отлива, вода стала убывать и шлюпки, въ числѣ 6, не дойдя 1 мили до берега, стали на мель. На помощь имъ непріятель выслалъ паровой катеръ. Береговая цѣпь открыла по нимъ ружейный огонь, подъ которымъ непріятельскія шлюпки, снятыя съ мели, отступили къ своимъ судамъ. Въ 4 часа дня японцы подошли къ водокачкѣ и начали обстрѣливать поѣздъ, шедшій изъ Нангалина, но не причинилъ ему никакого вреда. За симъ непріятельскія суда удалились въ море».

2) 6-го мая (экстр. прибавл.). Оффиціальныя извѣстія. «Генералъ Стессель возвращался 4-го мая съ Киньчжоуской позиціи въ сопровожденіи генераловъ Никитина, Разнатовскаго и еще 5 офицеровъ на поѣздѣ. Доѣхавъ до водокачки у бухты Хэси, лошади были сгружены и начальникъ укрѣпленнаго раіона рѣшилъ проѣхать по берегу верхомъ, такъ какъ на горизонтѣ бухты виднѣлись 2 крейсера, нѣсколько ближе 2 миноносца, а верстахъ въ 5—6 двѣ канонерскія лодки. Поѣзду было приказано попробовать пройти полнымъ ходомъ поражаемое (?) пространство. Не успѣли проѣхать верхомъ и версты, какъ канонерскія лодки стали быстро приближаться къ берегу (къ чему это, такъ какъ онѣ были уже очень близко для стрѣльбы изъ пушекъ?), а одна изъ нихъ, ближайшая, открыла огонь изъ 10″ орудій (?!) по группѣ всадниковъ. 3 снаряда легли у самаго полотна, шагахъ въ 150—300 отъ генерала Стесселя. Въ этотъ моментъ появился изъ-за поворота оставленный поѣздъ, который и отвлекъ вниманіе канонерки. Она перенесла огонь на поѣздъ, причинивъ небольшія поврежденія паровозу: машинистъ былъ раненъ легко въ руку. Тогда поѣзду былъ данъ задній ходъ и онъ скрылся у водокачки. Генералъ Стессель съ сопровождавшими его лицами рысью (?) проѣхалъ въ лощину, гдѣ оставался въ теченіе 45 минутъ, такъ какъ японцы, по удаленіи поѣзда, начали обстрѣливать эту лощину. Всѣ снаряды ложились близко, а одинъ, разорвавшись шагахъ въ 50, осыпалъ осколками камней и землей генераловъ Стесселя и Никитина, а также бывшихъ около нихъ двухъ офицеровъ. Всего было японцами сдѣлано 108 выстрѣловъ (!). Генералъ Стессель проѣхалъ со своими спутниками горной дорогой на ст. Инченцзы, куда былъ поданъ поѣздъ, успѣвшій, часа черезъ три, проскочить, благодаря тому, что канонерки отошли отъ бухты верстъ на 12».

И такъ, генералъ Стессель, назвавшій первыя извѣстія даже *ложными*, однако не опровергаетъ существеннаго содержанія ихъ; лишь дополняетъ ихъ реляціей о перенесенной имъ бомбардировкѣ 10-дюймовыми снарядами... Въ то же время данное имъ извѣстіе пестритъ непонятными мѣстами. Получается картина, что исключая нѣсколькихъ снарядовъ по поѣзду, группу всадниковъ бомбардировали десятидюймовыми снарядами канонерки, подошедшія для этого чуть не на ружейный выстрѣлъ.. выпустивъ по этой группѣ около *сотни* такихъ снарядовъ!..

«...Хочешь, вѣришь; нѣтъ—какъ хочешь!...»

И сидѣнье его въ ложбинѣ, пока японцы стрѣляли, никакъ нельзя объяснить признакомъ личной храбрости. Никто не мѣшалъ генералу и его свитѣ уѣхать изъ сферы огня. Зачѣмъ же было сидѣть подъ—такъ сказать—дождемъ 10-дюймовыхъ снарядовъ?

7/20 мая. Прошлой ночью, въ 12 ч. 45 м., мы проснулись отъ начавшейся на морѣ пальбы. Думаемъ—видно идутъ ожидаемые вновь брандеры-заградители. Стрѣльба продолжалась до 1 ч. 5 мин. и мнѣ показалось, что на наши крыши падаютъ осколки или камни. Въ 1 ч. 15 мин. началась пальба снова и продолжалась еще 10 минутъ. Слышу на улицѣ топотъ и говоръ людей. Выхожу и спрашиваю полицейскаго, что такое.

— Такъ-что давеча одинъ снарядъ попалъ вотъ, около нестроевой роты (недалеко за нами на горкѣ) и убило тамъ 2 лошади, а ранило 3 солдата. Ихъ-то сейчасъ и пронесли въ госпиталь. Едва-ли выживутъ...

Спрашиваю, не слыхалъ-ли, не осколки ли это по крышамъ ударились?

— Не только осколки — говоритъ — пролетали, но и снаряды просвистали; туда, къ Красному Кресту.

Орудіе Армсторнга на Залитерной батареѣ.

Оказалось, что подходили какія-то суда, но встрѣченныя нашими батареями, скоро повернули обратно. Полагаютъ, что это были минные заградители, изъ которыхъ одного или потопили или только сильно повредили. Одну канонерскую лодку *) потопили несомнѣнно и подбиты два миноносца. Два крейсера держались вдали. По городу стрѣляли канонерка и миноносцы.

Еще одинъ снарядъ разорвался въ новомъ европейскомъ городѣ около ресторана «Звѣздочка», но тамъ никого не ранило.

Надо полагать, что японцы стрѣляли нарочно по городу, чтобы потревожить жителей.

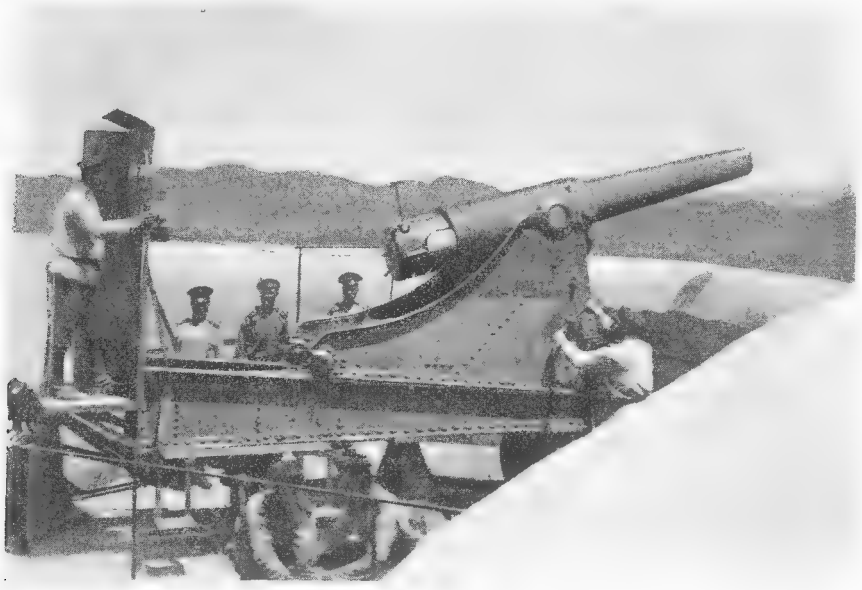
Видно на самомъ дѣлѣ понадобятся намъ какія либо укрытія, если такія бомбардировочки будутъ повторяться. До сей поры смѣялись надъ тѣми, кто строилъ блиндажи на всякій случай. Сегодня же слышно, что

*) По японскимъ свѣдѣніямъ кан. лодку «Оссима».

уже многіе собираются строить таковые, но бѣда въ томъ, что не найдешь рабочихъ рукъ. Китайцевъ осталось въ городѣ очень мало и ихъ иногда и за деньги не наймешь. Всюду нужны рабочіе.

Сегодня получено свѣдѣніе, что впереди Киньчжоу, около горы Сампсонъ, было небольшое сраженіе между передовыми отрядами. Въ другомъ мѣстѣ, замѣтивъ передвиженіе непріятеля съ бухты Хунуэза къ Сампсону, наши батареи открыли огонь и заставили ихъ отодвинуться.

Японцы, оказывается, одѣты въ мундиры цвѣта кхаки. И наши солдаты всячески изощряются подкрашивать свои бѣлыя рубахи (такъ называемыя гимнастерки), чтобы не быть столь замѣтными.



Батарея литера Б

Интересенъ приказъ генерала Стесселя по этому случаю, показанный мнѣ сегодня.

№ 179 (отъ 27-го апрѣля).

«Съ 1-го мая носить лѣтнюю форму. Съ 8 часовъ вечера на фортахъ и батареяхъ надѣвать мундиры или шинеля, тоже когда непогода.

Часто рубахи и чехлы не мыть, они болѣе подойдутъ подъ цвѣтъ мѣстности».

— !?! —

8/21 мая. Освободившійся докъ занимаютъ теперь поочередно миноносцы, — по три — четыре сразу, — которымъ нужно подчиститься, подправиться.

Около новаго дока для броненосцевъ работаютъ все еще усердно. Однако поздно кормить собакъ, когда уже охота началась. Къ чему теперь эта работа — развѣ для будущей войны?

Наблюдавшіе за исправленіемъ поврежденныхъ судовъ увѣряютъ, что русскіе мастеровые работаютъ вдвое скорѣе и основательнѣе, чѣмъ китайцы. Слѣдовательно китайцы обошлись намъ очень дорого.

Среди китайцевъ слухъ, что японцы намѣрены взять Артуръ 15-го мая.

10/23 мая. Опубликованъ приказъ генерала Стесселя, чтобы съ 15/28 мая приступить къ реквизиціи скота, начиная съ Киньчжоускаго участка—сѣверная часть котораго въ рукахъ японцевъ. Тамъ тоже не успѣли произвести во время реквизиціи; тамъ тоже не мало убойнаго скота.

Цѣна на мясо поднялась очень; и то не всегда можно его купить. Зелени пока на базарѣ вдоволь.

Интересные эпизодики разсказываютъ о бывшихъ за Киньчжоу стычкахъ. Вотъ одинъ.

Тяжело раненаго японскаго солдата взяли въ плѣнъ и принесли на позиціи. Толпа любопытныхъ обступаетъ его. Одинъ изъ принесшихъ его собирается вливать каплю вина въ ротъ японца, потерявшаго сознаніе.

— Ишь, попался! — восклицаетъ вновь подошедшій молодой солдатъ съ злорадствомъ.—А ты его еще виномъ угощаешь!

— Ну, чего ты орешь! — урезониваетъ его принесшій. — Чему обрадовался? — Такой же солдатъ, какъ и ты. Приказано, ну и идетъ... — Попробуй-ка самъ, узнаешь. Развѣ онъ виноватъ?

Виновный конфузится и бормочетъ что-то въ свое оправданіе. Въ это время японецъ открываетъ глаза и озирается дико.

— Ты насъ не бойся!—говоритъ ему только-что провинившійся. — Мы такіе же люди. Лежачаго не бьемъ!..

Кругомъ засмѣялись.

11/24 мая. У насъ творятся совершенно непонятныя вещи. Только что узналъ, что по приказанію генерала Стесселя выдворены обратно нѣкоторыя семьи, переѣхавшія сюда изъ гор. Дальняго. Привезшихъ ихъ сюда извозчиковъ будто наказали розгами. Мало того—генералъ Стессель собирался выселить всѣхъ невоенныхъ изъ крѣпости — иди, куда хочешь. Гражданскій коммисаръ, подполковникъ Вершининъ, принужденъ былъ обратиться къ коменданту крѣпости генералу Смирнову съ просьбой о защитѣ. Спрашивается, куда же теперь идти всѣмъ тѣмъ, кто остался здѣсь по нуждѣ, по чувству гражданскаго долга или ради семьи. Главное—здѣсь нѣтъ никого, у кого не было бы дѣла и кто не могъ бы быть полезнымъ защитѣ крѣпости, такъ или иначе *). Остается идти подъ защиту японскаго генерала! Такъ будто высказался гражданскій коммисаръ. Положимъ, генералъ Смирновъ заступился за населеніе Артура; но городъ Дальній во власти генерала Стесселя, какъ начальника укрѣпленнаго раіона.

---

*) Развѣ за исключеніемъ небольшого контингента проститутокъ, которыя послѣ первой бомбардировки убѣжали всѣ изъ Артура, но вернулись, какъ говорятъ, по предложенію начальства... И онѣ могутъ, при доброй волѣ, оказать помощь въ какой-либо работѣ.

Кто-то высказалъ мысль, что, если бы непріятель придвинулся къ Артуру, то единственный исходъ — арестовать генерала Стесселя, объявить его сумасшедшимъ.

Начали посылать на Киньчжоу пушки и пр. для усиленія позиціи. Отправили и два морскихъ орудія 6-дюймоваго калибра.

Говорятъ, что генералъ Фокъ начинаетъ увѣрять, что было бы *безумiемъ* сильно защищать Киньчжоу. То онъ будто увѣряетъ, что ранѣе 45 дней японцы не посмѣютъ начать наступленіе...

Про него разсказываютъ такія чудачества, что не знаешь, что о немъ и думать.

Видъ черезъ арсеналъ и Казачій плацъ на лѣвый флангъ крѣпости. Слѣва Зубчатая гора; правѣе, немного ниже, фортъ IV; еще ниже Кладбищенская импань.

Исправленіе нашихъ судовъ идетъ такъ успѣшно, что можно ожидать, что въ случаѣ болѣе серьезнаго сраженія подъ Киньчжоу флотъ выйдетъ на помощь.

12/25 мая. На морскомъ горизонтѣ ежедневно виднѣются непріятельскія суда, то пара крейсеровъ, то отрядъ миноносцевъ, которые останавливаютъ китайскія джонки, идущія изъ Артура или въ Артуръ. Японцы теперь видимо стараются забросать нашъ рейдъ плавучими минами. Ежедневно тралятъ наши катера и миноносцы на рейдѣ и вытаскиваютъ, разстрѣливаютъ или взрываютъ по нѣсколько минъ; иногда находятъ цѣлыя связки, даже по 6 минъ сразу. Много ихъ рвется ударившись объ камень или обо что-нибудь другое. Для поощренія этого опаснаго труда назначена премія — по 25 рублей за каждую мину. Для этой цѣли составляется, по иниціативѣ «Новаго Края», и частный фондъ изъ спеціальныхъ на то пожертвованій.

Несмотря на японскую блокаду сегодня утромъ пришли изъ Дальняго пароходы «Зея» и «Бурея», а также плавучій паровой кранъ. Раньше привели также пароходъ «Амуръ». Охотниковъ на такія предпріятія много; хотѣли бы привести такъ весь плавучій матеріалъ изъ Дальняго. Но, говорятъ, не велятъ и этого...

Получены свѣдѣнія, что сегодня съ утра, до 12 час. дня, были частичныя наступленія японцевъ на Киньчжоу и артиллерійская перестрѣлка. Японцы, кажется, пристрѣливались по нашимъ батареямъ. Утромъ ушелъ туда санитарный поѣздъ съ молодыми врачами-москвичами и петербуржцами.

13/26 мая. «Новый Край» иронизируетъ *) надъ оффиціальнымъ сообщеніемъ изъ штаба генерала Стесселя, въ которомъ говорится: ...«Непріятель передъ Киньчжоу держитъ себя очень осторожно, продвигается по немногу, занимаетъ гору Сампсонъ и началъ что-то копать»...

Характерна безпечность, неподвижность и неосвѣдомленность штаба о томъ, что именно тамъ происходитъ.

Получено свѣдѣніе, что около Киньчжоуской позиціи начался серьезный бой.

Еще вечеромъ ушелъ «Бобръ» (канонерская лодка, подъ командой капит. 2-го ранга Шельтинга) къ Дальнему, чтобы тамъ, изъ ближайшихъ бухтъ, обстрѣлять позиціи японцевъ. Говорятъ, что командиры другихъ канонерскихъ лодокъ отказались пойти вмѣстѣ съ «Бобромъ». Ему будто приказано, если японскія суда отрѣжутъ ему обратный путь, остаться въ Дальнемъ или взорваться.

Остальной флотъ собирается выходить къ Киньчжоу съ западной стороны; но собирается что-то вяло. Передаются разные сигналы, но ни одно судно пока не двигается съ мѣста, хотя уже скоро обѣдъ.

Получена депеша отъ генерала Надѣина (бригадный командиръ), что первый штурмъ японцевъ отбитъ съ большимъ для послѣднихъ уономъ и взяты 9 пушекъ. Значитъ, наши даже вышибли японцевъ изъ занятыхъ ими позицій и преслѣдуютъ непріятеля!

У генерала Стесселя, который слѣдитъ за ходомъ боя, находясь въ Артурѣ, пили шампанское за первую побѣду.

Другое сообщеніе, что будто начался второй, отчаянный штурмъ. Пока результаты неизвѣстны. Должно быть подоспѣли японскіе резервы.

Уже вечеромъ разнеслось по городу извѣстіе, что Киньчжоускія позиціи взяты японцами и наши будто отступаютъ прямо на Артуръ.

Что-то невѣроятное.

*) «Странички изъ дневника артурскаго обывателя».—Эти «странички» вышли нынѣ отдѣльной книгой.

И рядомъ съ этимъ сообщаютъ, будто японцы отбиты окончательно съ урономъ около 10 тысячъ человѣкъ.

Флотъ такъ и не вышелъ никуда. Говорятъ, что телеграмма генерала Надѣина заставила (?) отмѣнить уже данное приказаніе о выходѣ.

Сообщаютъ тоже, что около Сяо-бин-дао появился непріятельскій флотъ въ 30 (!) вымпеловъ, какъ бы ожидающій выхода нашего флота къ Киньчжоу.

14/27 мая. Первое, что узнаю сегодня утромъ, это — Киньчжоу дѣйствительно взятъ вчера японцами. Но генералъ Фокъ будто намѣревался еще вечеромъ снова взять штурмомъ всѣ позиціи.

Высадка японскихъ войскъ.

Вечеромъ былъ командированъ отрядъ миноносцевъ въ Киньчжоускую бухту, чтобы взорвать тамъ японскихъ канонерокъ, обстрѣлявшихъ наши позиціи. Сообщаютъ, что миноносцы успѣли обогнуть Ляотѣшань, пройти Голубиную бухту, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ, «Внимательный», наскакиваетъ на подводный камень. (Какая иронія: «Внимательный» у насъ не знаетъ даже ближайшихъ прибережныхъ водъ; «Внушительный» спасаетса бѣгствомъ (12 февраля) въ Голубиную бухту и потопляется собственнымъ экипажемъ!) И кто-бы подумалъ — не попытавшись спасти судно его взрываютъ со всѣми орудіями и имуществомъ! И весь отрядъ возвращается тотчасъ въ гавань, не исполнивъ задачи...

«Бобръ» вернулся благополучно, не встрѣтивъ никакой японской эскадры у Сяо-бин-дао. Онъ вчера подошелъ въ бухтѣ Хунуэза близко къ непріятелю и началъ неожиданно громить оттуда надвигающіяся колонны, заставилъ отступить лѣвый флангъ японцевъ и, разстрѣлявъ всѣ снаряды, вернулся въ Дальній. Узнавъ о томъ, что Киньчжоускія позиціи взяты японцами, онъ вечеромъ пошелъ обратно въ Артуръ, рѣшивъ на совѣтѣ офицеровъ въ случаѣ опасности выкинуться на берегъ, спасти команду и взорвать судно, чтобы оно не досталось непріятелю.

Геройство «Бобра» обрадовало всѣхъ; о немъ отзываются съ восторгомъ; за то по адресу остальныхъ судовъ послышались далеко не лестныя замѣчанія.

Чѣмъ дальше, тѣмъ безотраднѣе извѣстія. Уже ночью стали прибывать поѣзда съ ранеными и убитыми и все еще приходятъ. Удручающая картина эта безконечная вереница носилокъ съ тяжело ранеными. Всего около 700 раненыхъ.

Вотъ вкратцѣ исторія вчерашняго боя, какъ это передавали мнѣ.

Окопы впереди батарей были заняты только однимъ 5-мъ Вост.-Сиб. стрѣлковымъ полкомъ, 2 ротами 13-го и охотничьей командой 16-го полка *). Въ ночь на 13/26 число разразилась страшная гроза, въ теченіе которой горсть (взводъ) нашихъ храбрецовъ отчаянно защищалась на стѣнахъ города Киньчжоу отъ наступающихъ въ большихъ силахъ японцевъ и нанесла имъ огромный уронъ; но въ концѣ концовъ должна была отступить къ позиціямъ.

Утромъ началось артиллерійское сраженіе. Японцы установили не менѣе 120 скорострѣльныхъ орудій и засыпали наши батареи и траншеи убійственнымъ огнемъ. Наши батареи работали изо всѣхъ силъ, но люди выбывали, пушки были подбиты и снаряды вскорѣ израсходованы. Наши батареи начали замолкать. Тѣ батареи, на которыхъ оставались снаряды или уцѣлѣли пушки, нужно было взорвать, чтобы они не достались врагу.

Были случаи, что у уцѣлѣвшихъ пушекъ оставалось по одному, по два человѣка, и они продолжали стрѣлять. Одной изъ послѣднихъ замолкла батарея начальника крѣпостной артиллеріи на Киньчжоускихъ позиціяхъ — штабсъ-капитана Высокихъ, раненаго, хотя и не тяжело, но въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Штурмовыя колонны японцевъ надвигались, какъ тучи и уничтожались огнемъ стрѣлковъ и еще уцѣлѣвшихъ батарей позиціи, а также полевой артиллеріею, размѣстившейся за позиціями.

Покончивъ съ батареями японцы перенесли артиллерійскій огонь на окопы, занятые стрѣлками и произвели тамъ губительныя опустошенія. Но наши стрѣлки не двигались съ мѣста и отражали штурмъ за штурмомъ, подкашивая цѣпь за цѣпью.

Ряды стрѣлковъ рѣдѣли, таяли съ каждой минутой, но генералъ Фокъ не посылалъ требуемыхъ резервовъ, которые стояли, въ числѣ цѣлой дивизіи—4 полковъ, за Тафашинскими высотами, позади позиціи. Говорятъ, что не знали, гдѣ найти генерала Фока — и онъ будто даже самъ заблудился. Поэтому не было ни подкрѣпленія, ни наблюденія за ходомъ боя, ни приказа о своевременномъ необходимомъ передвиженіи частей. Полковникъ Третьяковъ былъ на позиціи, распоряжался тамъ и ободрялъ своимъ примѣромъ всѣхъ. Японцы обошли своимъ правымъ флангомъ нашихъ уцѣлѣвшихъ храбрецовъ и, наконецъ, заставили ихъ отойти.

Почти тоже самое, что было на Ялу. Это ужасно!

Оказывается, что генералъ Фокъ въ послѣдніе дни началъ,—на перекоръ своихъ прежнихъ увѣреній, что японцамъ не взять Киньчжоускія по-

*) Противъ 4 дивизій японцевъ съ 120 орудіями; кромѣ того 4 канонерки и 6 миноносцевъ, обстрѣлявшихъ позицію съ фланга и тыла.

зиціи, — называть измѣнниками тѣхъ, кто считалъ нужнымъ дать здѣсь серьезное сопротивленіе непріятелю...

Позиція очищена; всѣ пушки, говорятъ, подбитыя и испорченныя достались непріятелю; тамъ остались даже два только-что привезенныя морскія орудія, которыхъ не успѣли еще установить; положимъ, замки вынуты.

Съ наступленіемъ темноты возникла среди отступающихъ частей паника и некому было возстановить въ нихъ необходимаго порядка, ибо старшее начальство со штабомъ уѣхало впередъ въ Артуръ.

Откуда взялъ генералъ Надѣинъ, тоже не бывши самъ во время боя на позиціи, не видавши, что тамъ происходитъ, извѣстіе объ отбитіи японцевъ и взятіи 9 пушекъ, такъ и осталось для насъ загадкой. Увѣряютъ, что вслѣдствіе этой депеши не вышелъ нашъ флотъ, который могъ прогнать

Доставка морскихъ орудій на сухопутный фронтъ.

японскія суда, стрѣлявшія изъ бухты Киньчжоу по тылу и флангамъ нашихъ батарей,—могъ недопустить обхода японцевъ и также отбросить ихъ, какъ отбросилъ лѣвый флангъ японцевъ «Бобръ». Положимъ, это не оправданіе невыходу флота, лишь предлогъ къ оправдыванью.

Сообщаютъ, что адмиралъ Витгефтъ былъ за выходъ эскадры къ Киньчжоу, но противъ этого былъ адмиралъ кн. Ухтомскій и другіе.

Киньчжоу палъ, 5-й полкъ почти весь уложенъ; уложено много охотниковъ и артиллеристовъ, которые сражались всѣ какъ львы — но позиціи, пушки въ рукахъ непріятеля.

Унынie полное. Видны только мрачныя лица.

Около вокзала сложено много ружей, шашекъ, патроновъ — все въ крови.

Но что же сталось съ жителями города Дальняго и Таліенвана, — съ тѣми запасами, которые тамъ хранились и вывозить которые было воспрещено генераломъ Стесселемъ?

На этотъ вопросъ не скоро получился ясный отвѣтъ. Оказывается, что только въ 11 часовъ вечера увѣдомили жителей города Дальняго о томъ, что приказано немедленно очистить городъ...

Желѣзнодорожныхъ вагоновъ нѣтъ, подводъ мало и поэтому большинству жителей пришлось отправиться въ Артуръ пѣшкомъ. И отправились, каждый захвативъ что могъ съ собой и побросавъ всѣ свои пожитки. Мужчины, женщины и дѣти, молодые и старые поплелись по прямой горной дорогѣ въ Артуръ.

Часть ихъ уже прибыла; все еще прибываютъ и говорятъ, что по дорогѣ еще много отсталыхъ, мучимыхъ жаждой и голодомъ.

Все ихъ имущество, всѣ склады припасовъ, товары, все досталось непріятелю.

Но занялъ-ли еще непріятель Дальній, такъ и не удалось сегодня выяснить *). Нужно-ли, потерявъ Киньчжоускую позицію, тотчасъ отступить къ Артуру?

Всѣ способные *носить* оружіе призваны вступить въ вольныя дружины, которыя будутъ формироваться завтра.

15/28 мая. Первое, что сегодня узналъ, слухъ — будто прибылъ съ Киньчжоу какой-то офицеръ 14-го полка съ двумя казаками и сообщилъ, что Киньчжоу взятъ ночью обратно. Съ сѣвера подошли наши войска и бой будто продолжается. Что-то невѣроятное, но ободряющее.

Все это вздоръ. Войска наши отступили въ безпорядкѣ; японцы ихъ пока не преслѣдуютъ. Даже попытки штурмовать снова Киньчжоу не была; также въ приходѣ войскъ съ сѣвера нѣтъ ничего вѣроятнаго.

Куда отступили наши войска, неизвѣстно. По крайней мѣрѣ передовыя части ихъ на Волчьихъ горахъ. Говорятъ даже, что всѣ отступили къ Волчьимъ горамъ, но получатъ, по настоянію коменданта, генерала Смирнова, приказъ отодвинуться назадъ и занять удобныя позиціи, выставить аванпосты. На этомъ настаиваетъ будто и генералъ Кондратенко.

Еще сегодня прибываютъ отсталые жители города Дальняго. Жаль смотрѣть на этихъ измученныхъ людей. Помимо усталости и голода они истомлены страхомъ, ибо каждую минуту на нихъ могъ напасть непріятель.

Только теперь появляются разъѣзды японцевъ по эту сторону Дальняго, развѣдываютъ. Никакихъ арьергардныхъ стычекъ не было.

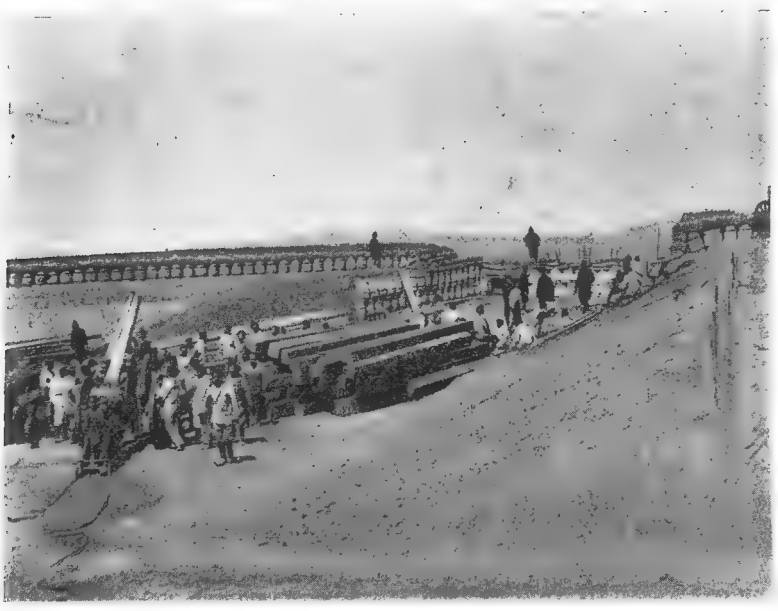
---

*) Оказывается, что японцы заняли Дальній спустя нѣсколько дней.

На крѣпостныхъ веркахъ приказано быть въ боевой готовности; часть людей спитъ одѣтою около орудій; усилена бдительность.

Все это вдругъ, такъ непонятно, странно...

16/29 мая. Послѣ полуночи какія-то 4 непріятельскія судна пытались подойти къ гавани, но встрѣченныя огнемъ со сторожевыхъ судовъ и батарей, быстро повернули въ море; при этомъ на одномъ изъ судовъ замѣчены серьезныя поврежденія снарядами; его потеряли изъ виду, полагаютъ, что оно затонуло; но утверждать этого нельзя. Были-ли это брандеры-заградители, или же только суда, привозившія и бросавшія плавучія мины, сказать трудно.



Работа матросовъ на сухопутномъ фронтѣ.

Сегодня опять, по крайней мѣрѣ, странное оффиціальное извѣстіе о томъ, будто Киньчжоуская позиція «оставлена по приказанію начальника укрѣпленнаго района (ген. Стесселя)», когда всѣмъ и каждому извѣстно, что наши войска были принуждены оставить позицію изъ-за полнаго отсутствія тамъ распорядка.

Ни генералъ Стессель, ни генералъ Никитинъ, начальникъ полевой артиллеріи, ѣздившіе туда недавно, когда тамъ было тихо, не потрудились отправиться туда, когда тамъ шелъ бой и нужно было распоряжаться.

Генералъ Разнатовскій помѣшался — увѣряетъ всѣхъ, что нужно сдать и Артуръ; все равно не удержаться!.. Его уже помѣстили въ госпиталь. Говорятъ, что у него замѣчались и раньше признаки прогрессивнаго паралича.

Про генерала Фока говорятъ странныя вещи; кто-то прозвалъ его даже «сумасшедшимъ муллой».

А генералъ Надѣинъ, говорятъ, старъ и немощенъ.

Все это мало утѣшаетъ насъ.

Встрѣчаю знакомаго.

— Вотъ, видите, — кричитъ онъ мнѣ еще издали, — реквизицію вокругъ Киньчжоу и Дальняго тоже прозѣвали *) — все досталось японцамъ! — Теперь осталось только запасаться консервами.

Говорю, что все это, быть можетъ, не понадобится — прибудетъ выручка съ сѣвера...

— Вы все еще не вѣрите, что намъ теперь—крышка!—Вы все съ вашими розовыми мечтами! Пора смотрѣть трезво на дѣло и ждать худшаго. Дай-то Богъ, чтобы насъ освободили осенью. А до тѣхъ поръ что-нибудь да надо ѣсть!

Странный человѣкъ — все не вѣритъ, что насъ *должны* освободить. Нельзя-же допустить, чтобы тамъ, въ Россіи, не позаботились объ освобожденіи Артура! Куда же дѣнется тогда нашъ флотъ — здѣсь уголь, мастерскія, докъ и прочее. Да сама крѣпость имѣетъ для Россіи слишкомъ большое значеніе, чтобы допустить ея паденіе или даже черезъ-чуръ длительную осаду — вымариванье насъ голодомъ.

Сообщаютъ, что генералъ Стессель обозвалъ 5-й полкъ трусами, измѣнниками и не велѣлъ пускать уцѣлѣвшихъ изъ этого полка людей въ городъ. Будто вернули ихъ голодныхъ обратно на Волчьи горы. Они будто деморализуютъ пережитыми страхами гарнизонъ и народъ **). А эти-то остатки полка вынесли на своихъ плечахъ весь Киньчжоускій бой, въ которомъ уронъ японцевъ не менѣе 5.000 человѣкъ, по самымъ достовѣрнымъ даннымъ. Вотъ такъ благодарность! — Всѣ возмущены этимъ.

Сегодня узнаемъ изъ приказа генерала Стесселя № 271, что 15/28 числа ему еще не были извѣстны подробности о ходѣ Киньчжоускаго боя и отступленія.

Только еще сегодня отданъ приказъ о занятіи позицій впереди Волчьихъ горъ. Между тѣмъ непріятель могъ безпрепятственно продвинуться къ намъ уже довольно близко.

V. Затишье.

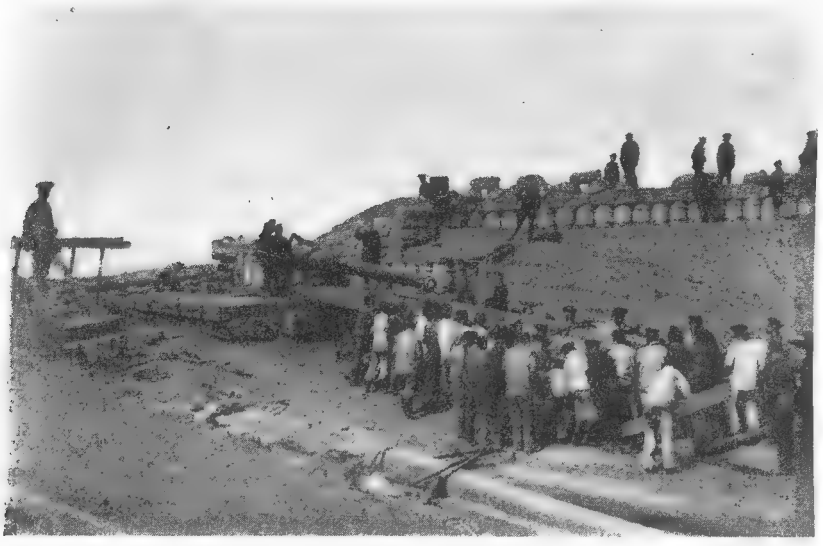
17/30 мая. Ночью снова подходили къ гавани 4 японскіе миноносца; ихъ прогнали артиллерійскимъ огнемъ, который — какъ ни странно — мало кто слышалъ. Всѣ жители спали мирнымъ сномъ, утомленные тревожнымъ, угнетающимъ состояніемъ послѣднихъ дней. Должно быть и привыкаемъ понемногу къ грохоту орудій.

*) Приказано было начать ее съ 15-го мая.

**) Приказъ № 253—14 мая.

Между прочимъ сильно угнеталъ въ первый моментъ призывъ, при помощи полиціи, всѣхъ мало-мальски способныхъ носить оружіе въ дружину. Дружины сформированы — цѣлыхъ 12 (3 баталіона) и обучаются теперь ежедневно. Тамъ и старъ, и младъ, и сухощавый, и горбатый, и тучный, и подслѣповатый; нѣкоторые изъ дружинниковъ раньше и ружья въ рукахъ не имѣли. Трудно имъ, но это все же и ободряетъ. Говорятъ, генералы разныхъ мнѣній о дружинахъ. Генералъ Стессель желаетъ употребить ихъ въ активномъ строю, а генералъ Смирновъ только въ качествѣ внутренней стражи.

Уже эти дни доказали, что безъ мирныхъ жителей и въ осажденной крѣпости обойтись трудно. Пока происходятъ ученія дружинниковъ, всѣ лавки запираются, всѣ дѣла останавливаются, что задерживаетъ снабженіе



Установка морскихъ судовыхъ орудій.

войскъ на позиціяхъ всѣмъ необходимымъ. Пріѣхавшіе на двуколкахъ и пришедшіе пѣшкомъ съ позицій солдаты должны ждать, безъ толку толкаться покуда, послѣ обѣда, откроютъ торговлю и т. д.

Нельзя не отмѣтить, что и всѣ оставшіеся здѣсь иностранцы *)—нѣмцы, французы и т. д. поступили или въ строй, въ дружины, или же записались въ добровольные братья милосердія, наравнѣ съ русскими подданными. Между нами, такимъ образомъ, нѣтъ *чужихъ* — всѣ наши, всѣ свои.

Встрѣтилъ 3 драгунъ и китайченка-переводчика, сопроводившихъ корнета Елкина, прибывшаго сюда на шлюпкѣ мимо японскихъ расположеній, изъ арміи Куропаткина съ «бумагами».

*) Ихъ здѣсь совсѣмъ мало—почти всѣ выѣхали.

Интересно то, что когда они хотѣли-было пристать къ Киньчжоу (не имѣя свѣдѣній о томъ, что эти позиціи уже въ рукахъ японцевъ), то береговые жители — китайцы махали имъ руками и крикнули о грозящей имъ опасности. Пришлось пробираться дальше.

Генералъ Куропаткинъ будто спрашиваетъ, нужна ли намъ помощь и въ чемъ именно нуждаемся.

Корнетъ Елкинъ отправляется завтра же въ обратный путь такимъ же способомъ.

Изъ привезенныхъ ими извѣстій узнали, что сѣверная армія не имѣла, послѣ Ялу, даже серьезной стычки; а у насъ давно ходили слухи о большихъ тамъ сраженіяхъ и побѣдахъ. Въ арміи очень бодрое настроеніе.

Интересное шествіе — нѣсколько запыленныхъ солдатъ ведутъ четверыхъ китайцевъ со связанными назадъ руками и надѣтыми на голову мѣшками. Навѣрно шпіоны. Провели въ штабъ генерала Стесселя.

Вечеромъ узналъ, что китайцы эти взяты еще гдѣ-то около Киньчжоу и между ними одинъ съ коротко стриженой головой, называетъ себя монахомъ (бонзой), но ходитъ въ обычной, не монашеской одеждѣ; мѣстные китайцы признаютъ его по разговору, росту и зубамъ — японцемъ; но полиціймейстеръ будто — по глазамъ (неправда-ли, довольно странный способъ!) — призналъ его китайцемъ... и освободилъ.

Погода — до сей поры довольно прохладная, если не сказать иногда суровая — становится замѣтно теплѣе.

Бывали, конечно, въ промежуткахъ, уже очень теплые дни.

18/31 мая. Всѣ еще возмущаются тѣмъ, что генералъ Стессель увѣряетъ въ оффиціальномъ сообщеніи *) — будто Киньчжоуская позиція сослужила свою службу — удержавъ съ 23 апрѣля по 13 мая движеніе непріятеля, т. е. всего 20 дней. Но и это неправда, такъ какъ первый бой, около Саншилипу, былъ только 3-го мая.

Стоило-ли для такого ничтожнаго сопротивленія тратить столько средствъ, труда и людей?

Почему не были введены въ бой резервы — цѣлая дивизія — чтобы не позволить японцамъ обойти лѣвый флангъ — на это никто не можетъ отвѣтить. Почему, наконецъ, не могли наши войска укрѣпиться на Тафашинскихъ высотахъ и оказать этимъ еще на долго сопротивленіе наступающему непріятелю? — Развѣ тѣмъ временемъ нельзя было-бы вывести все цѣнное изъ Дальняго въ Артуръ, особенно съѣстные припасы, товары, строительные (инженерные) матеріалы и т. д., а также разрушить все, что было нежелательно отдать въ руки непріятелю? — А гдѣ же еще не произведенная реквизиція убойнаго скота!

Между тѣмъ генералъ Стессель объявляетъ свою благодарность генераламъ Фоку и Надѣину — «за славно исполненное дѣло» — и всѣмъ полко-

*) № 105 «Новаго Края» 1904 г.

вымъ командирамъ шлетъ спасибо. Интересно-бы знать, чѣмъ заслужили благодарность люди, не бывшіе въ бою и не организовавшіе отступленіе и не обезпечившіе себѣ даже тыла? Гдѣ-же справедливость?

И невоенному ясно, какъ день, что если-бы резервы были хотя-бы установлены на временныхъ, полевыхъ позиціяхъ на Тафашинѣ, позади Киньчжоускихъ, то они могли-бы дать отступающимъ послѣ боя частямъ маленькій отдыхъ, передышку и стать сами грудью противъ непріятеля. Тогда-бы не было никакого безпорядка. Укрѣпились-бы помаленьку — благо, японецъ и не думалъ преслѣдовать отступающихъ. Оправились-бы и остатки 5-го полка и показали-бы еще чудеса храбрости. А мы выиграли-бы время, имѣли-бы разныя преимущества.

Большая гора на восточномъ фронтѣ крѣпости.

Сообщаютъ о дерзости хунхузовъ въ окрестностяхъ города; они будто грабятъ втихомолку, поодиночкѣ китайцевъ-крестьянъ, производятъ кражи и будто даже уничтожаютъ посѣвы — какъ бы по порученію японцевъ, чтобы ничто не оставалось для снабженія осажденной крѣпости.

19 мая (1 іюня). Ночью была гроза съ проливнымъ дождемъ. Вдругъ раздался какой-то необычайной силы раскатъ грома; будто нѣсколько разъ молнія ударила въ землю.

Многіе проснулись отъ этого особеннаго раската.

Только подъ вечеръ удалось узнать причины этого сильнаго грохота — молнія взорвала цѣлыя семьнадцать фугасныхъ минъ въ оврагѣ около Куропаткинскаго люнета. Этотъ взрывъ видѣли только часовые съ ближайшихъ батарей; по другимъ свѣдѣніямъ это было на Казачьемъ плацу.

20 мая (2 іюня). Флотъ нашъ лежитъ въ гавани и не видно, чтобы онъ собирался что нибудь предпринимать. «Цесаревичъ» и «Ретвизанъ» уже вооружаются; также и «Побѣда» будетъ вскорѣ окончательно исправ-

лена. Работы кипятъ въ порту; имѣется въ виду расширить ворота сухого дока, чтобы впредь можно было вводить въ него и броненосцы.

Сухопутный фронтъ вооружается и морскими орудіями. Молодые офицеры и матросы съ увлеченіемъ принялись за дѣло на суши; имъ надоѣла бездѣятельная стоянка въ гавани.

Но не то думаютъ старшіе.

Почтеннѣйшій полковникъ передалъ въ кругу близкихъ знакомыхъ свой разговоръ съ контръ-адмираломъ княземъ Ухтомскимъ (командиромъ отряда броненосцевъ), который возмущаетъ всѣхъ до-нельзя.

Полковникъ спросилъ адмирала, выйдетъ ли нашъ флотъ къ бухтѣ Киньчжоу въ томъ случаѣ, если изъ сѣверной арміи прибудетъ къ намъ помощь, которая должна будетъ пробиваться Киньчжоускимъ перешейкомъ и брать снова Киньчжоускія позиціи, несомнѣнно заново укрѣпленныя японцами.

— Нѣтъ.

— Почему же нѣтъ? — горячится полковникъ, — вѣдь это значитъ дать возможность избить лишній нашъ полкъ, бригаду, а то и цѣлую дивизію! Лишнія жертвы.

Адмиралъ отвѣтилъ, что такая потеря ничего не значитъ. Дивизія — это 16,000 человѣкъ, а какъ статистика показываетъ, русскія женщины рождаютъ это количество дѣтей въ теченіе двухъ недѣль; слѣдовательно уронъ этотъ восполнится скоро...

— Если же, — закончилъ адмиралъ свои доводы,—при этомъ выходѣ погибнетъ даже одна канонерская лодка, ее ужъ родить нельзя — на постройку ея потребуются годы...

Такъ, вотъ, почему не можетъ нашъ флотъ выходить въ море.

Положимъ, и до этого разговора князь Ухтомскій слылъ сторонникомъ «сохраненія флота» въ гавани, подъ защитою крѣпости.

21 мая. (3 іюня). Сегодня пришли въ Дальній 15 японскихъ транспортовъ въ сопровожденіи 1 броненосца, 1 крейсера и 5 миноносцевъ. Наша эскадра и не попыталась выйти изъ гавани, напасть на непріятельскія суда.

23 мая (5 іюня). Вчера выѣхалъ на передовыя позиціи отрядъ конныхъ волонтеровъ подъ предводительствомъ полиціймейстера Тауца, будто на помощь рекогносцировочнымъ отрядамъ. Тутъ были и полицейскіе стражники, и какіе-то казаки, кавказцы и т. д.—какой то иррегулярный отрядъ, болѣе пригодный для преслѣдованія хунхузовъ. Назначеніе отряда, пожалуй, именно таково.

Сообщаютъ, что японцы сгрузили въ Дальнемъ съ транспорта локомотивъ, чтобы пользоваться желѣзной дорогой при подвозѣ осадныхъ орудій къ крѣпости.

У насъ все еще разрабатываемые проекты охраненія судовъ эскадры отъ непріятельскихъ минъ не получаютъ движенія. Дѣло будто не идетъ дальше теоретическихъ разсужденій, бракующихъ всѣ эти проекты.

Сегодня, въ первый разъ послѣ начала войны, пошелъ на такъ называемый Николаевскій бульваръ *), въ то время, когда тамъ играла музыка. Увидавъ преобладающіе среди гуляющей публики военные мундиры, а также погоны военно-медицинской академіи, мнѣ вспомнился минеральный паркъ въ Старой Руссѣ **). Разница только та, что тамъ, среди гуляющихъ во время музыки, много дамъ безъ кавалеровъ, за недостаткомъ ихъ, а здѣсь наоборотъ—масса кавалеровъ ухаживаютъ за одной дамой,

Установка морскихъ орудій на Перепелочной батареѣ.

иногда даже за „старымъ, подкрашеннымъ брандеромъ“, — какъ прозвали здѣсь перезрѣлыхъ кокетокъ. Да простятъ меня читатели, что привожу здѣсь это далеко не галантное, но за то спеціально артурское прозвище. Въ каждой мѣстности, гдѣ мужчинъ болѣе, чѣмъ женщинъ, не ускользаетъ отъ наблюдателя то, что жизнь тамъ получаетъ не совсѣмъ нормальный видъ; здѣсь это особенно замѣтно. Вотъ, напримѣръ, женатый офицеръ, безусловно добрый семьянинъ, недавно со слезами проводившій свою семью въ Россію, увлекается барышней-курсисткой М., находя въ ней прекрасныя душевныя качества, идеализируя ее; она кокетничаетъ съ нимъ, но бросаетъ томные взгляды также женатому желѣзнодорожнику, который обмѣнивается съ ней улыбками менѣе идеальнаго свойства. Тамъ молодой, краси-

*) По просту этотъ небольшой садикъ назывался «Этажеркой», какъ построенный уступами на довольно крутомъ склонѣ.

**) Курортъ въ Новгородской губерніи—соляные источники и грязи.

вый офицеръ увивается за женой техника, не стѣсняясь его присутствіемъ. Въ другомъ мѣстѣ эмансипированная, далеко не молодая дѣва-конторщица окружена своими поклонниками, чуть не на полвѣка моложе ея; она награждаетъ ихъ всѣхъ очень благосклоннымъ вниманіемъ. Завѣдомыя кокотки щеголяютъ своими дорогими нарядами и смотрятъ чуть не съ презрѣніемъ на скромно одѣтыхъ; а тѣ, какъ будто и на самомъ дѣлѣ конфузятся.

Все это раздражаетъ своей реальной пошлостью.

Все это, конечно, бываетъ вездѣ; но нигдѣ это не бросается такъ въ глаза; все это здѣсь кажется какъ-бы не во время, неумѣстно, неловко. Что то обидное вкрадывается въ душу, несмотря на желаніе оправдать эти явленія скукой, изолированности отъ всего міра, надорванностью нервовъ, грозящей опасностью и поэтому особеннымъ желаніемъ пожить.

Музыка играетъ такъ лихо мазурку Глинки, что... хоть пляши; но на душѣ то и дѣло навертываются невеселыя думы—вопросъ: что намъ грядущій день готовитъ?

Вотъ идутъ два офицера, прибывшіе изъ дѣйствующихъ отрядовъ; вотъ подполковникъ Р., раненый въ ногу въ первыхъ бояхъ; у него на одной ногѣ сапогъ со шпорой, а на другой надѣтъ мягкій бродень. Съ нимъ молодой военный врачъ, только что пріѣхавшій изъ отряда, еще запыленный съ дороги. И ему захотѣлось послушать музыку, отдохнуть здѣсь, поговорить со знакомыми. Ихъ загорѣлыя лица, обтертые мундиры, стоптанные сапоги доказываютъ, что имъ тамъ, на позиціяхъ, жилось не такъ легко, какъ намъ здѣсь, въ городѣ. Они, среди щегольскихъ мундировъ штабныхъ и прочихъ не нюхавшихъ еще пороха офицеровъ, среди моряковъ въ снѣжнобѣлыхъ кителяхъ, кажутся какими-то „замарашками“. И на нихъ поглядываютъ съ высока, какъ-бы опасаясь замараться; при встрѣчѣ обходятъ ихъ осторожно; если же они садятся рядомъ, то отодвигаются по дальше... Обидно.

Тамъ внизу на пескѣ играютъ дѣти. Ихъ болѣе чѣмъ скромная одежда говоритъ намъ, что они принадлежатъ къ тѣмъ семьямъ, которые не могли уѣхать отсюда изъ за хлѣба насущнаго, изъ за заработка родителей, которые рѣшили остаться на волю Божію. Бѣдныя дѣти!

Нельзя не отмѣтить, что на дняхъ въ «Новомъ Краѣ» былъ помѣщенъ сонъ, видѣнный будто однимъ изъ жителей и, какъ-бы предсказывающій, хотя послѣ многихъ ужасовъ, побѣду надъ японцами—освобожденіе Артура.

Вотъ какое настало для насъ время, что приходится утѣшаться снами!

Но, кто бы могъ подумать, что этотъ разсказикъ оживитъ публику въ то время, когда газетѣ положительно нечего было сказать утѣшительнаго.

Вездѣ толкуютъ объ этомъ снѣ; многіе вспоминаютъ, что видѣли тоже что либо подобное; даже люди очень серьезные готовы повѣрить этому сну. Передаютъ, что въ редакціи получено нѣсколько писемъ, радостно увѣряющихъ, что такъ оно и должно быть...

Много ли человѣку нужно, чтобы вновь воспрянули надежды, даже въ такую тяжелую минуту.

25 мая (7 іюня). Сегодня, послѣ полуночи, была новая попытка заградить нашу гавань. Сперва показалось одно двухтрубное судно, но было тотчасъ прогнано орудійнымъ огнемъ; затѣмъ еще два предполагаемыхъ минныхъ заградителя, изъ коихъ будто одинъ потопленъ. Потопленіе это однако трудно удостовѣрить, такъ какъ при свѣтѣ прожекторовъ трудно различить, происходящее далеко отъ *берега*. Но и не вѣрить нѣтъ основаній.

Въ послѣднее время объявлены свѣдѣнія о раненыхъ въ Киньчжоускомъ бою. По этимъ свѣдѣніямъ 8 офицеровъ и 491 нижній чинъ находятся въ госпиталяхъ (кромѣ легко раненыхъ, оставшихся въ строю); изъ нихъ 301 нижній чинъ и 3 офицера 5-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка и 56 нижн. чин. и 1 офицеръ крѣпостной артиллеріи. Если принять во вниманіе, что кромѣ убитыхъ и многіе раненые были оставлены на

Волчья мортирная батарея.

полѣ сраженія, то надо полагать, что у насъ выбыло изъ строя развѣ немногимъ менѣе тысячи человѣкъ. Одно утѣшеніе въ томъ, что японскія потери слишкомъ въ 5 разъ больше.

Въ госпиталяхъ работы много, а поэтому и добровольныя сестры милосердія начали свою дѣятельность, высоко цѣнимую ранеными.

Много частныхъ лицъ и фирмъ предоставили свои дома въ новомъ европейскомъ городѣ подъ устройство госпиталей. Между ними стоитъ особенно отмѣтить дома германской фирмы Кунстъ и Альберсъ, какъ очень удобные и помѣстительные. Служащіе фирмы уступили свои великолѣпныя помѣщенія подъ офицерскія палаты госпиталя, занимая сами на это время менѣе удобныя. Также уступленъ большой домъ—гостинница г-на Никобадзе.

Жизнь снова входитъ въ обычную колею, какъ будто ничего и не было. Угнетающее впечатлѣніе Киньчжоускихъ боевъ стушевывается и за-

мѣняется снова вѣрой въ то, что непріятелю не удастся овладѣть крѣпостью, которая не такъ слабо укрѣплена, какъ Киньчжоу. Это кажется намъ тѣмъ достовѣрнѣе, что не рѣшился же онъ сразу наступать на наши уходившіе въ безпорядкѣ войска и все еще не подвигается впередъ.

Прекрасная погода и тишина (мы уже слишкомъ привыкли къ такимъ легкимъ перестрѣлкамъ, какая была прошлой ночью на береговомъ фронтѣ, чтобы обращать на нихъ особенное вниманіе) способствуютъ возрастанію общей бодрости.

Когда видишь утромъ, какъ всѣ спѣшатъ на свои работы, видишь мирный торгъ на базарѣ и всюду лишь бодро спокойныя лица, то забываешь совсѣмъ, что находишься въ осадѣ и отрѣзанъ отъ всего міра, и что тебѣ грозитъ еще многое худшее.

Кстати—цѣны на нашемъ базарѣ все еще сносныя, хотя поднялись не менѣе какъ вдвое противъ прежнихъ: коровье и свиное мясо по 25—30 коп. за фунтъ; куры отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к.; яйца отъ 8—9 рублей за сотню; телятина 35 — 45 коп. за фунтъ; ветчина (копченая свинина) до 60 коп. за фунтъ; масло коровье до 1 р. фунтъ; рыба свѣжая до 30 коп. за фунтъ; шпинатъ 3 к., лукъ 3 к., морковь 10 к., свекла 12 к. и картофель 12 коп. за фунтъ; крупа разная отъ 10 до 25 коп. за фунтъ; макароны 25 коп. за фунтъ; хлѣбъ бѣлый 9 к., ржаной 4 к. фунтъ. Конечно, выборъ малъ и мяса иногда не хватаетъ на всѣхъ, но все же еще можно достать не то, такъ другое, и еще можно жить сносно.

Гдѣ именно и въ какихъ силахъ непріятель—все еще не удалось выяснить, нашимъ лазутчикамъ. Натыкаются они на передовые посты японцевъ; пробираются и дальше, но все еще ничего положительнаго не обнаруживаютъ. Находятъ и японскіе окопы, устроенные, какъ бы для батарей, но по ночамъ пустые.

Съ высотъ наши отряды наблюдаютъ движеніе около Дальняго; сообщаютъ, что японскія войска отправляются на сѣверъ. Возникаетъ даже подозрѣніе—не выдвинули ли японцы только заслонъ противъ насъ, не желая брать крѣпости.

Войска, въ безпорядкѣ отступившія отъ Киньчжоу, теперь смѣются надъ собою. Кабы генералы не уѣхали сами впередъ, говорятъ они, ничего подобнаго и быть не могло. Теперь имъ досадно и они просятся все въ болѣе рѣшительныя вылазки, въ охотники.

Снова приходится удивляться, почему японцы не воспользовались Киньчжоуской побѣдой и не пришли, такъ сказать, на плечахъ нашихъ отступающихъ войскъ сразу подъ Артуръ? — Успѣхъ былъ бы вѣрный. Но надо полагать, что понесенныя ими потери были тяжелыя и заставили ихъ пріостановить дѣйствія, отдохнуть; или же они предполагали, что у насъ приготовлена для нихъ засада.

Во всякомъ случаѣ они не ожидали, что генералъ Фокъ вполнѣ очиститъ имъ дорогу къ крѣпости.

Увѣряютъ, что генералъ Фокъ и на военномъ совѣтѣ, послѣ сдачи имъ Киньчжоу, все еще сопротивлялся занятію передовыхъ позицій; и это, по его мнѣнію, напрасная трата людей. Только доказательства генерала Смирнова, что если допустить сразу непріятеля къ крѣпости, которая еще далеко не достаточно укрѣплена, то немыслимо будетъ долгое время защищать ее, убѣдили и генерала Стесселя, (глядящаго на все происходящее глазами генерала Фока), въ необходимости занятія передовыхъ позицій.

Генералъ Смирновъ началъ укрѣплять Угловыя горы, чтобы насколько возможно лучше обезпечить западный фронтъ крѣпости.

27 мая (9 іюня). Городская продовольственная коммиссія рѣшила устроить дешевую столовую для бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Дѣло очень симпатичное и обѣщаетъ много хорошаго.

За обѣдомъ на веркахъ крѣпости.

Характерный случай передавали мнѣ сегодня.

Въ ночь на 25-е мая (7 іюня) при стрѣльбѣ по непріятельскимъ судамъ съ батареи № 22 одно орудіе дало осѣчку, т. е. зарядъ не воспламенился. Въ такихъ случаяхъ полагается выждать опредѣленное время прежде, чѣмъ открыть затворъ орудія. Но въ данномъ случаѣ артиллеристы погорячились, открыли затворъ сейчасъ же, желая дать скорѣе слѣдующій выстрѣлъ по уже поврежденному непріятельскому минному заградителю; но въ ту же минуту послѣдовалъ выстрѣлъ, которымъ убитъ на мѣстѣ одинъ, ранено два канонира и поврежденъ самый затворъ. За такой несчастный случай, по закону, отвѣтственъ командиръ батареи, не предупредившій такого несчастія,—хотя это въ пылу стрѣльбы очень трудно и почти невозможно; скорѣе можно бы обвинить фейерверкера, командовавшаго ору-

діемъ. Обстоятельства—увлеченіе боемъ—вполнѣ оправдывали въ данномъ случаѣ виновника этого несчастія и несмотря на то, что извѣстіе о немъ разнеслось по всему городу, ни кому не пришло въ голову обвинять кого либо. У насъ сейчасъ не маневры, а война, когда нужно дорожить каждой минутой.

На дняхъ генералъ Стессель отправился на эту батарею, какъ бы для разслѣдованія этого случая. Тамъ онъ, говорятъ, первымъ долгомъ грубо напустился на командира батареи, капитана В., указывая ему, что ретирады грязны и содержатся не въ должномъ порядкѣ. Капитанъ, обиженный такимъ неосновательнымъ выговоромъ генерала, не вытерпѣлъ.

— Ваше превосходительство,—сказалъ онъ, также возвышая голосъ,—я не... ассенизаторъ, а первымъ долгомъ артиллеристъ и прямая моя обязанность стрѣлять по непріятелю!.. Устройство же ретирадъ лежитъ на обязанности инженеровъ *).

Это, какъ бы озадачило генерала и онъ перешелъ на дружескій тонъ, желая загладить свою вину; послѣ, осмотрѣвъ батарею, онъ благодарилъ капитана за службу и порядокъ.

Казалось инцидентъ исчерпанъ.

Но нѣтъ; этимъ не кончилось. — Вчера объявленъ приказъ генерала Стесселя за № 305 (экстренно):

«26-го мая нарочно былъ на батареѣ № 22, и произведя самый тщательный осмотръ пятаго орудія, я пришелъ къ убѣжденію, что порча замка, смерть канонира Бондарева и пораненіе канониpовъ Гурскаго и Ларіонова произошли отъ попавшаго снаряда съ судовъ противника **), стрѣльба котораго имѣло мѣсто во время стрѣльбы батареи № 22 по минному транспорту, который и былъ этой батареей затопленъ въ разстояніи 1000 саженъ (2 верстъ) отъ батареи»...

— Къ чему эта оффиціальная ложь?—спрашиваютъ всѣ удивленно.—Неужели не будетъ конца этой лжи?—Въ самомъ началѣ войны береговымъ батареямъ приписывалось больше заслугъ, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ оказывали. Это дѣлалось какъ бы съ цѣлью взвалить всѣ несчастія на флотъ. При отраженіи же брандеровъ приписывалось больше заслугъ флоту, чѣмъ батареямъ,—вопреки справедливости. На флотъ посыпались щедро награды, батареямъ—спасибо. Къ чему же извращать хорошо всѣмъ извѣстный фактъ?

Въ слѣдующемъ приказѣ генерала объявляется о томъ, что онъ представляетъ капитана Вамензона къ награжденію орденомъ Св. Георгія.

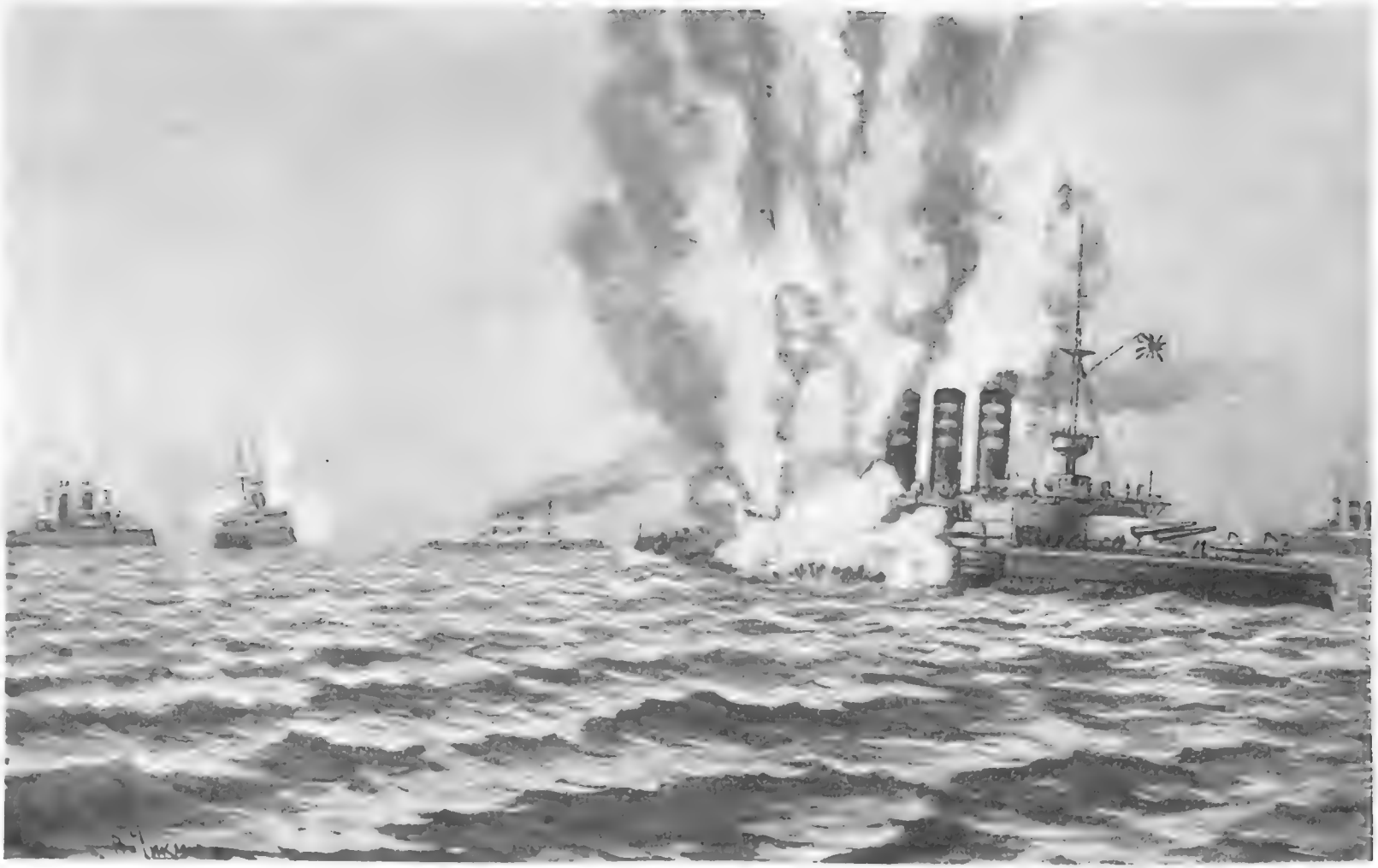
Въ этотъ же день объявленъ еще одинъ, смущающій всѣхъ, приказъ (№ 304):

«Вмѣсто подполковника Петруша, назначеннаго командовать 27-мъ В. С. стрѣлковымъ полкомъ, въ пріемную вещевую интендантскую комиссію назначается подполковникъ Скорняковъ. *Суточныя получаетъ подполковникъ Петруша*».

---

*) Кстати—и по этой части не все и не вездѣ было въ должномъ порядкѣ; не все было предусмотрѣно при постройкѣ фортовъ.

**) Когда на самомъ дѣлѣ попаданія здѣсь не было.



Подбитый миной бр. «Яшима», погибшій на пути въ Японію. «Хатсузе».

Гибель японскаго броненосца «Хатсузе» подъ Портъ-Артуромъ. По рис. худ. А. А. Чикина.

— Какъ-же такъ?—восклицаютъ офицеры удивленно, – работать долженъ Скорняковъ, а суточныя будетъ получать и впредь Петруша! Гдѣ же тутъ справедливость?

Но, возраженія эти безполезны и ни къ чему не ведутъ. Власть командующаго раіономъ неограниченная. Вопросъ – такъ ли это?...

Странность этого приказа объясняется дружбой генерала Стесселя съ подполк. Петруша.

27-е мая (9 іюня). Послѣ усерднаго обученія строю, ружейнымъ пріемамъ и стрѣльбѣ вольная дружина представлялась вчера генералу Стесселю, который произвелъ маневръ занятія центральной (внутренней) ограды крѣпости дружинами совмѣстно съ другими частями; остался во всемъ и всѣми недоволенъ, бранился.

При этомъ особенно досталось 1-й дружинѣ, которую генералъ назвалъ стадомъ барановъ и пр.

Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Генералъ послалъ своего адъютанта, поруч. Невельскаго, съ приказаніемъ привести эту дружину на фортъ V-й. Адъютантъ повелъ ее, но ошибся дорогой, которыхъ тутъ, между крутыхъ горъ очень много. Вмѣсто форта V дружина, вмѣстѣ съ адъютантомъ попала совсѣмъ въ другую сторону. Потомъ, поздно замѣтивъ свою ошибку, пошли они, измученные жарой и жаждой, запыленные съ ногъ до головы, на фортъ V-й, промаршировавъ по-пусту нѣсколько лишнихъ верстъ. Вызванные съ ранняго утра на ученіе, люди утомились, изголодались и еле волокли ноги, когда добрались, наконецъ, до форта.

Генералъ, не разобравъ причины поздняго прибытія къ назначенному мѣсту, обругалъ дружину и уѣхалъ, не давъ ей оправиться и стать въ строй.

— Вотъ такъ спасибо за то, что столько времени учились, старались! Сами не знаютъ дорогъ, а насъ ругаютъ!

Сегодня объявленъ приказъ (№ 315), въ которомъ дружинники названы паломниками и говорится, что такіе люди съ оружіемъ въ рукахъ болѣе опасны для своихъ, чѣмъ для противника и что слѣдуетъ ихъ пересортовать—менѣе способныхъ назначить въ санитары. Давно-бы такъ.

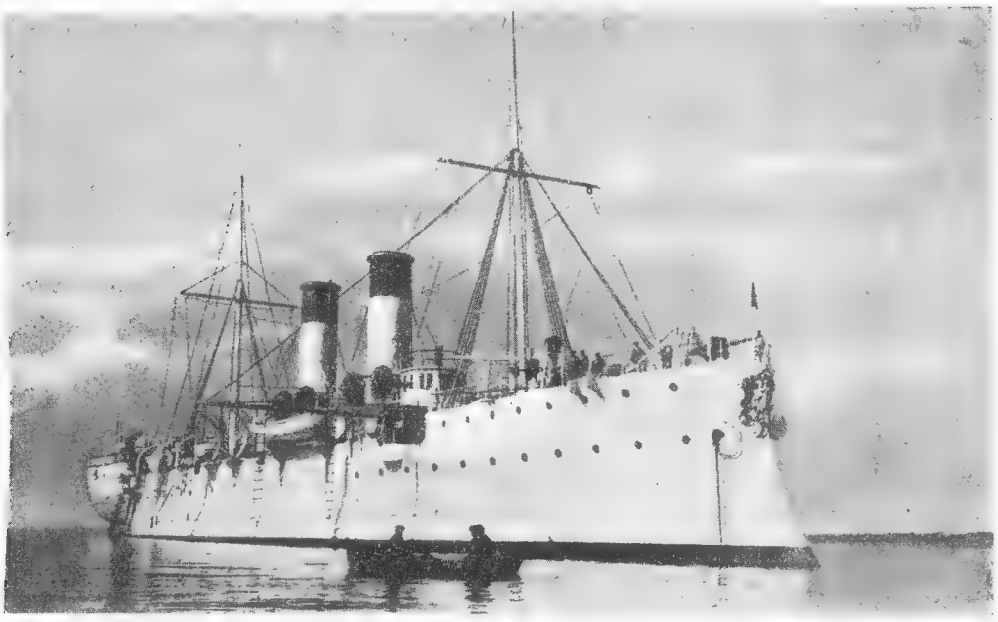
Сегодня утромъ пришелъ въ Голубиную бухту небольшой пароходикъ подъ французскимъ флагомъ; привезъ консервы и другіе припасы. Говорятъ, что на этомъ пароходикѣ будетъ высланъ арестованный здѣсь американецъ-корреспондентъ Фуллеръ, пробравшійся не давно сюда на свой рискъ и страхъ; онъ содержится на гауптвахтѣ.

Хунхузы перенесли свою дѣятельность на море; грабятъ уѣзжающихъ изъ Портъ-Артура китайцевъ, зная, что они заработали у русскихъ много денегъ.

Въ послѣднее время китайцы стали усиленно выселяться изъ Артура и это отражается на общей жизни—многіе остаются безъ прислуги, такъ какъ службу поваровъ и лакеевъ несли преимущественно китайцы.

Китайскіе купцы и торгаши распродаютъ свои товары, а скупщики—греки, армяне и пр. сильно подымаютъ цѣну на товаръ, купленный ими по очень дешевой цѣнѣ.

Сегодня подъ вечеръ совершено звѣрское убійство. Отецъ Г. убилъ изъ револьвера, свою замужнюю дочь В—ну, пустивъ ей въ животъ 7 пуль. Причина не выяснена, но кажется, что подкладка не изъ красивыхъ—будто вымогательство денегъ у дочери.



Минный транспортъ «Амуръ», подготовившій 1-го мая гибель японскихъ броненосцевъ «Хатсузе» и «Яшима».

V. Стычки на Зеленыхъ горахъ.

31 мая (13 іюня). Прошлой ночью охотники 25-го полка сдѣлали болѣе серьезную развѣдочную вылазку на нашемъ правомъ флангѣ. Было всего 120 человѣкъ при 3 офицерахъ; съ фланговъ ихъ поддерживали пограничники. При всей своей осторожности они всетаки наткнулись на непріятельскій окопъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ. По нимъ открыли огонь, стрѣлки бросились впередъ, выбросили японцевъ штыками изъ окопа и разстрѣливали убѣгающихъ. Далѣе они наткнулись на другой окопъ, занятый 2 ротами японцевъ, встрѣтившихъ ихъ залпами. Стрѣлки ринулись опять въ штыки и японцы побѣжали. Въ этихъ стычкахъ убитъ поручикъ Бицоевъ и смертельно раненъ поручикъ Злобинскій, убитъ унтеръ-офицеръ и ранены 4 стрѣлка. Хотѣли было идти еще впередъ, но получили приказаніе не вступать въ бой. Когда они начали отступать, унося съ собой убитыхъ и раненыхъ, японцы начали наступать на нихъ и стрѣляли безпорядочно въ догонку нашимъ храбрецамъ, не причинивъ имъ никакого вреда.

Поручикъ Злобинскій умеръ сегодня, по дорогѣ въ госпиталь. Развѣдка эта не дала намъ также никакихъ положительныхъ свѣдѣній о положеніи и силахъ непріятеля.

Штабъ укрѣпленнаго раіона организовалъ развѣдки черезъ китайцевъ и довѣряетъ вполнѣ этимъ свѣдѣніямъ; насколько они вѣрны, покажетъ будущее.

Трудно избавиться отъ сомнѣнія—не служатъ-ли эти китайцы-развѣдчики «и нашимъ и вашимъ». Въ такомъ случаѣ вѣрнѣе всего, что насъ обманываютъ. Японцы-же получаютъ настолько достовѣрныя свѣдѣнія, насколько китайцы способны передать имъ необходимое. Можно смѣло предполагать, что японцы подготовили себѣ до войны еще опытныхъ шпіоновъ изъ среды китайцевъ; это доказывается массой сигнальщиковъ, которые, при всемъ стараніи со стороны нашихъ властей, остаются неуловимыми.

Нѣсколько несомнѣнно вѣрныхъ китайцевъ, ходившихъ на развѣдки, казнены японцами, какъ передаютъ спасшіеся. Предательство со стороны другихъ китайцевъ.

У насъ пользуются услугами каждаго, кто ихъ предлагаетъ. Но кто онъ и откуда, этого никто не знаетъ и узнать не старается.

Велосипедная летучая почта, организованная изъ числа мирныхъ жителей, уже успѣла оказать большія услуги дѣлу обороны. Всего въ этой командѣ 60 человѣкъ и они постоянно чередуются. Ихъ услуги цѣнны по быстротѣ передачи приказаній и тѣмъ, что солдаты, занимавшіеся разноской приказовъ, теперь могутъ нести свою прямую обязанность—службу на фортахъ и позиціяхъ.

Самыя дальнія разстоянія, несоединенныя телефономъ, пробѣгаются велосипедистами быстрѣе, чѣмъ коннымъ вѣстовымъ.

4/17 іюня. Вчера, во время тумана, минный транспортъ «Амуръ» вновь выходилъ въ море; его сопровождалъ «Новикъ» и миноносцы; гдѣ-то опять поставили мины. На обратномъ пути что-то случилось съ «Амуромъ» на ближнемъ рейдѣ; говорятъ, повредилъ себѣ дно и запутался винтомъ. Долго не могли освободить. Нужна починка; но ничего особеннаго.

Сообщаютъ, будто вчера-же за Ляотѣшанемъ японскій миноносецъ наткнулся на мину и погибъ.

Сегодня передали намъ слухъ, будто у Голубиной бухты обнаруженъ погребъ съ японскими или китайскими орудіями и снарядами.

Подобные слухи выплывали уже не разъ. Поэтому произвелъ маленькое дознаніе— въ чемъ тутъ дѣло? Оказывается, что всѣ эти слухи, быть можетъ, и пускаются для ободренія гарнизона, но подкладка ихъ весьма простая.

Когда подполковникъ Меллеръ спросилъ главнаго артиллериста порта подп. Тр. и завѣдующаго складами морского вѣдомства К., гдѣ тѣ китайскія орудія, снаряды и патроны, о которыхъ онъ слышалъ и которыхъ нѣтъ въ сухопутномъ арсеналѣ, ему отвѣтили, что такихъ орудій въ складѣ морского вѣдомства нѣтъ. Одинъ изъ вахтеровъ склада, Денисенко, шепнулъ

подполк. Меллеру, что есть они и тамъ-то, въ складѣ-же... И вотъ подполковникъ Меллеръ «обнаружилъ» и орудія, и китайскіе пулеметы, и снаряды, и патроны, исправлялъ, приспособлялъ, отправлялъ ихъ на линію обороны— и оказалъ этимъ услуги защитѣ крѣпости. Но... однако порядки у насъ хороши, если приходится «обнаруживать» то, что у насъ же въ складѣ!.. и оправдывать слухами о нахожденіи закопанныхъ орудій.

6/19 іюня. Вчера утромъ наши суда: крейсеръ «Новикъ», канонерки «Отважный» и «Гремящій» и 9 миноносцевъ ходили въ бухту Сикао обстрѣ-

Минный офицеръ транспорта «Амуръ», лейтенантъ П. Л. Волковъ съ командой, съ которой прибылъ на катерѣ въ Чифу послѣ сдачи Артура.

ливать непріятельскія позиціи; японцы будто скрылись въ горы. На горизонтѣ были 2 непріятельскіе крейсера и 4 миноносца, не рѣшившихся приблизиться къ нашимъ судамъ. Къ вечеру суда вернулись въ гавань.

Сегодня открыли городскую дешевую столовую. Изъ военныхъ властей присутствовалъ при этомъ только комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ.

Плата за обѣдъ и ужинъ въ мѣсяцъ 18 рублей—очень умѣренная.

Джонки изрѣдка приходятъ изъ Чифу съ разными продуктами; привозятъ иногда и небольшую почту. Но мытарства, которыя приходится

испытывать китайцамъ въ Артурѣ, отбиваютъ у нихъ охоту предпринимать эти опасныя экскурсіи. Обѣщанная, въ виду огромнаго риска, очень скромная награда будто выдается не всѣмъ; много тасканія по штабамъ, пока они получатъ деньги; изъ одного штаба посылаютъ ихъ въ другой, оттуда обратно и т. д.

По китайскимъ свѣдѣніямъ наши сѣверныя войска передвинулись къ югу и имѣли большое сраженіе,—что пока не подтверждено. По слухамъ японцы устроились въ Дальнемъ пользуясь всѣми удобствами; въ саду будто играетъ музыка; въ городъ будто понаѣхало много интернаціональныхъ дамъ и т. д. Японскія-же войска будто отправляются всѣ на сѣверъ; противъ насъ выдвинутъ только заслонъ.

Оффиціальныя свѣдѣнія сообщаютъ о кавалерійской стычкѣ южнѣе Вафандяна.

Наши поврежденныя суда исправлены и весь флотъ можетъ выйти въ море. Недовольство флотомъ среди сухопутной арміи большое.

Въ защиту ихъ указываютъ на ту охоту и усердіе, съ которыми моряки помогаютъ укрѣплять сухопутный фронтъ.

— Не нужно намъ ихъ помощи!—отвѣчаютъ на это сухопутные офицеры. — Разъ ты морякъ, такъ выходи въ море и воюй тамъ! На сушѣ справимся мы сами.

VI. Выходъ флота.

10 23 іюня. Сегодня, наконецъ, вышелъ въ море весь нашъ флотъ. Съ нетерпѣніемъ ожидали всѣ этого выхода и провожали его съ восторгомъ и благопожеланіями.

На рейдѣ протралили путь, при чемъ взорвано много японскихъ минъ. Несмотря на всю, казалось-бы, бдительность нашу и на усердное ежедневное траленіе, японцы успѣваютъ набросать массу плавучихъ минъ, приносимыхъ къ гавани приливомъ.

Только около 2 час. дня флотъ снялся съ якоря и около 6 часовъ скрылся за горизонтомъ.

Вскорѣ услышали мы съ моря канонаду—завязывался бой. Съ наступленіемъ темноты морская канонада стала слышнѣй — гулъ орудій, какъ бы приближался. Неужели нашъ флотъ отступаетъ?

Около 10 часовъ вечера флотъ вернулся и сталъ на рейдѣ подъ защиту батарей. Пальба то усиливается, то затихаетъ.

Публика прислушивается съ тревогой, слѣдитъ внимательно за происходящимъ на рейдѣ. Повидимому идетъ минная атака. Не повреждены-ли наши суда?

Пришлось наблюдать вблизи чудную, но полную ужаса картину ночной минной атаки. Канонада только что замолкла, когда мы пришли на морской берегъ. Лучи прожекторовъ скользятъ по еле волнующейся морской глади. На морѣ ничего не видно. Но—по чему-же стрѣляли?.. Тишина мертвая. Становится тоскливо на душѣ. Вотъ—что-то мелькнуло—въ лучѣ прожектора появилось какое-то, будто облитое серебромъ судно, другое, третье—это японскіе миноносцы... Заговорили орудія батарей и судовъ. Море

Генералъ-лейтенантъ Романъ Исидоровичъ Кондратенко.

огня, ревъ, шипѣніе кругомъ. Около мчавшихся къ нашимъ судамъ миноносцевъ вздымаются столбы воды: снаряды падаютъ въ воду. И на миноносцахъ мелькаютъ огоньки; и они стрѣляютъ, и на нихъ рвутся наши снаряды. Трубы на миноносцахъ покраснѣли отъ доведенной до высшей мѣры топки. Одинъ миноносецъ вдругъ окутался паромъ—значитъ попало въ машину!.. Огонь, дымъ и вскорѣ ничего тамъ не видно. Сосредоточенный огонь нашихъ орудій пустилъ ко дну смѣльчаковъ. Другіе миноносцы не

выдерживаютъ адскаго огня, поворачиваютъ обратно и, маневрируя зигзагами, ищутъ спасительную даль. Пальба затихла и вскорѣ все замолкло; снова темно; лишь лучи прожекторовъ скользятъ по морю, то скрещиваясь, то расходясь въ разныя стороны -- будто щупальцы чудовищнаго спрута, пріютившагося среди темнѣющихъ громадъ береговыхъ скалъ. Тишина—но нѣтъ въ ней убаюкивающаго покоя; нервы напряжены, глаза впились въ тускло освѣщаемую прожекторами даль—ждутъ не появятся-ли снова серебристые силуэты съ краснѣющими трубами, мчащіеся почти на вѣрную гибель... Вотъ они! Снова адъ — ослѣпляющіе снопы огня, выбрасываемые невидимыми орудіями, ревъ, свистъ, трескъ...

Получены извѣстія, что на передовыхъ позиціяхъ замѣчены наступательныя движенія непріятельскихъ колоннъ.

11/24 іюня. Флотъ нашъ вошелъ сегодня утромъ въ гавань. Броненосецъ «Севастополь» наскочилъ вечеромъ, уже на рейдѣ, на японскую мину; но поврежденіе незначительное и скоро исправимое. Наши суда выдержали 9 минныхъ атакъ. На морѣ они встрѣтили весь составъ японскаго флота; говорятъ, что у него нѣтъ никакихъ потерь... *)

Такое возвращеніе флота — безъ серьезнаго боя никого не радуетъ. Что-же будетъ дальше?

Смѣшно и грустно—сегодня вышелъ «Новый Край» съ восторженной статьей о выходѣ флота, о надеждахъ возлагаемыхъ на него, — а онъ уже снова въ гавани, снова на старомъ мѣстѣ.

Боже! Сколько было радости, надеждъ и тревоги и все напрасно.

Японцы подбрасываютъ нашимъ войскамъ на передовыхъ позиціяхъ прокламаціи, въ которыхъ стараются ихъ увѣрить, что война эта—высшая несправедливость со стороны Россіи, что русское правительство жестоко, во всемъ не право, принося въ жертву столькихъ людей—и поэтому японцы приглашаютъ нашихъ солдатъ сложить оружіе и сдаться въ плѣнъ, обѣщая обходиться съ ними любезно; тамъ наши солдаты могутъ отдохнуть и т. д.

Некрасивый пріемъ вести войну!

Но странно, что широковѣщательныя воззванія японцевъ, призывающихъ нашихъ солдатъ къ непослушанію своему правительству, пока не имѣли ровно никакого успѣха. Солдаты смѣются надъ ихъ хитростью, и только.

Въ одинъ изъ передовыхъ отрядовъ солдаты принесли своему командиру японскую прокламацію. Командиръ прочелъ ее и позвалъ къ себѣ свободныхъ отъ службы солдатъ, далъ одному изъ младшихъ офицеровъ прочесть въ слухъ эту прокламацію и по прочтеніи спросилъ солдатъ, что они думаютъ—воевать-ли дальше или сложить оружіе и пойти на отдыхъ въ Японію?

*) Моряки увѣряли, что среди японской эскадры видѣли даже броненосецъ «Яшима».

— Японцы увѣряютъ, что мы несправедливо воюемъ изъ-за Кореи; Корея, дескать, не наша и не нужна намъ. Высказывайте смѣло и открыто ваше мнѣніе! Вамъ за это не грозитъ никакого наказанія, — добавляетъ командиръ.

Солдаты смутились, переминаются между собою — не знаютъ, кому отвѣчать, а кому молчать; наконецъ изъ ихъ среды выступилъ одинъ:

— Такъ что намъ, ваше выскородіе, тутъ нечего и сумлѣваться! Помремъ и за... родную Корею!

— Молодцы!—говоритъ командиръ, и не ожидавшій другого отвѣта.

— Рады стараться ваше выскородіе!—гаркнули всѣ собранные солдаты, довольные тѣмъ, что ихъ говорунъ высказалъ именно то, о чемъ каждый изъ нихъ подумалъ.

«Помремъ и за *родную* Корею» стало веселой поговоркой, но безъ тѣни насмѣшки надъ произнесшимъ это крылатое слово.

Таковъ нашъ солдатъ.

VII. Начало боевъ на Зеленыхъ горахъ.

13/26 іюня. Получивъ приглашеніе отъ друзей артиллеристовъ, пошелъ сегодня на батарею сухопутнаго фронта. Оттуда прекрасно видны и Волчьи и Зеленыя горы, бухта Тахэ и далекій горизонтъ моря. Съ утра около бухты Тахэ было нѣсколько японскихъ миноносцевъ; вдали виднѣлись два судна покрупнѣе. Одинъ изъ молодыхъ офицеровъ повелъ меня на устроенную имъ батарею, показывалъ мнѣ много интереснаго и сказалъ, между прочимъ, что онъ опасается только фланговаго огня съ японскихъ судовъ изъ бухты Тахэ *). На мои дальнѣйшіе разспросы о стойкости крѣпости, онъ почти воскликнулъ:

— Все, что вы здѣсь видите, можетъ быть срыто японскими снарядами, всѣ мы, артиллеристы, можемъ быть перебиты до единаго,—но пока у насъ останутся штыки въ окопахъ, пѣхота,—до тѣхъ поръ японцамъ не взять Артура!

Эта молодая увѣренность ободрила меня, часто мучимаго сомнѣніями при видѣ закулисныхъ неурядицъ въ дѣлахъ крѣпости.

— Не забудьте, что если насъ перебьютъ, то и мы перебьемъ ихъ не мало. Труднѣе взять крѣпость, чѣмъ защищаться!

На батареяхъ уже устроены перевязочные пункты; есть носилки и все необходимое.

Послѣ обѣда съ другой батареи мы увидали довольно красивую картину. Въ бухту Тахэ пришли «Новикъ», канонерки и миноносцы. Японскія суда отодвинулись. Подойдя къ берегу далѣе Лунвантанской долины наши суда начали обстрѣливать занятый японцами берегъ. Особенно красива была

*) Батарея эта и устояла до самой сдачи крѣпости, хотя убійственно обстрѣливалась японцами ежедневно.

стрѣльба съ «Бобра» изъ крупнаго орудія. Въ первый моментъ казалось, что или судно попало на мину, или же въ него попалъ непріятельскій снарядъ. Судно запарило, скрылось въ облакѣ дыма. Но вскорѣ мы поняли, что оно стрѣляло дымнымъ порохомъ, тогда какъ остальныя суда стрѣляли бездымнымъ; на нихъ безпрестанно мелькали огненные языки и желтый дымокъ, скоро уносимый вѣтромъ. Мы ожидали, что японскія суда—одинъ большой крейсеръ, бывшій китайскій броненосецъ «Чинъ-іенъ» и миноносцы, вступятъ въ бой съ нашими, но они оставались все время лишь зрителями.

Работы на батареѣ № 22; командиръ батареи капитанъ Вамензонъ; вдали виднѣются Зеленыя горы и бухта Лунвантань

Въ это же время солдаты, собравшіеся на брустверѣ, указали намъ, что на Зеленыхъ горахъ рвется непріятельская шрапнель. Дѣйствительно, надъ мѣстомъ, гдѣ расположены наши передовыя позиціи стали появляться бѣлые дымки.

— Значитъ, японцы уже близко! — восклицаетъ удивленно молодой, безусый солдатикъ.

— Это и хорошо!—возражаетъ ему бородатый запасной, бывшій уже въ бою на Киньчжоуской позиціи.

Мы переглянулись. На всѣхъ эти простыя, но твердо сказанныя киньчжоусцемъ слова: «это и хорошо», произвели замѣтное впечатлѣніе. Непріятель такъ близокъ къ крѣпости, что мы видимъ дымки его шрапнели и не

у одного уже промелькнула мысль—что будетъ дальше: жизнь или смерть? А тутъ этотъ бородатый артиллеристъ говоритъ такъ спокойно и увѣренно:

— Это и хорошо!..

Когда я вернулся съ батарей, болѣе, чѣмъ когда либо увѣренный, что японцамъ не одолѣть нашей крѣпости, то встрѣтилъ въ городѣ проносимыхъ съ передовыхъ позицій трехъ раненыхъ солдатъ, — я снялъ передъ ними шляпу. Отъ полноты чувствъ хотѣлось крикнуть имъ «ура, героямъ!..» Но опасенія, какъ бы случайные зрители не приписали это желанію похвастаться патріотизмомъ, заставили меня проглотить эти слова и подавить свое волненіе.

Генералъ Кондратенко на позиціяхъ.

14/27 іюня. Утромъ зашелъ ко мнѣ пріятель-артиллеристъ, командующій тѣмъ участкомъ, на который по всему вѣроятію обрушатся японцы, если имъ удастся подойти къ крѣпости. Онъ получилъ только-что письма отъ жены и сына, напѣваетъ веселые мотивы, но самъ невеселъ. Поговорили немного и онъ уходитъ; но вдругъ возвращается. Смотрю на него и вижу — слезы на глазахъ. Молча обнялись мы, молча крѣпко поцѣловались. Я не могъ выговорить ни слова отъ волненія.

Это письма отъ дорогихъ сердцу и неизвѣстное грядущее — сильно взволновали его.

Вопросъ — хорошо-ли получать такія письма, когда готовишься къ смерти?

Отвѣтить на него можно двояко:

Идеальный воинъ не долженъ имѣть связей съ жизнію и любовью, онъ не долженъ дорожить ни жизнью, ни родными. Онъ долженъ быть готовымъ умереть всегда, когда-бы не потребовалось — въ каждую минуту, не жалѣя ни о комъ и ни о чемъ, стремясь лишь къ одному: къ успѣху и побѣдѣ. Долгъ воина — умереть за родину, но продать свою жизнь возможно дороже.

Но, всѣ мы люди, всѣ болѣе воины мирнаго времени и поэтому связаны съ жизнью, съ семьею, съ родными, съ друзьями. У всѣхъ насъ есть кто нибудь, о комъ болитъ сердце, когда идемъ въ смертный бой.

На войнѣ воинъ долженъ быть холоденъ какъ сталь, не знать ни жалости, ни сожалѣній—долженъ лишь хладнокровно взвѣшивать каждый моментъ боя; этого требуетъ отъ него долгъ. Этому онъ учился, къ этому готовился.

Побѣдить или же лечь костьми!

Въ этомъ весь смыслъ воинскаго званія.

Мой другъ любитъ свою семью, любитъ своихъ товарищей-офицеровъ, любитъ и жалѣетъ своихъ солдатъ, какъ свою семью. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ добросовѣстно исполнитъ свой долгъ — долгъ воина, когда это потребуется.

Это мимолетный наплывъ грусти

—

Во вчерашнемъ бою у насъ, какъ сообщаютъ, выбыло до 300 человѣкъ изъ строя, убитыми и ранеными. Японцы завладѣли выдающеюся позиціей —вершиной Куинсана, которую ни генералъ Фокъ, ни начальникъ его штаба, подполковникъ Дмитревскій, не нашли достаточно важной, не смотря на многократныя указанія офицеровъ. Теперь только начинаютъ сознавать, *что* именно потеряно. Грустная исторія. Начинаютъ обвинять капитана 14-го полка Лопатина въ томъ, что онъ не удержалъ горы и отступилъ. Но что-же ему оставалось дѣлать, когда изъ его роты осталась горсть солдатъ противъ цѣлаго полка японцевъ. Говорятъ, что ему было приказано не ввязываться въ бой. Всѣ его просьбы о присылкѣ подкрѣпленій оставлялись безъ вниманія. Его-же предаютъ суду.

Бои на правомъ флангѣ продолжаются.

Интересенъ приказъ генерала Стесселя за № 368.

«Объявляю при семъ выписку изъ телеграммы мнѣ командующаго арміей генералъ-адъютанта Куропаткина: «...Теперь требуется *самая упорная и продолжительная* оборона Артура, на что мы всѣ вполнѣ надѣемся». Генералъ-адъютанту Куропаткину я отвѣтилъ благодарностью и донесъ, что зная духъ защитниковъ, я увѣренъ, что они превзойдутъ даже надежды своего любимаго командующаго арміей.

Мнѣ передавали, что генералъ Стессель, всегда прежде на запросы генерала Куропаткина—не нужно-ли чего доставить въ Артуръ—отвѣчавшій, что ничего не нужно, обратился послѣ паденія Киньчжоу, черезъ корнета

Портъ-Артуръ. Видъ черезъ строющійся Новый европейскій городъ и западный бассейнъ.
Перепелочная гора. Старый городъ и гавань. Золотая гора.

Елкина, съ просьбой о помощи, и получилъ очень непріятную телеграмму *). Генералъ Куропаткинъ будто удивляется, почему понадобилась помощь теперь, когда ее нельзя уже доставить, такъ какъ передъ нимъ стоятъ значительныя непріятельскія силы. Выписка въ приказѣ будто и есть продолженіе депеши, въ которой требуется одно: защищать упорно крѣпость, не разсчитывая на помощь и т. д.

Узнаемъ, что солдаты на передовыхъ позиціяхъ изорвали по скаламъ одежду, особенно обувь, и нуждаются во многомъ. Подошвъ уже нельзя купить въ городѣ. Недостатокъ и во многомъ другомъ; во всемъ проявляется мало предусмотрительности.

Жители начали собирать между собой деньги, покупать и посылать нашимъ защитникамъ, кто что можетъ, бѣлье, табакъ, чай, сахаръ.

Рѣшено устроить въ городѣ, за счетъ города, безплатныя чайныя, гдѣ солдаты, приходящіе по дѣламъ, съ позицій и уходящіе на позиціи, идущіе съ работъ и на работы, могли-бы попить чаю. Тамъ-же будутъ раздаваться имъ безплатно папиросы. Мысль симпатичная **).

Погода стоитъ довольно жаркая.

Объ адмиралѣ Скрыдловѣ нѣтъ никакихъ вѣстей; никто не знаетъ, прибудетъ-ли онъ къ намъ, или нѣтъ.

Назначеніе его командующимъ флотомъ было обрадовало всѣхъ; но онъ что-то не поторопился съ выѣздомъ. И вотъ—насъ отрѣзали. Миноносецъ «Лейтенантъ Бураковъ» ходилъ уже нѣсколько разъ въ Инкоу. Мы ожидали, что Скрыдловъ прибудетъ на немъ.

*) Какъ нынѣ выяснилось, другая, «очень непріятная» телеграмма была получена генераломъ Стесселемъ отъ намѣстника. Адмиралъ Алексѣевъ, получивъ правдивыя донесенія о причинахъ паденія Киньчжоускихъ позицій — о томъ, что Киньчжоускія позиціи пали только благодаря отсутствію распорядка со стороны генераловъ Стесселя и Фока, а не отъ того, что на этихъ позиціяхъ нельзя было держаться,—возмущенный неподготовленнымъ очищеніемъ Таліенвана и Дальняго (при чемъ всѣ милліонныя сооруженія попали въ руки непріятеля) — и убѣдившись, изъ полученныхъ свѣдѣній о хозяйничаньи генерала Стесселя, что послѣдній не можетъ принести защитѣ крѣпости никакой пользы, предписалъ ему – какъ главнокомандующій – немедленно сдать командованіе генералу Смирнову и прибыть въ Мукденъ, выѣхать въ Инкоу на миноносцѣ «Лейтенантъ Бураковъ». Генералу Стесселю было предписано передать копію этого приказа генералу Смирнову; онъ этого не исполнилъ,—сознавая, что въ такомъ случаѣ комендантъ заставитъ его немедленно покинуть крѣпость,—а обратился къ генералу Куропаткину со слезницею—что онъ, дескать, служилъ на Квантунѣ и ему-бы хотѣлось умереть тутъ-же и поэтому проситъ оставить его въ Артурѣ. Генералъ Куропаткинъ послалъ просьбу генерала Стесселя въ Петербургъ (помимо намѣстника, съ которымъ онъ не ладилъ); въ Петербургѣ же имѣли совершенно невѣрныя понятія о генералѣ Стесселѣ—и его оставили въ Артурѣ. И въ Петербургѣ не сочли нужнымъ запросить адмирала Алексѣева, почему тотъ отзываетъ генерала Стесселя изъ Артура... Фактъ характерный для выясненія причинъ нашихъ несчастій въ минувшую войну.

**) Такія безплатныя чайныя были устроены и морскимъ вѣдомствомъ, и на частныя средства, напримѣръ, чиновниками контроля.

Въ послѣднее время возникло сомнѣніе—пріѣдетъ-ли онъ вообще къ намъ, стремится-ли онъ сюда?

Не вѣримъ, чтобы онъ не могъ пріѣхать, если-бы у него было на то сильное желаніе.

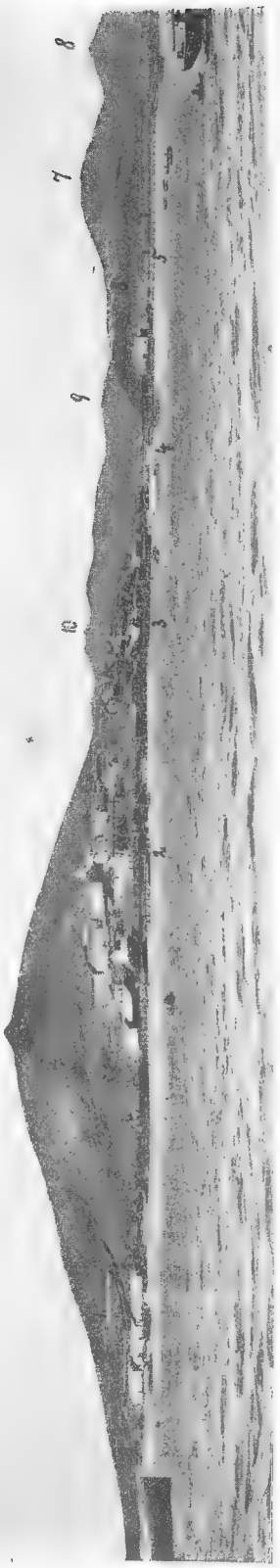
Говорятъ, что онъ не ладитъ съ намѣстникомъ; у нихъ будто есть какіе-то личные счеты... Это что-то ужасное, прямо преступное! подводить въ данное время личные счеты, когда интересы отечества въ величайшей опасности!

Мнѣ сообщали на-дняхъ, что «Лейтенантъ Бураковъ» собирался пойти еще разъ въ Инкоу, Сеньюченъ или въ другой условный пунктъ въ томъ-же направленіи, съ секретнымъ порученіемъ.

Не состоитъ-ли это секретное порученіе въ томъ. что онъ долженъ принять и доставить сюда Скрыдлова?

18 іюня (1 іюля). Со времени возвращенія нашего флота въ гавань почти каждую ночь японцы пытаются атаковать миноносцами наши сторожевыя суда, выставленныя нарочно на рейдѣ. Это настоящая охота «съ поросенкомъ». Крейсеръ «Діана» поставленъ за японскимъ брандеромъ и кромѣ того огражденъ еще сѣтками, такъ что мина никакъ не можетъ попасть въ него, крейсеръ стрѣляетъ вмѣстѣ съ батареями по атакующимъ японскимъ миноносцамъ, нанося имъ почти всегда чувствительный уронъ.

Долгое отсутствіе миноносца «Лейтенантъ Бураковъ» вызы-



Портъ-Артуръ. Видъ со входа въ гавань: 1) кладбище; 2) Мертвый уголъ; 3) Перепелочная набережная; 4) мостъ черезъ бухту Таучинъ; 5) Банковская набережная; 6) Военная гора; 7) Большая гора; 8) Опасная гора; 9) Залитерная гора и 10) Орлиное гнѣздо.

ваетъ опасеніе за его судьбу. Онъ, оказывается, дѣйствительно ушелъ съ оффиціальной почтой и все еще не вернулся. Хотя онъ и принадлежитъ къ самымъ быстроходнымъ, но все же его могли окружить большія силы.

По городу разнесся «секретъ», что готовится большая внезапная вылазка противъ японцевъ. Говорятъ, разсказалъ этотъ «секретъ» генералъ Фокъ, возстающій противъ этой вылазки. Если всѣ «секреты» будутъ храниться такъ и впредь, то японцы узнаютъ черезъ китайцевъ объ нихъ раньше, чѣмъ мы успѣемъ собраться что либо сдѣлать.

Многіе изъ жителей уѣзжаютъ на джонкахъ въ Чифу. Удастся ли имъ прорвать блокаду, неизвѣстно.

20 іюня (3 іюля). Вмѣсто задуманной «секретной» вылазки нашъ правый флангъ началъ еще вчера открытое нападеніе, подъ руководствомъ генералъ-маіора Кондратенко, и отбросилъ непріятеля съ занятыхъ имъ позицій; гору Куинсанъ не удалось еще взять обратно, но наши позиціи обхватываютъ ее подковообразно.

На дняхъ привезли съ позицій два трупа: японца и русскаго. Оказывается, что это часовые передовыхъ постовъ.

Они сперва ранили одинъ другого пулей, потомъ пошли въ штыки и закололи другъ друга. Прибѣжавшіе на выстрѣлы нашли ихъ уже мертвыми.

Коротко и ясно; надоѣло ожидать битвы и сразились между собою.

Ихъ привезли на одной двуколкѣ, похоронили въ одной могилѣ. Миръ праху вашему, достойные сыны отечества!

Сегодня утромъ прибылъ миноносецъ «Лейтенантъ Бураковъ», привезъ съ собой изъ сѣверной арміи военнаго корреспондента Б. Л. Тагѣева и адъютанта генерала Стесселя—князя Гантимурова, почту и нѣсколько газетъ, въ томъ числѣ «Вѣстникъ Маньчжурской Арміи», издающійся въ Ляоянѣ.

Адмиралъ Скрыдловъ не прибылъ и нѣтъ вѣстей, чтобы онъ собирался пробраться къ намъ. Это непріятно. Значитъ нечего на него и разсчитывать. Развѣ онъ явится сюда изъ Владивостока?

21 іюня (4 іюля). Вчера послѣ обѣда пришлось пережить своеобразно прелестные моменты, которые едва ли въ другое время возможны.

Былъ чудный день и поэтому я отправился съ женой погулять на берегъ моря, подышать свѣжимъ, морскимъ воздухомъ и по пути провѣдать проживающаго на дачныхъ мѣстахъ пріятеля-врача. Онъ занимаетъ здѣсь пустовавшую дачу въ большомъ саду, самую близкую къ берегу, на пригоркѣ, и проводитъ здѣсь свои свободные отъ занятія и дежурствъ въ Красномъ Крестѣ часы: отдыхаетъ здѣсь душой и тѣломъ.

Ему пришлось быть свидѣтелемъ послѣднихъ минныхъ атакъ—любоваться величественнымъ зрѣлищемъ ночныхъ береговыхъ боевъ. Жить здѣсь далеко не безопасно—дача изрядно изрѣшетена осколками японскихъ сна-

рядовъ; въ оврагѣ за дачей лежитъ цѣлый 12-дюймовый снарядъ, попавшій туда еще во время первыхъ бомбардировокъ.

Полюбовались прекрасной синевой почти зеркально спокойнаго моря, мрачнымъ видомъ затопленныхъ на ближнемъ рейдѣ японскихъ брандеровъ-заградителей и мирно возвращающимися въ гавань тралящимъ караваномъ и минными катерами. Посмотрѣли на возвращающіеся изъ бухты Тахэ канонерки и миноносцы, ходившіе отгонять японскія суда; стрѣлять же по врагу имъ было невозможно изъ опасенія не поражать своихъ. И это случалось уже не разъ.

Тѣмъ временемъ поспѣлъ чай у хлѣбосольнаго хозяина. Подъѣхали верхами другіе гости; появились знакомыя дамы.

Привалъ подъ Опасной горой.

Ну, чѣмъ не веселый пикникъ?

Съ правой стороны отъ насъ Электрическій утесъ со своими громадными пушками; за нимъ высится Золотая гора; слѣва лагерная батарея. Такъ какъ она очень близка, то начавшій тамъ играть военный оркестръ веселилъ насъ не менѣе, чѣмъ собравшихся тамъ солдатъ.

Какъ хорошо было бы, если бы вдругъ появились на горизонтѣ суда Балтійской эскадры! Блокада со стороны моря была бы снята; мы получали бы снова регулярно почту—знали бы что творится на бѣломъ свѣтѣ,—могли бы сообщить своимъ роднымъ, что мы еще живы, здоровы,—что всѣ эти ужасы, которые сообщались о Портъ-Артурѣ, неправда. По этимъ фантастическимъ свѣдѣніямъ Артуръ давно уже весь выгорѣлъ и камня на камнѣ не осталось въ немъ.

А мы, вотъ, какъ хорошо проводимъ праздникъ!

Съ передовыхъ позицій не доносится сюда ни одинъ выстрѣлъ. Какъ будто и нѣтъ войны.

Но—Балтійскій флотъ едва ли вышелъ уже, да, выйдетъ ли онъ вообще сюда?

— Ну, хотя бы японцы появились на горизонтѣ!—говоритъ кто-то.— Мы бы посмотрѣли отсюда, каковы они на морѣ, въ лучахъ вечерняго солнца.

— Въ такомъ случаѣ,—замѣчаетъ хозяинъ,—вамъ, господа, пришлось бы, пожалуй, утекать отсюда.

И разговоръ оживляется на эту тему.

Стоитъ ли утекать?—снарядъ или осколокъ можетъ всюду настичь. Спрятаться въ оврагъ? Но тамъ уже лежитъ такой огромный снарядъ. Попади туда хотя небольшой и разорвись, то и тамъ нѣтъ спасенія.

— На горизонтѣ дымки!

— Японцы!

И всѣ мы кидаемся къ забору сада, поближе къ морю, чтобы лучше разсмотрѣть японцевъ, при помощи биноклей и невооруженными глазами.

Одинъ, два три—четыре дымка. Вскорѣ вырисовываются и суда. Это 4 контръ-миноносца. Они подходятъ все ближе и ближе къ намъ. Ихъ можно уже хорошо различить простымъ глазомъ.

На Лагерной батареѣ оркестръ играетъ веселый маршъ. Будто встрѣчаетъ музыкой врага.

Вотъ, они подошли, по нашему, довольно близко.

Мы не можемъ опредѣлить разстоянія ни въ кабельтовахъ, ни въ морскихъ миляхъ, ни даже въ верстахъ. Для этого нуженъ особый опытъ.

Вотъ они стали бокомъ къ намъ.

— Навѣрно, подлецы, привезли новую порцію плавучихъ минъ!

Бахъ!.. и мы всѣ вздрогнули; кто-то даже отскочилъ отъ забора. Лагерная батарея послала свой первый привѣтъ непріятелю. И на Электрическомъ утесѣ, и на Золотой горѣ зорко наблюдаютъ за японцами.

Медленно подымается на Лагерной батареѣ жерло другой пушки; сверкнулъ огонь съ клубомъ дыма и снова—бахъ!

Стараемся разглядѣть куда упалъ снарядъ—не попало ли непрошеннымъ гостямъ. Но разглядѣть трудно. Перелетъ или недолетъ; если бы было попаданіе, то увидали бы взрывъ снаряда. Еще и еще выстрѣлъ, но все же паденія снаряда не видимъ.

Японцы повернули въ море и вскорѣ скрылись съ глазъ.

Мы пошли продолжать прерванное чаепитіе.

Снова заигралъ оркестръ на Лагерной батареѣ, звуки полились какъ будто еще веселѣе.

Солнце садилось уже за горизонтъ, когда мы простились съ радушнымъ хозяиномъ, поблагодаривъ его за никогда еще неиспытанное удовольствіе. Онъ старался увѣрять насъ, что онъ тутъ не причемъ и просилъ лишь не забывать его и впредь—пока всѣ живы и здоровы...

Идемъ домой. На перевалѣ изъ дачныхъ мѣстъ къ городу слышна другая музыка—на Николаевскомъ бульварѣ играетъ флотскій оркестръ для гуляющей публики.

Снова начинается цѣлая канонада... Ахъ—это рвутъ, въ строющемся новомъ докѣ скалы. Взрывы эти не пугаютъ никого; мы слышимъ ихъ ежедневно, въ извѣстные часы.

Идемъ дальше.

Все смолкло—тишина. Чу—издали несутся стройные звуки. И въ Новомъ европейскомъ городѣ, около «Звѣздочки» играетъ оркестръ.

Вотъ уже совсѣмъ стемнѣло и все стихло. Мы пошли еще посидѣть въ садикѣ подполковника А. противъ гавани. На военныхъ судахъ пропѣли

Десантъ съ «Цесаревича» въ порту.

стройнымъ хоромъ вечернія молитвы и снова все затихло, какъ бы погрузилось въ сонъ.

Не успѣли мы дойти до дому, какъ снова послышались выстрѣлы на морѣ; стрѣльба довольно частая.

— Должно быть снова пошла охота на «поросенка» передъ гаванью!— подумали мы.

И угадали. Японскіе миноносцы подкрались довольно искусно и выпустили мины Уайтхэда по направленію крейсера; мины взорвались объ заграживающій приманку брандеръ; по миноносцамъ же открыли убійственный огонь. Увѣряютъ, что только одному удалось уйти и то съ поврежденіями; другого потопили.

Сегодня утромъ вышли «Новикъ», канонерка и миноносцы къ Сяобин-дао и открыли по мѣсту расположенія противника огонь; если суда эти и не нанесли японцамъ большого вреда, то все же содѣйствовали, и даже съ нѣкоторымъ успѣхомъ, сухопутнымъ войскамъ, продолжавшимъ наступленіе.

Попытки взять обратно Куинсанъ не удались; японцы укрѣпились на немъ съ пулеметами. Атаки велись противъ этой потерянной нами позиціи сильныя. Впереди своего 13-го полка пошелъ на штурмъ командиръ, безусловно храбрый князь Мачабелли *); сообщаютъ, что и генералъ Кондратенко водилъ нѣкоторые колонны въ бой. Но отряды таяли подъ убійственнымъ огнемъ пулеметовъ. И все же можно было еще надѣяться овладѣть вершиной, если бы генералъ Фокъ не прекратилъ атаки съ лѣвой стороны Куинсана, называя этотъ штурмъ напрасной тратой людей.

Все у него напрасная трата людей!.. Но, кто-же ему велѣлъ отдать Куинсанъ японцамъ!

Впрочемъ, *отдача* кажется спеціальностью этого генерала. Отдалъ Киньчжоу, отдалъ Куинсанъ, отдастъ, пожалуй, и Артуръ!

Зеленыя горы вновь въ нашихъ рукахъ, но ключъ позицій—Куинсанъ, остался въ рукахъ японцевъ, откуда они могутъ прекрасно наблюдать за всѣми движеніями нашихъ войскъ, за попаданіемъ снарядовъ и т. д. и т. д.

VIII. Слезы обиды.

22 іюня (5 іюля). Не могу не привести чудное стихотвореніе Вельяминова **), напечатанное въ «Новомъ Краѣ», какъ-бы выражающее нашъ общій вздохъ, стонъ о погибшемъ, незамѣнимомъ адмиралѣ Макаровѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе чувствуется его потеря — тѣмъ болѣе становится яснымъ, что не погибни онъ, вся картина войны была-бы совсѣмъ иная. Что и какъ сложилось-бы при его участіи, конечно, немыслимо точно опредѣлить, но одно ясно — многое не происходило-бы такъ печально, какъ сейчасъ. Главное, его духъ ободрялъ-бы насъ всѣхъ; не было-бы колебаній, нерѣшительности и путаницъ. Поэтому,—да проститъ мнѣ авторъ,—привожу это стихотвореніе здѣсь цѣликомъ.

Видѣніе матроса.

Самъ я съ собой совладать не могу,—
Былъ-бы хоть сонъ, а вѣдь то на яву...
Какъ-то я ночью на стражѣ стоялъ;
Было темно ужъ, по морю бѣжалъ
Лишь безпокойный прожектора лучъ,

*) Отмѣчаемъ это здѣсь потому, что не слыхали, чтобы кромѣ полковника Третьякова (5-го полка) еще кто-либо изъ командующихъ полками показывали такіе примѣры личной храбрости.

**) Одинъ изъ храбрыхъ защитниковъ Артура, артиллеристъ, капитанъ, кандидатъ на судебную должность — командовалъ Саперной батареей; былъ раненъ и остался въ строю.

Да иногда выходилъ изъ-за тучъ
Мѣсяцъ, и снова скрывался изъ глазъ.
Вдругъ—это было въ полуночный часъ—
Вижу идетъ броненосецъ;—у насъ
Всѣ ужъ стояли тогда на мѣстахъ.
Самъ я не знаю—объялъ меня страхъ:
Мнѣ-бы тревогу скорѣе поднять,—
Я-жъ неподвижнымъ остался стоять...
Что-то родное въ немъ видѣлось мнѣ.
Судно скользило по сонной волнѣ...
Ближе и ближе... И тутъ я узналъ,
То «Петропавловскъ» нашъ къ намъ подплывалъ;
Свѣтомъ какимъ-то особымъ облитъ,
Словно алмазами весь былъ покрытъ.
Шелъ онъ на рейдъ и, вотъ, сталъ, гдѣ стоялъ...
Только гляжу я, съ него адмиралъ
Дѣдушка, сходитъ такой, какъ всегда,—
По вѣтру вьется его борода;
Смотритъ такъ ясно, такъ смѣло впередъ;
Слѣдомъ за нимъ его штабъ весь идетъ.
Много народу у бухты стоитъ,
Что-то такое онъ имъ говоритъ;
Машетъ рукою, знать катеръ зоветъ;
Вижу, и катеръ къ нему ужъ плыветъ.
Сѣлъ онъ, смѣется открытымъ лицомъ,
Словно, какъ было предъ страшнымъ тѣмъ днемъ...
Днемъ, когда скрылся на вѣкъ подъ волной
Воинъ съ великою русской душой.
Сѣлъ онъ, и катеръ съ нимъ въ море плыветъ,
Дальше и дальше, впередъ все впередъ!!..
Скоро туманъ поднялся надъ волной,
Небо смѣшалось съ сѣдой глубиной...
Скрылся и катеръ совсѣмъ ужъ изъ глазъ...
Я вдругъ очнулся, ночной то былъ часъ;
Холодъ какой-то по мнѣ пробѣжалъ;
Спать-же—я помню—тогда я не спалъ;
Было все то не во снѣ—на яву.
Съ этой поры совладать не могу
Съ думой, что камнемъ на сердцѣ лежитъ;
Дѣдушка все предо мною стоитъ.
Волны чернѣютъ, бушуютъ кругомъ,
Онъ-же стоитъ съ просвѣтленнымъ лицомъ,
Смѣло куда-то стремяся впередъ...
Знать и теперь онъ лишь нами живетъ,
Сердцемъ великимъ о насъ лишь скорбитъ,
Съ нами на морѣ всюду стоитъ...
Слово какое-то хочетъ сказать...
Только не всякій-то можетъ понять
Мертваго тихую, тихую рѣчь!
Можетъ въ могилу не можетъ онъ лечь,
Спать безпробуднымъ, таинственнымъ сномъ
Прежде, чѣмъ слово то всѣ мы поймемъ.
Все-же какой-то мнѣ голосъ твердитъ—
Будетъ яснѣе онъ намъ говоритъ!

И, какъ наступитъ таинственный часъ—
Съ моря теперь не свожу я ужъ глазъ,—
Жду не дождуся, когда онъ прійдетъ.
Вотъ и теперь часъ ночной настаетъ;
Пусть засыпаетъ—кто можетъ лишь спать,—
Я-же на стражѣ вновь буду стоять.

Слезы навертываются, когда читаешь и теперь,—уже въ сотый, быть можетъ, разъ,—это дивное стихотвореніе,—когда оживишь то наше безконечное горе, которое картинно вылито въ немъ поэтомъ. Ждетъ не дождется бѣдный матросъ своего «Дѣдушки»; ждетъ не дождется его толпа околс бухты. А онъ не можетъ вернуться. Подыметъ-ли кто выпавшее изъ мертвой руки знамя,—будетъ-ли кто держать его такъ высоко?..

Наши офицеры наблюдаютъ за боемъ.

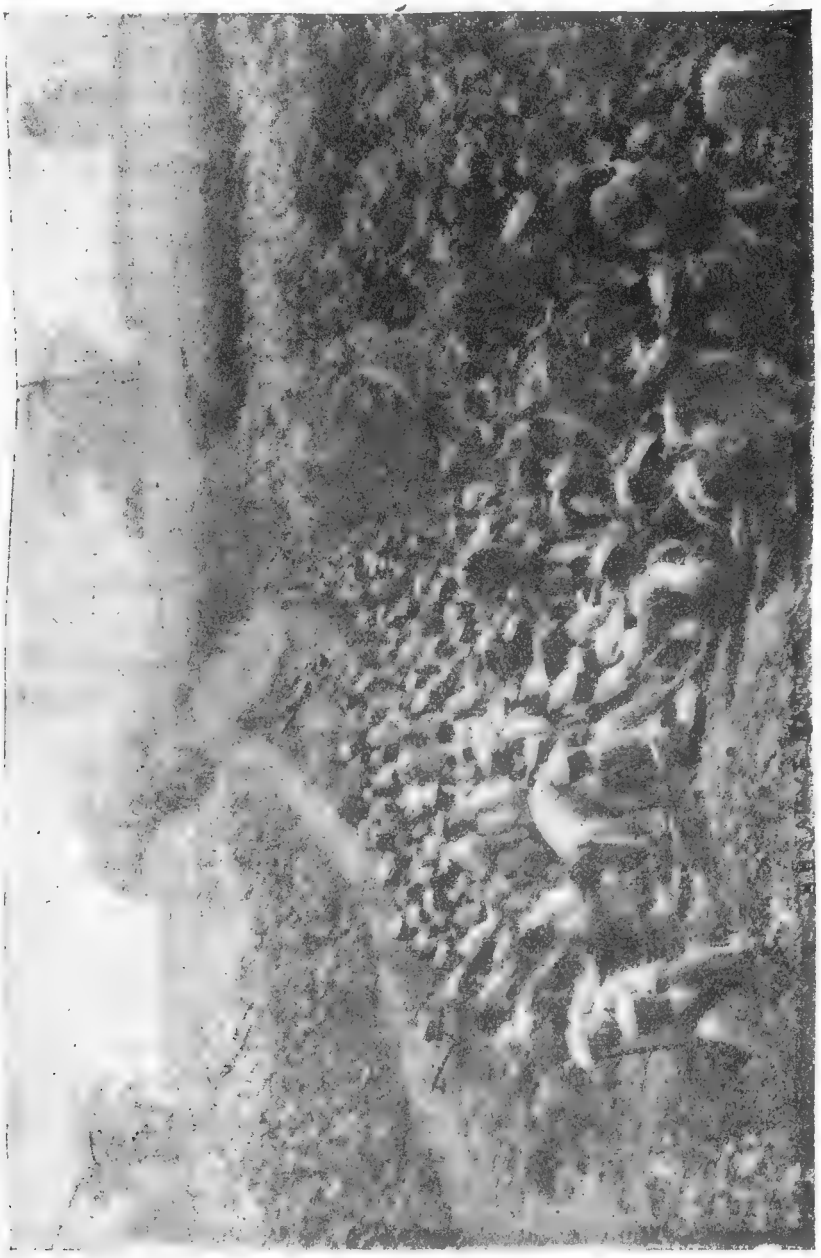
Полученныя здѣсь извѣстія о потопленіи Владивостокской эскадрой японскихъ транспортовъ произвели очень ободряющее впечатлѣніе. Но въ то же время это отзывается горькимъ укоромъ по адресу нашей эскадры, лежащей въ гавани.

IX. Японцы наступаютъ.

28 іюня (11 іюля). На-дняхъ японцы вновь высадили въ Дальнемъ около 20,000 солдатъ; никто имъ въ этомъ не препятствуетъ. Нашъ флотъ ограничивается береговыми вылазками.

Сегодня, будучи вновь на батареяхъ, былъ свидѣтелемъ характерной сцены. Одинъ взводъ 6-дюймовыхъ полевыхъ мортиръ, подъ командой подпоручика Кальнина, съ Заредутной батареи, былъ отправленъ на передовыя позиціи, у Куинсана; сегодня уходитъ туда-же второй взводъ подъ ком. подпоручика Дударова, съ Куропаткинскаго люнета. Дударовъ вернулся съ

люнета видимо утомленный и говорилъ, что замаялся при выборѣ команды. Что и какъ онъ не успѣлъ объяснить; его вызвали изъ барака по дѣлу. Въ то время, какъ Дударовъ собирался вновь войти въ офицерскій баракъ, къ нему подбѣгаетъ съ виду очень смущенный солдатъ. Подпоручикъ оста-



Японцы наступаютъ.

новился и выслушалъ солдата, который затѣмъ побѣжалъ отъ него повидимому обрадованный.

У меня мелькнула мысль, что этому солдатику вѣроятно не хотѣлось сейчасъ идти въ огонь и онъ нашелъ себѣ охотника-замѣстителя. Нужно было добыть только разрѣшеніе на то командира Его виновато-смущенный видъ говорилъ именно за что-то подобное.

— Чистое горе мнѣ съ солдатами,—сказалъ намъ Дударовъ, какъ-бы отвѣчая на наши вопросительные взгляды, — всѣмъ хотѣлось бы къ Куинсану. Пробовалъ вызвать охотниковъ — выступаютъ всѣ. Говорю, что не могу-же взять всѣхъ, что каждый успѣетъ еще не разъ побывать подъ огнемъ. Ничто не помогаетъ. Выстроилъ, отсчиталъ — нѣтъ, просятся и другіе. Тогда я началъ придираться къ амуниціи, одеждѣ и обуви, находя то у одного, то у другого что-либо въ безпорядкѣ, ненадежнымъ. Такимъ образомъ насильно отсортовалъ. Этотъ солдатикъ, который только-что приходилъ, забракованъ за то, что у него сапоги стоптаны. Такъ, что-же вы думаете,—успѣлъ купить себѣ пару совершенно новыхъ сапогъ и присталъ таки, чтобы я его не обидѣлъ!.. Пришлось пообѣщать. Придется кого нибудь изъ стариковъ-запасныхъ оставить насильно, а взять его.

Вотъ какъ истомились наши солдаты въ ожиданіи того, что имъ грозитъ—въ ожиданіи кроваваго спора. Каждому хотѣлось-бы возможно скорѣе сразиться съ противникомъ, отплатить за нанесенную намъ обиду; скорѣе умереть, если это суждено, чѣмъ томиться подъ гнетомъ бездѣйствія и неизвѣстности въ то время, когда товарищи дерутся, проливаютъ свою кровь.

Проводили мы этого красиваго симпатичнаго горца, вѣчно грустнаго, но фаталистически спойкойнаго, съ самыми сердечными пожеланіями успѣха и возвращенія здоровымъ *).

Одновременно съ нимъ отправился къ Куинсану прибывшій оттуда утромъ подпоручикъ полевой артиллеріи (бывшій студентъ Петербургскаго университета) Соколовскій, который описалъ намъ прекрасное состояніе духа нашихъ войскъ тамъ, на передовыхъ позиціяхъ; объяснилъ все значеніе нашей потери вершины Куинсана. Досадовалъ на то, что у насъ нѣтъ даже сносной карты мѣстности, гдѣ приходится сражаться.

На картахъ, имѣвшихся на батареяхъ, не оказалось ни Зеленыхъ горъ, ни Куинсана...

10/23 Іюля. Вчера, по случаю тумана, 6 японскихъ миноносцевъ подошли слишкомъ близко къ крѣпости. По нимъ стрѣляли, но результаты неизвѣстны. Поздно вечеромъ японцы подбуксировали двѣ шаланды, по которымъ наши батареи выпустили массу снарядовъ. Шаланды, конечно, были разстрѣляны въ дребезги, но во время возни съ ними прозѣвали подтащившихъ шаланды миноносцевъ и орудовавшаго между тѣмъ миннаго заградителя. Досаднѣе всего то, что этотъ заградитель, привезшій и выгрузившій здѣсь, у гавани, партію минъ, запутался въ спеціально поставленныя нами сѣти и былъ-бы въ нашихъ рукахъ, если бы наши миноносцы вышли во время на рейдъ (а времени, кажется, было довольно). Утромъ только увидали, что благодаря тому же туману японцамъ удалось не только высвободить

---

*) Эдигей Иналовичъ Дударовъ — кавказецъ, магометанинъ. Былъ уже въ Киньчжоускомъ бою, гдѣ командовалъ батареей.

и отбуксировать свое судно въ безопасную даль, но и увести его совсѣмъ *). И вотъ, мы снова дали себя обмануть ловкимъ маневромъ съ шаландами и прозѣвали миннаго заградителя.

Жители относятся теперь совершенно равнодушно къ стрѣльбѣ на морскомъ фронтѣ и заняты всецѣло снабженіемъ сражающихся на передовыхъ позиціяхъ всѣмъ необходимымъ. Постоянно получаются самыя искреннія благодарности нашихъ защитниковъ за присылаемые подарки. Особенно цѣнно для солдатъ бѣлье, такъ какъ они сильно обносились, двигаясь между скалъ и кустовъ. Всѣ женщины города заняты шитьемъ бѣлья, на которое всѣ жертвуютъ, кто чѣмъ можетъ – кто деньгами, а кто матеріаломъ.

Городскія безплатныя чайныя считаются нашими солдатами большимъ благодѣяніемъ. И отдыхаютъ они тамъ, и подкрѣпляются, освѣжаются

Походная солдатская кухня.

и,—какъ они сами говорятъ,—усталости, какъ не бывало—идешь снова на работу, на позиціи, благословляя добрыхъ людей.

Говорятъ, что между шаландами, прибуксированными японцами и разстрѣлянными нашими батареями оказалась и та, на которой отправились въ Чифу наши военные корреспонденты г.г. Тагѣевъ и Купчинскій. На ней будто нашли частныя письма, отправленныя съ ними отсюда. Уѣхавшій раньше корреспондентъ «Русскаго Слова» М. Ѳ. Черниховскій прибылъ благополучно въ Чифу и выѣхалъ оттуда на пассажирскомъ параходѣ въ Инкоу.

12/25 Іюля. Наконецъ случайно доставили корреспонденцію и я получилъ письма отъ родныхъ!—Долго шли они, почти три мѣсяца.—Не бывшій въ томъ положеніи въ какомъ мы сейчасъ находимся, не можетъ себѣ представить той радости, тѣхъ слезъ, которыя текутъ сами собою при полученіи этихъ дорогихъ строчекъ съ пожеланіями, съ Божіей помощью,

*) Въ японскихъ свѣдѣніяхъ говорится только о «пострадавшемъ минномъ заградителѣ». Изъ этого слѣдуетъ заключить, что имъ удалось его исправить, хотя судно пострадало въ значительной степени. О легкихъ поврежденіяхъ японцы не сообщали.

все пережить и уцѣлѣть. Письма эти радуютъ, но и снова напоминаютъ намъ весь ужасъ того положенія, къ которому мы, казалось, привыкли —про который мы какъ-бы забыли.

Насъ постигло новое несчастіе. Высланные вечеромъ въ бухту Тахэ три миноносца «Лейтенантъ Бураковъ» (совершившій нѣсколько удачныхъ рейсовъ въ Инкоу и удачно ушедшій въ послѣдній разъ отъ погони), «Боевой» и «Грозящій», дежурившіе въ бухтѣ, были атакованы японцами, при чемъ «Лейтенантъ Бураковъ» поврежденъ такъ сильно, что нѣтъ никакой надежды на его спасеніе; «Боевой» получилъ серьезное поврежденіе, но приведенъ въ гавань уцѣлѣвшимъ «Грозящимъ». Благодаря туману и темнотѣ японскія миноноски или даже минные катера пробрались къ нимъ вдоль берега, зашли имъ въ тылъ и выпустили по нимъ мины. Когда эти миноноски проходили вдоль берега, съ нихъ, говорятъ, былъ слышенъ довольно громкій русскій говоръ—русская ругань; этимъ японцы обманули часовыхъ. Но это не оправданіе—ясно, что бдительность у насъ плоха. Послѣ катастрофы произошла сумятица; и даже ближайшія батареи не могли разстрѣлять нападавшихъ, изъ опасенія поражать своихъ, тѣмъ болѣе, что не знали, что именно случилось. На миноносцахъ 4 убитыхъ и нѣсколько раненыхъ.

Особенно жалѣемъ мы гибель «Лейтенанта Буракова»—одного изъ нашихъ лучшихъ миноносцевъ, оказывавшаго намъ столь важныя услуги.

Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Изъ сѣверной арміи прибылъ штабсъ-капитанъ Кичеевъ и привезъ съ собой 1500 вытяжныхъ артиллерійскихъ трубокъ, которыхъ у насъ мало. Его принялъ, за огромное вознагражденіе, французскій пароходъ изъ Инкоу, подвезъ его противъ Артура и спустилъ на вельботѣ чуть ли не на 60 миль разстоянія отъ берега. Счастіе помогло и офицеръ со своимъ вѣстовымъ добрался благополучно до берега. Онъ будто просилъ дать ему больше трубокъ, но ему въ этомъ отказали, не надѣясь на то, что ему удастся пробраться благополучно въ крѣпость. Удастся ли намъ получить еще что нибудь изъ Сѣверной арміи, сомнительно, такъ какъ японцы усилили блокаду съ моря и разстрѣляли уже не одну китайскую джонку, идущую въ Артуръ. Кичеевъ разсказывалъ, что въ Ляоянѣ безшабашное пьянство.

На позиціяхъ японцы все это время только укрѣплялись, отстрѣливаясь только ружьями и пулеметами. На нашъ артиллерійскій огонь они не отвѣчаютъ. Вокругъ Куинсана устроили проволочныя загражденія и впереди нихъ протянули проволоку, увѣшанную пустыми жестянками изъ подъ консервовъ, чтобы этимъ предупредить могущее быть внезапное ночное нападеніе. Всѣ попытки нашихъ смѣльчаковъ остаются пока безъ особыхъ результатовъ—Куинсанъ находится все еще въ рукахъ японцевъ.

Разсказываютъ, что японцы сламываютъ китайскія деревушки для того чтобы бревнами и брусьями, добытыми этимъ путемъ, укрѣпить занятыя

позиціи. Такъ какъ китайцы строятъ свои фанзы изъ камня и глины, то лѣсного матеріала въ нихъ очень мало. Но и подвозить изъ Дальняго этотъ матеріалъ по горнымъ тропинкамъ немыслимо.

Переходъ нашихъ стрѣлковъ въ знойный день.

Объѣзжалъ сегодня батареи нашего сухопутнаго фронта. Все зеленѣетъ и отъ всего вѣетъ такой мирной жизнью, что трудно себѣ представить, что въ этихъ оврагахъ, на этихъ склонахъ и кручахъ, на этихъ батареяхъ и

редутахъ въ недалекомъ будущемъ должны произойти кровопролитныя сраженія, леденящія сердце сцены.

Быть можетъ непріятелю не удастся прорвать наши передовыя позиціи, не удастся подойти къ крѣпости раньше, чѣмъ къ намъ подоспѣетъ помощь и выручка *).

Въ послѣднее время упорядочена перевозка раненыхъ съ передовыхъ позицій. Ихъ привозятъ на рикшахъ, на извозчикахъ,—которые предложили добровольно свои услуги, а главное, организована перевозка раненыхъ на 2-хъ велосипедахъ, скрѣпленныхъ между собой разборной рамой. Это самое удобное и самое быстрое передвиженіе. Велосипеды катятся легко, не производятъ мучительнаго для раненыхъ трясенія. Сдавши раненаго, велосипедисты разбираютъ соединительную раму и мчатся снова на позиціи. На перенесеніе же раненыхъ на носилкахъ до желѣзной дороги требуется много людей; на обозныхъ же двуколкахъ и въ санитарныхъ фургонахъ раненые испытываютъ страшныя мученія, пока ихъ везутъ по горнымъ дорогамъ. Эти фургоны что-то ужасное—скорѣе орудія пытки, чѣмъ облегченія страданій.

13/26 іюля. Съ ранняго утра слышна канонада на правомъ флангѣ нашихъ передовыхъ позицій. Еще вчера получилось извѣстіе, что нужно ожидать наступленія японцевъ. Наши суда вышли въ море, чтобы обстрѣливать берегъ. Привозятъ раненыхъ, но свѣдѣній о ходѣ боя достать нельзя.

14/27 іюля. Вчера всѣ позиціи, несмотря на отчаянныя атаки японцевъ, остались за нами. По разсказамъ вернувшагося съ позицій капитана Ж. уронъ японцевъ не менѣе 3000 чел.; наши потери не достигаютъ пока 200 человѣкъ убитыми и ранеными.

Во время морской перестрѣлки наши суда нанесли, какъ сообщаютъ, поврежденія японской канонеркѣ и крейсеру «Итсукушима». Въ то же время крейсеръ «Чіода» нарвался на мину, но оправился—должно быть подвелъ пластырь—и ушелъ къ Дальнему.

Сегодня идетъ бой съ половины четвертаго утра. Отдаленный грохотъ пушекъ не умолкаетъ. Иногда стрѣляютъ только залпами.

Страшно подумать, какія адскія орудія, какіе сокрушительные снаряды придуманы лишь для того, чтобы истребить, какъ можно больше людей—этихъ хлипкихъ, хрупкихъ созданій!..

А зловѣщій рокотъ тамъ, за горами, все еще не смолкаетъ,—рычитъ, какъ голодный звѣрь. Удастся ли нашимъ удальцамъ удержать его вдали отъ насъ—или же этотъ молохъ войны разинетъ свою ненасытную пасть и на насъ?—Это вопросы, которые не хотѣлось бы ни задавать себѣ, ни рѣшать; но они возникаютъ сами собою, когда слушаешь отвратительный рокотъ безпрерывной канонады и надоѣдливо сверлятъ твой мозгъ... Хотѣлось бы лучше убаюкивать себя надеждой,—авось минетъ насъ эта горькая чаша!

*) Какими наивными надеждами утѣшали мы себя еще въ то время!

При возвращеніи въ гавань «Баянъ» наскочилъ на японскую мину. Говорятъ, работы по исправленію хватитъ на мѣсяцъ; его ввели въ докъ.

Наша полевая артиллерія.

15/28 іюля. Убитъ поручикъ артиллеріи Михаилъ Андреевичъ Наумовъ. Сообщая это грустное извѣстіе, капитанъ Петренко (въ батареѣ котораго покойный командовалъ взводомъ) еле сдерживалъ слезы. Убитъ онъ ружейной пулей въ область сердца послѣ того, какъ произвелъ 12

залповъ картечью по густой наступавшей колоннѣ японцевъ, буквально уничтоженной имъ.

— Я бы желалъ умереть такой смертью,—воскликнулъ капитанъ,—совершивши такъ много, можно и умеретъ!—это идеальная смерть для артиллериста!..

Наши войска отступаютъ къ ближайшей линіи позицій. Правый флангъ отошелъ къ Дагушаню и Сяогушаню, лѣвый къ Волчьимъ горамъ. Разрушены желѣзнодорожный путь и мосты; но трудно повѣрить, чтобы разрушеніе это, совершавшееся во время боя, спѣшно, было сдѣлано основательно.

Значитъ, японцы придвинулись къ намъ еще ближе. Наши надежды—желанія удержать ихъ вдали отъ крѣпости, теряютъ все болѣе подъ собой почву.

Главной причиной отступленія считаютъ все тотъ же Куинсанъ, который, находясь въ рукахъ японцевъ, былъ наилучшій пунктъ наблюденія для корректованія стрѣльбы и т. д.—словомъ пунктъ, царящій надъ Зелеными горами.

Отступленіе произошло довольно торжественно, мѣстами войска проходили позиціи съ музыкой. Невольно бросается въ глаза привычка нѣкоторыхъ изъ начальствующихъ лицъ отступать первыми, хотя ихъ распоряженія нужны болѣе всего въ аріергардѣ. Такъ, напримѣръ, командиръ участка на правомъ флангѣ полковникъ Семеновъ отступилъ впереди войскъ, идущихъ съ музыкой *); въ тылу же въ это время произошло замѣшательство, послѣдствіемъ чего были напрасныя жертвы. Съ трудомъ, почти чудомъ, удалось спасти тамъ наши тяжелыя мортиры.

16/29 іюля. Сообщаютъ, что матросы и офицеры десантной роты проявили чудеса храбрости и физической стойкости: разстрѣлявъ всѣ патроны, отбили отчаянныя атаки большихъ японскихъ силъ штыками, прикладами и обломками ружей, и наконецъ камнями. Работали въ потѣ лица. Это былъ не бой, а стихійное уничтоженіе другъ друга **).

Вышедшій вчера на подмогу береговымъ судамъ броненосецъ «Ретвизанъ» попалъ нѣсколькими снарядами на вершину Куинсана, гдѣ находился японскій штабъ. Тамъ появились носилки съ ранеными.

X. Отступленіе въ крѣпость.

17/30 іюля. Наши войска отступили окончательно съ Волчьихъ горъ къ Артуру. Позиціи не были укрѣплены; окопы неготовы; а нескошенный гаолянъ ***) позволялъ японцамъ незамѣтно наступать по пятамъ нашихъ войскъ.

Тутъ сказались всѣ пагубныя послѣдствія нашего преступнаго легкомыслія. Въ самомъ началѣ войны, на основаніи опытовъ китайскаго похода

*) Этотъ моментъ отступленія снятъ фотографически подполковникомъ Шишко.

**) Въ этомъ бою мичманъ Вещицкій раненъ въ правый глазъ.

***) Исполинское просо—сорго или джугари.

1900 года, были исписаны цѣлыя страницы газетъ о томъ, что *не слѣдуетъ допускать посѣва гаоляна на Квантунѣ и въ Маньчжуріи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можетъ произойти бой.* Были даже распоряженія высшихъ военныхъ властей, воспрещающія этотъ посѣвъ. Тѣмъ не менѣе вокругъ желѣзной дороги и всюду на Квантунѣ былъ посѣянъ гаолянъ. Солдаты начали было косить его на фуражъ; гражданскій комиссаръ приказалъ, чтобы заблаговременно скосили весь гаолянъ, тамъ гдѣ онъ можетъ способствовать укрытію непріятеля, но этому воспротивился генералъ Стессель, что можно видѣть изъ его приказа за № 344 (4/17 іюня):

«Косьба войсками засѣянныхъ полей допускается только въ *непосред-*

Пулеметы.

ственной близости непріятеля, т. е. тамъ, гдѣ иначе посѣвы могутъ попасть въ его руки, а владѣльцы полей разбѣжались.

Въ остальныхъ же мѣстахъ косьба хлѣба воспрещается»..

№ 360 (исправленный 361 отъ 10/23 іюня).

«Гражданскому Комиссару запретить китайскому населенію косить на корню свой еще неспѣлый хлѣбъ».

И вотъ—мы уже пожинаемъ плоды этихъ распоряженій *). Японцы, пользуясь гаоляномъ, шли, такъ сказать, на плечахъ нашихъ отступающихъ войскъ вплоть до Волчьихъ горъ и взяли эти горы приступомъ, не давая нашимъ укрѣпиться. Изъ гаоляна не было возможности выбить ихъ ни

*) Злые языки говорятъ, что гаолянъ не скошенъ, видимо, потому, что въ китайскую кампанію во время боя въ немъ удачно укрывались нѣкоторые изъ нашихъ дутыхъ героевъ того времени. Одинъ генералъ и одинъ подполковникъ будто подружились вмѣстѣ посиживая въ гаолянѣ...

ружейнымъ, ни артиллерійскимъ огнемъ, потому что ихъ не было видно въ гаолянѣ; они же поражаютъ нашихъ на выборъ *).

Наши войска были лишены артиллерійскаго прикрытія, въ то время когда японская легкая артиллерія устанавливалась въ томъ же гаолянѣ и обсыпала наши позиціи убійственнымъ огнемъ.

Наши войска стойко держались, но непосильная борьба съ невидимымъ врагомъ заставила ихъ отойти къ крѣпости. Во время перехода по открытой мѣстности японцы разстрѣливали ихъ почти безнаказанно **).

Генералъ Фокъ, начальникъ лѣваго фланга, разумѣется былъ уже въ крѣпости.

---

*) Мнѣ могутъ возразить, что и наши войска могли дѣйствовать подъ прикрытіемъ гаоляна съ такимъ-же успѣхомъ, какъ японцы. Если-бы у насъ было столько-же войскъ, какъ у японцевъ, тогда, конечно, шансы были-бы равны. Но въ виду огромнаго численнаго перевѣса японцевъ вся выгода была только на ихъ сторонѣ.

**) Не скоро удалось выяснить картину боя на Волчьихъ горахъ, причины быстраго отступленія нашихъ войскъ и большихъ потерь. Дѣло оказалось въ слѣдующемъ: когда при отступленіи съ Зеленыхъ горъ было рѣшено укрѣпить Волчьи горы, (приказъ генерала Стесселя отъ 16-го іюля за № 435), генералъ Фокъ приказалъ соорудить окопъ не на хребтѣ, не на самомъ кряжѣ, а внизу, у подошвы горъ, въ сторонѣ японцевъ. Окопъ тянулся безпрерывно вдоль подошвы горъ, на сѣверномъ его склонѣ и не былъ еще законченъ, когда нашимъ войскамъ пришлось его занять. Такъ какъ отрядъ, назначенный оборонять окопъ, не былъ достаточно великъ, то онъ не могъ занять весь окопъ и занялъ его лишь участками.

17-го числа утромъ оказалось, что японцы не только придвинулись въ большихъ силахъ совсѣмъ близко, подъ прикрытіемъ гаоляна, но успѣли уже занять пустопорожніе участки нашего окопа, открыли, не задумываясь, продольный, фланговый огонь по нашимъ стрѣлкамъ. Завязался отчаянный бой. Рѣдко гдѣ нашимъ ротамъ удалось соорудить наскоро траверсы, за которыми имѣли хотя нѣкоторую защиту. Японцы били съ фронта и съ фланговъ и заходили въ тылъ нашимъ отрядамъ. Не имѣя ни прикрытій, ни помощи откуда либо, наши стрѣлки были принуждены отступить; при этомъ они должны были взбираться на гору по совершенно открытому мѣсту. Нечего и говорить, что японцы разстрѣливали ихъ, какъ зайцевъ, и не дали имъ опомниться и на хребтѣ. Потери наши огромны.

Оказывается, что генералъ Фокъ заставилъ и на Киньчжоускихъ позиціяхъ устроить окопы также внизу, впереди горы, увѣряя, что снизу удобнѣе стрѣлять вверхъ, чѣмъ наоборотъ... Но тамъ успѣли усилить нижніе окопы нѣсколькими редутами и соединить нижніе окопы съ верхними посредствомъ ходовъ сообщенія.

На Волчьихъ же горахъ не было и помину ни о ходахъ сообщенія, ни о верхнихъ окопахъ. Когда японцы заходили уже въ тылъ, то нашимъ отрядамъ оставалось одно изъ двухъ—или быть уничтоженными безъ пользы на мѣстѣ, или же отступить подъ убійственнымъ огнемъ.

И здѣсь генералъ Фокъ нашелъ козла отпущенія, нашелъ на кого свалить свою вину. Командиръ 13-го полка, очень храбрый офицеръ, подполковникъ князь Мачабелли отрѣшенъ приказомъ генерала Стесселя отъ командованія полкомъ за отступленіе съ Волчьихъ горъ.

Мы же допускаемъ, что генералъ Фокъ получилъ одну изъ многочисленныхъ наградъ, выпавшихъ на его долю за эту кампанію: за блестяще исполненное отступленіе въ крѣпость... въ pendant благодарности и наградѣ за Киньчжоускій бой.

Такова была у насъ оцѣнка заслугъ.

Сообщаютъ, что еще въ то время, какъ Кондратенко держался на Зеленыхъ горахъ, Фокъ прислалъ ему записку: «Я отступаю. Дѣлайте, что хотите»...

Батареи сухопутнаго фронта открыли огонь по непріятелю. Наши суда стрѣляютъ по расположенію непріятеля перекиднымъ огнемъ.

Наши передовыя позиціи, въ данное время, на правомъ флангѣ Дагушань и Сяогушань, на лѣвомъ—Угловыя горы, а въ центрѣ только нѣсколько выдвинутыхъ впередъ редутовъ.

Всѣ надежды удержать непріятеля вдали отъ крѣпости рухнули; наступила тѣсная осада и можно ожидать бомбардировку.

Замѣтна подавленность настроенія жителей. Кто можетъ, собирается попытать счастье—уѣхать на джонкахъ въ Чифу.

18/31 іюля. Вчера ожидали, что японцы попробуютъ штурмовать крѣпость безъ артиллерійской подготовки. Но ничего не было; ночь прошла тихо. Возвращающихся съ передовыхъ позицій солдатъ жители надѣляютъ, кто рубахами, кто табакомъ, сахаромъ и т. д. Другіе зазываютъ къ себѣ закусить, подкрѣпиться. Люди сильно обносились, запылены, загорѣли, устали. Удастся-ли имъ отдохнуть, помыться, почиститься—это еще вопросъ.

Японскій военный совѣтъ.

Выходъ эскадры 10-го іюня.

5. Бомбардировки и штурмы.

I. Что дѣлать, куда дѣваться?

19 іюля (1 августа). Вчера съ моря, со стороны бухты Тахэ, была слышна канонада, бортовые залпы. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что вчера не выходило въ море ни одно наше судно; на морѣ былъ полосами туманъ. Около одного изъ крейсирующихъ японскихъ судовъ взорвалась мина. Подозрѣвая, что тутъ дѣйствуютъ наши подводныя лодки *), японцы открыли огонь съ бортовъ въ воду. Въ это время сквозь туманъ появился отрядъ японскихъ миноносцевъ, бывшихъ впереди Артурскаго рейда, спѣшившихъ къ мѣсту канонады. Японскія суда приняли этотъ отрядъ за нашъ, охраняющій подводныя лодки, и открыли по нему огонь, до тѣхъ поръ, пока не выяснилась ошибка.

Свѣдѣнія эти сообщаютъ съ береговыхъ батарей.

Батареи сухопутнаго фронта и суда стрѣляютъ изрѣдка по придвигающимся съ Волчьихъ горъ японцамъ.

Наступленіе японцевъ на Дагушань отбито вчера безъ всякихъ потерь съ нашей стороны и съ большимъ урономъ для нихъ. При этомъ сбиты двѣ японскія батареи.

20 іюля (2 августа). Сегодня состоялась резолюція военнаго суда по обвиненію капитана Лопатина въ самовольномъ оставленіи позиціи (за отступленіе съ горы Куинсанъ). Онъ отрѣшенъ отъ должности ротнаго командира и присужденъ къ заключенію въ крѣпости на 2 года, безъ лишенія чиновъ. Козелъ отпущенія за чужіе грѣхи найденъ.

Предъ судомъ развернулась довольно гнусная картина; настоящіе виновники свалили всю свою вину на бѣднаго Лопатина — и судъ, ввиду

---

*) Подводныхъ лодокъ у насъ не было, если не считать одну стародавняго типа, которая была испытана, но не дала удовлетворительнаго результата. Потомъ подполковникъ Меллеръ и какой то любитель сооружали новую, но она такъ и осталась неоконченной. Но еще въ началѣ войны «Новый Край» пустилъ «утку» о томъ, что наши подводныя лодки дали при испытаніи блестящіе результаты. Цѣль этой «утки» ясна—желаніе удержать японцевъ вдали отъ берега.

строгости военныхъ законовъ, не имѣлъ возможности оправдать его. Члены суда и обвинитель говорили, что это было самое тяжелое дѣло за все время ихъ практики. Они были бы рады, если бы могли не принимать участія въ немъ. Нѣкоторые изъ свидѣтелей защиты высказали много горькой правды и навлекли на себя этимъ гнѣвъ начальства. Это вѣроятно, не пройдетъ имъ даромъ...

Это дѣло показало намъ лишній разъ, что нечего искать справедливости тамъ, гдѣ властвуетъ грубая сила.

Другіе говорятъ, что Лопатину не слѣдовало отступить безъ приказанія; они сознаютъ, что Куинсанъ, всеравно, былъ-бы занятъ японцами; значитъ—отъ Лопатина требовалось лишь умереть тамъ...

2 шестидюймовыхъ орудія. Ляотѣшанскій маякъ. 21-сантиметровое орудіе.

Истинными виновниками отдачи Куинсана японцамъ считаютъ генерала Фока, начальника его штаба подполк. Дмитревскаго, полковника Савицкаго и подполковника Киленина, не принявшіе мѣры для серьезной обороны этой горы.

Командиромъ порта контръ-адм. Григоровичемъ изданъ характерный приказъ (отъ 21-го іюля № 740):

«Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ презрѣнныхъ трусовъ, къ сожалѣнію, даже изъ интеллигенціи, предъ ничтожнымъ по духу врагомъ, подошедшимъ подъ стѣны крѣпости, многіе служащіе и рабочіе порта просятъ разсчета и собираются выѣхать въ Чифу.

Такого разсчета я не дамъ.

Неужели вы русскіе рабочіе,—братья беззавѣтно преданныхъ Государю и отечеству нашихъ бравыхъ солдатъ и матросовъ, умѣющихъ съ отвагою идти на врага, не боясь смерти за дорогое отечество,—хотите бѣжать.

Стыдно вамъ!

Вмѣсто того, чтобы съ гордостью вернуться домой и сказать, что въ тяжелые дни бомбардировокъ и осады крѣпости Артура, подъ огнемъ непріятельскихъ орудій, градомъ пуль и ядеръ вы чинили корабли и работали, какъ въ обыкновенное мирное время,—вы явитесь домой позорными бѣглецами.

Неужели вы думаете, что тотъ, кому суждено сложить свои кости при защитѣ крѣпости, бѣгствомъ спасетъ себя?

Нѣтъ! Тамъ же врагъ заберетъ васъ на джонкахъ и увезетъ въ плѣнъ и, быть можетъ, разстрѣляетъ.

Обращаюсь къ вамъ, братцы, съ добрымъ совѣтомъ—работать съ тою-же энергіею, съ какой вы работали до сего времени, и если понадобится, съ ружьями въ рукахъ защищать дорогой нашъ портъ. Результатъ вашихъ работъ (т. е. исправленіе поврежденныхъ кораблей въ порту безъ дока) уже удивилъ весь міръ.

Будьте же достойны этой славы и зависти враговъ!

Не заботьтесь о вашихъ семьяхъ. О нихъ, если потребуется, позабочусь я».

---

25 іюля (7 августа). Сегодня назначено торжественное молебствіе на площади объ избавленіи насъ отъ надвигающихся бѣдствій. Да—въ минуту жизни трудную всѣ мы охотно прибѣгаемъ къ Богу, ищемъ у него защиты. Въ настоящее время вопросъ жизни и смерти болѣе, чѣмъ когда либо, близокъ къ намъ.

Послѣ литургіи въ Отрядную церковь собралось духовенство и молящіеся изъ другихъ церквей и съ иконами и хоругвями крестный ходъ двинулся на набережную. На углу у аптеки Бишофа былъ отслуженъ молебенъ; потомъ пошли по Пушкинской улицѣ; здѣсь также отслужили молебенъ противъ почтовой конторы. На цирковой площади, куда прибылъ крестный ходъ, стеклось много народу. Молебствіе уже близилось къ концу; народъ молился усердно, искренно. Лица всѣхъ серьезны, сосредоточены.

Наши батареи стрѣляли изрѣдка по замѣченному непріятелю или по производимымъ имъ работамъ.

Вдругъ раздался выстрѣлъ—но съ какимъ-то особеннымъ, тимпаническимъ звукомъ. Что-то другое... Слышится въ воздухѣ какой-то свистъ, переходящій въ шипѣніе—дзіу-с-ш-ж-ж-ж-крахъ!» Сначала какъ-бы тонкой ниточкой этотъ звукъ проходитъ черезъ наши головы, потомъ все съ большимъ и большимъ шипѣніемъ и заканчивается зловѣщимъ воемъ и взрывомъ на набережной, гдѣ вся толпа народа была четверть часа тому назадъ...

Всѣ лица поблѣднѣли—помертвѣли. Да, это непріятельскій снарядъ; японцы начали бомбардировать городъ! Мы было надѣялись, что бомбарди-

ровка начнется съ батарей, съ крѣпости; а до насъ, до города, быть можетъ, будутъ долетать лишь перелетные снаряды...

Какъ будто кто сообщилъ японцамъ, что здѣсь собралось такъ много народу! снарядъ перелетѣлъ прямо черезъ насъ...

Благочинный о. Николай Глаголевъ опускается на колѣни; народъ слѣдуетъ его примѣру. Громко произноситъ онъ слова молитвы, повторяемыя молящимися; но еще громче раздается снова выстрѣлъ съ характернымъ тимпаническимъ звукомъ—снова свиститъ, воетъ черезъ наши головы непріятельскій снарядъ и разрывается гдѣ-то по направленію набережной... Снова замираютъ всѣ сердца.

Что, если вдругъ снарядъ ляжетъ среди толпы молящихся?..

Еще и еще, снарядъ за снарядомъ; но молебствіе кончается благополучно. Народъ разсыпается во всѣ стороны. Но куда бѣжать, куда укрыться,

Взводъ 75-миллиметровой батареи въ гаолянѣ, на передовыхъ позиціяхъ Артура.

никто не знаетъ. Со стороны набережной бѣгутъ люди съ помертвѣлыми лицами—«стрѣляютъ! Тамъ есть уже раненые и убитые!»

Мужъ розыскиваетъ жену, жена мужа, родители дѣтей, а дѣти родителей. Тамъ уже плачутъ; слышны возгласы:

— Ахъ, Господи! Спаси и помилуй!

А тамъ, со стороны Волчьихъ горъ, раздается выстрѣлъ за выстрѣломъ; летитъ снарядъ за снарядомъ, и все въ томъ же направленіи, къ гавани. Нѣкоторые изъ нихъ не рвутся—значитъ попадаютъ въ воду. Должно быть цѣль бомбардировки: наши суда въ гавани—или же центръ Стараго города.

Куда дѣваться? Что дѣлать?

И нѣтъ отвѣта на эти, все навязывающіеся, вопросы. Блиндажи устроены лишь нѣсколькими торговыми фирмами для своихъ служащихъ, да болѣе состоятельными людьми для себя. Но людямъ менѣе состоятельнымъ негдѣ укрыться, да и выстроить такія укрытія, гдѣ было бы вполнѣ безопасно, почти невозможно. Почва скалистая и равнина Стараго города такъ низка (чуть

надъ уровнемъ моря), что подваловъ вообще нѣтъ, ихъ залила-бы подпочвенная вода; горы сплошной камень и чтобы выстроить себѣ нору, нуженъ динамитъ, силы, умѣніе и время. Какъ будемъ мы жить, если начнутъ насъ этакъ обстрѣливать изо-дня въ день?

Божья воля!—и только. Суждено—уцѣлѣемъ; не суждено—погибнемъ. Но какъ приходится погибать-то!—Изуродованнымъ, разорваннымъ на клочки!—Какая мерзость, эта война!.. Солдаты хотя имѣютъ то удовлетвореніе, что и они могутъ также уничтожать врага; они защищаютъ крѣпость съ оружіемъ въ рукахъ, съ такимъ же смертоноснымъ оружіемъ. А мы, какъ мыши въ ловушкѣ... Надъ головами только и слышно зловѣщее джіу-у, а тамъ—крахъ!..

Затихла стрѣльба—слава Богу!

Пообѣдали. Обѣдъ кажется безвкуснымъ, не идетъ въ глотку. Въ головѣ вертятся какія-то мысли, безъ связи; ясенъ лишь вопросъ: что дѣлать? Куда дѣваться? Что же будетъ?—Значитъ японцы подступили уже такъ близко, что свободно могутъ разстрѣливать насъ, какъ зайцевъ!..

На сердцѣ лежитъ что-то тяжелое и давитъ, и давитъ. А тамъ, вдали, въ Россіи, наши родные и друзья не знаютъ, что надъ нашими головами, вокругъ насъ, витаютъ ужасы, разрушеніе, смерть... Увидимся-ли мы еще?..

Стараешься отгонять эти назойливыя, мучительныя мысли; но онѣ лѣзутъ въ голову пуще и быстрѣе, какъ-бы пляшутъ вокругъ тебя волшебнымъ хороводомъ и не выпускаютъ тебя изъ этого заколдованнаго круга.

— Божья воля!—вырывается изъ глубины груди съ тяжелымъ вздохомъ.—Божья воля!..

Пришедшіе знакомые разсказываютъ, что тамъ, вотъ, снарядъ попалъ въ домъ и обратилъ все въ щепы; къ счастію жильцовъ никого не было дома. На улицѣ убило солдата; здѣсь какого-то портового десятника; тамъ ранило солдата; въ другомъ мѣстѣ городового. Аптеку Бишофа разбило. Попади снарядъ въ то время, какъ тамъ, на углу, молилась толпа, чтобы только было!.. и т. д. Все это слушаешь, какъ во снѣ.

Снова начинается бомбардировка; снова шипятъ надъ головою снаряды, летятъ по направленію къ набережной и гавани.

Выходимъ на веранду и прислушиваемся къ каждому пролетающему снаряду—гдѣ онъ ляжетъ. А что, если вдругъ да японцы измѣнятъ прицѣлъ?.. Куда дѣваться? Что дѣлать?

Снова кружатся мысли безпорядочной вереницей, путаются—и нѣтъ выхода изъ этого лабиринта. Божья воля!..

Небо заволокло тучами; начинаетъ накрапывать дождикъ. Подходятъ еще знакомые изъ обстрѣливаемаго раіона—женщины съ дѣтьми. Ихъ навѣщаютъ здѣсь знакомые; между мужчинами есть и выпившіе. Это раздражаетъ: эхъ, даже въ такія тяжелыя минуты не можемъ мы не напиваться!..

Артиллерійскій бой на Киньчжоускихъ позиціяхъ.

Такъ просидѣли мы на верандѣ до вечера, до окончанія бомбардировки и сидѣли большей частью молча. Каждый сосредоточенно разбирался въ своихъ мысляхъ, ища какой нибудь выходъ, какое нибудь утѣшеніе, успокоеніе.

Сидѣть въ это время въ домѣ нѣтъ никакого смысла—стѣны не спасутъ отъ гранаты. На дворѣ, на вольномъ воздухѣ хоть дышетъ легче сдавленная ужасными впечатлѣніями грудь.

Прошелъ изрядный дождикъ; стало темнѣть. Кто-то сбѣгалъ и узналъ, что женщинъ и дѣтей можно на ночь укрыть въ блиндажѣ фирмы Чуринъ и К°.

Проводилъ жену въ блиндажъ и рѣшилъ провести ночь подъ открытымъ небомъ.

Всѣ дружинники призваны подъ ружье и разставлены по мѣстамъ, биваками, на случай ночного штурма или попытки японцевъ прорваться въ крѣпость.

Удалось собрать свѣдѣнія о послѣдствіяхъ бомбардировки. Снаряды падали: около моста на набережной; въ складъ Кларксона; за мостомъ, гдѣ убило 1 рядового 28-го полка и ранило 2; въ бухту, между складомъ Кларксона и помѣщеніемъ «Новаго Края»—разбило грузовую шаланду; падали у магазиновъ Кондакова, экономическаго общества, Константинова и Зазунова, гдѣ раненъ 1 китаецъ; въ квартиру техника Скорновича, въ маг. Поздѣева и аптеку Бишофа; у угольной панели—убило десятника и ранило городового; въ артиллерійскомъ городкѣ убитъ 1 солдатъ; 2 снаряда попали на броненосецъ «Цесаревичъ», рвались во внутреннемъ порту (восточномъ бассейнѣ)—гдѣ легко раненъ адмиралъ Витгефтъ; во дворѣ фирмы Кунстъ и Альберсъ—раненъ индусъ-караульный; 2 снаряда упали у телефонной станціи; 3 снаряда около крейсера «Діана»; 1 въ квартиру доктора Гласко. Въ полицейскомъ правленіи раненъ осколкомъ дежурный городовой; гдѣ разорвался снарядъ, неизвѣстно; нужно предполагать, что это былъ осколокъ отъ снарядовъ, рвавшихся на набережной, хотя разстояніе дотуда не меньше полуверсты.

Чиновникомъ артиллеріи Грибановымъ пойманъ китаецъ съ биноклемъ—вѣроятно японскій шпіонъ, наблюдавшій за паденіемъ снарядовъ.

Получено свѣдѣніе съ укрѣпленій, что японцы обстрѣливали сегодня фортъ III и укрѣпленіе № 3 (въ центрѣ).

Бой за Дагушанемъ и Сяогушанемъ (на крайнемъ правомъ флангѣ крѣпости) начался въ 2 часа дня. Японцы отбиты. Но не подлежитъ сомнѣнію, что они поведутъ усиленныя атаки на эти выдвинутыя впередъ позиціи.

Ночь теплая, но довольно темная; иногда мороситъ дождикъ. Лежу на дворѣ подъ крышей. Не спится; одолѣваетъ какая-то полудремота, кошмаръ. На правомъ флангѣ начинается ружейная трескотня, стрѣльба залпами и пачками и переходитъ въ частую, непрерывную дробь. Японцы наступаютъ на Дагушань. Слышны и орудійные выстрѣлы. Потомъ все это постепенно

утихаетъ и замолкаетъ; но черезъ нѣкоторое время бой возгорается снова. И такъ почти всю ночь. Дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу, когда прислушиваешься къ этимъ зловѣщимъ звукамъ: тамъ сражаются люди въ непосредственной близости, быть можетъ даже на штыкахъ. Какія ужасныя сцены страданій и смерти прикрываются ночной тьмою и туманомъ, спутникомъ нашего тропическаго дождя!..

26 іюля (8 августа). Ожидаемой атаки со стороны моря брандерами не было. Съ ранняго утра японцы вновь бомбардировали гавань и прилегающія мѣстности. Однимъ изъ первыхъ снарядовъ убитъ проходившій около

Воскресная бесѣда въ саду у редактора газ. «Новый Край».

продовольственнаго магазина, подъ Перепелочной горой, прапорщикъ Левицкій и раненъ часовой. Подъ Золотой горой загорѣлся складъ смазочнаго масла; огонь локализованъ. Около порта разбиты квартиры двухъ чиновниковъ, изъ которыхъ одинъ раненъ.

Потомъ японцы перенесли огонь на помѣщенія 3-й батареи, расположенной на Перепелочной горѣ, за Своднымъ госпиталемъ и почти все время стрѣляли по одному мѣсту; но къ счастью разбитъ только одинъ офицерскій флигель и убиты 2 лошади. Были перелеты и въ раіонъ госпиталя, но вреда они не причинили.

Вчера принесли съ позицій 2 раненыхъ офицеровъ и 25 солдатъ.

27 іюля (9 августа). Ночью наши отряды принуждены были очистить Дагушань и Сяогушань, продержавшись на этихъ позиціяхъ съ большимъ мужествомъ противъ цѣлыхъ полчищъ японцевъ, выдержавъ цѣлый рядъ штурмовъ. Попытки нашихъ санитаровъ убрать убитыхъ и раненыхъ не удались. Японцы стрѣляли по Красному Кресту, какъ это было уже не разъ на передовыхъ позиціяхъ. Такъ какъ было убито и ранено нѣсколько санитаровъ, то санитарный отрядъ долженъ былъ отступить, не исполнивъ своего долга. Весь правый флангъ отступилъ въ крѣпость.

Сегодня принесли съ позицій 1 раненаго офицера—капитана 16-го полка С. З. Верховскаго—и 49 солдатъ.

Сообщаютъ, что послѣ отступленія нашихъ войскъ съ Волчьихъ горъ (17/30 іюля) генералъ Стессель явился къ коменданту, генералу Смирнову, со словами:

«Ваше превосходительство, моя роль кончена. Теперь ваше дѣло—вамъ и книги въ руки...»

Вслѣдствіе этого комендантъ объявилъ приказъ, призывающій гарнизонъ къ дружной защитѣ крѣпости—этого маленькаго клочка русской земли - всѣми силами.

Извѣстіе, что командованіе перешло къ генералу Смирнову, подѣйствовало на всѣхъ очень ободряюще. Всѣмъ было извѣстно, что онъ человѣкъ очень образованный и сочувствующій мирному населенію, бываетъ самъ вездѣ, гдѣ это нужно. Благодаря этому палъ самъ собою вопросъ о насильственномъ удаленіи генерала Стесселя отъ командованія. Впрочемъ, трудно сказать, насколько этотъ вопросъ имѣлъ подъ собою реальную почву; кто-то высказалъ эту мысль и она, кажется, осталась лишь теоретическимъ предположеніемъ.

Если-бы Волчьи горы были настолько укрѣплены, что наши войска могли бы на нихъ держаться, то не пали бы такъ скоро Дагушань и Сяогушань и не началась-бы такъ скоро бомбардировка гавани и стараго города. Точно также, если-бы горы Юпилаза и Куинсанъ *) были укрѣплены и снабжены пулеметами и пушками, то удержали-бы японцевъ вдали отъ крѣпости еще, пожалуй, нѣсколько недѣль.

Въ прошлую ночь наши батареи, въ томъ числѣ и Золотая гора, засыпали смертоноснымъ дождемъ снарядовъ Дагушань и Сяогушань, чтобы не дать японцамъ укрѣпиться на нихъ и поставить орудія.

Сообщаютъ, что одному тяжело раненому солдату пришлось пролежать тамъ, подъ адскимъ огнемъ нашихъ батарей, пока только сегодня утромъ санитарамъ-смѣльчакамъ удалось его унести оттуда въ крѣпость; бѣдняга будто посѣдѣлъ за ночь.

*) Какъ Юпилазу, такъ и Куинсанъ считаютъ тактическими ключами передовыхъ позицій, потеря которыхъ повлекла за собой потерю всѣхъ позицій.

Попытки «Новика», канонерокъ и миноносцевъ еще и сегодня обстрѣлять изъ бухты Тахэ японскія позиціи не удались вслѣдствіе появленія большого отряда непріятельскихъ судовъ; пришлось вернуться въ гавань.

Сегодня японцы обстрѣливали только суда въ западномъ бассейнѣ, въ томъ числѣ госпитальное судно «Ангара», которое видно съ западныхъ отроговъ Волчьихъ горъ. Одинъ снарядъ упалъ около вокзала, но не ранилъ къ счастью никого.

Начинаемъ привыкать къ обстрѣлу. Японцы стрѣляютъ, видимо, по опредѣленному квадрату—значитъ внѣ сферы огня можно быть въ безопасности.

Выходъ эскадры 28-го іюля 1904 г.

Непріятно отзывается на всѣхъ то, что всѣ дружинники дежурятъ на бивуакахъ, вслѣдствіе чего всѣ магазины закрыты. Не только жителямъ, но и солдатамъ, присылаемымъ съ позицій, негдѣ купить самаго необходимаго. Вѣроятно будутъ установлены извѣстные часы для торговли.

Сегодня изловили около новаго дока одного китайца съ зеркаломъ; подозрѣвая въ немъ сигнальщика-шпіона, толпа рабочихъ расправилась съ нимъ безъ суда.

Подъ вечеръ затишье; японцы не стрѣляютъ; замолкли и наши батареи. Ожидаютъ ночного штурма.

II. Послѣдній выходъ флота.

28 іюля (10 августа). Въ началѣ второго часа ночи началась канонада на правомъ флангѣ; стрѣляла и Золотая гора. Много боевыхъ ракетъ освѣщали угрожаемую мѣстность. Но вскорѣ опять все затихло.

Утромъ вышелъ весь нашъ боевой флотъ въ море, съ очевиднымъ намѣреніемъ прорваться во Владивостокъ. Съ нимъ пошло и госпитальное судно «Монголія». Здѣсь остались лишь суда береговой обороны и «Баянъ», стоящій въ сухомъ докѣ, исправляющій поврежденія, полученныя отъ мины.

Командиръ «Баяна», капитанъ I ранга Виренъ, командуетъ теперь морскими командами, оставленными для защиты крѣпости.

Сегодня съ самаго утра японцы сильно обстрѣливали городъ и портъ. Есть и раненые и убитые; между ними трое русскихъ, остальные китайцы. Одинъ снарядъ попалъ въ магазинъ Кунста и Альберса, одинъ въ зданія Краснаго Креста, одинъ въ Отрядную церковь; кромѣ того падали снаряды: у почтовой конторы, во дворѣ дворца намѣстника, въ квартиру адмирала Витгефта, въ магазинѣ и во дворѣ Кондакова и т. д. Въ бухту, позади «Новаго Края», легло 5 снарядовъ. Площадь обстрѣла сегодня очень обширная; но жертвъ сравнительно немного.

Какъ только начинается бомбардировка, улицы пустѣютъ. Куда прячется народъ, трудно сказать; но лишь только стрѣльба прекратилась, улицы снова оживляются, жители вылѣзаютъ одинъ за другимъ, какъ мыши изъ своихъ норокъ — и, какъ ни въ чемъ не бывало, спѣшатъ по своимъ дѣламъ.

Говорятъ, съ моря слышна канонада по направленію Шандуня; должно быть эскадры встрѣтились и завязался бой.

29 іюля (11 августа). Съ самаго утра японцы довольно сильно обстрѣливали старый городъ. Только что собрался выйти изъ дому, какъ гдѣ-то недалеко разорвался снарядъ; мимо окна съ мелодичнымъ жужжаніемъ пролетѣлъ осколокъ и упалъ во дворъ, гдѣ я и нашелъ его.

Послѣ небольшого перерыва стрѣляли снова и все больше по городу.

Еще съ утра, въ началѣ бомбардировки, получилось извѣстіе, что суда нашего флота возвращаются съ разныхъ сторонъ въ Артуръ. Это извѣстіе, конечно, встревожило всѣхъ. Вскорѣ стали входить въ гавань броненосцы съ пробитыми трубами, сбитыми мачтами и пробоинами въ бортахъ. Постепенно суда собрались въ гавани, за исключеніемъ броненосца «Ретвизана», оставшагося подъ Золотой горой, у входа въ гавань. Нѣтъ броненосца «Цесаревича», крейсеровъ: «Аскольда», «Діаны» и «Новика»; будто и миноносцы не всѣ. Полагаютъ, что они пошли на Владивостокъ. Есть слухи, что «Цесаревичъ» погибъ въ бою. Точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Былъ бой у мыса Шандуня, длившійся до ночи, во время котораго убитъ адмиралъ Витгефтъ. Съ «Цесаревича» передали командованіе адмиралу князю Ухтомскому; «Цесаревичъ» ушелъ на югъ, а князь Ухтомскій отдалъ приказъ пробиваться по одиночкѣ обратно въ Артуръ. Командиръ «Ретвизана» приказалъ было своему броненосцу идти таранить японскій флагманскій броненосецъ «Миказа» (сильно поврежденный артиллерійскимъ огнемъ), и устремился къ нему полнымъ ходомъ, другіе броненосцы не послѣдовали за нимъ и ему пришлось повернуть обратно, чтобы не быть потопленнымъ японцами, такъ какъ весь огонь непріятельскихъ судовъ былъ на немъ сосредоточенъ. Наступила темная ночь и воюющія эскадры потеряли другъ друга изъ вида; никто не преслѣдовалъ сегодня наши возвращающіяся вразбродъ

суда *). Изъ этого можно заключить, что и японскія суда пострадали въ бою не менѣе нашихъ; нѣкоторыя лица утверждаютъ даже, что при дружной атакѣ наши суда могли бы нанести японцамъ пораженіе и свободно пройти къ Владивостоку. Но все это еще трудно провѣрить.

На защитниковъ крѣпости возвращеніе нашихъ судовъ подѣйствовало удручающе.

---

*) Съ великой досадой я узналъ лишь впослѣдствіи, что давно прибывшій изъ Чифу техникъ русской телеграфной станціи, добровольно вызвавшійся возстановить морской кабель Чифу—Артуръ, имѣлъ все наготовѣ для этой работы; все было припасено на одномъ изъ портовыхъ судовъ; нужно было только воспользоваться удобнымъ моментомъ, выйти въ море и соединить порванный лишь въ одномъ мѣстѣ кабель. Работу эту нужно было сдѣлать такъ, чтобы японцы о ней ничего не знали; иначе они могли снова порвать кабель и на этотъ разъ болѣе основательно. Такъ какъ японцы строго поддерживали блокаду, то не легко было дождаться этого удобнаго момента. Но, когда 28-го іюля наша эскадра вышла въ море, чтобы прорваться во Владивостокъ, насталъ этотъ моментъ. И этимъ моментомъ нужно было, во что-бы то ни стало, воспользоваться. Техникъ, обрадовавшійся случаю, просилъ командира порта разрѣшить ему выйти тотчасъ, вслѣдъ за эскадрой въ море, чтобы исполнить свою задачу. Но адмиралъ не разрѣшалъ; велѣлъ обождать еще. Когда началъ доноситься гулъ канонады со стороны Шандуня, когда стало несомнѣннымъ, что тамъ завязался бой, то техникъ снова упрашивалъ командира порта разрѣшить ему выйти въ море для соединенія порваннаго кабеля; но адмиралъ велѣлъ подождать еще. И вотъ—дождались: эскадра вернулась въ Артуръ, а японскіе миноносцы снова стали безпрерывно крейсировать на горизонтѣ. Нерѣшительность адмирала въ такую важную минуту обратила весьма похвальную затѣю въ ничто.

Спрашивается: чѣмъ же рисковалъ при этомъ адмиралъ Григоровичъ и что заставило его не разрѣшить выходъ въ море технику?

Это вопросъ, на который едва-ли онъ самъ въ силахъ дать удовлетворительный отвѣтъ.

Лишнее доказательство тому, что власть можетъ не только содѣйствовать дѣлу, но и затормозить его.

Мнѣ могутъ замѣтить, что не велика бѣда въ томъ, что кабель между Артуромъ и Чифу не былъ возстановленъ,—что пользы отъ него было-бы мало,—что крѣпости онъ бы не спасъ отъ сдачи... Могутъ сказать, что если-бы кабель былъ возстановленъ и мы бы узнали, что напрасно разсчитываемъ на помощь откуда либо, то пали-бы духомъ и сдали-бы крѣпость раньше того, чѣмъ это случилось.

Съ этимъ не могу согласиться. Возстановленный кабель принесъ бы несомнѣнную и большую пользу осажденной крѣпости. Не важно то, что мы не знали, что творится на бѣломъ свѣтѣ; но важно то, что ни въ Чифу, ни Шанхаѣ въ нашихъ консульствахъ, ни въ Петербургѣ не знали, что творится у насъ и чѣмъ намъ помочь. При исправленномъ кабелѣ можно было каждый разъ дать намъ знать, въ какое время вышла въ Артуръ каждая джонка, каждый пароходъ; наши миноносцы могли-бы ихъ встрѣтить. Тогда японцы не уводили-бы, такъ сказать, изъ подъ нашего носа идущіе къ намъ джонки и пароходы къ себѣ—все что посылалось намъ и стоило правительству огромныхъ денегъ не доставалось-бы постоянно японцамъ; тогда прорвавшій блокаду бомбейскій пароходъ «King Arthur» не привезъ-бы намъ 50,000 мѣшковъ муки, въ которой мы еще не нуждались, а привезъ-бы средства для борьбы съ цынгою, привезъ-бы артиллерійскіе снаряды и т. д.

Понятно, что возстановленіе кабеля должно было такъ и остаться тайною для всего міра и въ такомъ случаѣ ему не грозило опасности быть снова порваннымъ.

— Ну, хорошо, — воскликнулъ одинъ изъ артиллеристовъ на боевой линіи,—теперь мы по крайней мѣрѣ знаемъ, что нечего намъ ждать помощи отъ флота!—Мы должны разсчитывать только на себя!..

Утверждаютъ, что на нѣкоторыхъ нашихъ броненосцахъ были женщины. Это на судахъ, идущихъ въ неизбѣжный бой!

30 іюля (12 августа). Сегодня японцы обстрѣливали только западную часть гавани, гдѣ стоятъ возвратившіяся суда; попаданій не было, хотя снаряды падали близко. Около водопровода, за мостомъ, ведущимъ въ Новый городъ, убило нѣсколько лошадей и поранило пріѣхавшаго за водой пожарнаго и китайца. Послѣ обѣда японцы перенесли огонь на Новый европейскій городъ. Снаряды попали въ госпиталь № 9 и поранили нѣсколькихъ раненыхъ, падали вблизи госпиталя № 6, но безъ вреда, — въ городской садъ и въ бухту. Повреждено нѣсколько зданій.

Японскій вьючный обозъ.

Странно, но повидимому японцамъ сообщаютъ все, что творится въ городѣ. Вчера перевозили раненыхъ изъ Пушкинскаго училища и военной школы,—которыя стоятъ прямо подъ обстрѣломъ,— въ Новый городъ; и сегодня японцы бомбардируютъ уже Новый городъ и попадаютъ прямо въ госпиталя.

Вчера во время перевозки раненыхъ, мы подошли къ нимъ, чтобы посмотрѣть этихъ мучениковъ поближе. Обозъ почему-то пріостановился. Поговорили съ легко ранеными, бодро сидящими на двуколкахъ.

— Шрапнелька, проклятая,— говоритъ весело молодой солдатъ съ перевязанной головой,— она-то и губитъ нашего брата,—въ голову, да въ голову. А такъ-то ничего...

Въ это время стали проносить мимо насъ тяжело раненыхъ, на носилкахъ, а кого и на матрацѣ. Вѣкъ не забуду желтое лицо бородатаго, не молодого уже запасного. На лицѣ его виднѣлось, что онъ уже витаетъ

между жизнію и смертью. Но руками онъ крѣпко ухватился за края матраца и держался за него, какъ-бы опасаясь потерять его изъ-подъ себя.

Жить хочется—каждому хочется жить!..

III. Начало штурмовъ.

31 іюля (13 августа). Съ 8 ч. 15 м. утра японцы начали обстрѣливать наши батареи и позиціи на лѣвомъ флангѣ, западнѣе Казачьяго плаца и самый плацъ. Комендантъ крѣпости генералъ Смирновъ проѣхалъ на обстрѣливаемый фронтъ.

Сегодня на нашу долю выпала большая радость. Послѣ 3 мѣсяцевъ изолированности отъ всего міра мы получили письма отъ родныхъ и близ-

Передвиженіе японской артиллеріи.

кихъ. Волной прибило къ морскому берегу около Голубиной бухты два кожаныхъ мѣшка съ письмами изъ Чифу въ Артуръ. Джонка, везшая эту почту, вѣроятно разстрѣляна японцами.

Море сжалилось надъ нами!

Въ письмѣ отъ родителей нашелъ фіалки—изъ родного гнѣзда. Фіалки изъ родного гнѣзда—въ это время... Родители шлютъ свое благословеніе на предстоящіе трудные дни. Слезы душатъ при чтеніи этихъ простыхъ, полныхъ вѣры, сердечныхъ пожеланій дряхлыхъ стариковъ. Они въ мысляхъ и молитвахъ съ нами, хотя совсѣмъ не знаютъ, что здѣсь творится и, что насъ ожидаетъ. Не менѣе трогательны письма другихъ близкихъ и друзей. Всѣ они вѣрятъ, что пройдетъ гроза, что наступитъ желанное свиданіе, а между тѣмъ всѣ они въ душѣ сомнѣваются въ этомъ также, какъ и мы...

Цѣлыхъ 7 писемъ получилъ я на одну мою семью. Доставили много радости, но и возбудили много грустныхъ мыслей эти измятые, вымокшіе

въ морской водѣ клочки бумаги. Высказать этихъ ощущеній нельзя: ихъ надо пережить, надо прочувствовать.

Нѣкоторыя изъ этихъ, принесенныхъ волною въ осажденную крѣпость, писемъ пришли слишкомъ поздно. Адресаты ихъ уже сложили свои головушки въ бою за свое отечество.

А близкіе ихъ узнаютъ о томъ лишь послѣ, когда-то...

Ночью японцы начали штурмовать наши позиціи на лѣвомъ флангѣ, гору Сиротку и предгорья Угловой.

Сегодня японцы не стрѣляли по городу; а мы съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали, что вотъ, вотъ, начнутъ бомбардировку.

1/14 августа: Съ самаго утра слышна канонада на лѣвомъ флангѣ. Изрѣдка стрѣляютъ Золотая гора, Перепелочная батарея и суда изъ гавани. Идетъ сильный дождь. На нашъ лѣвый флангъ, какъ сообщаютъ, наступаетъ цѣлая дивизія японцевъ. До двухъ часовъ дня отбиты двѣ атаки; началась третья.

Одинъ стрѣлокъ ординарецъ, будто, доложилъ генералу Смирнову, наблюдавшему за боемъ:

— «Такъ что, ваше превосходительство, японцевъ осталось только еще на одну атаку...»

Поставленная наскоро мортирная батарея произвела ужасное опустошеніе среди непріятеля.

Дружинники, которыхъ въ послѣднее время по настоянію коменданта стали увольнять послѣ ночныхъ дежурствъ въ городъ, чтобы текущія нужды населенія и войскъ удовлетворялись безъ задержки, сегодня оставлены на позиціяхъ ввиду все еще продолжающагося боя.

Въ первые дни бомбардировокъ генералъ Стессель воспретилъ всѣмъ и каждому бросать на время стрѣльбы по городу свое дѣло,—въ томъ числѣ и закрывать магазины *). Когда же дружины были на ученіи, магазины не открывались до обѣда; наступила тѣсная осада и всѣ дружинники были призваны на позиціи, слѣдовательно, торговля прекратилась и всѣ дѣла стали. Тогда ихъ стали увольнять съ позицій днемъ, съ условіемъ торговать даже во время бомбардировокъ... Только когда нѣсколько бомбъ попало въ магазины, причинивъ людямъ пораненія, послѣдовало разрѣшеніе на прекращеніе торговли во время бомбардировокъ города.

Прошло не много времени. Теперь намъ говорятъ, что во время бомбардировокъ города незачѣмъ «попусту торчать» тамъ, гдѣ не нужно. Приказано и городовымъ оставлять свои посты и укрываться отъ снарядовъ, такъ какъ уже нѣсколько человѣкъ изъ нихъ поранено осколками.

---

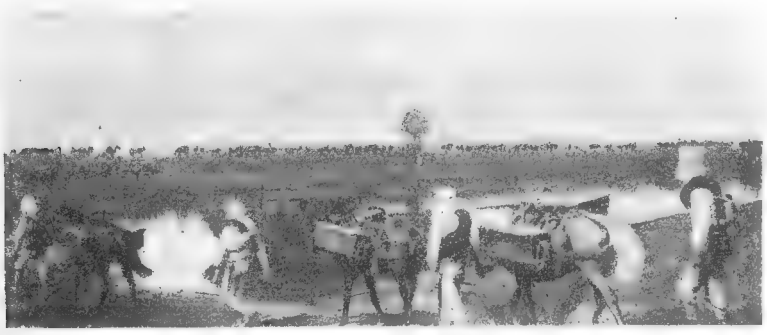
*) Интересно бы знать, какими законами руководствовался при этомъ генералъ Стессель?—Пусть скажутъ намъ это люди болѣе свѣдущіе.

Какъ-то у насъ все не хватаетъ здраваго смысла.

Знать, правду говорятъ, что русскій заднимъ умомъ крѣпокъ. Но жаль, что пока только въ этомъ сказался у насъ русскій духъ.

Японская горная батарея въ походѣ.

Съ начала тѣсной осады полиція принялась за выселеніе изъ крѣпости праздныхъ китайцевъ, бѣдныхъ кули. Ихъ сажаютъ въ Голубиной бухтѣ на шаланды и отправляютъ въ Чифу. Говорятъ, что большинство изъ нихъ ѣдутъ изъ Чифу обратно въ Дальній искать работу у японцевъ. Но развѣ нельзя было привлечь ихъ къ работѣ на укрѣпленіяхъ, гдѣ не хватаетъ рабочихъ рукъ?



Японскій вьючный артиллерійскій паркъ.

Все еще разсказываютъ, что въ Дальнемъ у японцевъ живется весело— въ саду играетъ музыка; понаѣхало много американокъ... Пьютъ шампанское... Идетъ оживленная торговля и свободное пассажирское движеніе *).

2/15 августа. Вчера японцы заняли предгорья Угловой горы: Сиротку и Трехголовую.

*) Это все выдумки. Японцы, какъ оказывается, разъ взявшись воевать, не развлекаются пустыми забавами, да и жалованье японскихъ офицеровъ далеко не хватаетъ на разливное море изъ шампанскаго. Это мы судили слишкомъ по себѣ...

Съ ранняго утра идетъ на лѣвомъ флангѣ артиллерійскій бой, жестокій бой съ небольшими перерывами.

Въ обѣдъ японцы здорово обстрѣляли городъ по всѣмъ направленіямъ, хотя существеннаго вреда не нанесли. Въ седьмомъ часу вечера, должно быть озлобленные своими неудачами, пустили они десятка два—три снарядовъ по порту. Въ городѣ убиты два солдата и ранено 11 человѣкъ—солдатъ и матросовъ.

На ряду съ высокими примѣрами геройства и беззавѣтной вѣры въ то, что крѣпость устоитъ противъ натиска непріятеля, начинаютъ встрѣчаться и отрицательныя явленія—малодушное, чтобы не сказать трусливое, хныканье. Такъ сегодня забрелъ ко мнѣ во дворъ младшій унтеръ-офицеръ 26-го полка, съ георгіевской ленточкой на груди *), розыскивающій бывшаго здѣсь жильца—поляка. Изъ разговора его видно, что онъ посѣщалъ гимназію—значитъ до нѣкоторой степени интеллигентъ. На мои разспросы, какъ идутъ дѣла тамъ, на позиціяхъ (бой шелъ какъ разъ вблизи расположенія 26-го полка), онъ началъ мнѣ говорить, что все это ерунда—крѣпость намъ не удержать, всѣ попадемъ въ плѣнъ... Это меня возмущало, но я старался увѣрить его, что этого быть не должно и что сейчасъ нѣтъ никакой еще надобности опускать руки.

Его малодушіе объяснилъ я себѣ разстройствомъ нервовъ, такъ какъ сомнѣваться въ храбрости георгіевскаго кавалера было невозможно. Потомъ забрелъ онъ вторично уже изрядно выпившій, во дворъ, и искалъ, гдѣ бы купить водки. Тутъ уже я понялъ, что унтеръ улизнулъ съ позиціи, и что ленточка, чего добраго, и не его, или же досталась ему не по заслугамъ. Да, это не защитникъ—это не русскій солдатъ! **)

Въ эти дни идетъ дождь—само небо, кажется, хочетъ смыть проливаемую цѣлыми потоками кровь.

3/16 августа. День прошелъ безъ бомбардировки города; и на позиціяхъ тихо.

Сегодня выѣзжалъ къ деревни Шуйшіинъ японскій парламентеръ маіоръ Ямоока. Ему навстрѣчу прибылъ начальникъ штаба генерала Стесселя и принялъ 2 пакета—на имя командующихъ сухопутными и морскими силами. Въ пакетахъ формальное предложеніе сдать крѣпость безъ боя. Надо думать, что воспользуются случаемъ и поведутъ переговоры объ уборкѣ раненыхъ и убитыхъ. На Дагушанѣ гніетъ такая масса японскихъ труповъ, что на батареѣ литера А нѣтъ мочи отъ зловонія.

*) За неимѣніемъ крестовъ въ крѣпости стали носить однѣ ленточки; позднѣе появились кресты, изготовленные въ артурскихъ мастерскихъ.

**) Впослѣдствіи, уже послѣ паденія Высокой горы, я еще разъ встрѣтилъ этого унтеръ-офицера. На мой вопросъ—помнитъ ли онъ, что онъ мнѣ говорилъ въ началѣ осады—онъ сконфузился: «Кто это могъ подумать!» Пробормотавъ эти слова, онъ поспѣшилъ уйти.

Врачъ Г. увѣряетъ, что по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ у японцевъ за эти дни убитыхъ около 10 тысячъ. Какая ужасающая цифра!

Узнаемъ нѣкоторыя подробности о штурмахъ предгорья Угловыхъ горъ.

31-го іюля японцы осмотрѣли мѣстность съ воздушнаго шара.

Первыя наступленія японцевъ на лѣвый флангъ крѣпостной обороны начались въ ночь на 1-е августа и отбиты. Но 1-го августа наши передовыя цѣпи начали очищать свои окопы; непріятель налегалъ сильнѣе и сильнѣе. Артиллерійскимъ огнемъ снесено всякое прикрытіе. Тутъ, какъ передаютъ, сказались вредныя послѣдствія нашихъ постоянныхъ отступленій, начиная

Военный корреспондентъ Е. К. Ножинъ.

отъ Киньчжоу, неподдержаніе рѣдѣющихъ частей резервами, находящимися подъ командой генерала Фока.

Какіе-то солдаты стали обходить окопы, заявляя, что нужно отступать.

— Что же мы здѣсь пропадать что-ли будемъ! Отступай ребята!

Въ другихъ мѣстахъ сообщали, что приказано отступить, когда никто такого приказа не отдавалъ...

Когда генералъ Кондратенко замѣтилъ отступленіе съ гребня Боковой и Трехголовой горы, онъ приказалъ полковнику Ирману и подполковнику Іолшину вернуть отступавшія части на свои мѣста, уже занимаемыя японцами. Порученіе это было исполнено блестяще—окопы взяты обратно штурмомъ. При этомъ былъ раненъ подполковникъ Іолшинъ.

Потомъ было приказано нашимъ частямъ отступить и огонь съ нашихъ батарей былъ направленъ на эти окопы, чтобы помѣшать японцамъ укрѣпиться въ нихъ.

Этимъ маневромъ былъ какъ-бы внесенъ необходимый коррективъ—поднятъ духъ войскъ—показано, что и мы можемъ вышибать японцевъ изъ занятыхъ ими позицій; доказано, что при отступленіи, разумно организованномъ, и потери не такія, и противникъ не получаетъ тѣхъ преимуществъ, какъ при самовольномъ и безпорядочномъ оставленіи позицій.

Въ госпиталѣ умеръ генералъ-маіоръ Разнатовскій; болѣзнь пошла ускоренно и смерть избавила его отъ мучившаго страха.

4/17 августа. Ночью изрѣдка стрѣляли наши суда. Дождь лилъ, какъ изъ ведра.

Сегодня наши парламентеры отвезли отвѣтъ на японское предложеніе При этомъ японскій маіоръ Ямоока вручилъ нашимъ офицерамъ пакетъ на имя германскихъ морскихъ агентовъ, которые въ послѣднѣе время поселились на одной изъ батарей Тигроваго полуострова и живутъ тамъ въ полной безопасности, имѣя возможность наблюдать за всѣмъ происходящимъ. Тамъ-же живетъ и французскій военный агентъ.

Узналъ кое-какія подробности о парламентерскихъ переговорахъ.

Японцы пишутъ, что несмотря на проявленную русскими войсками стойкость и храбрость, крѣпость все же должна пасть. Поэтому командиръ японской осадной арміи предлагаетъ начать переговоры о сдачѣ, чтобы предотвратить ненужное кровопролитіе, какъ и насиліе, грабежи и убійство со стороны японскихъ войскъ при взятіи крѣпости силой.

При обсужденіи письма японскаго генерала Ноги на военномъ совѣтѣ, какъ сообщаютъ, дѣло не обошлось безъ довольно комичныхъ недоразумѣній. Генералъ Стессель не хотѣлъ вначалѣ и слышать о какомъ-либо отвѣтѣ, принимая предложеніе японцевъ за личное для себя оскорбленіе, такъ какъ, дескать, и японцамъ долженъ быть извѣстенъ его приказъ, въ которомъ говорится, что крѣпость не сдастся, пока хотя одинъ защитникъ будетъ живъ... Генералу Смирнову удалось наконецъ убѣдить командующаго укрѣпленнымъ раіономъ, что приличіе и старыя традиціи требуютъ, чтобы былъ данъ отвѣтъ, какого-бы онъ не былъ содержанія. Затѣмъ генералъ Смирновъ составилъ отвѣтное письмо—что честь и достоинство Россіи не допускаютъ даже предварительныхъ переговоровъ о сдачѣ крѣпости. Подписали это письмо генералы Стессель и Смирновъ.

Во время обѣда японцы обстрѣляли насъ по всѣмъ направленіямъ, но безъ особаго вреда.

Сообщаютъ, что около 6 часовъ вечера вблизи бухты Лунвантань взорвалось на минѣ 2-хъ-трубное японское судно.

Устроенные городомъ резервуары для собиранія дождевой воды.
Типичный грунтъ окрестностныхъ горъ Артура. каменистая почва еле покрыта растительностью.

Съ позицій пригнали задержанныхъ китайцевъ, человѣкъ 60, которые не признаются мѣстнымъ населеніемъ. Должно быть японскій авангардъ—шпіоны.

Ежедневно высылаютъ цѣлыя партіи китайцевъ въ Чифу.

5/18 августа. Сегодня японцы бомбардировали городъ съ 1 ч. 30 м. до 5 час. вечера. Попали въ сводный госпиталь; убитъ фельдшерскій ученикъ и тяжело ранены двое раненыхъ; зданіе повреждено довольно сильно. Много снарядовъ попало въ магазины и дома; много вокругъ «Новаго Края», точно задались цѣлью уничтожить газету. Въ пристройку почтовой конторы влетѣлъ снарядъ и оглушилъ 2 почтальоновъ. Несмотря на продолжительную бомбардировку въ городѣ убито всего 2 и ранены 2 человѣка.

Пока бомбардируютъ городъ, пока снаряды ложатся близко—страшно; но какъ только перестали стрѣлять, сразу всѣ успокаиваются—какъ будто ничего и не бывало. Одинъ — два убитыхъ, одинъ — два раненыхъ... но къ этому мы уже привыкли. Нервы, повидимому, начинаютъ притупляться. Въ началѣ войны непріятно дѣйствовалъ уже одинъ видъ пустого санитарнаго фургона; его красный крестъ на бѣломъ холстѣ такъ и казался кровавымъ пятномъ.

Теперь каждый, какъ будто, ушелъ въ себя и радъ только тому, что—«сегодня живъ, здоровъ и—слава Богу!» Вопросы: куда дѣваться? что дѣлать? и—что будетъ?—будто исчезли, замялись. Ихъ снесли событія дня съ очереди обсужденія: что будетъ, то будетъ...

Сегодня утромъ канонерская лодка «Гремящій» наткнулась на рейдѣ на японскую мину и вскорѣ пошла ко дну; команда спаслась.

Съ 4 час. дня японскія батареи начали пристрѣлку по нашимъ укрѣпленіямъ, по всему фронту, начиная отъ укрѣпленія № 2 до Угловой горы.

6/19 августа. Сегодня съ самаго утра на нашихъ батареяхъ цѣлый адъ; японцы бомбардируютъ нашъ сѣверо-восточный фронтъ, сосредоточивая то на одной, то на другой батареѣ огонь; наши батареи стрѣляютъ также усиленно. Горы покрыты дымомъ отъ рвущихся японскихъ снарядовъ и отъ выстрѣловъ нашихъ орудій; а надъ этимъ чернымъ дымомъ и пылью рвется на воздухѣ бѣлыми дымками, будто клочками ваты, шрапнель, осыпая позиціи дождемъ пуль. Гулъ и рокотъ сливаются такъ, что нельзя разобрать, кто и откуда стрѣляетъ и гдѣ рвутся снаряды. Особенно сильно обстрѣливается раіонъ между фортомъ III и батареей литера Б; но и по всему фронту, и на лѣвомъ флангѣ идетъ сильный артиллерійскій бой. Изрѣдка обстрѣливаютъ и портъ; когда подъ Золотой горой загорался складъ масла (смазочныхъ средствъ) и когда японцы увидали густой столбъ дыма, поднимающійся къ небу отъ пожарища, то усилили по этому направленію свою стрѣльбу. Огонь удалось локализовать безъ человѣческихъ жертвъ.

Подъ вечеръ загорѣлось отдѣленіе арсенала, въ которомъ хранились преимущественно китайскіе патроны и порохъ. Японцы усилили огонь и по этому пожарищу. Къ сожалѣнію есть убитые и раненые изъ команды, спа-

савшей боевые запасы изъ горящаго зданія. Зарево пожарища дѣйствуетъ удручающе; между грохотомъ орудій и отдѣльными взрывами слышна трескотня массы взрывающихся китайскихъ патроновъ.

Японцы повели атаки на Кумирнинскій и Водопроводный редуты. Сильный артиллерійскій огонь по редутамъ № 1 и № 2 и по Куропаткинскому люнету.

8/21 августа. Всѣ эти дни японцы отчаянно атакуютъ то ту, то другую позицію. Штурмы снова начались на лѣвомъ флангѣ; вчера штурмовали въ центрѣ водопроводный редутъ; сегодня японцы направили свои силы на фронтъ отъ укрѣпленія № 2 до форта III; пока безъ успѣха.

Японцы въ походѣ.

Японцы стали стрѣлять и по ночамъ по городу, притомъ въ разбросъ; ищутъ, должно быть, резервовъ. Совсѣмъ выбили городъ изъ строя—стѣснили движеніе. Съ ночи начали обстрѣливать Перепелочную гору и ея батарею.

IV. Первыя жертвы и первые подвиги.

Уже много у насъ и убитыхъ и раненыхъ; между ними хорошіе знакомые—друзья. На правомъ флангѣ 7-го числа ужасно обожженъ при взрывѣ порохового погреба на Залитерной батареѣ и вскорѣ умеръ, бывшій начальникъ крѣпостной артиллеріи на Киньчжоуской позиціи—штабсъ-капитанъ Николай Алексѣевичъ Высокихъ. Это былъ прекрасный человѣкъ и отличный офицеръ. Умеръ онъ въ адскихъ мукахъ, но не испустивъ ни крика, ни стона; врачи были въ изумленіи отъ такого безпримѣрнаго мужества, необычайной силы воли.

Вотъ ужасная картина, предшествовавшая смерти этой жертвы долга, по словамъ очевидца-офицера.

— Послѣ взрыва погреба на Залитерной *) батареѣ вижу,—говоритъ онъ,— бѣжитъ какой-то совершенно голый человѣкъ; бѣжитъ, спотыкается, падаетъ, запинаясь о камни, встаетъ и снова бѣжитъ мнѣ навстрѣчу, по направленію къ Малой Орлиной батареѣ. Подбѣгаетъ—видъ его ужасенъ—весь онъ обожженъ; изъ одежды остался на немъ лишь кусокъ шароваръ и кусокъ сапожнаго голенища. Это былъ Николай Алексѣевичъ! Бѣдняга направился къ батареѣ брата, Владиміра, какъ-бы инстинктивно ища тамъ спасенія .. Онъ забылъ, что братъ еще вчера раненъ, контуженъ и отправленъ въ госпиталь **).—Позвалъ я солдатъ и мы снесли его на перевязочный пунктъ, гдѣ его всего окутали въ вату; сплошные ожоги—надежды на спасеніе никакой; отправили въ Красный Крестъ. Ужасно—не дай Богъ никому такихъ мученій!..

Въ этомъ-же раіонѣ убитъ вчера утромъ, во время штурма, подпоручикъ Э. И. Дударовъ, симпатичный, всегда съ грустнымъ взглядомъ, всегда задумчивый, но фатально хладнокровный кавказецъ. Умеръ героемъ.

Также убитъ подпоручикъ артиллеріи С. М. Мостинскій — весельчакъ, любимецъ товарищей. Тяжело раненъ подпоручикъ Садыковъ.

6-го числа японцамъ удалось занять передовые окопы Угловой горы, а 7-го числа они заняли и Угловую гору.

Во время штурмовъ предгорья Угловыхъ горъ,—гдѣ нашимъ отрядамъ приходилось уступать мѣсто подавляющему перевѣсу японскихъ силъ, — сильно израненъ подполковникъ Лисаевскій, подъ наблюденіемъ котораго,— по проекту генерала Кондратенко,—укрѣплялись эти предгорья.

По разсказамъ очевидцевъ, съ рѣдкимъ упорствомъ отстаивалъ не молодой уже подполковникъ свои позиціи; не отдавалъ онъ даромъ ни пяди земли. Онъ уже раненъ; лѣвая рука, прострѣленная въ двухъ мѣстахъ, повисла безсильно; кровь сочится сквозь мундиръ и капаетъ съ пальцевъ.

Въ одномъ мѣстѣ дрогнули наши цѣпи; онъ къ нимъ:

— Не отступай, ребята! Держись дружнѣе — цѣлься, не торопясь! Не отдадимъ-же имъ даромъ наши позиціи!—Не уйду отъ васъ—помремъ вмѣстѣ!

У него уже ранена и правая рука. Солдаты уговариваютъ его пойти на перевязочный пунктъ.

— Не уйду!

---

*) Названіе это довольно странное — батарея эта находилась позади батареи «литера Б». — Вообще нельзя сказать, чтобы названія, данныя нашимъ батареямъ, отличались мѣткостью... Литерныхъ батарей было много, слѣдовательно могло быть и много «Залитерныхъ». Бывали даже «батарейныя батареи», «морскія батареи» и батареи, назв. просто по калибру орудій. Не хватало названій... Положимъ, это не удивительно, если мы и въ вполнѣ мирной обстановкѣ не особенно изобрѣтательны на счетъ названій. Мнѣ передавали, что въ Одессѣ существуетъ уже много лѣтъ особая комиссія, на обязанности которой лежитъ только придумыванье названій новымъ улицамъ, и что несмотря на это, тамъ посейчасъ нѣсколько улицъ безъ названій... Тамъ же изобрѣтенъ шедевръ наименованія: «Улица 19-го февраля 1861 года».

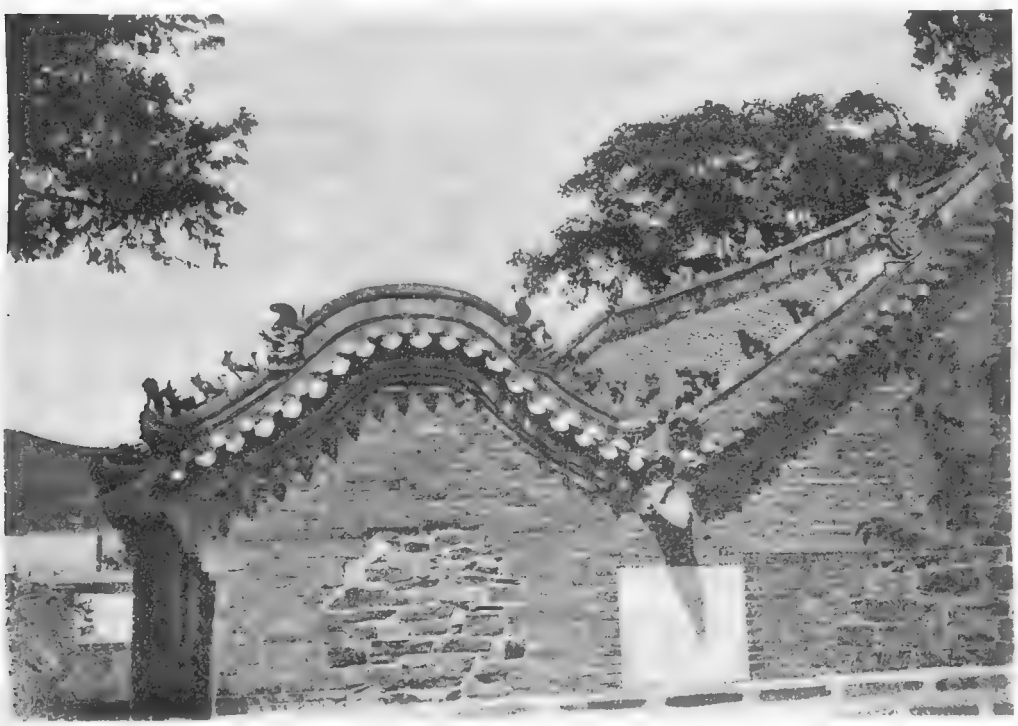
**) Начальникъ VII артилл. сектора, шт.-капит. Влад. Ал. Высокихъ.

И торопится туда, гдѣ его присутствіе необходимо. Раны перевязываются санитаромъ на-скоро—и онъ опять распоряжается, какъ ни въ чемъ не бывало.

Вотъ — пуля пробила ему челюсть; кровь хлынула изо-рта; солдаты снова уговариваютъ его отойти,—идти на перевязочный пунктъ. А онъ беретъ у санитара вату, запихиваетъ ее себѣ въ ротъ и рычитъ:

— Не уйду! Держись, ребята, дружнѣе!

Еще нашлась у японца для него пуля. А онъ все еще продолжаетъ размахивать уже перевязанной правой рукою, командовать насколько позволяютъ разбитыя челюсть и подбородокъ. Наконецъ, истекая кровью, па-



Китайская архитектура.
Карнизъ зданія морского собранія.

даетъ онъ въ обморокъ. Его уносятъ и передаютъ велосипедистамъ-санитарамъ, которые и доставили его въ госпиталь.

Дорогой встрѣтилъ его полковникъ Третьяковъ, поцѣловалъ безжизненное, блѣдное лицо, перекрестилъ его со слезами на глазахъ и сказалъ:

— Будетъ живъ!..

Немного позднѣе раненъ тамъ-же, на лѣвомъ флангѣ, капитанъ 2-го ранга Г. Вл. Циммерманъ, командовавшій батальономъ флотскаго эпипажа.

Съ паденіемъ предгорья: Передовой, Боковой и Трехголовой (на Сироткѣ держались еще нѣкоторое время охотники) на нашей позиціи на Угловой, обстрѣливаемой японцами и фронтовымъ и фланговымъ огнемъ—

нельзя было долѣе держаться; но все же не покидали ее до ночи на 7-е число и отступили только тогда, когда уже не было возможности оставаться на ней, когда всѣ прикрытія были сметены артиллерійскимъ огнемъ непріятеля; послѣ отступленія старались нейтрализовать ее сосредоточеннымъ огнемъ съ нашихъ батарей.

Нечего и говорить о томъ, что будь на Угловой бетонныя укрытія, эта позиція продержалась-бы долго.

У японцевъ при этомъ штурмѣ уронъ былъ огромный—не менѣе 75% всѣхъ бывшихъ въ дѣлѣ людей. Имѣя ввиду этотъ уронъ, генералъ Кондратенко хотѣлъ перейти тамъ въ наступленіе, но, какъ передаютъ, генералъ Фокъ, вообще не любившій давать свои резервы, помѣшалъ этому; онъ будто называетъ Кондратенко «азартнымъ игрокомъ».—А успѣхъ былъ весьма вѣроятенъ, пока японцы не успѣли укрѣпиться на новыхъ позиціяхъ.

Наша бѣда въ томъ, что батареи строятся красивыя *), но уже при первомъ сильномъ дождѣ онѣ размываются, а при бомбардировкахъ скоро оголяются орудія—орудія подбиваются и люди гибнутъ зря, не имѣя надежныхъ прикрытій.

Кромѣ того у насъ самый порядокъ артиллерійской борьбы съ непріятелемъ далеко не нормаленъ. Напримѣръ,—не стрѣлять безъ разрѣшенія... или—не приказано стрѣлять...

Съ батареи замѣчаютъ или передвиженіе непріятеля или установку имъ орудій. Извольте-ка сперва донести по начальству; а пока получишь приказаніе, непріятель скроется, успѣетъ укрѣпиться. А потому приходится иногда дѣйствовать безъ распоряженія начальства. Такъ на лѣвомъ флангѣ шт.-кап. крѣпостной артиллеріи Андреевъ, капит. полевой артиллеріи Цвѣтковъ и другіе подбивали непріятельскія орудія, не спрашивая разрѣшенія начальства, если видѣли, что необходимо стрѣлять немедленно.

Это спрашиванье начальства, часто отсутствующаго во время боя, ужасно стѣсняетъ личную иниціативу сражающихся. На это жаловались повсюду — и на правомъ флангѣ, и въ центрѣ. Къ чему эта безсмысленная экономія въ снарядахъ, послѣдствія которой совсѣмъ не экономичны для гарнизона и укрѣпленій? Вѣдь если непріятелю позволили подойти близко, да еще дали ему безпрепятственно укрѣпиться, то борьба съ нимъ становится куда труднѣе, вредъ наносимый имъ много чувствительнѣе. А казалось-бы дѣло артиллеріи именно удержать и уничтожать врага вдали, не допуская его подойти безнаказанно къ крѣпости.

*) Также какъ до этой войны считалось въ полевой артиллеріи особой молодцеватостью—*красиво* выѣхать съ батареей на позицію... Война эта доказала, что подобные, чисто парадные пріемы, здѣсь не только никъ чему, но прямо таки губительны. Необходимо умѣть поставить батареи скрытно, за естественными возвышеніями — складками мѣстности; нужно установить такъ, чтобы хорошо поражать, не подставляя свой лобъ.

Въ бояхъ на лѣвомъ флангѣ отличились, какъ передаютъ, капитаны: Крамаренко и Янцевичъ, шт.-кап. Софроновъ, поручики: Османовъ и Ивановъ; но будутъ ли они награждены и чѣмъ—это другой вопросъ.

На батареѣ лит. Б убитъ подпоручикъ Сандецкій и смертельно раненъ поручикъ Коржинскій.

На правомъ флангѣ японцы сильно насѣдаютъ на редутъ № 1; гарнизонъ держится геройски, отчаянно.

Китайская архитектура.
Домъ и. д. гражданскаго комиссара, подполковника Вершинина.

Вотъ, баталіонъ моряковъ подъ командой кап. 2-го ранга А. В. Лебедева отправляется на позиціи, по направленію къ Орлиному гнѣзду. Уже сумерки; но богатырская фигура командира, бодро шагающаго впереди отряда, видна издали. Идутъ на смѣну частей, измученныхъ безпрерывнымъ боемъ.

Пока всѣ атаки блестяще отбиты; склоны горъ покрыты японскими трупами. Еще поддерживается рѣдкій артиллерійскій огонь. Видно какое-то зарево, что-то догораетъ.

10/23 августа. Всѣ эти дни бомбардировки и штурмы почти не прекращались.

Японцы штурмовали фронтъ отъ укрѣпленія № 2 до форта III, особенно наступая на редуты, Куропаткинскій люнетъ и открытые капониры.

На Куропаткинскій люнетъ японцы взбирались уже нѣсколько разъ, но тотчасъ-же стрѣлки и крѣпостные артиллеристы штыками сбрасывали ихъ обратно. Японцы не могутъ устоять противъ нашего штыкового удара. Не удалось японцамъ взять и открытые капониры; они завладѣли вчера подъ вечеръ редутами № 1 и № 2 только благодаря своему сосредоточенному артиллерійскому огню. Редуты были очищены послѣ отчаяннаго сопротивленія.

Второй уже день виднѣется поднявшійся надъ Волчьими горами, противъ Орлинаго гнѣзда, японскій воздушный шаръ, продолговатой формы съ придаткомъ въ родѣ руля. Говорятъ, что шаръ этотъ одинъ изъ взятыхъ японцами 27-го января на пароходѣ «Манджурія»...

Пытались подстрѣлить этотъ шаръ, но видимаго успѣха не имѣли; хотя вскорѣ шаръ опустился.

У насъ нѣтъ правильно организованныхъ наблюдательныхъ пунктовъ, для точнаго опредѣленія паденія снарядовъ и корректованія стрѣльбы. Единственный, снабженный нужными инструментами, наблюдательный пунктъ устроенъ на Большой горѣ, на правомъ флангѣ, капитаномъ Виреномъ и обслуживается моряками. Говорятъ, что генералъ Стессель находитъ это излишней и ненужной затѣей.

Всѣ эти ночи просиживалъ подолгу на горѣ, наблюдая за ходомъ боя, стараясь вывести заключеніе о боѣ, насколько это возможно опредѣлить по трескотнѣ ружейныхъ выстрѣловъ, по гулу противоштурмовыхъ и прочихъ орудій.

Боевыя ракеты, то и дѣло, взвиваются змѣйкой и, разсыпаясь огромнымъ снопомъ ослѣпительныхъ звѣздочекъ, освѣщаютъ на нѣсколько секундъ темныя очертанія горъ, окаймляющихъ городъ, тылъ нашихъ позицій. Въ эти мгновенія все точно затихаетъ, чтобы въ слѣдующую минуту затрещать съ новой силой. Кое гдѣ видны лучи прожекторовъ, переходящихъ съ мѣста на мѣсто. Послѣ большихъ бѣлесоватыхъ вспышекъ глухо раздаются выстрѣлы болѣе крупныхъ орудій; если при этомъ хотя незамѣтный вѣтерокъ, то слышенъ вой прилетающаго японскаго и удаляющагося нашего снаряда и взрывъ его тамъ, въ расположеніи японцевъ. То изрѣдка, то учащаясь, раздаются потрясающіе воздухъ выстрѣлы съ Электрическаго утеса, Золотой горы и съ нашихъ судовъ; снаряды пролетаютъ черезъ наши головы съ шипѣніемъ, свистомъ и воемъ. Но насъ уже не страшатъ эти зловѣщіе звуки, отъ которыхъ въ началѣ войны такъ сжималось сердце, по тѣлу пробѣгала холодная дрожь; мы пріучились различать шумъ перелета своихъ снарядовъ отъ непріятельскихъ. Наши снаряды не кажутся намъ такими ужасными, несущими смерть и разрушеніе, какъ непріятельскіе; мы видимъ въ своихъ снарядахъ лишь поддержку нашимъ храбрецамъ-защитникамъ тамъ, впереди. Мы провожаемъ ихъ голодный ревъ, подчасъ, пожеланіями большаго успѣха...

Война безсердечна.

Сегодня вышли въ море, чтобы обстрѣлять японскія позиціи съ фланга броненосецъ «Севастополь», канонерская лодка «Гилякъ» и миноносцы; направились они къ бухтѣ Тахэ.

Вотъ, нѣкоторыя подробности о вчерашнемъ штурмѣ на правомъ флангѣ, на редуты № 1 и 2. Послѣ сосредоточеннаго артиллерійскаго огня, превратившаго редуты въ развалины, японцы взяли штурмомъ редутъ № 1. Туда были посланы резервы. Матросы, подъ командой капитана 2-го ранга Александра Васильевича Лебедева, вскочили въ редутъ и перебили японцевъ, занявшихъ его. Лебедевъ, по словамъ очевидцевъ-матросовъ и стрѣлковъ,

Китайская деревня близъ Артура.

скосилъ своимъ увѣсистымъ палашемъ много японцевъ — послужилъ примѣромъ для всѣхъ; въ лѣвой рукѣ у него былъ револьверъ Наганъ, изъ котораго онъ стрѣлялъ въ сбившихся въ кучу японцевъ; правой же рукой наносилъ смертельные удары.

— Храбрѣе этого рубаки мы не видали! — говорили уцѣлѣвшіе въ этомъ дѣлѣ.

Но онъ погибъ тутъ-же. Какъ только японцы замѣтили, что ихъ солдаты начали убѣгать назадъ по одиночкѣ и что редутъ взятъ обратно русскими, они открыли снова адскій артиллерійскій огонь. Наши храбрецы должны были укрываться, гдѣ кто могъ, чтобы не быть уничтоженными массой рвущихся надъ редутомъ снарядовъ.

Лебедевъ, покончивъ съ японцами, остался еще на моментъ на редутѣ.

— Вашбродіе, — кричатъ ему пріобрѣвшіе въ бояхъ уже нѣкоторый опытъ нижніе чины, — прячьтесь! Сейчасъ начнетъ артиллерія!..

Но онъ не послушался, снялъ фуражку и вытеръ платкомъ вспотѣвшій лобъ. Въ это время разорвалась надъ нимъ японская шрапнель; нѣсколько шрапнельныхъ пуль пробило черепъ и Лебедева не стало *).

Редуты переходили въ этотъ день раза четыре изъ рукъ въ руки и, наконецъ, наши отряды очистили ихъ за невозможностью укрываться отъ японскихъ снарядовъ; все было превращено въ груды камня и обломковъ — некуда спрятаться. За то, какъ бы въ отместку, наша артиллерія не перестаетъ громить эти редуты, не давая японцамъ засѣсть и укрѣпиться въ нихъ. Туда посылаются съ Золотой горы и съ броненосцевъ «чемоданы» — какъ прозвали у насъ 10-ти, 11-ти и 12-ти дюймовые снаряды.

Подобно капитану Лебедеву геройски погибъ, въ контръ-атакѣ на Панлуншанѣ, полковникъ князь Иванъ Ильичъ Мачабелли, бывшій командиръ 13-го Вост.-Сиб. стрѣлковаго полка, отрѣшенный отъ командованія полкомъ совершенно незаслуженно. Безусловно храбрый офицеръ, честный, примѣрный служака — не преклонялся предъ трусливыми бездарностями; его оскорбили, опозорили, такъ какъ ничто не можетъ быть хуже для офицера, чѣмъ отрѣшеніе отъ командованія во время войны **), — оно означаетъ, что офицеръ этотъ никуда не годенъ, не выдержалъ боевого испытанія. Его убили нравственно сперва свои начальники, потомъ прикончили японцы. Японцы убили его открыто, въ честномъ бою; наши же — изъ за угла, предательски, такъ какъ прекрасно сознавали его безвинность. Но имъ нужно было свалить съ себя отвѣтственность за одинъ изъ своихъ безсмысленныхъ, даже сумасбродныхъ поступковъ, за свое распоряженіе о такомъ укрѣпленіи Волчьихъ горъ, которое противорѣчитъ самымъ элементарнымъ положеніямъ военной науки, которое противорѣчитъ и простому здравому слыслу. Князь Мачабелли не боялся умереть; онъ доказалъ это уже въ нѣсколькихъ бояхъ. Теперь же, недостойно опозоренный недостойными людьми, онъ искалъ славной смерти и нашелъ ее. Онъ бился на ряду съ солдатами и положилъ на ряду съ ними свою голову. Но мы потеряли отличнаго офицера, отличнаго командира полка — такого человѣка, жизнію какихъ мы должны дорожить.

Вѣчный миръ тебѣ, герой — пасынокъ недостойнаго начальства!

Пусть напрасная смерть героя останется несмываемымъ пятномъ на тѣхъ, кто его погубилъ, — кто алчно протягиваетъ свои грязныя руки за незаслуженнымъ лавровымъ вѣнкомъ!

*) Тѣло А. В. Лебедева было вынесено и похоронено съ подобающими почестями.

**) Впрочемъ, у насъ встрѣчается много страннаго: были у насъ другіе отрѣшенные отъ командованія, не участвовавшіе ни въ одномъ бою—не переносящіе боя... и, какъ теперь оказывается, даже награждены. Не слышно, чтобы кто либо изъ такихъ типовъ отказался отъ данной ему, но совершенно незаслуженной награды.

Тѣло князя Мачабелли не могли унести, оно осталось далеко впереди нашихъ окоповъ, осталось въ рукахъ непріятеля; поэтому не могли быть оказаны ему послѣднія почести ни уважавшими его сослуживцами, ни любящими его подчиненными, ни... лицемѣрная скорбь тѣхъ, кто его погубилъ, убилъ заживо.

Японцы несомнѣнно благоговѣйно похоронили этого храбраго русскаго полковника.

Къ сожалѣнію, есть у насъ и нѣсколько отрицательныхъ примѣровъ. Капитанъ Б—чъ, какъ сообщаетъ полковникъ, раненый въ бояхъ, — бѣжалъ отъ своей роты, былъ приведенъ обратно, но бѣжалъ снова. – Капитанъ

Несутъ!

Л—ль, какъ подтверждается оффиціально, оставилъ свою роту подъ видомъ болѣзни...*).

Если вѣрить злымъ языкамъ, «волчья болѣзнь» появилась то у одного, то у другого; она поражаетъ даже и высшихъ чиновъ,—даже тѣхъ, для коихъ личная храбрость могла быть почти единственнымъ оправданіемъ. Также сообщаютъ, что Угловая гора не была бы еще отдана, если бы двѣ роты (кажется 1-я и 7-я) 28-го полка не отступили самовольно и этимъ не заставили остальныхъ оступить.

Прошлой ночью, съ 3 часовъ было приказано одному батальону 14-го полка атаковать редуты № 1 и 2. Редутъ № 1 занятъ нашими стрѣлками, но съ наступленіемъ свѣта они выбиты вновь японскимъ артиллерійскимъ

*) Ужасно возмущаетъ появленіе въ газетахъ и журналахъ портретовъ героевъ этого пошиба съ подписями «выдержавшій осаду Артура», или «отличившійся», даже «герой...» Портреты же *дѣйствительныхъ героевъ* встрѣчаются рѣже; многихъ совсѣмъ нѣтъ, какъ напр. портрета кн. Мачабелли.

огнемъ. Отрядъ, посланный въ обходъ редута № 2, заблудился въ потьмахъ и атака на этотъ редутъ не состоялась вовсе. Японцы укрѣпляются въ редутахъ за горжами *) и поэтому не легко выбивать ихъ оттуда. Говорятъ, что не будь этихъ горжъ, японцамъ не удержаться бы въ этихъ редутахъ, такъ сказать, у насъ подъ носомъ; ихъ вышибали бы оттуда не только артиллерійскимъ, но и ружейнымъ огнемъ; а укрѣпляться за фронтовымъ брустверомъ далеко не такъ удобно. Досадно, что такимъ образомъ непріятель пользуется нашимъ же укрѣпленіемъ противъ насъ **). Къ чему же строить такіе редуты?

11/24 августа. Сегодня съ 3 до 4 час. утра японцы бомбардировали городъ, перебудивъ всѣхъ жителей; люди бѣгали спросонокъ по городу, ища спасенія. Ночью отбиты три отчаянные штурма на Заредутную батарею и прилегающую мѣстность. Сообщаютъ, что генералъ-маіоръ Горбатовскій, лично руководившій всѣ эти дни боемъ на угрожаемомъ фронтѣ праваго фланга (гдѣ онъ постоянно находится), самъ повелъ послѣдніе резервы въ контръ-атаку. Когда японцы были уже отброшены и нужно было ожидать, что они начнутъ снова артиллерійскій обстрѣлъ, солдаты окружили генерала и упросили его отойти въ болѣе безопасное мѣсто...

Командиръ батареи подпор. Кальнинъ, раненый множествомъ осколковъ, доставленъ въ Красный Крестъ; его батарея отчаянно боролась всѣ эти дни съ непріятельской артиллеріей, разбивала шрапнелью колонны пѣхоты, подбивала орудія; весь израненый, лежа въ блиндажѣ, онъ продолжалъ командовать батареей.

Въ эти дни изъ артиллеристовъ штурмуемаго фронта — VII сектора — уцѣлѣли только прапорщикъ запаса Азаровъ и командиръ Волчьей мортирной батареи, шт.-кап. Ручьевъ; послѣдній благодаря тому, что батарея его неуязвима. Она хорошо установлена за естественнымъ брустверомъ — недолеты японской артиллеріи долбятъ скалу впереди батареи, перелеты же падаютъ въ глубокій оврагъ за батареей. Тамъ нѣтъ линіи попаданія; за то японцы изощряются и бьютъ по мортирнымъ дымовымъ столбамъ шрапнелью—стараясь хоть перебить прислугу. Но и это не удается имъ. Жаль, что не такъ установлены всѣ наши батареи!

Въ траншеѣ между Кумирнинскимъ и Водопроводнымъ редутами сегодня убитъ подпоручикъ М. И. Аргузинъ.

V. Личныя дѣлишки.

Какіе то дикіе диссонансы—личныя дѣла и недовольство въ это время, когда казалось бы всѣ помыслы должны бы быть направлены къ одной цѣли: какъ бы лучше защитить крѣпость, поддержать общій подъемъ духа,

---

*) Горжа—тыловая стѣна или брустверъ укрѣпленія, обращенный къ крѣпости.

**) Куропаткинскій люнетъ, не имѣвшій тыловой горжи, былъ нѣсколько разъ уже въ рукахъ японцевъ; но они такъ и не могли удержаться на немъ — ихъ вышибали тотчасъ же.

готовность каждаго принести посильную жертву въ общемъ дѣлѣ, не исключая и жизни своей. Нѣтъ — грубый произволъ, чуждый всякихъ патріотическихъ чувствъ и не признающій ничего кромѣ личныхъ счетовъ, гнететъ насъ непрестанно, даетъ себя чувствовать. Во время большой опасности все было тихо, ничего не было слышно — выступилъ шкурный вопросъ, вопросъ убійственный для трусливой души. Но — прошла гроза благополучно — и вновь зашевелилось въ грязи что-то; появились и злоба, и ненависть.

Говорятъ, исторія скажетъ свое правдивое слово... Хорошо, если исторія будетъ написана основываясь на правдивыхъ фактахъ, незамаскированныхъ всевозможными неправдами, ухищреніями, софизмами.

Везутъ!

Не понимаю, какъ можно дѣлать доброе дѣло посредствомъ дурныхъ поступковъ! А у насъ очень принято оправдывать такіе неблаговидные поступки добрыми намѣреніями, когда этихъ добрыхъ намѣреній не видно.

Это какое-то ненормальное, болѣзненное состояніе или возмутительнѣйшій эгоизмъ. Пусть разберутся въ этомъ историки.

Сейчасъ получилъ интересный документъ—приказъ начальника укрѣпленнаго раіона генерала Стесселя отъ 10-го августа с. г. (дословно):

№ 519.

«Масса труповъ непріятельскихъ заражаютъ воздухъ около фортовъ и редутовъ. Санитарной комиссіи подъ предсѣдательствомъ подполковника Вершинина *) немедля и не позже утра 12-го числа все убрать и дезинфецировать и подполковнику Вершинину лично убѣдиться все-ли исполнено и къ 8-ми часамъ вечера 12-го числа мнѣ объ исполненіи донести, *при чемъ не допускаю никакихъ невозможностей, чтобы было исполнено*».

. . . . . .

*) И. д. гражданскаго комиссара онъ же предсѣдатель городского совѣта.

Какъ-то, послѣ столкновеній высшей военной власти въ лицѣ генерала Стесселя, и гражданской въ лицѣ подполковника Вершинина, изъ-за интересовъ мирнаго городского населенія, по городу носились слухи, будто генералъ Стессель сказалъ кому-то про подполк. Вершинина:

— А всетаки я его поставлю подъ пули!..

На эту фразу, какъ и на многія подобныя ей, никто не обращалъ вниманія.

Но когда наши передовыя части отступили съ Зеленыхъ и Волчьихъ горъ, а японцы, такъ сказать, насѣдали на Дагушань, подполковнику Вершинину, какъ бывшему артиллеристу, было сообщено приказаніе генерала Стесселя тотчасъ же принять командованіе батареей на самыхъ передовыхъ позиціяхъ... На это подполковникъ Вершининъ спросилъ штабъ раіона—состоялся ли приказъ о сложеніи съ него обязанностей гражданскаго комиссара и предсѣдателя городского совѣта. Ему отвѣтили, что такого приказа не было.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ подп. Вершининъ,—я не могу исполнить приказанія генерала Стесселя относительно принятія батареи.

— Тогда вы пойдете подъ судъ за неисполненіе приказа!—отвѣтилъ ему и. д. начальника штаба полковникъ Рейсъ.

— Если я самовольно оставлю возложенныя на меня обязанности,—былъ окончательный отвѣтъ подполк. Вершинина,—то я долженъ также идти подъ судъ. Поэтому и прошу передать генералу, что пока не состоится приказъ объ отчисленіи меня отъ занимаемыхъ должностей и пока не будетъ мнѣ указано лицо, которому я долженъ сдать все, что хранится на моей отвѣтственности, до тѣхъ поръ я не могу исполнить сообщеннаго мнѣ приказанія.

На слѣдующій день ему сообщили, что, *за мииованіемъ недостатка въ офицерахъ(!)*, приказаніе отмѣняется...

Быстро надвинувшіяся ужасныя событія—бомбардировки города и гавани, взятіе японцами Дагушаня и Сяогушаня и первые штурмы самой крѣпости—отодвинули этотъ инцидентъ на задній планъ. При томъ же мы не знали, вѣрить или не вѣрить этому слуху.

Но тутъ на лицо приказъ—оффиціальный документъ, не подлежащій сомнѣнію...

Около десятка тысячъ непріятельскихъ труповъ лежитъ впереди фортовъ и редутовъ, вокругъ которыхъ идетъ все еще непрерывная борьба, не дающая возможности убрать эти трупы; редуты въ рукахъ японцевъ. Японцы открываютъ по появляющимся санитарамъ убійственный огонь, не даютъ убирать раненыхъ, не то что труповъ.

Какъ организована у насъ военно-санитарная часть, не знаемъ но видимо она не можетъ справиться со своей задачей.

Городской санитарный надзоръ *) долженъ сдѣлать то, съ чѣмъ не можетъ справиться военная санитарная часть, потому что генералъ

*) Интересно, какими законами руководствовался генералъ Стессель предъявляя это требованіе.

Стессель не признаетъ невозможнаго въ томъ случаѣ, когда дѣло касается гражданскаго населенія. Это мы видѣли при очищеніи Таліенвана и Дальняго...

И подполковникъ Вершининъ долженъ лично обойти тѣ мѣста, куда генерала Стесселя и его присныхъ, какъ говорится, и калачемъ не заманишь...

Для насъ, мирныхъ жителей, не совсѣмъ безразлично, убьютъ или не убьютъ единственнаго облеченнаго законной властью гражданскаго начальника. Перспектива попасть всецѣло подъ власть генерала Стесселя не можетъ никого радовать. Онъ не признаетъ гражданскаго населенія и его какіе-то тамъ интересы и права. Гражданское населеніе—это, въ глазахъ генерала Стесселя, какая-то тля, которая можетъ быть вся уничтожена,

Велосипеды, приспособленные для перевозки тяжело раненыхъ.

лишь бы это уничтоженіе уравнивало путь къ безсмертной славѣ *) его отнынѣ «исторической личности». Это говорятъ всѣ, знающіе его поближе и это уже подтверждается фактами.

Гражданское населеніе и гражданскія власти дѣлаютъ все, что въ ихъ силахъ, и уборка раненыхъ и труповъ производится именно ими все время, до сей поры. И, поди-жь...

VI. Слава Богу!

11/24 августа. Бой на правомъ флангѣ продолжался, казалось, всю ночь.

По собраннымъ свѣдѣніямъ японцы наступали нѣсколько разъ, пытаясь завладѣть отдѣльными укрѣпленіями или же прорваться черезъ нашу линію

*) Сегодня, при случайномъ разговорѣ на тему, что въ переживаемое нами время одинаково легко добыть безславную смерть, какъ и безсмертную славу,—одинъ изъ почтенныхъ наблюдателей высказался что замѣчательно то, что именно самыя бездарныя «тупицы» предъявляютъ самыя большія претензіи на безсмертіе—при сохраненіи жизни...

обороны. Штурмовали весь фронтъ, но особенно рѣшительно фортъ II, Орлиную и Заредутную горы; направлялись и на Скалистый кряжъ. Первый штурмъ начался около полуночи, а второй—въ половинѣ третьяго часа; оба блестяще отбиты подъ руководствомъ генерала Горбатовскаго. Около Заредутной батареи, за Китайской стѣной, по нашу сторону осталось болѣе 2000 японскихъ труповъ. Говорятъ, что японцы чуть, чуть не прорвались въ городъ.

12/25 августа. Ночью была совершена удачная вылазка съ Высокой горы (на лѣвомъ флангѣ) на Угловую, на которой взорваны тѣ орудія, которыя не удалось попортить при отступленіи и которыя не даетъ убрать японскій артиллерійскій огонь.

Сегодня ружейный и артиллерійскій огонь, хотя поддерживается по всему фронту, но несравненно слабѣе.

Несмотря на всѣ старанія нашихъ батарей нейтрализовать редуты № 1 и 2, японцы засѣли въ нихъ и укрѣпились.

Сегодня, за время бомбардировки города въ д. Леонова раненъ кондукторъ инженернаго вѣдомства; снаряды ложились преимущественно по Торговой, Стрѣлковой и Рѣчной улицамъ; разрушены три фанзы.

Штурмы прекратились; японцы даютъ себѣ передышку, поддерживая огонь лишь—для того, чтобы не допустить контръ-атаки съ нашей стороны.

И, слава Богу!—Отдохнемъ немного.

Вечеромъ жители, собравшіеся къ дешевой городской столовой на ужинъ, были очевидцами гибели на ближнемъ рейдѣ миноносца «Властный», наткнувшагося на японскую мину. Миноносецъ пошелъ почти моментально ко дну; другой, кажется «Бурный», спѣшившій спасать погибающихъ, наткнулся на другую мину, сильно поврежденъ, но удержался на водѣ со спасеннымъ экипажемъ «Властнаго». Все это произошло такъ быстро, что зрители не успѣли опомниться. Мы привыкли къ картинамъ болѣе ужаснымъ, поэтому гибель миноносца не произвела потрясающаго впечатлѣнія.

Начали хоронить погибшихъ въ бою артиллеристовъ; ихъ гробы везутъ на лафетахъ, за гробомъ ведутъ верхового коня убитаго офицера; для отданія послѣдней почести идетъ за гробомъ взводъ полевой артиллеріи. Непривычная еще намъ картина ужасно удручаетъ насъ; приходится хоронить и во время бомбардировокъ; тѣмъ не менѣе народъ и близкіе провожаютъ героевъ на мѣсто ихъ послѣдняго упокоенія. Ихъ женъ и дѣтей здѣсь нѣтъ; едва-ли скоро узнаютъ они о смерти своего кормильца.

13/26 августа. Съ 6 час. утра японцы бросили въ Новый европейскій городъ около 20 шестидюймовыхъ или 120 мм. снарядовъ; попадали и въ госпитали. Ранены 3 госпитальныхъ служителя; убитъ 1 служитель и 1 лошадь.

При бомбардировкѣ Стараго города возникъ по Стрѣлковой улицѣ пожаръ, но вскорѣ затушенъ жителями; на Цирковой площади пробита снарядомъ водопроводная труба; долго бурлила оттуда вода, пока удалось исправить трубу.

Сегодня бомбардировка Стараго города обошлась безъ человѣческихъ жертвъ.

Узнаемъ дальнѣйшій ходъ дѣла по уборкѣ труповъ.

Несмотря на отсутствіе законной почвы у приведеннаго нами приказа (такъ какъ въ городѣ не существовало санитарно-исполнительной комиссіи *), а лишь обыкновенный санитарный надзоръ, имѣющій точно опредѣленный кругъ обязанностей и установленный раіонъ дѣйствія), но признавая

Обратно на позиціи.

уборку труповъ нуждой настоятельной, подполк. Вершининъ увеличилъ гражданскіе отряды для уборки труповъ всѣми наличными силами, распорядился точно, къ кому изъ оставшихся гражданскихъ чиновъ должна въ случаѣ, если онъ будетъ убитъ на передовыхъ позиціяхъ, перейти власть и отвѣтственность, какъ по гражданскому управленію, такъ и по дѣламъ города, и отправился на передовую линію обороны, чтобы организовать уборку гніющихъ труповъ. Выяснивъ все на мѣстѣ и посовѣтовавшись со встрѣченными на боевыхъ позиціяхъ комендантомъ крѣпости генераломъ Смирновымъ и начальникомъ обороны генераломъ Кондратенко, а также съ врачами и представителями военно-санитарнаго дѣла, на передовыхъ перевязочныхъ пунктахъ, ему удалось поставить дѣло такъ, что если къ 12-му числу непосильная задача и не была еще закончена, то все же дѣло,

*) Такія комиссіи учреждаются, по законоположенію, только въ мѣстностяхъ объявленныхъ неблагополучными по холерѣ и чумѣ,—по особымъ повелѣніямъ.

подвинулось на столько впередъ, что можно было надѣяться, что цѣль его будетъ достигнута.

Впереди Водопроводнаго редута и другихъ передовыхъ позицій, находящихся еще въ нашихъ рукахъ, лежали сплошной массой трупы, быстро разлагающіеся и требующіе немедленной уборки. Между тѣмъ днемъ немыслимо было производить эту работу.

Первымъ долгомъ нужно было позаботиться о прикрытіи для санитарныхъ отрядовъ, о снабженіи ихъ пищей и питьемъ, затѣмъ, такъ какъ трупы буквально расползались, а долго копошиться около труповъ было нельзя (потому что японцы обстрѣливали каждаго замѣченнаго человѣка), то была употреблена слѣдующая хитрость: изготовили брезенты, съ привязанными къ нимъ веревками; особо придуманныя для этой цѣли кошки (жел. крючки), также на веревкахъ и на шестахъ, набрасывались на трупы; при помощи ихъ трупъ накатывался на брезентъ и тогда уже перетаскивался черезъ обстрѣливаемое мѣсто къ заготовляемымъ въ ложбинахъ могиламъ. Ночью, если только ни лучъ прожектора, ни боевыя ракеты не освѣщали данную мѣстность, то работа эта шла успѣшнѣе.

Исполнивши то, что можно было сдѣлать, подполк. Вершининъ вернулся благополучно и донесъ о сдѣланномъ генералу Стесселю, указавъ, какъ на свидѣтелей, на генераловъ Смирнова и Кондратенко...

Инцидентъ исчерпанъ; гражданское вѣдомство не посрамило себя.

Получаемъ все больше подробностей о штурмахъ истекшихъ дней; мало-по-малу вырисовывается картина этихъ ожесточенныхъ боевъ—массоваго истребленія людей—и фактъ, что мы въ каждомъ случаѣ опоздали, прозѣвали, не успѣли укрѣпиться, или же укрѣплялись такъ плохо, какъ напр. на Волчьихъ горахъ, что этимъ какъ-бы сами нарочно помогали японцамъ.

Эхъ, кабы ту массу средствъ и труда, которая потрачена на безсмысленную «центральную ограду», примѣнили на Волчьихъ горахъ, на Дагушанѣ и Сяогушанѣ, то тѣсная осада крѣпости была-бы отодвинута на нѣсколько мѣсяцевъ, за нами остались бы сельскіе продукты всей долины, находящейся теперь въ рукахъ японцевъ. А кромѣ того, задерживая натискъ непріятеля, крѣпость могла-бы окончательно приготовиться къ осадѣ. Убрали-бы хоть гаолянъ, который снова служитъ японцамъ прекрасной маскировкой для передвиженій и установки полевой артиллеріи!

Вся наша несообразительность, недальновидность—все приноситъ пользу японцамъ.

Но при томъ напыщенномъ самомнѣніи, какое проявляется у насъ чуть не ежедневно, нѣтъ мѣста здравому разсудку.

Съ какимъ трудомъ у насъ добываются свѣдѣнія изъ внѣшняго міра—трудно себѣ представить. Если со случайной почтой прибудетъ нѣсколько

газетъ *), то они расхватываются чинами встрѣчающими китайскія джонки— и нѣтъ возможности добиться, кто взялъ ихъ и гдѣ онѣ застряли, а большинство населенія Артура остается безъ всякихъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Узналъ, что редактору «Новаго Края» удалось сегодня купить у интендантскаго чиновника Самохвалова нѣсколько тяньцзинскихъ газетъ, «Courier de Tientsin» и «Peking and Tientsin Times» за 30 рублей. Не правда-ли, цѣна не изъ обычныхъ? Но, что страннѣе всего, это то, что г. Самохваловъ, не выписывающій такихъ газетъ, вдругъ сталъ торговать ими **). Какъ бы то ни было, въ редакціи были обрадованы возможностью

Японцы во взросломъ гаолянѣ.

подѣлиться съ своими читателями новостями и извѣстіями, хотя и запоздавшими немного, но все же новыми для насъ.

Прошлой ночью снова ожидали отчаянной атаки, но на этотъ разъ японцы оставили насъ въ покоѣ.

Сейчасъ на позиціяхъ совершенно тихо. Японцы бросили штурмовать; дорого обошлась имъ попытка завладѣть крѣпостью безъ правильной осады.

*) Впослѣдствіе начальникъ русской почтовой конторы въ Чифу говорилъ намъ, что онъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы послать газеты на имя редакціи «Новаго Края» въ Артуръ, чтобы этимъ путемъ огласить все, желая извѣстить осажденныхъ о томъ что творится въ мірѣ.

**) До перерыва почтоваго сообщенія редакція получала всѣ газеты Дальняго Востока, издающіяся на европейскихъ языкахъ и даже китайскія.

14/27 августа. Съ 4 час. утра, одновременно съ разразившейся грозою съ ливнемъ японцы начали атаку на лѣвый флангъ, но были отбиты; на правомъ флангѣ наступали лишь развѣдочные отряды, полагая, что бдительность нашихъ передовыхъ постовъ ослаблена атакой лѣваго фланга.

Какъ бы въ отместку за эти неудачи японцы бомбардировали свирѣпо городъ въ теченіе цѣлаго часа. Въ сводный госпиталь упали два снаряда, которыми ранены два служителя; кромѣ того ранены еще 3 человѣка. Снаряды ложились широко вразбросъ; повреждено много домовъ. Въ китайскомъ городѣ раненъ пулей въ шею извозчикъ.

Но что обиднѣе всего — это то, что вотъ уже впродолженіи нѣсколькихъ дней наши 11-дюймовые снаряды съ мортирной батареи, Золотой горы стали рваться надъ городомъ и падаютъ огромными глыбами, угрожая нашей жизни больше, чѣмъ непріятельскіе. Положеніе довольно скверное. Не знаешь, куда спрятаться отъ этихъ сюрпризовъ. Нѣсколько такихъ снарядовъ упало цѣликомъ въ раіонѣ китайскаго города.

VII. Въ госпиталяхъ.

15/28 августа. Посѣтилъ раненыхъ офицеровъ, разспрашивалъ о ходѣ боевъ и штурмовъ на правомъ флангѣ.

За нѣсколько дней до бомбардировки крѣпости замѣчали около 11-й версты желѣзной дороги, на восточныхъ отрогахъ Волчьихъ горъ, при помощи биноклей *), оживленныя передвиженія японцевъ. Небольшими группами и по одиночкѣ люди перебѣгали, переносили что-то, перевозили что-то на вагонеткахъ устроенной уже ими узкоколейки. За ночь появились окопы на Волчьихъ горахъ и передъ ними проволочныя загражденія. Но гдѣ и когда они устанавливали свои батареи — этого не было замѣтно. Наши батареи стрѣляли по перебѣгающимъ людямъ и предполагаемымъ батареямъ; около ст. 11-й версты произошли даже какіе то взрывы — должно быть складовъ пороха; но существенный вредъ едва ли причинили имъ эти рѣдкіе выстрѣлы.

Закрадывается даже подозрѣніе — не посылали ли японцы нарочно солдатъ взадъ и впередъ, чтобы заставить этимъ насъ попусту тратить снаряды, чтобы отвлечь наше вниманіе отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ велись серьезныя работы? Это возможно при замѣчательной хитрости азіатовъ.

Долина между Волчьими горами и крѣпостью испещрена глубокими, скрытыми отъ глазъ оврагами, въ которыхъ ютятся китайскія деревни; по этимъ оврагамъ идутъ сравнительно хорошія дороги. Далѣе глубокія водомоины со склоновъ горъ, на которыхъ построены наши крѣпостные верки. Все это облегчаетъ непріятелю подступъ къ крѣпости; все это даетъ ему возможность подходить все ближе и ближе безъ потери въ людяхъ, такъ какъ мы не можемъ, при нашемъ маломъ гарнизонѣ, держать далеко впереди свои сторожевыя цѣпи и отряды.

*) Хорошихъ биноклей у насъ было очень мало. Ихъ будто не полагалось... Офицеры выписывали, пока это было возможно, на свои средства почтой.

Вскорѣ японцы начали обстрѣливать городъ и укрѣпленія одиночными орудіями—какъ бы пристрѣливаясь. Какъ я уже сказалъ, японцы устанавливаютъ свои орудія преимущественно за естественными прикрытіями, за складками мѣстности *). Когда наши батареи начинаютъ обстрѣливать эти орудія, японцы замолкаютъ — будто орудіе сбито. А сбить непріятельское

Японскіе санитары.

орудіе, когда немыслимо въ точности опредѣлить мѣсто его нахожденія болѣе чѣмъ трудно. Иногда охотники-наблюдатели сообщали, что непріятельское орудіе сбито; но провѣрить это было невозможно. Такъ продолжалась эта борьба артиллеріи одиночными орудіями до 6-го августа и днемъ и ночью. По ночамъ мѣстность освѣщали наши прожекторы, хотя и до-

*) Что касается установки нашихъ батарей, то въ этомъ отношеніи оставалось желать много лучшаго. Первое, чему нельзя было не удивляться, это то, что, при утвержденіи плана крѣпости, въ Петербургѣ было многое измѣнено — какъ будто въ столицѣ лучше было видно, гдѣ и что надо сдѣлать въ Портъ-Артурѣ и безъ чего можетъ крѣпость обойтись... Если бы сухопутный фронтъ крѣпости былъ законченъ, даже путемъ начатъ, въ мирное время, если бы всѣ батареи имѣли бетонныя прикрытія, какъ это было на береговомъ фронтѣ, а главное, если бы онѣ были установлены за кряжами — то дѣло обстояло бы много лучше. Но вѣдь еще ничего не было сдѣлано; пришлось строить наскоро батареи — взрывались верхушки скалъ, для устройства платформъ подъ орудія, ставились орудія и обносились брустверомъ и траверсами изъ мѣшковъ. Помимо непрочности такого укрѣпленія было скверно то, что наши батареи были видны непріятелю, какъ на ладони.

Одинъ изъ увлекающихся своимъ дѣломъ (а какъ мало у насъ такихъ людей) инженеръ-капитанъ Шварцъ, укрѣплявшій вмѣстѣ съ полковникомъ Третьяковымъ Киньчжоу, изобрѣталъ способы маскировки нашихъ батарей; но вѣдь этимъ дѣломъ можно было заняться только послѣ постановки батарей и укрѣпленій; а тѣмъ временемъ непріятель приблизился и былъ уже, что называется, на носу... Началъ Шварцъ съ маскировки брустверовъ дерномъ; но этотъ способъ оказался дорогимъ и требующимъ много времени и труда. Тогда онъ придумалъ окрашивать батареи подъ цвѣтъ окружающей земли и скалъ. Конечно, сначала за изобрѣтеніе его просмѣяли; на дѣлѣ же оказалось, что это лучшій изъ способовъ, при томъ же недорого стоющій и требующій ничтожнаго труда. Потомъ подъ цвѣтъ земли выкрасили и орудія. Къ сожалѣнію было мало времени и средствъ на болѣе всестороннюю маскировку.

Имъ же былъ сдѣланъ первый удачный опытъ съ фальшивой батареей (на Киньчжоу).

вольно тускло *), но все же не давали непріятелю незамѣтно пододвинуть болѣе значительныя массы войскъ.

5-го августа была особенная тишина — въ расположеніи непріятеля не замѣчали ни передвиженій, ни работъ. Только въ 11 час. дня внезапно разорвалась шрапнель около Куропаткинскаго люнета и вечеромъ около 10 час. 2 шрапнели надъ Малой Орлиной батареей. Никто не уловилъ даже мѣста, откуда послѣдовали выстрѣлы.

Это была пристрѣлка къ тому мѣсту, на которое японцы намѣревались направить штурмовыя колонны.

6-го августа, около 5 часовъ утра, когда разсѣялся туманъ, вдругъ появились бѣлые дымки **) по обѣ стороны станціи 11-й версты желѣзной дороги, на склонахъ Волчьихъ и Зеленыхъ горъ — и сразу засвистали, завыли снаряды надъ нашими батареями, разрывались, попадая въ бруствера, въ склоны горъ и поднимали огромныя облака пыли; кругомъ зажужжали осколки.

Огонь непріятеля былъ сразу особенно сосредоточенъ на Заредутную батарею, на Орлиное гнѣздо и Малую Орлиную батарею.

Въ ту же минуту заговорили и наши батареи. Для скромнаго, незамѣтнаго въ мирное время труженика крѣпостного артиллериста настала страдная пора; ему пришлось первому стать грудью за Царя и Отечество.

Но — сразу же сказалась вся непрактичность открытой установки батарей. Морская 6-ти дюймовая батарея Большого Орлинаго Гнѣзда — имѣвшая очень низкій брустверъ, такъ какъ установка морскихъ орудій не позволяетъ устраивать высокіе бруствера — успѣла сдѣлать лишь нѣсколько выстрѣловъ; командиръ ея, мичманъ Вильгельмсъ былъ убитъ, прислуга переранена и перебита, а орудія выведены изъ строя.

Батарея эта стоила намъ массу средствъ и труда; результаты же получились плачевные.

На Малой Орлиной—3 орудійной, 42-линейной ***) батареѣ находился, кромѣ командира батареи, начальникъ артиллерійскаго участка полковникъ Тохателовъ.

---

*) Когда японцы установили свои прожектора на Дагушанѣ и на Волчьихъ горахъ, то оказалось, что и по этой части мы далеко отстали отъ нихъ. Ихъ прожектора бросали огромные снопы яркаго свѣта.

**) Можно полагать, что эти бѣлые дымки были вспышки съ фальшивыхъ батарей, чтобы наша артиллерія стрѣляла по пустой цѣли, пока японская въ то же время безнаказанно громитъ наши укрѣпленія. У бездымнаго пороха дымокъ желтоватый и трудно замѣтенъ вдали. И у насъ были такія фальшивыя батареи для вспышекъ и удачно отвлекали японскій огонь; но ихъ было у насъ слишкомъ мало, «въ видѣ опыта»...

***) 42-линейныя русскія пушки оказались, по отзыву спеціалистовъ, послѣ пушекъ Канэ, лучшими. Къ сожалѣнію, онѣ не были скорострѣльными.

— Дайте этимъ пушкамъ скорострѣльность, — воскликнулъ одинъ изъ раненыхъ артиллеристовъ, — и намъ не нужно лучшей пушки! А мы все хватаемся за чужіе образцы, забрасывая свои, много лучшіе!..

Долго боролась эта батарея съ невидимымъ противникомъ; отъ брустверовъ ея мало что осталось; орудія оголялись и были скоро повреждены; прислуга таяла; но артиллеристы, насколько было возможно, исправляли свои орудія и починяли бреши въ брустверѣ, чтобы имѣть прикрытіе, и снова поражала непріятеля своимъ мѣткимъ огнемъ.

Помѣщенія для офицеровъ и солдатъ были разбиты и сгорѣли; тушить было некому и нечѣмъ. Сгорѣло и все бывшее тамъ имущество.

Не могу не отмѣтить здѣсь слѣдующее.

Когда бой уже былъ въ полномъ разгарѣ, одинъ изъ солдатъ доложилъ командиру батареи, что генералъ зоветъ его внизъ на дорогу. Удивленный командиръ бѣжитъ внизъ, задавая себѣ вопросы, какой-бы это могъ быть генералъ и что ему нужно?

На полѣ битвы.

Оказывается, что генералъ Горбатовскій, начальникъ боевого фронта, пришелъ и спрашиваетъ, не нуждается ли батарея въ чемъ либо...

— Вотъ ужъ не ожидалъ! — восклицаетъ разсказчикъ, — пришелъ пѣшкомъ болѣе версты подъ этакимъ адскимъ огнемъ узнать, не нуждаемся ли въ чемъ, не можетъ ли онъ намъ помочь чѣмъ нибудь! — Не помощь важна тутъ — чѣмъ поможешь въ такомъ аду! а важно то громадное впечатлѣніе, которое произвелъ его приходъ на солдатъ, которымъ такая забота о нихъ генерала, не побоявшагося подъ непрестаннымъ огнемъ придти на батарею,—въ минуту, когда казалось, что мы обречены на неминуемую гибель и никто этого не знаетъ, никто о насъ уже не думаетъ, — была особенно дорога и глубоко тронула ихъ. Они съ любовью смотрѣли на своего генерала, они гордились имъ:

— Онъ не выдастъ!..

— И одна забота у нихъ—какъ бы сберечь своего генерала и какъ бы не показаться въ глазахъ его недостойными этой заботы... О себѣ и думать позабыли.

— Генералъ пошелъ спокойно дальше вдоль фронта, а мы всѣ почувствовали, что на самомъ дѣлѣ мы еще не погибли; мы стали хладнокровнѣе наблюдать за происходящимъ вокругъ; хладнокровнѣе работать. Первоначальное, ошеломляющее впечатлѣніе отхлынуло.

Комендантъ крѣпости, генералъ Смирновъ наблюдалъ въ это время за ходомъ боя съ Большой горы, обстрѣливаемой шрапнелью.

Лучше другихъ держится Заредутная батарея, полууглубленная и имѣющая солидные бруствера и траверсы. Напрасно летаютъ кругомъ тучи непріятельскихъ снарядовъ, она упорствуетъ; тяжелыя шестидюймовыя орудія не перестаютъ громить непріятельскія батареи и деревни, въ которыхъ прячутся подошедшія японскія войска. Прислуга страдаетъ преимущественно отъ шрапнели, но на мѣсто выбывшаго тотчасъ становится другой и продолжаетъ тяжелую работу.

Волчья 9-ти дюймовая мортирная батарея продолжаетъ посылать непріятелю, почти безнаказанно, свои 8-пудовыя бомбы; она расположена за скалой и непріятельскій огонь не причиняетъ ей никакого вреда.

Временами казалось, что японскія батареи принуждены замолкнуть. Но сейчасъ же на новыхъ мѣстахъ появляются новыя батареи и начинаютъ работать съ новой силой. Особенно хорошо пристрѣлялась ихъ полевая артиллерія, расположенная впереди Волчьихъ горъ, *въ гаолянѣ*. Своими мелкими снарядами изъ скорострѣльныхъ орудій, особенно шрапнелью, засыпаетъ она наши позиціи, выводитъ изъ строя много людей. Орудія у нихъ разставлены по одиночкѣ, въ растянутую линію, къ тому же ихъ не видно, а потому подбить ихъ очень трудно.

Наравнѣ съ помянутыми батареями, можно сказать, забрасывались убійственнымъ непріятельскимъ огнемъ всѣ расположенныя ниже батареи, редуты, капониры, фортъ II и Куропаткинскій люнетъ, всѣ они боролись съ непріятелемъ по мѣрѣ силъ своихъ. Порою казалось, что наши орудія принуждены замолчать — некому продолжать стрѣльбу... Но снова вспыхивалъ дымокъ, другой—снова загрохотали орудія, какъ-бы остервенѣвши отъ упорной борьбы.

Артиллерійскій бой продолжался до вечера и умолкалъ постепенно; зловѣщимъ заревомъ догорали заженныя японскими снарядами деревянныя помѣщенія на батареяхъ и каменное зданіе штаба 25-го полка на склонѣ Залитерной горы въ городской сторонѣ.

За ночь наскоро исправили тѣ орудія, которыя могли еще дѣйствовать; пополнили убыль въ людяхъ; замѣнили убитыхъ и раненыхъ офицеровъ.

7-го августа японцы громили особенно сильно фортъ II и Куропаткинскій люнетъ, подготовляясь къ штурму.

Въ ночь на 8-е августа начали наступать штурмовыя колонны; теперь заговорили наши противоштурмовыя, мелкія орудія, сметая своей картечью одну за другой надвигающіяся колонны пѣхоты. Непріятельскій артиллерійскій огонь не прекращался.

На Куропаткинскомъ люнетѣ японцы побывали нѣсколько разъ; но едва они успѣвали разставить свои флаги-значки и принимались разстрѣливать уцѣлѣвшихъ отъ артиллерійскаго огня защитниковъ люнета, какъ ихъ уже сбрасывали оттуда въ оврагъ штыками и огнемъ съ сосѣднихъ батарей. Уцѣлѣвшія горсточки людей бросаются бѣгомъ обратно, но ихъ встрѣчаетъ своя, японская шрапнель. Японскій солдатъ долженъ идти только впередъ—для него отступленія нѣтъ!..

Крестный ходъ 25-го іюля 1904 года.

Вотъ подоспѣваетъ слѣдующая, сильно порѣдѣвшая отъ нашего противоштурмоваго огня колонна, еще и еще—и снова взбираются японцы на бруствера люнета. Но и они опрокинуты, отступаютъ. Уцѣлѣвшихъ разстрѣливаютъ наши стрѣлки, ближайшія батареи и собственная японская шрапнель.

Правда, у насъ выбыло за эти дни много народу убитыми и ранеными; но японцамъ стоили эти штурмы убитыми и ранеными болѣе 10 тысячъ, (говорятъ, до 15 тыс.) человѣкъ. Здѣсь имъ не удалось завладѣть ничѣмъ, кромѣ редутовъ; но они засѣли и укрѣпились въ ближайшихъ къ крѣпости лощинахъ, въ мертвыхъ пространствахъ, овладѣли долиной и могли начать саперныя осадныя работы противъ отдѣльныхъ укрѣпленій.

Послѣ этого на позиціяхъ наступило сравнительное затишье, изрѣдка

нарушаемое отдѣльными орудійными выстрѣлами, трескоткомъ ружейнаго огня и татаканьемъ пулеметовъ, то съ одной, то съ другой стороны.

Давно-ли я былъ на батареяхъ; кругомъ все зеленѣло—всюду слышались громкіе, бодрые голоса, улыбались молодыя, румяныя лица солдатъ и офицеровъ, а теперь...

Теперь ходишь по госпиталямъ навѣщать этихъ же молодыхъ людей, но уже изувѣченныхъ, изможденныхъ, съ трудомъ узнаешь въ этихъ страдальцахъ весельчаковъ-артиллеристовъ и стрѣлковъ и удивляешься, откуда ихъ такъ много набралось... А многихъ ужъ совсѣмъ не стало; вмѣсто нихъ, на склонѣ Перепелочной горы виднѣются лишь кучки свѣжевырытой земли... Миръ праху ихъ, такъ рано и такъ безвременно оторванныхъ отъ близкихъ и родныхъ,—такъ рано вычеркнутыхъ изъ книги жизни!..

Въ госпиталяхъ кипитъ работа—работа, направленная къ спасенію погибающихъ — и для чего? — для того, чтобы снова ихъ послать на убой... Такова война во всей ея ужасающей наготѣ.

Между незнающимъ покоя ни днемъ, ни ночью персоналомъ госпиталей, видишь на каждомъ шагу добровольныхъ сестеръ и братьевъ милосердія; всякій, кто только могъ, спѣшилъ помочь въ этомъ трудномъ дѣлѣ—переносить, переворачивать тяжело больныхъ, кормить голодныхъ, поить томимыхъ жаждою безрукихъ, утѣшать безутѣшныхъ искалѣченныхъ на всю жизнь и борющихся со смертію...

Ранеными наполнены всѣ госпитали; лежатъ они и на полу, и въ коридорахъ, лежатъ въ палаткахъ, на дворѣ.

Повсюду видны костыли.

Но рѣдко гдѣ раздается стонъ, какъ-бы нечаянно вырвавшійся изъ раздавленной груди.—Вотъ глухо бредитъ тяжело раненый солдатъ; въ другой палатѣ тяжело израненый офицеръ выкрикиваетъ въ бреду отрывистыя фразы — продолжаетъ командовать, ободрять свой отрядъ... Тамъ, дальше, блѣдный, съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ солдатъ, задыхаясь, шепчетъ сестрѣ милосердія что-то, что вызываетъ слезы на ея глазахъ; это послѣдняя мольба умирающаго написать домой письмо женѣ, дѣтямъ, старухѣ-матери... А вотъ лежитъ тихо, безъ движенія молодой артиллеристъ, раненый пулею въ голову; и лежитъ онъ такъ уже нѣсколько дней. Придетъ-ли онъ въ себя или уйдетъ въ вѣчность не сознавая этого перехода, не раскрывъ глазъ — никто сказать не можетъ, какъ не можетъ сказать, вернется-ли къ нему разсудокъ, когда онъ очнется...

Въ каждой палатѣ видишь лишь картины страданія, людей изувѣченныхъ.

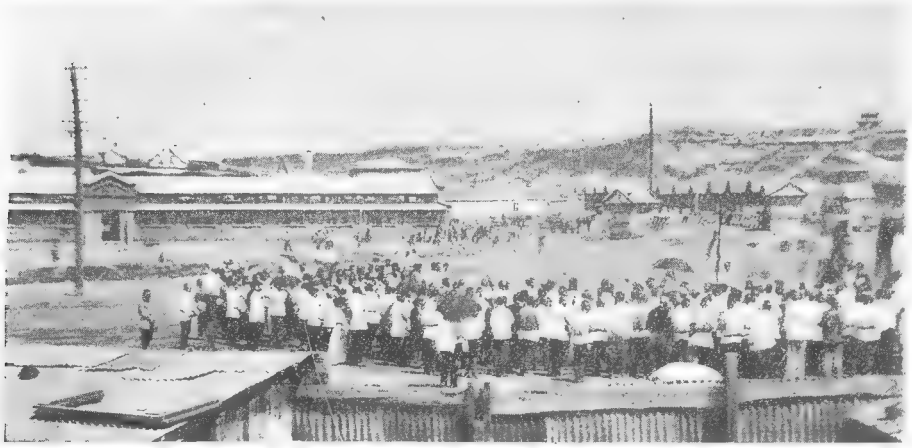
Тяжело смотрѣть на все это.

Сегодня японцы съ 4 ч. 55 м. дня до сумерокъ бомбардировали Старый городъ, надѣлали порядочно бѣдъ.

По Стрѣлковой улицѣ загорѣлся отъ снаряда заколоченный китайскій магазинъ; при тушеніи пожара убитъ полицейскій надзиратель С., раненъ

городовой и пожарная лошадь; по Саперной улицѣ раненъ въ помѣщеніи полицейской команды 1 городовой. На Солдатской пробита стѣна помѣщенія полицейской команды; въ импани Краснаго Креста убитъ 1 китаецъ и тяжело раненъ другой; тамъ-же ранены 3 лошади; въ портовыхъ мастерскихъ раненъ 1 мастеровой; въ оградѣ, тамъ-же убитъ, 1 матросъ; противъ квартиры строителя порта раненъ 1 матросъ; повреждено много зданій — домъ инж. Олдаковскаго, по Стрѣлковой нѣсколько магазиновъ, по Саперной домъ Шафанжона, по Торговой улицѣ 2 фанзы, по Солдатской 1 фанза; въ павильонъ фотографа Линдпайнтнера (австрійца) попали 2 снаряда, обративъ все въ развалины; у стараго Квантунскаго флотскаго экипажа упало 4 снаряда, повреждено 1 зданіе.

Задержанъ китаецъ-сигнальщикъ, назвавшій себя Хоу-кіо-цзай.



Молебствіе 25-го іюля 1904 года въ Портъ-Артурѣ, на Цирковой площади, во время котораго началась бомбардировка города съ суши.

VIII. Домашніе вопросы.

16/29 августа. Всѣ эти дни на позиціяхъ производилась довольно рѣдкая артиллерійская стрѣльба по обнаруженному непріятелю, его батареямъ и земляным работамъ. По ночамъ наши охотничьи команды пробираются для развѣдокъ черезъ передовыя цѣпи японцевъ; гдѣ вышибутъ ихъ изъ овражка, гдѣ начнутъ внезапно стрѣлять залпами по сторожевымъ отрядамъ; а когда японцы опомнятся и начинаютъ безпорядочную стрѣльбу, тогда наши смѣльчаки уходятъ обратно къ себѣ, унося съ собой разные трофеи— оружіе, саперные инструменты и т. под.; бываютъ, конечно, и неудачи.

Неоднократно случалось, что врасплохъ застигнутые японскіе часовые бросали ружья и спасались бѣгствомъ. Изъ этого приходится убѣждаться, что и широко восхваляемой храбрости японцевъ, ихъ презрѣнію къ смерти также есть границы. Люди, какъ люди съ присущими имъ слабостями. Скажу больше — до сихъ поръ не было слышно, чтобы русскій часовой бросилъ свое ружье и спасался бѣгствомъ; были случаи бѣгства съ передовой цѣпи

нѣсколькихъ евреевъ—сдачи ихъ въ плѣнъ; были случаи, когда трусливые отступали назадъ изъ передовой цѣпи, но они приносили съ собой свои ружья.

И много можно засвидѣтельствовать фактовъ, гдѣ японскіе атакующіе отряды удерживались отъ отступленія и паническаго бѣгства лишь своей шрапнелью; факты эти доказываютъ, что ни патріотизмъ, ни своеобразные взгляды на жизнь и смерть не могутъ совершенно уничтожить въ насъ врожденнаго страха смерти,—непреодолимаго желанія спасти свою жизнь, когда она въ высшей опасности,— не могутъ придать человѣку сверхестественную храбрость.

Что же касается японскихъ офицеровъ, мнѣ не приходилось слышать о бѣгствѣ ихъ изъ боевой линіи; обыкновенно они идутъ впереди своего отряда, не смотря на самый убійственный огонь, и если живыми дойдутъ до бруствера, то вскакиваютъ первыми на него и, конечно, первыми-же и гибнутъ.

Эти неоцѣнимыя боевыя качества японскихъ офицеровъ объясняются ихъ серьезнымъ военнымъ воспитаніемъ, а главное—вполнѣ сознательнымъ, чувствомъ долга, горячей любовью къ своей родинѣ и гордымъ, рыцарскимъ (самурайскимъ) самолюбіемъ. Ихъ лозунгъ: лучше погибнуть со славой, чѣмъ спастись съ позоромъ.

Они сознаютъ, что если каждый изъ нихъ будетъ храбро умирать за величіе своей родины, то величіе это, рано или поздно, но будетъ достигнуто.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ такого сильнаго патріотизма, заставляющаго забывать все, кромѣ блага родины, нѣтъ такъ сильно развитаго чувства долга и самолюбія; если эти чувства проявляются и у насъ, то далеко не въ такой степени *). Эти чувства зачахли у насъ вообще. Тотъ, кто не любитъ своей родины и не знаетъ чувства долга — плохой гражданинъ; но офицеръ безъ этихъ чувствъ совсѣмъ не пригоденъ къ своей службѣ, не долженъ быть терпимъ на службѣ, какъ плохой примѣръ для воспитываемыхъ имъ солдатъ.

*) Много разъ бесѣдуя на эту тему съ нашими почтенными офицерами—героями разныхъ родовъ оружія, какъ съ сухопутинцами, такъ и съ моряками, всегда доводилось приходить къ тому заключенію,—что допуская и среди японскаго офицерства исключенія изъ общаго правила,—все же на нашей сторонѣ замѣтно скорѣе пропорціонально обратное — категорія, составляющая среди японцевъ правило, является у насъ, къ сожалѣнію, исключеніемъ.

Среди нашего строевого офицерства встрѣчаются нерѣдко личности, которые, при всей безукоризненности во всемъ остальномъ, не переносятъ,—если такъ можно выразиться,—физически не переносятъ обстановки боя. Не говорю здѣсь о тѣхъ, у которыхъ, при вообще скверныхъ чертахъ характера, присуща безспорная трусость, какъ неизбѣжный придатокъ этой индивидуальности.

Во всякомъ случаѣ причины нужно искать въ воспитаніи физическомъ и нравственномъ, въ окружающей средѣ—во всемъ строю нашей жизни и государства—въ недостаточномъ развитіи отдѣльнаго индивидуума, въ колебаніи нашихъ вѣрованій, взглядовъ на жизнь и убѣжденій.

Но никто не скажетъ, чтобы нашъ русскій солдатъ не умѣлъ стойко, спокойно умирать за Царя и отечество потому, что онъ неграмотенъ, что онъ человѣкъ темный *). Въ немъ сохранился инстинктъ долга.

Сегодня съ 5 часовъ пополудни японцы вдругъ открыли сильный артиллерійскій огонь по фронту отъ укрѣпленія № 3 до батареи литера Б; казалось, что подготовляется новый штурмъ; особенно сильно обстрѣливалась 120-миллиметровыми бомбами Малая Орлиная батарея.

Кстати нужно замѣтить, что фальшивая батарея (глиняныя трубы, изъ которыхъ появлялись вспышки дымнаго пороха), устроенная между Орли-

Старый городъ. Видъ съ городской столовой.
Складъ Кларксона и К°. Попаданіе снаряда.

нымъ гнѣздомъ и Малой Орлиной батареей, сослужила свою службу. Во время усиленной бомбардировки крѣпости японцы изощрялись потушить и эту батарею, направляя на нее нерѣдко массовый огонь, — не причинивъ однако бравому канониру, сидящему подъ скалой и производящему эти невинныя вспышки, никакого вреда; подступы къ этой «батареѣ», а также находящійся за нею оврагъ были буквально вспаханы японскими снарядами.

Бомбардировали городъ съ половины второго дня, впродолженіи полуторыхъ часовъ, и натворили не мало бѣдъ. Около блиндажа Маріинской общины Краснаго Креста убитъ солдатъ; у арсенала переранено 6 человѣкъ,

*) Надѣемся еще вернуться къ этому вопросу, разсмотрѣть его подробнѣе.

въ арестный домъ попало нѣсколько снарядовъ; убито нѣсколько китайцевъ, переранено 8 русскихъ, 2 китайца и 2 японца; снаряды попали въ канцелярію и въ слесарню сводnаго госпиталя, падали по всѣмъ улицамъ.

Въ 9 ч. 45 мин. начали бомбардировать городъ вторично и продолжали до полуночи. Повреждены зданія Морского лазарета, много зданій по Китайской, Штабной, Стрѣлковой и Бульварной улицамъ; къ счастью дѣло обошлось безъ человѣческихъ жертвъ.

Днемъ опять упалъ снарядъ съ Золотой горы въ новый китайскій городъ, на площади около народнаго суда.

Привожу изданный сегодня приказъ генерала Стесселя за № 545:

«10-го числа въ газетѣ «Новый Край» было написано, что осколокъ снаряда упалъ близъ генерала Кондратенко, который проходилъ вблизи бараковъ, но не было написано главнаго, что осколокъ-то этотъ отъ собственнаго нашего снаряда *). — Пораненіе такого дѣятеля, какъ генералъ Кондратенко, повело бы за собой неисчислимыя послѣдствія, о которыхъ я и говорить не хочу **); но только предлагаю генералу Бѣлому принять мѣры, дабы разрывы собственныхъ снарядовъ уменьшались, такъ какъ и онъ самъ видѣлъ этотъ разрывъ, идя вмѣстѣ съ генераломъ Кондратенко».

Не менѣе интересны и слѣдующіе приказы генерала Стесселя:

№ 526 (12 августа).

«Многія геройскія части въ передовыхъ линіяхъ по 7 и даже болѣе дней. Не хвалить васъ, а преклоняться надо: молча, безъ жалобъ вы несете Царскую службу. Мало, но есть всетаки, и такіе, которые по третьему дню начинаютъ выказывать и даже высказывать признаки переутомленія; помните, что только полное напряженіе нравственныхъ и физическихъ силъ каждаго защитника, отъ генерала до рядового, спасетъ крѣпость и не заикайтесь болѣе ни о какихъ утомленіяхъ и переутомленіяхъ, а работайте пока не ляжете костьми».

№ 536 (14 августа — экстренно).

«Не исполняютъ приказъ мой о томъ, чтобы давали людямъ отдыхъ и достаточно сна, что-же вы думаете, что можно не спать и не ошалѣть, я вѣдь требую это для пользы дѣла.

Да и напиханность въ окопахъ людей надо уменьшить».

. . . . . .

Прошлой ночью смертельно раненъ подпоручикъ М. П. Лебедевъ.

На восточномъ фронтѣ взорванъ нашимъ снарядомъ японскій пороховой погребъ.

---

*) Вопросъ — разрѣшила ли бы это напечатать военная цензура?..

**) Сказано удивительно дальновидно...

IX. Новый фазисъ внутренней жизни.

8/31 августа. Недѣли двѣ тому назадъ разнесся у насъ слухъ о рожденіи наслѣдника Россійскаго престола; слухъ этотъ сообщали китайцы *). Ему не особенно-то повѣрили. Но вотъ сегодня въ газетѣ «Новый Край» объявлено, что комендантомъ крѣпости генералъ-лейтенантомъ Смирновымъ получена депеша отъ командующаго Маньчжурской арміей, подтверждающая этотъ слухъ.

Изъ Сѣверной арміи прибыли корнетъ Христофоровъ и прапорщикъ князь Радзивиллъ и привезли оффиціальную почту.

Разрушенія первыхъ бомбардировокъ.

Прибывшіе офицеры ничего не знаютъ о большомъ сраженіи подъ Аншаньчжаномъ, о которомъ у насъ надняхъ прошли слухи, причемъ сообщалось, что побѣда осталась на сторонѣ нашихъ войскъ.

Такіе слухи о бояхъ и побѣдахъ Сѣверной арміи распространялись у насъ уже не разъ — мы вѣримъ, хотимъ вѣрить, что армія генерала Куропаткина будетъ всегда побѣдительницей.

Получены еще и другія депеши. Генералъ Стессель пожалованъ, по случаю рожденія Наслѣдника, генералъ-адъютантомъ, а командиръ 26-го полка полковникъ Семеновъ флигель-адъютантомъ. — Всеобщее удивленіе.

*) Замѣчательно, какъ быстро китайцы передаютъ извѣстія на далекія разстоянія—какъ-бы по устному телеграфу.

Ужасно непріятны эти разрывающіеся или падающіе цѣликомъ съ Золотой горы наши собственные снаряды. На дняхъ огромнымъ осколкомъ (блямбой — какъ здѣсь называютъ эти осколки) въ порту изувѣчены два мальчика-подростка, сидѣвшіе рядомъ на солнышкѣ. Осколокъ упалъ между ними, такъ что одновременно оторвало одному лѣвую, а другому правую ногу повыше колѣна — сразу сдѣлалъ ихъ навѣкъ калѣками. Одинъ изъ нихъ—Семенъ Шерстневъ—георгіевскій кавалеръ, отличившійся во время первыхъ морскихъ бомбардировокъ, при спасательныхъ работахъ въ гавани; имя другого узнать не удалось.

Вчера снова упали въ раіонѣ китайскаго города два цѣлыхъ снаряда съ Золотой горы; одинъ изъ нихъ пробилъ квартиру подполковника Б. и убилъ наповалъ его вѣстового.

— «Эти собственные снаряды и блямбы», — сьострилъ кто-то ядовито,— «хуже всѣхъ японскихъ вмѣстѣ — пожалуй, хуже даже посыпавшихся незаслуженныхъ наградъ!..»

Причины разрывовъ и паденій 11-дюймовыхъ снарядовъ съ Золотой горы не удалось точно установить, несмотря на всѣ разспросы среди артиллеристовъ.

Говорятъ, что снаряды отлиты изъ плохого, раковинистаго, пористаго чугуна и поэтому не выдерживаютъ сильнаго давленія заряда... Паденіе ихъ цѣликомъ въ районѣ города объясняютъ меньшимъ зарядомъ, употребляемымъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы снаряды не разрывались надъ городомъ. Слѣдовательно, при большомъ зарядѣ они рвутся надъ городомъ, а при меньшемъ не достигаютъ до непріятеля. И такъ худо, и этакъ плохо.

Но если они падаютъ въ городъ, то они должны падать также и на наши позиціи, поражать тамъ нашихъ же солдатъ.

И это — говорятъ — бываетъ...

Кто же послѣ этого еще можетъ сомнѣваться въ героизмѣ артурскаго гарнизона?

Сегодня, какъ сообщаютъ, командиръ Саперной батареи (на лѣвомъ флангѣ) капитанъ Вельяминовъ удачной стрѣльбой, совмѣстно съ береговыми батареями (?), подбилъ 3 непріятельскія орудія и разрушилъ два блиндажа.

19 августа (1 сентября). Вчера японцы не бомбардировали городъ; зато они выпустили по мѣстности около чумныхъ бараковъ до 80 снарядовъ, ранили женщину и повредили лѣсопильные заводы и склады товаровъ.

Сегодня празднуемъ день рожденія Наслѣдника Цесаревича. Былъ парадъ, на которомъ говорились подобающія рѣчи. Сообщаютъ, что генералъ Фокъ произнесъ очень лестную рѣчь по адресу генерала Стесселя, а послѣдній благодарилъ перваго.

Генералъ Фокъ сказалъ, что Государь Императоръ оказалъ большую честь и милость артурскому гарнизону, назначивъ начальника укрѣпленнаго раіона генералъ-лейтенанта Стесселя своимъ генералъ-адъютантомъ, то есть особой, приближенной къ Государю Императору, черезъ котораго обыкно-

венно Государь Императоръ передаетъ свою волю не только войскамъ, но и всему русскому народу... и что милости этой войска удостоились не только благодаря своей геройской, славной службѣ, но и благодаря личнымъ качествамъ самого генералъ-адъютанта Стесселя...

Поневолѣ вспомнились слова дѣдушки Крылова:

«Кукушка хвалитъ пѣтуха
«За то, что хвалитъ онъ кукушку»...

Вчера вечеромъ, на сѣверномъ небосклонѣ, была зарница. Всѣмъ хотѣлось видѣть въ этомъ наступленіе войскъ Куропаткина на Киньчжоу...

Разрушенія первыхъ бомбардировокъ.

Японцы пытались штурмовать Длинную гору (на лѣвомъ флангѣ), но были отбиты.

Съ 8 час. вечера до 11-ти рѣдкая бомбардировка по городу; до этого японцы пустили въ Китайскій городъ 22 снаряда.

Задержанъ китаецъ-сигнальщикъ Кинъ-мау-линъ.

21 августа (3 сентября). Съ 4 часовъ утра была бомбардировка Новаго европейскаго города; убиты 2 городовыхъ; раненъ 1 городовой и 1 солдатъ.

Сообщаютъ, что сегодня, около 10 часовъ утра, непріятельскій миноносецъ, миляхъ въ 14 отъ берега, на юго-востокъ, наскочилъ на мину и пошелъ ко дну.

Слухи о движеніи отряда Маньчжурской арміи къ намъ на выручку продолжаютъ циркулировать и расти.

Получены свѣдѣнія о томъ, что «Новикъ» выбросился у Сахалина на берегъ, «Діана» ушла въ Сайгонъ, «Аскольдъ» въ Шанхай, а «Цесаревичъ» чинится въ Цзинтау. Увѣряютъ, что, будто, Германскій императоръ приказалъ не задерживать «Цесаревича», какъ только онъ будетъ починенъ — не препятствовать его выходу въ море.

Какъ нелѣпы бы ни были всѣ эти слухи и предположенія, все же они служатъ намъ утѣшеніемъ. И не вѣрится и хотѣлось бы вѣрить, что все идетъ къ лучшему.

За прошлые сутки японцы выпустили по городу около 150 снарядовъ; кромѣ того по Китайскому городу 21 снарядъ. Всего убито 3 солдата и 3 китайца; ранено 1 городовой (тяжело), 2 жителя-европейца, 2 китайца и 1 китаянка.

На горѣ задержанъ китаецъ-сигнальщикъ Лянъ-ю-ли.

Во время бомбардировки Стараго города, послѣ обѣда, убитъ 1 портовой мастеровой и 1 раненъ.

Сообщаютъ, что въ 3 час. 45 мин. дня за бухтой Тахэ подъ правымъ бортомъ японскаго крейсера «Ицукушима» взорвалась мина; крейсеръ накренился и на немъ возникъ пожаръ. Но пожаръ потушили и выпрямили кренъ — должно быть накачиваніемъ воды въ другое отдѣленіе; послѣ того крейсеръ ушелъ медленнымъ ходомъ къ Дальнему.

Сообщаютъ, что непріятель началъ осадныя работы — заложилъ первую паралель и пошелъ тихой сапой прежде всего на фортъ II и на Кумирнинскій и Водопроводный редуты.

Мнѣ передаютъ, что японцы хотѣли на нашемъ лѣвомъ флангѣ продѣлать тотъ же маневръ, который имъ удался во время войны съ китайцами — завладѣвъ Панлуншанемъ и лощиною впереди форта IV, атаковать этотъ фортъ со всѣхъ сторонъ, а главное, установивъ тамъ свои орудія, поражать укрѣпленія праваго фланга, Курганную батарею, укрѣпленіе № 3 и фортъ III во флангъ. Во время штурмовъ предгорья Угловыхъ горъ японцамъ удалось захватить часть окопа на Панлуншанѣ и укрѣпиться въ немъ; во время самыхъ жестокихъ августовскихъ штурмовъ имъ удалось захватить и люнетъ на Панлуншанѣ. Будто былъ моментъ, когда генералъ Кондратенко (котораго генералъ Фокъ называетъ азартнымъ игрокомъ, не жалѣющимъ людей) не рѣшался на контръ-атаку. Узнавъ объ этомъ комендантъ крѣпости приказалъ полковнику Семенову послать роту, занимавшую Панлуншань и кромѣ того изъ резерва батальонъ 13-го полка, чтобы взяли люнетъ обратно во что бы то ни стало. Полковникъ кн. Мачабелли повелъ атаку, взялъ люнетъ и погибъ тамъ; но тамъ немыслимо было удержаться. Все же наши укрѣпились заново невдалекѣ и держатся стойко *).

Узнавъ про атаку генералъ Фокъ, будто, назвалъ коменданта живодеромъ и жалѣлъ князя Мачабелли, котораго самъ жестоко обидѣлъ.

---

*) Японцамъ такъ и не удалось ихъ вышибить оттуда до самой сдачи.

23 августа (5 сентября). Ночью рѣдкимъ огнемъ бомбардировали Новый европейскій городъ. Ранены 1 врачъ, 4 госпитальныхъ служителя и 5 раненыхъ солдатъ; на этотъ разъ пораненія всѣ легкія. Снаряды попадали: въ госпиталь № 6 (домъ Егерева); въ отдѣленіе госпиталя № 6 (домъ Мацкевича); въ офицерскій баракъ 11-го полка; въ госпиталь № 9 (домъ Никобадзе).

Старый городъ вчера вовсе не бомбардировали.

Въ Красномъ Крестѣ познакомился съ капитаномъ 16-го полка С. З. Верховскимъ, израненымъ еще при защитѣ Дагушаня; у него повреждены обѣ челюсти и языкъ; объясняется онъ при помощи карандаша и бумаги.

Домъ Трофимова у Цирковой площади, поврежденный непріятельскими снарядами.

Въ той же палатѣ лежитъ штабсъ-капитанъ артиллеріи Н. В. Волковъ съ 3 пулевыми ранами — пробито плечо, рука и шрапнельной пулей ступня; онъ раненъ на батареѣ лит. Б при отбитіи штурма 8-го августа. Командиръ Заредутной батареи подпоручикъ Э. А. Кальнинъ, израненый множествомъ осколковъ, уже почти оправился. Молодость, здоровые соки залѣчиваютъ скоро раны.

Разсказываютъ про большія интриги въ штабахъ. Генералъ Фокъ, будто, фактически устраненъ отъ дѣлъ; послѣ того, какъ онъ задерживалъ требуемые резервы во время отчаянныхъ японскихъ штурмовъ, комендантъ сталъ распоряжаться резервами помимо его. Фокъ ненавидитъ генерала Смирнова всей душой; въ этомъ они вполнѣ сошлись съ генераломъ Стес-

селемъ; они оба ненавидятъ его за то, что онъ образованнѣе ихъ. Генералъ Фокъ будто высказывался не разъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ:

«Ну, что такое генералъ Смирновъ? Въ то время, какъ онъ былъ ничтожнымъ капитаномъ генеральнаго штаба, я былъ уже извѣстнымъ маіоромъ!.. А теперь онъ мой начальникъ.»

Генерала Кондратенко онъ будто побаивается, получивъ отъ него рѣзкій отпоръ; зато онъ будто старается подчинить его своему вліянью добромъ и возстановить его противъ коменданта.

Генералъ Никитинъ другъ Стесселя и будто поэтому остался здѣсь, не поѣхалъ въ сѣверную армію, хотя ему здѣсь нечего дѣлать. Вся крѣпостная артиллерія подчинена генералу Бѣлому и полевой артиллеріи приходится дѣйствовать совмѣстно съ нею; притомъ ею командуютъ ея дивизіонные начальники. Онъ, говорятъ, не трусъ; былъ во время штурмовъ вмѣстѣ съ генераломъ Смирновымъ на Скалистомъ кряжѣ, когда тотъ давалъ диспозицію резервовъ генералу Горбатовскому среди адскаго артиллерійскаго огня. Говорятъ, болѣе сдержанъ, но все же сторонникъ Стесселя и Фока.

Генералъ Смирновъ обставленъ людьми, которые обо всемъ доносятъ генералу Стесселю...

Генералъ Горбатовскій тоже не въ фаворѣ. О немъ будто говоритъ генералъ Фокъ, что это молодой генералъ, желающій отличиться, выслужиться...

Интересно бы знать, почему же самъ Фокъ не желаетъ отличиться?

24 августа (6 сентября). Городъ не бомбардировали. Въ Китайскомъ городѣ сыпались, по обыкновенію, ружейныя пули, не причиняя вреда.

Въ 3 часа дня японцы обстрѣливали Большую гору (наблюдательный пунктъ на правомъ флангѣ) шрапнелью; и шрапнельныя пули сыпались въ это время по Китайскому городу.

Нашъ китаецъ-бой *) вернулся оттуда перепуганный.

— «Шибеко худо есть, капэтанъ»,—разсказывалъ онъ, показывая, какъ кругомъ шлепаются пули,—«дзинь-дзинь... чжукъ-чжукъ!.. Меного, меного ипэнъ пули... Тунъ-тунъ люди ломайла... и помирай есть!»...

По провѣркѣ оказалось, что ничего не «ломайла», и «помирай» сегодня совсѣмъ не было.

Первые приказы ген. Стесселя за подписью: «генералъ-адъютантъ».

№ 552 (18-го августа).

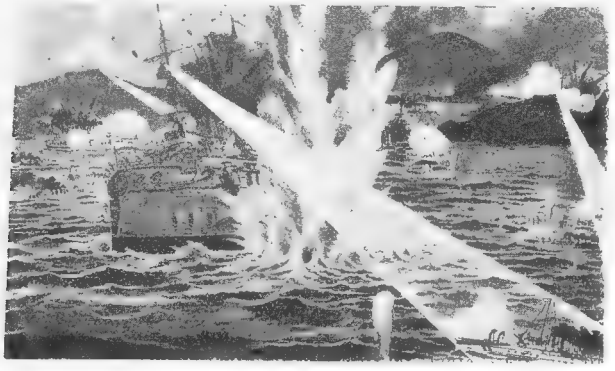
«Въ ночь съ 16-го на 17-е августа снова была произведена вылазка и атака редута № 2 охотниками и моряками. Охотники ворвались въ траншеи, но моряки не исполнили всего того, что на нихъ возлагалось, а потому атака вышла въ общемъ неудачной, да и даромъ потери. Предписываю на будущее время, безъ моего на всякій разъ личнаго разрѣшенія,

*) Бой по-англійски—мальчикъ. Такъ называютъ на Дальнемъ Востокѣ прислугу—мужчинъ. Китаянки поступаютъ въ услуженіе лишь въ качествѣ нянекъ; всѣ остальныя мѣста занимаютъ только мужчины.

подобныя атаки не повторять. Полагаю, что подобныя вылазки наилучше объединять подъ командой напр. такого лица — какъ начальникъ штаба крѣпости *) — какъ отлично знающаго мѣстность».

№ 553 (18-го августа).

«Замѣчено, что на Дагушанѣ у японцевъ идутъ усиленныя работы, видны новые окопы и батарейки, вездѣ проволоки. Ихъ миноносцы и прочія суда все время тралятъ мины въ бухтахъ Тахэ и Лунвантаня; сопоставляя эти наблюденія съ полученными свѣдѣніями о томъ, что японцы 20, 21 или 22-го хотятъ броситься снова въ атаку съ сухопутья и съ моря, я смѣю полагать, что они, поставивъ у Лунвантаня суда, откроютъ огонь главное по батареѣ № 22 и по мѣстности самаго праваго фланга, обстрѣливая одновременно со всѣхъ батарей вновь поставленныхъ, въ томъ числѣ и на Дагушанѣ, и поведутъ атаки на тѣ же примѣрно мѣста, а если будетъ имъ



Минная атака. Японское изображеніе.

страшно идти по трупамъ своихъ и дабы избѣжать плохого впечатлѣнія на войска, они могутъ избрать литеру А и открытый капониръ № 1 и прилегающія и одновременно Высокую **). Я прошу начальниковъ всѣхъ степеней не забыть опытъ предшествующихъ штурмовъ, прошу зря не напихивать по траншеямъ, всемѣрно сберегать резервы.

Генералъ-маіору Костенко и полиціи организовать выносъ раненыхъ; не позволять носить ихъ помимо передовыхъ перевязочныхъ пунктовъ прямо въ госпитали; повторяю, что люди изъ строя могутъ донести раненаго только до передоваго перевязочнаго пункта, откуда носильщики несутъ въ госпитали.

Инспектору госпиталей указать съ какихъ перевязочныхъ пунктовъ въ какіе госпитали нести. Чтобы была вездѣ база. Давать людямъ болѣе отдыха».

---

*) Подполковникъ Хвостовъ.

**) Генералъ Стессель хотѣлъ сказать „Большую“ (на правомъ флангѣ). Дальновидность генерала Стесселя была всегда подъ большимъ сомнѣніемъ; она не оправдалась и на сей разъ.

№ 563 (20-го августа).

„Противъ трупнаго запаха нужно настричь пакли, мокать ее въ скипидарѣ, разбавленномъ водой, и вкладывать въ ноздри“.

— !?! —

Передаютъ, какъ слухъ, будто комендантъ не вѣритъ въ выручку насъ арміей генерала Куропаткина; единственная, будто, наша надежда на помощь Балтійскаго флота, который, говорятъ, уже вышелъ сюда. Полагаютъ, что сидѣть въ осадѣ, если останемся живы, будемъ еще по крайней мѣрѣ мѣсяцъ.

Освѣдомленные въ мѣстныхъ дѣлахъ круги сокрушаются о неудачномъ, несвоевременномъ производствѣ генерала Стесселя—послѣдствіемъ полнаго невѣдѣнія въ Россіи о томъ, что у насъ творилось и творится. Въ этомъ назначеніи не предвидятъ ничего добраго, лишь новыя путаницы, вмѣшательство во все и вся, новые акты произвола безъ оглядки.

Все это не трудно объяснить тѣмъ, что обо всемъ, что творится на отрѣзанномъ отъ всего міра Квантунѣ, доноситъ по начальству только одинъ генералъ Стессель. Если онъ здѣсь, въ своихъ приказахъ благодарилъ генерала Фока за «геройскую защиту Киньчжоускихъ позицій...», то, Богъ вѣсть, что онъ не сообщалъ по начальству, какіе подвиги не совершены по этимъ свѣдѣніямъ здѣсь—подвиги, о которыхъ мы не имѣемъ никакого понятія... *).

26 августа (8 сентября). Вчера послѣ обѣда японцы вновь начали стрѣлять по городу. Послѣ нѣсколькихъ дней тишины это такъ сильно подѣйствовало на жителей, что даже послѣ стрѣльбы улицы еще долго были пустынны; рѣдко гдѣ увидишь человѣка. Сегодня передъ обѣдомъ снова обстрѣливали городъ и портъ; но обычное движеніе по улицамъ не прекращалось. Выстрѣлы вошли снова въ привычку.

Пронесся слухъ, который очень радуетъ, но не знаешь, вѣрить ли ему—будто командиромъ эскадры назначенъ капитанъ Виренъ.

*) Нынѣ читаемъ въ „Лѣтописи Войны“ донесеніе генерала Стесселя отъ 14-го іюля 1904 г., въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: „...*Я остаюсь на позиціи.* Два дня держались на передовыхъ позиціяхъ противъ превосходящей значительно наши силы арміи“.

Изъ этого сообщенія читатель заключилъ, что генералъ Стессель все время на передовыхъ позиціяхъ, только благодаря его присутствію войска держатся тамъ такъ стойко противъ огромнаго перевѣса непріятельскихъ силъ—и, что генералъ Стессель не сойдетъ съ этого мѣста.

Въ Артурѣ онъ этого не объявлялъ. Правда, онъ посѣщалъ эти позиціи, обходилъ мѣста безопасныя, закусывалъ у генерала Фока и полковника Савицкаго, возвращался на ночь домой, какъ объ этомъ повѣствовалъ въ „Новомъ Краѣ“ В. Ж—ко. Чѣмъ сказались эти его посѣщенія на ходъ событій, намъ положительно неизвѣстно, какъ неизвѣстно и то, почему понадобилось сообщать начальству о томъ, что онъ остался нѣсколько часовъ на позиціяхъ. Казалось бы, было о чемъ сообщать о болѣе важномъ, напримѣръ, о томъ, что у насъ мало провіанта, недостатокъ снарядовъ, мало перевязочныхъ средствъ и медикаментовъ, - что въ этомъ неотложно необходимы подкрѣпленія,—что пока японская блокада не тѣсна, можно бы многое еще доставить въ Артуръ, хотя бы на китайскихъ джонкахъ.

X. Закрытіе газеты «Новый Край».

27 августа (9 сентября). Всѣ мы знаемъ, что при отсутствіи въ Россіи свободы печати, газеты, подрывающія основы государственныхъ устоевъ, оскорбляющія Высочайшія особы и имѣющія вообще вредное направленіе—закрываются на время или навсегда, но, чтобы вполнѣ благонадежная газета, а тѣмъ болѣе выходящая подъ двойной цензурой, закрывалась за то, что въ ней *не пишутъ*... угодное кому либо – этому мы имѣемъ сейчасъ первый примѣръ.

Вчера изданіе газеты «Новый Край» прекращено генераломъ Стесселемъ на одинъ мѣсяцъ.

Артиллерійскій бой; орудійный дымъ на батареяхъ.
Вдали зданіе Краснаго Креста; за нимъ вправо Саперная импань.

Вотъ, дословный его приказъ за № 579 (26 августа):

«Въ виду того, что несмотря на неоднократныя указанія, въ газетѣ «Новый Край» продолжаютъ печатать не подлежащія оглашенію свѣдѣнія о расположеніи и дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, изданіе газеты прекращено на одинъ мѣсяцъ».

Если бы мы не находились въ осажденной крѣпости и если бы «Новый Край» не былъ единственной газетой въ осажденномъ съ суши и моря Артурѣ, то, пожалуй, этотъ случай не возмущалъ бы всѣхъ до такой степени; онъ не былъ бы такъ чувствителенъ.

— Что это такое? Какъ это возможно?

— Вотъ, видите, однако оказалось возможнымъ!..

И это вы слышите на каждомъ шагу.

Отправляемся къ редакціи, чтобы узнать причины закрытія газеты. Намъ извѣстно, что «Новый Край» выходитъ подъ двойной военной цензурой: морской завѣдуетъ командующій флотомъ, а сухопутной — штабъ генерала Стесселя. Слѣдовательно, если бы что и проскочило нежелательное въ газетѣ, то виноваты, первымъ долгомъ, сами цензора. Обыкновенно, если какую нибудь газету постигаетъ административная кара, то читатель вскорѣ самъ найдетъ ея причину. Но въ печатавшихся статьяхъ и замѣткахъ такой причины не находишь; приходится только недоумѣвать.

Идетъ рабочій и кричитъ еще издали ожидавшей его группѣ товарищей:

— Нѣту газеты сегодня. Ее закрыли...

— Какъ нѣту? Зачѣмъ же закрыли?

— Дураки! нешто вы не понимаете, зачѣмъ ее закрыли. Значитъ, не то писали въ газетѣ, чего бы «имъ» хотѣлось... ну и закрыли!..

Мы переглянулись.

Быть можетъ, онъ и правъ. На эту сторону вопроса мы и не обратили вниманія.

Зашли въ редакцію. Не откажите, молъ, въ разъясненіи.

Показываютъ № 184 отъ 26-го августа, на которомъ синимъ и краснымъ карандашемъ отмѣчены «преступныя» мѣста текста и на которомъ красуется собственноручная надпись генерала Стесселя краснымъ карандашемъ:

«Такъ какъ я уже неоднократно указывалъ, что свѣдѣнія печатать нельзя, а всетаки на это не обращаютъ вниманія, то газета на одинъ мѣсяцъ закрывается».

Въ рубрикѣ извѣстій «Новаго Края» обведено синимъ карандашемъ:

«Въ составъ команды, произведшей выдающуюся по храбрости и умѣнію вылазку, вошли: стрѣлки 26-го, 10-го и 15-го полковъ и пограничники».

Далѣе обведено краснымъ карандашемъ:

«*25-го августа.* Послѣ отбитаго штурма Водопроводнаго редута — ночь на линіи Восточнаго фронта прошла безъ перемѣнъ».

Вдвойнѣ обведено краснымъ и мѣста, печатаемыя здѣсь курсивомъ, подчеркнуты кромѣ того синимъ карандашемъ:

«*Западный фронтъ. 24-го августа.* Въ 12 часовъ пополудни въ бухту Луиза *) вошелъ большой коммерческій пароходъ и спустилъ 3 шлюпки. Черезъ нѣсколько времени подошли еще два судна.

Въ 2 часа дня отъ бухты «10 кораблей» **) къ бухтѣ Луиза потянулся длинный обозъ ***). *Высокая гора открыла по немъ непрерывный огонь.*

До вечера *въ расположеніи* передовыхъ частей *Западнаго фронта перемѣнъ не произошло.* Весь день японцы рѣдкимъ ружейнымъ огнемъ обстрѣливали наши посты, но за дальностью разстоянія нельзя разобрать, какой вредъ наноситъ отвѣтный огонь.

*) Въ расположеніи японцевъ.

**) Тоже въ расположеніи японцевъ.

***) Японскій же.

«25 августа. Ночь въ боевой обстановкѣ Западнаго фронта прошла безъ перемѣнъ.

Ночью, восточнѣе деревни Хоудзятунь, около 2-хъ ротъ японцевъ рыли окопы.

У деревни Синдятенъ наблюдалось движеніе непріятельской пѣхоты».

Въ статьѣ «Батареи VII артиллерійскаго сектора», описывающей предшествовавшее первой бомбардировкѣ крѣпости *) время, обведено краснымъ карандашемъ:

«Днемъ по дорогѣ со станціи 11-й версты (жел. дор.) и по дорогѣ съ лѣвой стороны горъ одиночные люди **) что-то таскали и перевозили на вагонеткахъ по желѣзной дорогѣ къ лѣвому склону Волчьихъ горъ. Тогда

Бомбардировка сѣвернаго фронта.
Залитерная гора. Новый китайскій городъ.

предполагали, что это снаряды и—дальнѣйшій ходъ событій показалъ, что не ошиблись»...

...4 августа около десятка японцевъ пробирались по гаоляну къ будкѣ жел. дороги, что между деревнями Палиджуанъ и Дапалиджуанъ, но были прогнаны шрапнелью съ *Заредутной батареи*...

...Такая же стрѣльба по квадратамъ производилась днемъ по скрытымъ, по одиночкѣ, въ лощинахъ орудіямъ, обстрѣливающимъ городъ, укрѣпленіе № 3, фортъ III и Курганную батарею...»

— ?! —

— Такъ это и есть свѣдѣнія, за напечатаніе которыхъ пріостановлено изданіе газеты на мѣсяцъ?! — Нѣтъ! Тутъ что-то не то! Не то!..

*) Касающейся наблюденій послѣднихъ чиселъ іюля и первыхъ чиселъ августа—т. е. *за періодъ около мѣсяца тому назадъ*.

**) Конечно—японцы.

Спрашивается — что же представляютъ изъ себя эти свѣдѣнія — почему же они не подлежали оглашенію?

Разберемся въ нихъ по порядку.

Замѣтка о томъ, что въ лихой вылазкѣ участвовали стрѣлки 26-го, 10-го и 15-го полковъ, а также и пограничники, отдаетъ лишь должное героямъ суммарно, не говоря ни о численности отряда, ни о томъ, откуда и какъ пробрался этотъ отрядъ въ расположеніе японцевъ и какъ онъ отступилъ.

Гдѣ же тутъ тайна и чѣмъ создана она?—Развѣ японцамъ не извѣстно, что эти полки стоятъ въ Артурѣ? — Да, если бы они и не знали названія полковъ (что очень сомнительно), то численность нашего гарнизона имъ

Сосредоточенный непріятельскій артиллерійскій огонь въ направленіи укрѣпленія № 3, форта III и Волчьей мортирной батареи.
На переднемъ планѣ дворъ арестнаго дома.

все же, хоть приблизительно, извѣстна. А если бы и не извѣстна, — то въ чемъ же тутъ секретъ? Разъ непріятель осадилъ крѣпость, то онъ, конечно, знаетъ, что безъ сопротивленія онъ взять ее не можетъ, — что въ ней есть гарнизонъ, изъ какихъ бы онъ частей не состоялъ. Для него неважно, какая часть участвовала въ вылазкѣ; его интересуютъ лишь результаты этой вылазки; а эти результаты извѣстны ему лучше, чѣмъ намъ.

Далѣе—совершенно непонятно, что секретнаго въ томъ, что въ занятыя японцами бухты Луиза и «10 кораблей» приходятъ пароходы, привозящіе японцамъ аммуницію и провіантъ. Передъ кѣмъ онъ хочетъ это скрыть и чего этимъ достигнуть? — Это, вполнѣ естественное явленіе никого не удивляетъ; гарнизонъ видитъ лично самъ всѣ эти пароходы; и если бы мы

этого и не видали и не узнавали, то могли бы смѣло допустить, что японскія суда входятъ въ занятыя японцами же бухты.

Въ томъ, что по японскому обозу открыла безпрерывный огонь именно Высокая гора, тоже не можетъ быть секрета. Можемъ смѣло быть увѣренными, что японцы сразу знаютъ, откуда стрѣляютъ по нимъ,—между тѣмъ какъ штабъ генерала Стесселя узнаетъ объ этомъ только по донесенію, посылаемому только для свѣдѣнія... Высокая гора на виду у всѣхъ, и разъ стрѣляютъ изъ пушекъ, на ней стоящихъ, то всякій можетъ видѣть откуда стрѣляютъ. Японскіе наблюдательные посты организованы несомнѣнно лучше нашихъ.

Что за секретъ въ томъ, что въ расположеніи передовыхъ частей перемѣнъ не произошло—т. е. не было ни стычекъ, ни наступленія,—это окончательно отказываемся понять.

Вотъ,—не угодно ли провѣрить,—всѣ эти преступно выданныя «Новымъ Краемъ» тайны!..

Но чтобы при всемъ этомъ должны были остаться тайной наблюденія съ нашихъ батарей, произведенныя съ мѣсяцъ тому назадъ, напечатанныя въ статьѣ о дѣятельности VII артиллерійскаго сектора, на который обрушились со всей силой первые счастливо отбитые штурмы,—это безпримѣрный абсурдъ *).

Все это не что иное, какъ придирка и придирка совершенно безпочвенная, если не сказать глупая. Она не объясняетъ намъ причинъ, почему генералъ Стессель рѣшился на такую мѣру—лишилъ редакцію права выпуска газеты на мѣсяцъ—лишилъ гарнизонъ и городъ газеты, единственнаго источника болѣе достовѣрныхъ извѣстій и нѣкотораго утѣшенія въ это трудное, безутѣшное время.

*) Читая нынѣ, въ концѣ 1905 года, въ столичныхъ газетахъ сообщенія о томъ, что, напримѣръ, такого то числа отправляется изъ Петербурга во Владивостокъ пароходъ «Петербургъ» съ казеннымъ грузомъ для порта—или же о томъ, что для Маньчжурской арміи формируется столько то артиллерійскихъ парковъ для постоянной службѣ на дальнемъ востокѣ, въ дополненіе къ находящимся тамъ,—приходишь къ тому убѣжденію, что понятія о военныхъ тайнахъ у насъ не только туманныя, но прямо таки невозможныя – ихъ не существуетъ у насъ въ прямомъ смыслѣ. То что въ другихъ государствахъ составляетъ дѣйствительную тайну, то у насъ предается полной огласкѣ, не смотря на печальный опытъ, напримѣръ, съ пароходомъ «Маньчжурія», шедшимъ съ «казеннымъ грузомъ»—столь необходимымъ, дорогимъ грузомъ въ Портъ-Артуръ и попавшимъ въ руки японцевъ 27-го января. (Положимъ, говорятъ, что въ этомъ дѣлѣ есть очень темныя странички—необъяснимая медлительность въ движеніяхъ парохода и т. д.). То что, казалось бы, не составляетъ ни для кого ни тайны, ни значенія, именуется у насъ тайной и за разоблаченіе такихъ «таинъ» караютъ, и караютъ жестоко. Изъ всего этого приходится заключить одно изъ двухъ: или мы всѣ страдаемъ отсутствіемъ здраваго смысла, простого здраваго смысла—или же всѣ эти «тайны» суть не что иное, какъ весьма удобные предлоги для придирокъ, какъ противъ того, кто говоритъ, такъ и противъ того, кто молчитъ,—какъ въ данномъ случаѣ.

Самый дикій, безъ всякой системы произволъ. Если произвольныя дѣянія имѣютъ явно опредѣленную цѣль, которая преслѣдуется систематично, то съ ними еще можно бороться; но тутъ одно — я такъ хочу!..

Уходимъ изъ редакціи все же въ недоумѣніи. Остановились на набережной. Разсуждаемъ.

Угрозамъ г. Стесселя закрыть газету и его совѣтамъ читать его приказы, вмѣсто газеты, никто не придавалъ серьезнаго значенія. Но теперь стало ясно, что генералъ намѣренъ доказать, что безъ газеты лучше—и что его литературныя способности даютъ болѣе интереснаго матеріала для чтенія. Положимъ, никто и не сомнѣвался, что его писанія своеобразно интересны, и должны стать достояніемъ исторіи...

Толпа, наполнявшая ежедневно улицу около редакціи и сегодня все еще не расходящаяся, въ надеждѣ—не выйдетъ-ли газета,—доказываетъ что все же и «Новый Край» читали и желали читать—не смотря на конкурренцію со стороны приказовъ генерала Стесселя.

Но и стремленіемъ генерала Стесселя къ литературнымъ лаврамъ,—что трудно принять въ серьезъ,—нельзя объяснить его рѣшимость на этотъ жестокій поступокъ.

Пожалуй, болѣе смысла найдется въ сказанномъ рабочимъ:

— Значитъ, не то писали въ газетѣ, чего-бы «имъ» хотѣлось... ну, и закрыли!..

Направляя поиски за причинами закрытія газеты въ эту сторону, находимъ кое-что болѣе вѣроятное.

Первое—то, что послѣ отступленія нашихъ войскъ съ Зеленыхъ горъ,—послѣ рекламнаго о томъ для генерала Стесселя повѣствованія нѣкоего В. Ж—ко *) и нѣкоторыхъ извѣстій, какъ оказывается, данныхъ имъ же изъ штаба генерала Стесселя, много говорящихъ о послѣднемъ,—съ тѣхъ поръ, какъ генералъ Стесселъ фактически отошелъ на задній планъ и выступала дѣятельность генераловъ Смирнова и Кондратенко, газета ни слова больше о ген. Стесселѣ не говорила. Это, вѣроятно, было не особенно пріятно генералу, любящему, чтобы о немъ говорили.

Спрашивается, что же было писать о немъ. Развѣ о томъ, что онъ, если и ѣдетъ иногда на укрѣпленія, то какъ-бы нарочито туда, гдѣ нѣтъ ни боя, ни опасности **)... или о томъ, что, по его же словамъ, онъ ничего не понимаетъ въ защитѣ крѣпости и, поэтому никакой пользы не можетъ принести,—объ этомъ, пожалуй, и писать неловко, да и цензура не пропуститъ. Продолжать писать въ духѣ г-на В. Ж—ко, послѣ далеко неблестящаго отступленія войскъ съ Волчьихъ горъ, когда уже ни фактически, ни юридически не существовало укрѣпленнаго раіона, въ защитѣ котораго его начальникъ ген. Стессель не только ничѣмъ не отличался, а, наоборотъ, заслужилъ вполнѣ справедливые упреки,—было совсѣмъ немыслимо. На такой «подвигъ» могъ рѣшиться развѣ только одинъ г. В. Ж—ко, двусмысленное отношеніе котораго къ редакціи уже обрисовалось ***).

---

*) Какъ говорятъ, одинъ изъ офицеровъ гарнизона, покровительствуемый г-жею Стессель за его голосъ, т.-е. за внѣслужебную доблесть.

**) Какой-то смѣшникъ назвалъ его по этому барометромъ-безопасности.

***) Позднѣе эти отношенія выяснились болѣе ярко, доказательствомъ чему служатъ нѣкоторые документы.

Все же и за это время въ газетѣ печатались присылаемые для этой цѣли приказы генерала Стесселя (между прочимъ и приказъ, возвѣщающій о томъ, что онъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты и кавалеры ордена Св. Георгія третьей степени).

Генералъ-маіоръ Владиміръ Николаевичъ Горбатовскій.

Второе—то, что газетой не были отмѣчены ни словомъ выпавшія, нечаянно-негаданно и незаслуженно, на долю ген. Стесселя Высочайшія награды,—не удостовѣрена ихъ заслуженность...

«Da liegt der Hund begraben *)!»—обрадовался было одинъ изъ мо-

*) «Вотъ гдѣ зарыта собака»—нѣмецкая пословица.

лодыхъ энтузіастовъ при этихъ поискахъ за дѣйствительными, скрытыми причинами закрытія газеты, но другіе еще не соглашаются съ нимъ.

Кто-то сказалъ, что ген. Стессель не можетъ переносить, чтобы о немъ не говорили, и чтобы его не чувствовали, а потому и далъ почувствовать свою власть,—чтобы не забывались,—особенно теперь, когда онъ облеченъ особымъ довѣріемъ Государя *).

— «Cherchez la femme!» **) — говоритъ подошедшій къ намъ, возмущенный докторъ, — пакость слишкомъ крупная, чтобы не обратить вниманія и въ эту сторону.

И онъ разсказалъ намъ инцидентъ, о которомъ узналъ подробно и который вполнѣ объясняетъ загадку.

Оказывается, что 18-го августа вечеромъ разсыльному «Новаго Края», носившему гранки къ цензору сухопутнаго раіона, въ штабѣ ген. Стесселя, адъютантъ штаба шт.-кап. Колесниковъ далъ для передачи въ редакцію записку на клочкѣ бумаги слѣдующаго содержанія:

«Въ числѣ раненыхъ есть получившіе настолько тяжкія поврежденія, что по возвращеніи домой они будутъ совершенно неспособны зарабатывать себѣ пропитаніе. Безъ сомнѣнія, государство придетъ имъ на помощь, но до полученія пособія отъ казны пройдетъ нѣкоторое время, въ теченіе котораго они могутъ остаться безъ крова и пищи. Чтобы можно было каждому увѣчному воину обезпечить безбѣдное существованіе на первое время—желательно было-бы заблаговременно собрать нѣкоторую сумму для выдачи пособій потерявшимъ способность къ труду и неимѣющимъ средствъ нижнимъ чинамъ при отправленіи ихъ на родину. Пожертвованія принимаются у супруги генералъ-адъютанта В. А. Стессель».

Записка была безъ всякой подписи и безъ объясненія, объявленіе-ли это (въ такомъ случаѣ необходимо знать какъ и сколько разъ его печатать, за чей счетъ или безплатно), или замѣтка для хроники, или-же желаютъ, чтобы она была помѣщена отъ имени редакціи.

Такъ какъ дѣло было около полуночи, номеръ уже вполнѣ сверстанъ, то, чтобы не задержать своевременнаго выпуска газеты, записка была передана редактору, до полученія необходимыхъ поясненій — отъ имени кого и какъ она должна печататься.

Конечно, въ подобной присылкѣ такой записки съ словеснымъ приказаніемъ адъютанта Колесникова—«напечатать»—было явное пренебреженіе къ такому независимому коллегіальному учрежденію, какимъ является редакція газеты; или же обнаруживалась просто невоспитанность прислащаго

*) И теперь могутъ поставить въ укоръ намъ, незамѣтнымъ и неизвѣстнымъ лѣтописцамъ портъ-артурской эпопеи, то, что мы слишкомъ много говоримъ о личности ген. Стесселя. Но слишкомъ она тѣсно связана со всѣмъ ходомъ событій и слишкомъ много его отрицательныхъ заслугъ для того, чтобы о немъ молчали. Вотъ случай, когда мирно молчали о немъ, но онъ заставилъ заговорить о себѣ, и заговорить даже тѣхъ, кто до этой поры покорно и терпѣливо признавалъ все же въ немъ высшую власть и необходимость подчиняться ей.

**) «Ищи женщину!»—французская пословица; говорится, когда касается дѣла, виновника котораго трудно установить.

ее лица. Ввиду благой цѣли, о которой говорилось въ запискѣ, редакція рѣшила не обращать вниманія на оскорбительное къ ней отношеніе—(отъ такихъ господъ К—хъ можно было ожидать всего и всегда),—но все же нуждалась въ необходимыхъ поясненіяхъ и ожидала таковыя.

Въ слѣдующіе два дня газета не могла быть выпущена, по случаю порчи большой скоропечатной машины *).

Въ это время было получено письмо отъ казначея Квантунскаго благотворительнаго общества, — предсѣдательницей котораго состояла Вѣра Алексѣевна Стессель, — капитана Водяги **), въ которомъ онъ просилъ опубликовать прилагаемый списокъ пожертвованій въ пользу увѣчныхъ воиновъ ***).

Этимъ, казалось, дѣло разъяснилось.

Въ слѣдующемъ номерѣ (181 отъ 23 авг.), тотчасъ послѣ передовицы, появилась редакціонная замѣтка, что по почину предсѣдательницы мѣстнаго благотв. об-ва, супруги генералъ-адъютанта В. А. Стессель, приступлено къ образованію въ высшей степени нужнаго и симпатичнаго фонда и т. д., — приводилось цѣликомъ письмо г. Водяги и сказано, что списокъ будетъ опубликованъ въ ближайшемъ номерѣ.

Казалось-бы, что инцидентъ исчерпанъ.

Но нѣтъ-же: 23-го августа является въ редакцію писарь, посланный изъ штаба Стесселя, съ словеснымъ запросомъ — будетъ ли напечатано о сборѣ пожертвованій въ пользу увѣчныхъ воиновъ?

Ему отвѣтили, что списокъ уже набранъ и выйдетъ, какъ сказано, на слѣдующій день.

Списокъ былъ напечатанъ и вышелъ 24 числа ****).

Въ этотъ день является снова писарь и спрашиваетъ, отчего не была напечатана записка, присланная шт.-кап. Колесниковымъ черезъ разсыльнаго?

Это явилось полной неожиданностью. — Ему объяснили, что записка эта использована въ редакціонной части и осталась ненапечатанной только потому, что она безъ всякой подписи и что на ней не отмѣчено—объявленіе-ли это, или же предназначена она для записки и, что безъ необходимыхъ поясненій ее печатать нельзя.

Вечеромъ разсыльный, посланный съ цензурными гранками, возвратился изъ штаба тотчасъ же; вся редакція была еще въ сборѣ.

Что такое?—Никогда еще не получали такъ скоро цензуру; ее всегда задерживали почти до полуночи, а иногда и дольше.

— Штабсъ-капитанъ Колесниковъ вернулъ мнѣ гранки и сказалъ, что пока не будетъ напечатана посланная имъ записка, до тѣхъ поръ газета не будетъ выпущена — докладываетъ разсыльный.

---

*) Говорятъ, что и это обстоятельство приписано «злонамѣренному» упрямству редакціи.

**) Тоже адъютантъ штаба.

***) Интересно бы знать, какъ израсходованы собранныя деньги и напечатанъ-ли гдѣ-нибудь отчетъ о нихъ?

****) Въ дни послѣпраздничные «Новый Край» не выходилъ.

Редакторъ ѣдетъ за объясненіемъ къ начальнику штаба полковнику Рейсу. Штабсъ-капитанъ Колесниковъ принужденъ извиниться; редакторъ получаетъ необходимыя объясненія записки и по просьбѣ начальника штаба обѣщаетъ напечатать ее безплатно какъ объявленіе; вскорѣ получена была и цензура.

Теперь, казалось, дѣло кончено. Но, нѣтъ!

Такое вольнодумство—какъ отказъ печатать по первому, такъ сказать, свисту то, что касается супруги генералъ-адъютанта, тѣмъ болѣе по распоряженію покровительствуемаго адъютанта и покорнаго ея слуги — не можетъ быть прощено, не можетъ пройти даромъ.

— И вотъ — видите! — заканчиваетъ докторъ, разводя руками.

Къ нему обращаются съ вопросами, откуда онъ все это знаетъ?

— Эхъ, господа, господа! Я даю вамъ столько матеріаловъ и, повѣрьте, самыхъ точныхъ; будьте этимъ довольны. А что происходило при этомъ за кулисами, должны вы догадаться сами. Это такъ понятно!..

— Причемъ же тутъ тѣ жалкіе мотивы, въ силу которыхъ будто закрыта газета?—говоритъ задумчиво нашъ старѣйшина, какъ мы обыкновенно звали почтеннаго Х.—Мнѣ кажется, что газета закрыта не по одной какой нибудь явной причинѣ, а по всѣмъ негласнымъ въ совокупности...

Все это струны высоко натянутыя — знай поигрывай! — Несомнѣнно, что генералъ Стессель — не смотря на его, казалось-бы, рѣшительность, хитрость и упрямство, — поддается вліянію окружающихъ и часто, когда казалось-бы, что онъ творитъ свою волю — онъ, просто, пляшетъ подъ чужую дудку.

Къ намъ подошелъ еще одинъ офицеръ, который сообщилъ, будто редакторъ рѣшилъ унизиться даже и просить генерала Стесселя о снятіи запрета.

— Охъ, однако, напрасно — не стоило-бы!..

— Намъ-то, господа, хорошо такъ разсуждать. И я это ему говорилъ. Но не забудьте, что дѣло разорено войною и всѣ сотрудники и служащіе кормятся только отъ розничной продажи газеты. Да кто его знаетъ, не вздумаетъ ли еще генералъ Стессель откомандировать ихъ всѣхъ къ дружинамъ и на позиціи, чтобы о продолженіи изданія газеты и думать было нечего.

Мы разошлись удрученные.

29-го августа (11-го сентября). Вечеромъ узналъ, что редакторъ дѣйствительно ѣздилъ къ генералу Стесселю и просилъ объ отмѣнѣ приказа — и, конечно, безъ успѣха.

Будто и егермейстеръ И. П. Балашовъ, возмущенный закрытіемъ газеты, отправился къ генералу Стесселю поговорить объ этомъ.

Сегодня редакторомъ получена отъ Стесселя собственноручная записка (карандашемъ на клочкѣ бумаги, безъ обращенія и подписи) съ требованіемъ донести ему немедленно отъ кого, кѣмъ и какимъ путемъ

добыты для редакціи тѣ свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ, которыя помѣщались въ отдѣлѣ извѣстій «Новаго Края».

Конечно пришлось дать объясненіе, что свѣдѣнія эти получались изъ штаба коменданта крѣпости такъ же, *какъ они получались до этого изъ штаба раіона* (т. е. генерала Стесселя), что получались эти свѣдѣнія военнымъ корреспондентомъ Е. К. Ножинымъ черезъ дежурнаго адъютанта или другого офицера по назначенію, предъявлялись начальнику штаба на

Полковникъ Василій Федоровичъ Лисаевскій назначенный командиромъ 16-го В.-Сиб. стрѣлк. полка.

одобреніе и печатались *только по полученіи на нихъ разрѣшенія сухопутной цензуры*, т. е. опять таки штаба генерала Стесселя, и согласно тѣмъ измѣненіямъ, которыя вносились цензурой. Кромѣ того газета цензуровалась еще и морскимъ штабомъ.

Кажется, не къ чему придраться. Если кто и виноватъ въ оглашеніи «не подлежащихъ оглашенію свѣдѣній», то, первымъ долгомъ, цензура, несущая отвѣтственность за содержаніе подцензурныхъ газетъ. Снова становится яснымъ, что газета запрещена безъ основаній.

Говорятъ, что подъ преслѣдованіемъ газеты слѣдуетъ видѣть преслѣдованіе коменданта и его начальника штаба. Но едва ли не получится отъ нихъ такой же отпоръ, да еще подкрѣпленный статьями военныхъ законовъ, противъ которыхъ ничего не подѣлаетъ даже и генералъ Стессель. Дѣло въ томъ, что съ началомъ осады въ газетѣ начали отмѣчать дѣятельность генерала Смирнова, его ежедневныя поѣздки къ боевому фронту и личныя его распоряженія, въ то время какъ о дѣятельности генерала Стесселя (о поѣздкахъ его въ такія мѣста, гдѣ ему не грозила никакая опасность и не было нужды въ какихъ либо распоряженіяхъ; да онъ и не распоряжался) газета молчала.

Сегодня пришлось прійдти къ заключенію, что произвольнымъ закрытіемъ газеты обиженъ больше всего нашъ *меньшой* братъ — солдатъ, матросъ, рабочій *). Для него газета была источникомъ, изъ котораго онъ черпалъ бодрость, надежды, такъ какъ читая газету онъ могъ слѣдить за ходомъ событій, убѣждаться, что повсемѣстно волна непріятельскихъ силъ разбивается о стойкость передовыхъ частей—что успѣхъ его, гдѣ таковой и есть, ничтоженъ и что при той же стойкости удастся отстоять крѣпость.

Печатавшіеся въ газетѣ эпизоды изъ боевой жизни, геройскіе подвиги солдатъ порождали въ каждомъ читающемъ соревнованіе.

А теперь же, не имѣя никакихъ свѣдѣній о томъ, что творится въ томъ или другомъ мѣстѣ, невольно зарождаются въ нихъ сомнѣнія — не скрываютъ ли что отъ нихъ, не захватилъ-ли непріятель на другомъ флангѣ какія либо важныя позиціи?..

Каждый жадно хватался за тѣ крохотныя вѣсточки изъ внѣшняго міра и съ родины — Россіи, Сибири, которыя иногда все же проскакивали къ намъ въ видѣ колоніальныхъ или старыхъ россійскихъ газетъ, или даже частнаго письма изъ Россіи или изъ Маньчжурской арміи. Вѣсти эти, хотя запоздалыя, представляли для насъ — дымокъ отечества — и сладкій, и пріятный.

Всякій, получившій письмо, радъ былъ подѣлиться со всѣми каждой новой вѣсточкой съ дорогой родины, но такъ какъ, конечно, не было никакой возможности повторять одно и тоже всѣмъ и каждому, то всякое извѣстіе, представляющее какой либо общій интересъ, передавалось въ редакцію, печаталось въ газетѣ и такимъ образомъ становилось общимъ достояніемъ всѣхъ жителей крѣпости.

Поэтому-то пріостановка выхода газеты была большимъ лишеніемъ для насъ.

Ежедневно по утрамъ можно было видѣть толпы народа, пришедшаго справиться нѣтъ-ли газеты; ежедневно давали имъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ — «черезъ мѣсяцъ». И всетаки люди, приходившіе съ далекихъ позицій въ городъ никогда не уходили назадъ, не справившись, не вышла ли газета.

А вдругъ, да разрѣшили ее вновь **)...

*) Этотъ фактъ отмѣченъ и въ «Дневникѣ Сестры Милосердія» Баумгартенъ.

**) Мотивы закрытія газеты не удовлетворяли никого; всѣ видѣли въ нихъ лишь предлогъ.

Слухи, всевозможные слухи зароились надъ осажденной крѣпостью, то порождая розовыя надежды, то наводя на жителей доходящіе до нелѣпости страхи и преувеличенные до-нельзя ужасы.

Утверждаютъ, что въ Дальнемъ, или въ одной изъ бухтъ полуострова, высаживаются новыя силы непріятеля и ихъ видимо-невидимо...

— Пронесся слухъ съ передовыхъ позицій, что будто японцы не разъ кричали нашимъ изъ своихъ ближайшихъ окоповъ:

— Чего вы, дураки, деретесь! Вѣдь начальство ваше давно продало намъ вашъ Артуръ за 17 милліоновъ!..

Вчера совершена была панихида по павшимъ въ морскомъ бою 28-го іюля на «Цесаревичѣ»—контръ-адмиралѣ Витгефтѣ и по всѣмъ убитымъ вмѣ-

Штабсъ-капитанъ крѣпостной артиллеріи Николай Алексѣевичъ Высокихъ.
† 7-го августа 1904 г.

стѣ съ нимъ. Получена оффиціальная депеша о томъ, что контръ-адмиралъ князь Ухтомскій отставленъ отъ командованія эскадрой и откомандировывается въ распоряженіе намѣстника.

Онъ, вѣроятно, заболѣлъ, такъ какъ переѣхалъ на жительство на госпитальное судно «Ангара»; но, говорятъ, не желаетъ ѣхать къ намѣстнику.

Командующимъ остатками эскадры назначенъ командиръ крейсера «Баянъ» капитанъ 1-го ранга Виренъ—человѣкъ очень энергичный, требовательный по службѣ и несомнѣнно храбрый.

Большинство тѣхъ, съ кѣмъ пришлось говорить объ этомъ назначеніи, радуются этому назначенію, высказываютъ убѣжденіе, что будь капитанъ Виренъ назначенъ командующимъ портъ-артурской эскадрой тотчасъ послѣ гибели адмирала Макарова, онъ поддержалъ бы во флотѣ духъ незамѣнимаго адмирала. Теперь же большой вопросъ: удастся ли исправить повреж-

денныя въ послѣднемъ бою суда, когда ежедневно получаются все новыя и новыя поврежденія, и когда каждая непріятельская бомбардировка съ суши имѣетъ главной цѣлью уничтоженіе оставшихся судовъ?

Съ другой стороны назначеніе это вызвало плохо скрываемое раздраженіе обойденныхъ старшихъ по службѣ.

— Замѣчательно то,—сказалъ однажды мнѣ почтенный эскулапъ морской службы,—что у насъ всякій, даже трутень, считаетъ себя способнымъ занять любую высшую должность... Но, съ другой стороны—по мѣткому каламбуру неизвѣстнаго автора—существуетъ вновь открытый ядъ «генералинъ» (адмиралинъ тожъ), который, проникнувъ въ мозгъ даже умнаго, вполнѣ здравомыслящаго человѣка, дѣлаетъ его никуда негоднымъ, парализуетъ разсудокъ... И этого всегда нужно опасаться, но во всякомъ случаѣ хуже даннаго положенія флота и быть не можетъ...

XI. Пріятные слухи.

30-го августа (12 сент.). Мною овладѣла какая-то лѣнь, безволіе—благодаря чему не каждый день и не все записываешь; потомъ невольно забываешь многое, такъ какъ все новыя и новыя событія заслоняютъ собою предыдущія. Однихъ слуховъ за день переслушаешь цѣлую вереницу; особенно теперь, когда нѣтъ газеты и фантазіи данъ полный просторъ.

Послѣдніе три дня японцы не стрѣляли по городу, а вчера даже по фортамъ не сдѣлали ни одного выстрѣла.

Поэтому носятся слухи, что наши батареи стрѣляютъ по отступающему непріятелю; будто ближайшіе окопы и какія-то двѣ горки очищены японцами.

Съ какимъ удовольствіемъ вѣримъ мы этимъ слухамъ!.. Многіе мечтаютъ вслухъ о томъ, что, навѣрно, и блокада съ моря будетъ снята и—заживемъ мы снова припѣваючи... Видно, на сѣверѣ (т. е. въ Маньчжуріи) дѣла японцевъ плохи...

Но, здравый смыслъ—внутренній голосъ—настойчиво подсказываетъ, что японцы, если и отошли въ одномъ мѣстѣ, то несомнѣнно готовятся нанести намъ новый ударъ въ другомъ.

Ночью, японцы подвели или подогнали къ рейду какую-то горѣвшую джонку, загорѣлась ли она отъ нашихъ снарядовъ, или подожжена она японцами—трудно сказать. Джонка эта везла, пожалуй, почту для Артура, японцы догнали ее и подожгли; также быть можетъ она у насъ искала спасенія отъ преслѣдованія японцевъ; но невозможно было пустить ночью въ гавань неизвѣстную никому джонку, когда мы знали, что японцы уже ухитрялись всякими способами подбираться къ намъ.

Положеніе судна, идущаго къ намъ, но о приходѣ котораго намъ заранѣе ничего неизвѣстно, положительно ужасно: ему приходится, съ одной стороны, спасаться отъ преслѣдованія японцевъ, а съ другой—спа-

саться отъ нашихъ батарей, видящихъ въ немъ врага, желающаго незамѣтно пробраться въ гавань. Это въ высшей степени опасное положеніе

Японская штурмовая колонна въ проволочномъ заграждеіи.

не разъ, вѣроятно, останавливало самыхъ храбрыхъ, самыхъ предпріимчивыхъ китайцевъ въ ихъ желаніи попытать счастье доставить намъ извнѣ

свѣдѣнія, либо же необходимыя намъ перевязочныя средства и съѣстные припасы. При этомъ едва-ли удачная доставка ихъ оплачивалась нами настолько щедро, чтобы этотъ заработокъ могъ служитъ приманкой и поощрить разъ побывавшаго здѣсь къ дальнѣйшимъ рискованнымъ попыткамъ прорывать блокаду.

Слухи, такъ сказать, крупнаго калибра—будто Франція объявила войну Японіи; Германія, будто, прервала дипломатическія сношенія съ Американскими Штатами; послы этихъ государствъ уже оставили свои посты; а Англія, будто, весьма предупредительно сообщила Россіи, что она потребовала уже отъ Японіи немедленнаго возврата миноносца «Рѣшительнаго», захваченнаго въ Чифу вопреки международнымъ законамъ, съ попраніемъ со стороны японцевъ нейтралитета Китая...

Слухи эти ставятся въ связь съ укрытіемъ крейсера «Діана» въ Сайгонѣ и «Цесаревича» съ миноносцами въ Цзинтау. Ввиду того, что японцы увели силою изъ порта Чифу нашъ уже разоруженный миноносецъ «Рѣшительный» и имѣли дерзость подходить къ Цзинтау для наблюденія за разоруженіемъ «Цесаревича», германскій императоръ, будто, распорядился предоставить «Цесаревичу», какъ только онъ будетъ исправленъ, свободу дѣйствій, т. е. возможность присоединиться къ Балтійской эскадрѣ, идущей на выручку къ намъ...

Эти слухи здорово взбудоражили насъ.

Къ нимъ прибавились еще новые, увѣряющіе, чуть-ли не въ сотый разъ, о томъ, будто отрядъ Мадритова находится около Вафандяна, передовые отряды генерала Мищенко около Вафангоу и даже Бицзыво, а генералъ Куропаткинъ перешелъ въ наступленіе и двигается на югъ...

И хотя-бы разъ слухи эти оказались вѣрными!— Наше положеніе надоѣло намъ уже до-нельзя, хотѣлось-бы, какъ можно скорѣе вернуться къ нормальной жизни. Поэтому охотно вѣришь всему, даже невѣроятному. Разобраться же въ томъ, что правда, что фантазія—болѣе, чѣмъ трудно, такъ какъ какихъ либо достовѣрныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ.

Послѣдніе слухи, видимо, базируются на томъ, что по вечерамъ виднѣется, особенно на сѣверѣ, зарница; иногда точно орудійныя вспышки; порою слышенъ отдаленный глухой рокотъ—не то громъ, не то пальба. Солдаты съ позицій увѣряютъ, что когда приложишь ухо къ землѣ, то слышно, какъ земля дрожитъ отъ пушечныхъ выстрѣловъ—быть можетъ, то Куропаткинъ бомбардируетъ Киньчжоу осадными орудіями...

Кто-то сообщилъ, будто капитанъ Виренъ имѣлъ уже недоразумѣнія съ адмиралами Лощинскимъ и Григоровичемъ, на служебной почвѣ.

Сегодня пришлось подслушать разговоръ раненаго солдата, идущаго съ позиціи въ госпиталь, со встрѣчными мирными жителями.

— Что и говорить, — отвѣчаетъ солдатъ на вопросы о пережитыхъ штурмахъ, — жарко было, такъ жарко было порой, что все кругомъ забы-

ваешь; себя не чувствуешь — будто тебя и нѣту. Настоящая сухая баня. Намъ еще на Зеленыхъ горахъ, съ передовыхъ цѣпей, какой-то японецъ крикнулъ: «Русскій, топи баню — мы скоро прійдемъ париться»! — «Ладно»— отвѣтили наши — «приходи, милости просимъ, но, пожалуйста, сперва въ предбанникъ!»... Такъ оно и вышло — дальше предбанника, пока, ихъ не пустили.

— Оно, конечно, — заканчиваетъ солдатъ, закуривая предложенную ему папироску, — и намъ досталось, и нашихъ полегло не мало; вотъ и меня тогда царапнуло — думалъ — ничего, а приходится, какъ говоритъ докторъ, немного полежать, чтобы боль не разыгралась. — А ихъ-то погибло! какъ

Капитанъ 2-го ранга Александръ Васильевичъ Лебедевъ.
† 9-го августа 1904 г.

стадо барановъ въ степи — чернымъ-черно; такъ и устлали всѣ подступы. А вонище-то, не дай Богъ!

Солдатъ отплюнулъ и пошелъ дальше.

Говорятъ, что изъ штаба Стесселя пущенъ слухъ, что прибыли двѣ джонки со снарядами и патронами, и ожидаются еще...

Къ чему прибѣгать къ такимъ сомнительнымъ средствамъ? Развѣ ими можно поддержать духъ въ войскахъ? Развѣ солдаты не доберутся до истины, не узнаютъ, что это вранье?

Наши ожиданія, вызванныя назначеніемъ капитана Вирена командующимъ эскадрой, начинаютъ оправдываться. Онъ дѣйствуетъ энергично и уже показалъ себя молодцомъ. Ночью объѣзжая эскадру онъ засталъ вахту сторожевыхъ судовъ далеко не на высотѣ своего долга — нашелъ людей спящими, и написалъ письмо Л., въ которомъ довольно рѣзко поставилъ ему на видъ, что отсутствіе бдительности на сторожевыхъ судахъ грозитъ гибелью всей оставшейся эскадрѣ, а потому онъ требуетъ, чтобы впередъ этого не было.

Говорятъ, что Л., какъ старшій въ чинѣ, очень обиженъ этимъ письмомъ, но долженъ покориться, такъ какъ оно вполнѣ основательно.

По поводу мало успѣшнаго, медленнаго исправленія судовъ, Виренъ уже неоднократно обращался письменно къ Г., но безъ всякаго результата. Тогда онъ отправился лично къ послѣднему, и потребовалъ категорическаго отвѣта: почему замедляется исправленіе судовъ, отчего не присылаютъ нужныхъ ему людей и матеріаловъ — и когда онъ все это можетъ получить?

На это ему замѣчаютъ, что онъ забывается предъ старшимъ въ чинѣ, не имѣетъ права предъявлять такое требованіе...

— Вполнѣ сознаю свой поступокъ, — возражаетъ на это Виренъ, — и самъ сейчасъ-же донесу объ этомъ въ Петербургъ; тамъ разберутъ, кто правъ, кто виноватъ. Теперь же требую дать мнѣ категорическій отвѣтъ!..

— Побѣда надъ своими, — говоритъ весьма почтенный полковникъ морской службы, — обѣщаетъ побѣду и надъ врагомъ... Нужно же привести сперва своихъ къ одному знаменателю!

Всѣ увѣрены, что будь Виренъ, одновременно съ назначеніемъ командующимъ эскадрой, произведенъ въ контръ-адмиралы, этимъ смягчилось бы чувство обиды обойденныхъ, подчиненіе ему оказалось бы болѣе легкимъ, не было-бы напраснаго раздраженія, напрасной траты энергіи.

Оказывается, что 28-го іюля, тотчасъ послѣ выхода эскадры въ море, старшій корабельный инженеръ Вешкурцевъ, оберъ-аудиторъ Эйкаръ и подполковникъ Меллеръ ушли на миноносцѣ въ Чифу...

Никто не удивляется тому, что первые двое постарались избѣгнуть опасности; удивляются лишь тому, что оказавшій вооруженію крѣпости много цѣнныхъ услугъ подполковникъ Меллеръ, въ храбрости котораго никто не сомнѣвался, послѣдовалъ за ними. Полагаютъ, что его съумѣли уговорить, удачно застращать всевозможными аргументами вродѣ безцѣльнаго принесенія себя въ жертву, и т. д. А, вѣдь, онъ могъ еще оказать намъ въ дѣлѣ защиты крѣпости большую помощь.

Вешкурцеву ставятъ въ упрекъ, что онъ вытѣснилъ старыхъ служакъ, занялъ мѣсто, а въ минуту большой опасности бросилъ дѣло на произволъ судьбы и уѣхалъ.

И это считаютъ одной изъ причинъ безуспѣшности въ исправленіи судовъ.

— Исторія довольно грязная, — замѣчаетъ израненый въ бою *) капитанъ Б.,—но, кому дорога честь, а кому и жизнь...

И китайцы высказываютъ увѣренность, что японцамъ не взять Артуръ. Въ японско-китайскую войну Артуръ былъ взятъ въ три солнца (т. е. въ три дня), говорятъ китайцы, — а теперь уже прошло 37 солнцевъ и японцевъ «шибеко м-ного, м-ного помирай есть»...

Полковникъ князь Иванъ Ильичъ Мачабелли, командиръ 13-го В.-Сиб. стрѣлк. полка. Убитъ на Панлуншанѣ.

Сегодня стрѣляли только наши батареи. Кто-то разнесъ слухъ, что японцы бомбардируютъ Новый городъ; ходилъ провѣрить — оказалось не правда.

31 августа (13 сентября). Японцы, видимо, перестали вѣрить въ свои счастливые дни — 13-е и 26-е числа.

Ожидаемыхъ нами штурмовъ нѣтъ. Ночью и утромъ на лѣвомъ флангѣ были легкія перестрѣлки; у насъ нѣсколько раненыхъ. Были моменты, когда былъ слышенъ и пулеметъ. Батареи молчатъ; пострѣливаетъ лишь «Бобръ», ставшій въ западной бухтѣ, около солеварницъ; стрѣляетъ перекиднымъ огнемъ. Говорятъ, стрѣляютъ и Ляотѣшанскія батареи.

*) Умершій въ плѣну, куда онъ пошелъ добровольно, чтобы раздѣлить участь нижнихъ чиновъ—матросовъ.

— Если-бы каждое наше большое судно сдѣлало въ эту войну столько,—говоритъ В., нашъ ядовитый резонеръ,— сколько сдѣлалъ «Бобръ», то мы-бы много выиграли! — смѣшно даже — эта маленькая, паршивая канонерка, а громитъ непріятеля, да и какъ еще!

На дняхъ одна изъ простыхъ, необразованныхъ русскихъ женщинъ, при разговорѣ о флотѣ, выразилась такъ:

— Когда погибъ адмиралъ Макаровъ, то всѣ говорили въ одинъ голосъ: «Богъ съ ними, съ судами, вернулся-бы только Макаровъ!»—Теперь же, при послѣднемъ выходѣ эскадры, всѣ твердили одно: «Богъ съ ними, съ адмиралами, — лишь-бы уцѣлѣли наши суда!..»

Всѣ разговоры о Франціи, Германіи, Америки и Англіи, т. е. о всѣхъ новыхъ осложненіяхъ въ политическомъ мірѣ, грозятъ оказаться слухами, сфабрикованными въ осажденной крѣпости, — представляютъ собою передовицу новой, невидимой газеты «Фантазія».

Недурно на первый случай!

Такими же оказались слухи о прибывшихъ сегодня утромъ двухъ французскихъ миноносцахъ.

На дняхъ прошелъ слухъ, что ночью въ Новый городъ прорвался отрядъ японцевъ, человѣкъ въ 50; человѣкъ десять изловили, а остальные скрылись. На вопросы—въ какой Новый городъ—одни отвѣчаютъ, что въ европейскій, а другіе, что въ китайскій...

Т. сообщаетъ, что вчера, на однихъ имянинахъ, генералъ-маіоръ Никитинъ высказался громогласно, что-де мало того, что закрыли газету, а слѣдовало-бы ихъ (кого-же именно?) *повѣсить* за распространеніе *такихъ* свѣдѣній (какихъ-же?!)...

— Вотъ, какіе у насъ генералы — на врага не идутъ, а дома замѣчательно... храбры. Надо лишь удивляться, какъ мы, при наличности такихъ героевъ, все еще въ силахъ бороться съ японцами.

— Я слышалъ, — замѣчаетъ съ язвительной улыбочкой Н. Н., — что въ Японіи производятъ въ большіе чины не дураковъ, а только людей способныхъ...

— О, времена, о, нравы!—вздыхаетъ, возведя очи горѣ, растерявшійся И. С., — и это въ началѣ XX-го столѣтія!

Узнаемъ также, что генералъ Бѣлый приносилъ въ госпиталь Краснаго Креста обширные приказы ген. Стесселя, не только содержащіе довольно подробныя свѣдѣнія, которыя не слѣдовало-бы знать всѣмъ и каждому, но и такіе, содержанія которыхъ должны бы составлять безусловный секретъ, какъ, напр., объ организаціи, такимъ-то способомъ, развѣдокъ при помощи китайцевъ *), какъ и о томъ, что изъ Тяньцзина высланы намъ (если это правда) 6000 орудійныхъ снарядовъ и около 3 милліоновъ патроновъ.

Вотъ какъ приводятся въ исполненіе слова генерала Стесселя:

*) Позднѣе оказалось, что развѣдкамъ этимъ — грошъ цѣна.

— «Не нужно намъ газеты! Пусть читаютъ мои приказы!..»

— Человѣку, попавшему на скользкую наклонную плоскость, трудно удержаться; въ этомъ, кажется, и сомнѣваться нечего,—говоритъ глубокомысленно одинъ изъ случайныхъ собесѣдниковъ.

— Къ кому вы это относите, — спрашиваютъ его,—къ редакціи-ли, скользящей, по направленіи къ висѣлицѣ... или же къ новѣйшей нашей публицистикѣ?

Взрывъ хохота.

— Я говорю серьезно, — огрызается тотъ, — возьмите, напримѣръ, раздачу наградъ: до чего она доведетъ? — оно, конечно, средство хорошее для вербованія себѣ приверженцевъ... Но, вѣдь, обидно за героевъ, получающихъ награду, наравнѣ съ тѣми, кто ничего не сдѣлалъ; хорошо еще если

Ночная вылазка на японскія позиціи на Панлуншанѣ, при освѣщеніи прожекторомъ и боевыми ракетами.

дадутъ герою, а то оставятъ и совсѣмъ безъ наградъ; имъ предоставлено высокое счастье: проливать свою кровь, умирать за честь своей родины...

— Какіе, напримѣръ, подвиги совершили адъютанты генерала Стесселя, — исключая князя Гантимурова,—это мнѣ не извѣстно,—продолжаетъ онъ сердито, — а также его вѣстовые, когда онъ самъ не бывалъ вблизи боя и не распоряжался имъ?.. И формулировка сомнительныхъ заслугъ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Возьмите приказъ 29-го іюня за № 406, тамъ, подъ пунктомъ 38-мъ о награжденіи нижнихъ чиновъ георгіевскими крестами, значится 14-го В.-С. стрѣлковаго полка конно-охотничьей команды ст. унтеръ-офицеръ, вольноопредѣляющійся Владиміръ Савицкій — сынъ командира полка, друга и достойнаго соратника генерала Стесселя въ

китайскую кампанію — награжденъ за то, что *„30-го апрѣля, будучи начальникомъ лѣваго дозора во время наступленія японцевъ къ д. Шисиинзы (?), зорко слѣдилъ за движеніемъ непріятельской цѣпи и, спѣшившись, мѣткимъ огнемъ заставилъ отойти непріятельскую цѣпь, силою около 30 человѣкъ* *), *направлявшихся въ обходъ нашего лѣваго фланга* **). *На разсвѣтѣ 3-го мая, во время развѣдки въ среднемъ дозорѣ обнаружилъ движеніе непріятеля и, будучи обстрѣливаемъ цѣпью непріятеля, открылъ дѣйствительный огонь“.* — Вотъ за что Владиміръ Савицкій награжденъ Георгіемъ!—Между тѣмъ изъ всего сказаннаго, если это только правда (бывшій въ отрядѣ охотникъ *К.* свидѣтельствуетъ совсѣмъ другое), то все же не видать ничего кромѣ исполненія долга. Впрочемъ, мы вообще о подвигахъ Владиміра Савицкаго ничего не слыхали. Но если-бы даже дѣйствительно все такъ произошло, какъ говорится въ приказѣ и сынъ полковника Савицкаго лишь за простое исполненіе своего долга награжденъ крестомъ, то чѣмъ же нужно наградить весь 5-й полкъ и тѣхъ охотниковъ, которые вмѣстѣ съ нимъ выдержали всю силу адскаго огня во время Киньчжоускаго боя?—Ясно, что такой же награды для нихъ слишкомъ мало. Еще вопросъ — даны ли имъ вообще какія либо награды?..

И такіе разговоры слышны повсюду.

— Почему полковникъ Третьяковъ не награжденъ за Киньчжоускій бой?—обращается довольно тяжело раненый офицеръ къ осматривающему его врачу,—почему награждается капитанъ В—евъ за бой, въ которомъ участвовалъ вмѣсто него я, и въ то время, когда онъ былъ уже два дня въ госпиталѣ?..

— А я-то тутъ при чемъ? — спрашиваетъ съ улыбкой врачъ. — Если, вотъ, будете волноваться, то придется прописать вамъ успокоительное, это я могу... Если не будете лежать спокойно, то достукаетесь креста, но не Георгіевскаго...

— Почему ему, а не мнѣ награда?—продолжаетъ горячиться больной.— Да, онъ въ милости! значитъ, у насъ дѣло не важно, а милость начальства важна!.. Такъ и запишемъ. Вотъ она—музыка!..

И долго еще волновался онъ, не смотря на запрещеніе врача, не смотря на рискъ повредить здоровье.

Японцы изрѣдка пострѣливаютъ по Куропаткинскому люнету, Малой Орлиной и Заредутной батареямъ. Нѣтъ-нѣтъ, да и вырвутъ горсть защитниковъ. Изъ принесенныхъ сегодня въ госпиталь 4 тяжело раненыхъ матросовъ едва-ли кто останется въ живыхъ; кромѣ того на Куропаткинскомъ люнетѣ убито снарядомъ нѣсколько человѣкъ наповалъ.

---

*) Спрашивается — сколько же людей было въ нашемъ дозорѣ?

**) Интересно бы знать — гдѣ это было? — Телеграмма генерала Стесселя: «полковникъ Савицкій и его два сына—моя гвардія» возмущаетъ каждаго порядочнаго артурца. Эта телеграмма создала господамъ Савицкимъ извѣстность; въ Артурѣ не знали ихъ подвиговъ, кромѣ, развѣ, того, что они дѣйствительно составляли «гвардію» героя печальной памяти, т. е. сторонниковъ его, и что они осыпаны наградами.

Утренняя канонада береговыхъ батарей была, оказывается, не совсѣмъ безуспѣшной—взята на рейдѣ японская миноноска стараго образца (или минный катеръ) и приведена въ портъ.

И что только за порядки у насъ!—Вмѣсто того, чтобы этотъ *первый* морской трофей поставить на видномъ мѣстѣ въ гавани, чтобы всѣ, и жители и гарнизонъ, могли бы его видѣть,—чтобы видъ этой первой добычи подбодрилъ людей, хотя-бы немного,— миноноску прячутъ куда-то во внутренній портъ и все дѣло держится какъ-бы въ секретѣ.

Развѣ только и въ этомъ случаѣ «проспали» что-нибудь болѣе значительное?..

Капитанъ С. З. Верховскій, сильно израненый при защитѣ Дагушаня.

Говорятъ, что миноноска запуталась въ сѣтяхъ; на ней нашли два трупа и оторванную ногу. Команда, оставшаяся въ живыхъ, должно быть спаслась.

Поручикъ минной роты Р. командированъ на Кумирнинскій редутъ прокладывать минныя галлереи—затѣвать минную войну, чтобы выиграть этимъ время. Вопросъ лишь въ томъ, удастся ли это предпріятіе?

Вечеромъ смотрѣлъ, какъ жители ловятъ въ устьѣ бухты Таучинъ, около моста у полевого телеграфа, рыбу; при началѣ отлива все устье бухты загораживается сѣтью; вода спадаетъ и рыба, зашедшая во время прилива въ бухту, становится добычей старателей.

Осада сказывается—добыть пропитаніе съ каждымъ днемъ становится труднѣе и труднѣе; слѣдовательно, приходится всячески изощряться.

Слухи у насъ фабрикуются не по днямъ, а по часамъ. Сейчасъ разсказываютъ, что Самсонъ-гора взята Куропаткинымъ—то на половину, то цѣликомъ; то нашихъ убито 10 тысячъ и ранено 30 тысячъ, то легло всего 45 тысячъ. У японцевъ, конечно, потери больше—130 тысячъ человѣкъ и взято у нихъ 300 пушекъ... Черезъ 2 недѣли Куропаткинъ будетъ въ Артурѣ... То сказываютъ, что отрядъ Мадритова пробрался уже на Квантунъ и ожидаютъ тылового боя; то говорятъ, что японцы перебираются уже на транспортахъ въ Корею...

По словамъ однихъ очевидцевъ утромъ на рейдѣ потопленъ 1 японскій миноносецъ, по словамъ другихъ—два. Приходили опять и миноносцы и джонки; привезли, по всему вѣроятію, массу минъ, чтобы закупорить ими выходъ нашей эскадры.

Тралящій караванъ такъ и не перестаетъ работать; одна шаланда, землечерпалка и нѣсколько катеровъ погибли при этой работѣ; а японцы все привозятъ и привозятъ цѣлыя партіи новыхъ минъ. Видно, запаслись они ими основательно.

Который уже день японцы не обстрѣливаютъ городъ; видно истощился у нихъ запасъ снарядовъ. Кто-то заподозрилъ даже, не перестали ли японцы совсѣмъ бомбардировать городъ, въ виду безцѣльности и безуспѣшности этихъ бомбардировокъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласиться нельзя; скорѣе нужно опасаться, чтобы они не принялись за это вдругъ, неожиданно, въ непривычное для насъ время и съ удесятеренной энергіей.

Никакихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ нашъ Балтійскій флотъ: двинулся-ли онъ въ путь—не знаемъ, да и узнать неоткуда. Одни предположенія.

Сегодня хоронили дружинника-кавказца, который при всемъ своемъ желаніи долго не могъ попасть въ число охотниковъ на вылазки. Наконецъ попалъ, и при первой же вылазкѣ погибъ героемъ. Имени его такъ и не удалось узнать.

---

11 час. 20 мин. ночи. Сидѣлъ на горѣ и наблюдалъ за сухопутнымъ горизонтомъ, — который составляетъ поясъ нашихъ укрѣпленій, — что творится на позиціяхъ.

Сперва то «Бобръ», то Ляотѣшанскія орудія посылали изрѣдка по снаряду черезъ нашъ лѣвый флангъ. Потомъ блеснули и за Перепелкой *) разъ-другой большія вспышки и загрохотали орудія; не поймешь, стрѣляютъ ли это наши батареи, или же японцы по нашимъ окопамъ и укрѣпленіямъ.

Пасмурно; довольно темно. Молодой мѣсяцъ скрылся за густыми тучами; на востокѣ, на облакахъ свѣтлое пятно; это отблескъ Юпитера, напрасно старающійся прорваться сквозь густую пелену облаковъ.

*) Такъ называлась обыкновенно Перепелочная или Перепелинная гора.

Вотъ, на крайнемъ правомъ флангѣ блеснули бѣлесоватыя вспышки и донеслись очень глухіе раскаты; еще и еще — но уже много лѣвѣе, около батарей литера Б и Малой Орлиной. Должно быть наши... Нѣтъ! — Какъ только донесся гулъ выстрѣла, тотчасъ раздался и характерный «тіуннн» шрапнели; видно японцы стрѣляютъ по работающимъ на батареяхъ людямъ. Еще и еще, то тутъ, то тамъ виднѣются вспышки, слышится рокотъ, то глухой, то болѣе рѣзкій; должно быть и наши батареи отвѣчаютъ японцамъ. Снова все затихло; еле замѣтно, какъ-то лѣниво, бродитъ кое-гдѣ лучъ прожектора, да изрѣдка щелкнетъ ружейный выстрѣлъ. Японскихъ прожекторовъ не видать уже нѣсколько дней; говорятъ—ихъ убрали.

Сегодня картина перестрѣлки довольно монотонна; обыкновенно ночная стрѣльба бываетъ болѣе оживлена. Обыкновенно и орудійный огонь чаще, и нѣтъ-нѣтъ, да японцы пошлютъ свои снаряды по городу — въ надеждѣ попасть по резервамъ или по обозу, снабжающему позиціи всѣмъ необходимымъ; въ промежуткахъ трещатъ ружейные залпы, то щелкаютъ отдѣльные выстрѣлы, то поднимится торопливая пачечная перестрѣлка и зататакаютъ пулеметы, то одинъ, то нѣсколько за-разъ, то въ одномъ, то въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Наши прожектора нервно передвигаются то въ одну, то въ другую сторону, ищутъ, желаютъ схватить непріятеля; то вдругъ широкій, яркій лучъ японскаго прожектора *) перекинется поперекъ горъ—ищетъ храбрецовъ-охотниковъ, сдѣлавшихъ смѣлую вылазку и внезапно скрывшихся куда-то. Потомъ наступаетъ затишье и, кажется, все погрузилось въ мирный сонъ. Кое-гдѣ прогремитъ запоздалая двуколка, залаетъ собака — точно въ мирномъ селѣ... Но, вотъ, гдѣ-то, по направленію батарей, заревѣлъ жалобно мулъ **), какъ-бы сѣтуя на ужасы, совершаемые здѣсь людьми.. Подкравшаяся на минутку заманчивая иллюзія исчезаетъ — въ русской деревнѣ не услышишь рева этого несчастнѣйшаго изъ домашнихъ животныхъ, лишеннаго, благодаря разсчетливости человѣка, своего потомства, изуродованнаго, обреченнаго на вѣчный тяжкій трудъ (потому, что мулъ, очень выносливъ)... И становится жаль животнаго, которое будто жалуется, что его, лишивъ отъ роду смысла жизни, подвергаютъ здѣсь ежеминутно опасности быть истерзаннымъ, искалѣченнымъ.

Снова заговорили орудія, ружья, пулеметы и въ мигъ исчезли сентиментальныя мысли; слухъ и зрѣніе напряглись—человѣкъ, какъ бы съежился, ушелъ въ себя, чуя близость смерти...

Сильно дѣйствовали на нервы и сердце картины — вѣрнѣе, отголоски, рокотъ ночныхъ боевъ въ первые страдные дни крѣпости. Почти каждую ночь налегали японцы, опьяненные удачами на Зеленыхъ и Волчьихъ горахъ; на разсвѣтѣ происходили самые отчаянные штурмы—лихорадочная ружейная стрѣльба переходила въ адскій непрерывный трескотокъ, въ какое-то переливающееся журчанье, среди котораго раздавались выстрѣлы противоштур-

*) Японскіе прожектора оказались лучше нашихъ; сила свѣта и поэтому ширина луча куда больше нашихъ.

**) Мулъ или лошакъ — помѣсь осла съ лошадью, неспособный продолжать свой родъ.

мовыхъ малокалиберныхъ пушекъ и тіуканье шрапнели. Вотъ-вотъ прорвутся японцы въ городъ и начнется истребленіе всего живого... Но, нѣтъ; все постепенно стихаетъ и хотя возобновляется еще не разъ, но ухо начинаетъ улавливать, что трескъ не приближается, а какъ бы раздается все въ одномъ и томъ же мѣстѣ, что что-то непреодолимое мѣшаетъ ему идти впередъ. Это непреодолимое — стойкость гарнизона — героевъ офицеровъ и солдатъ. Понемногу успокаиваешься, сознаешь всю нелѣпость преждевременной тревоги — и вмѣсто нея наступаетъ спокойная увѣренность, что все это пройдетъ.

Японцы стрѣляютъ обыкновенно двоякими снарядами одновременно — бризантными, разрушающими съ адской силою всякое прикрытіе и разбросывающими на далекое разстояніе свои осколки, которые, попадая въ тѣло, рвутъ, уродуютъ его, производятъ страшныя раны... и въ то же время шрапнелью, рвущеюся въ воздухѣ надъ тѣмъ же мѣстомъ и закидывающею мѣстность цѣлымъ дождемъ тяжелыхъ свинцовыхъ пуль, пронизывающихъ черепъ или другія части тѣла, прошибающихъ кости тѣмъ, кто уцѣлѣлъ при взрывѣ перваго снаряда, кто выскочилъ изъ прикрытія, желая посмотрѣть, куда попалъ снарядъ, или же ищетъ новаго прикрытія за скалой или бугромъ.

Для насъ, мирныхъ зрителей, вечеромъ или ночью картина эта является красивой, не смотря на всѣ ея ужасы, къ которымъ человѣкъ, какъ и ко всему вообще, постепенно привыкаетъ; онъ притупѣваетъ скоро, относится все съ бо̀льшимъ равнодушіемъ къ ужасамъ, творящимся въ отдаленности — къ ужасамъ, которыхъ онъ не видитъ, а можетъ лишь предполагать, мысленно представить себѣ; въ началѣ казалось ему, что тамъ, на позиціи, немыслимо уцѣлѣть кому-либо, — что тамъ лежатъ сплошныя кровяныя массы, слышишь лишь стоны, да душу раздирающіе крики... Но оказалось, что тамъ ни того, ни другого нѣтъ—русскій воинъ переноситъ нечеловѣческія муки мужественно, молча; всѣ скалы японецъ не въ силахъ продолбить, сколь сильный огонь онъ бы по нимъ не развивалъ; а каждая скала, каждый ея выступъ, крутые ея откосы — все это лучшія укрытія для человѣка, — они надежнѣе всѣхъ блиндажей и наскоро устроенныхъ окоповъ.

Поэтому мы наблюдаемъ спокойнѣе; находимъ и въ этомъ зрѣлищѣ нѣкоторую красоту.

Тамъ, за горами, вспыхнуло одно, другое бѣлесова̀тое пламя; мы видимъ, конечно, только его отблескъ. Черезъ моментъ слышимъ одинъ за другимъ орудійные выстрѣлы и въ то же время видимъ взрывъ непріятельскаго снаряда на линіи расположенія нашихъ защитниковъ — красное пламя вспыхиваетъ воронкообразно кверху; въ слѣдующій моментъ вспыхиваетъ надъ мѣстомъ взрыва въ воздухѣ небольшой, кажущійся совсѣмъ невиннымъ огонекъ — комочекъ огня. Въ это время доносится взрывъ — «крахъ», а затѣмъ мелодичный «тіуннн» шрапнели. Какъ бы эта картина не была красива, все же при видѣ ея пробѣгаетъ по тѣлу холодная искорка — нервы реагируютъ.

Иногда такая стрѣльба производится цѣлыми залпами; тогда огоньки появляются цѣлыми рядами, цѣлымъ роемъ.

Днемъ эта же картина не такъ эффектна; тогда видны на мѣстахъ взрывовъ вздымающаяся пыль и черноватый дымъ; лишь взрывы шрапнели кажутся красивыми бѣлыми комочками ваты, появляющимися внезапно и медленно расплывающимися въ воздухѣ. Первые кажутся болѣе ужасными, а послѣдніе

Японскій наблюдательный пунктъ на Волчьихъ горахъ.

совершенно невинными; лишь характерное «тіуннн» говоритъ намъ, что это за игрушки.

Ну ее, эту своеобразную красу, эти эффекты орудій разрушенія и уничтоженія — незаслуженной казни безъ разбора!

Въ мирное время замираютъ сердца жителей цѣлыхъ городовъ, когда становится извѣстнымъ, что предстоитъ казнь какихъ-нибудь извѣстныхъ разбойниковъ — массовыхъ убійцъ, угрожавшихъ жизни и имуществу этихъ же жителей *); а тутъ довольно хладнокровно наблюдаешь, какъ «красиво» разстрѣливаются массами люди, преданные своему долгу предъ отечествомъ. Тутъ даже злорадствуешь, когда гибнутъ люди другой націи, другой расы — нашъ непріятель — врагъ; сожалѣешь лишь о своихъ, да и то не безъ нѣкоторой доли эгоизма, не безъ разсчета, спекулятивной мысли о сохраненіи своей шкуры...

Какимъ гадкимъ становится человѣкъ во время войны! — Самому становится стыдно за себя.

1/14 сентября. Ночью японцы пытались оттѣснить на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, между Высокой горой и моремъ, наши передовые посты; но это имъ не удалось.

Тамъ войскъ нашихъ немного: всего 1 рота, 2 пѣшія охотничьи команды и почти вся наша кавалерія — около сотни казаковъ и конные охотники. Эти-то силы, подъ командой генеральнаго штаба капитана Романовскаго, составляютъ передовой отрядъ западнаго фронта и прикрываютъ вышеназванную мѣстность.

Въ случаяхъ наступленія непріятеля нашъ отрядъ поддерживается артиллеріей, въ томъ числѣ Ляотѣшанскими дальнобойными батареями.

Вотъ, почему ночью я слышалъ грохотъ орудій и въ этомъ направленіи.

2/15 сентября. Сегодня сообщали, что слухи о пораженіи Куропаткинымъ генерала Куроки имѣютъ нѣкоторую реальную почву— будто онъ идетъ «на плечахъ» Куроки къ югу; будто японцы потеряли въ бою всю свою артиллерію и т. п.

Поживемъ — увидимъ.

\- - - -

Мнѣ передаютъ, что дѣло съ джонкой, сожженной въ ночь на 30-е августа—не то японцами, не то нашей артиллеріею,—не совсѣмъ доблестно съ нашей стороны. Говорятъ, 29-го августа, около 11 часовъ утра, пришла на рейдъ большая джонка. Адмиралъ Л. телефонировалъ адмиралу Г., что онъ пошлетъ миноносецъ, чтобы осмотрѣть джонку и проситъ послать пор-

*) Въ Сибири и на Кавказѣ смертная казнь примѣняется къ тяжкимъ уголовнымъ преступникамъ не особенно рѣдко. — Нынѣ же революціонный терроръ и жестокая расправа съ революціонерами породили столько ужасовъ, что передъ ними блѣднѣютъ прежніе отдѣльные случаи смертной казни. Въ то же время и мирный житель поневолѣ сталъ притупѣвать; на него производитъ теперь сильное впечатлѣніе лишь, напримѣръ, массовый разстрѣлъ. При извѣстіи о томъ, что разстрѣлянъ или заколотъ штыками одинъ или два человѣка, онъ лишь вздыхаетъ... и читаетъ дальше, не останавливаясь на этомъ сообщеніи, какъ на столь же ужасномъ по существу. Эти событія незамѣтно совершаютъ цѣлый переворотъ въ чувствахъ населенія имперіи, въ его внутреннемъ міркѣ, порождаютъ новыя настроенія, которыя должны со временемъ проявиться въ поступкахъ. Въ чемъ выразятся эти поступки и къ чему они приведутъ цѣлую страну въ будущемъ—сказать трудно. Настолько же трудно допустить, чтобы эти ужасы, эти акты насилія облагородили народъ, развивали въ немъ, утончали чувства гуманности, вѣру въ существованіи права.

товой катеръ, который, въ случаѣ надобности, привелъ-бы джонку въ портъ. Г—ъ, будто, что-то заупрямился и отвѣтилъ, что сейчасъ послать катеръ не можетъ. Такъ прошелъ день; Л. не послалъ миноносца, ожидая катеръ, а Г. или забылъ про джонку и катеръ, или просто не захотѣлъ послать катеръ. Наступилъ вечеръ; японскіе миноносцы пытались напасть на джонку, но батарея Электрическаго утеса отогнала ихъ своими снарядами. Все же ночью японцы подкрались и подожгли джонку.

А на ней, можно предполагать, была и почта для Артура, были съѣстные припасы и прочее такое. Иначе японцы не стали-бы жечь ее.

Вѣдь въ нашихъ интересахъ было возможно скорѣе ввести джонку въ гавань, пока японцы не замѣтили удачный прорывъ блокады — и это было

Разрушенный домъ на склонѣ Перепелки. Далѣе видны: дамба и мостъ черезъ рѣчку Лунхе, Соборная гора, Новый европейскій городъ и за нимъ часть укрѣпленныхъ высотъ лѣваго фланга.

такъ легко исполнить; но что намъ прикажете дѣлать съ нашими панами — когда у каждаго изъ нихъ свой гоноръ...

— —

Мнѣ передавали невѣроятную вещь — будто въ распоряженіи адмирала Вирена не имѣется миноносцевъ; послѣдніе подчинены частью командиру порта, а частью начальнику береговой обороны.

А мы считаемъ Вирена командующимъ эскадрой, когда ему на самомъ дѣлѣ подчинены только 5 пострадавшихъ въ бою и отъ бомбардировокъ броненосцевъ: «Ретвизанъ», «Пересвѣтъ», «Побѣда», «Севастополь» и «Полтава» и два крейсера: еще неисправленный отъ минной пробоины «Баянъ», машина котораго уже повреждена бомбардировкой, и малоцѣнная «Паллада» *).

*) «Палаша»—какъ ее называютъ матросы.

Большинство орудій снято съ судовъ на сухопутный фронтъ; снарядовъ для крупнаго калибра мало, а для бездымныхъ зарядовъ недостаетъ необходимаго для воспламененія бураго призматическаго пороха, огромное количество котораго потоплено портовымъ начальствомъ, Богъ вѣсть по какимъ соображеніямъ, въ самомъ началѣ осады. Теперь бѣгаютъ, выпрашиваютъ гдѣ и сколько возможно (излишку нигдѣ нѣтъ) и приходится воспламенять зарядъ половиннымъ количествомъ, а при этомъ и случаются часто осѣчки и неудачные выстрѣлы.

Къ чему приводитъ насъ неумѣстная расторопность! Взяли, да потопили тысячи пудовъ пороха, не сообразивъ что онъ еще нуженъ.

Уже съ начала войны у насъ подвизается пробравшійся сюда, не смотря на всѣ препятствія, больной человѣкъ — курскій помѣщикъ П. И. В—въ, убѣжденный въ томъ, что онъ нашелъ универсальное средство отъ всѣхъ недуговъ. Рецептъ свой онъ въ тайнѣ не держитъ: это марганцево-кислый калій и іодъ, вмѣстѣ вскипяченные. — Дозировка всегда одинакова и болѣе, чѣмъ проста: 30 капель на рюмку воды во внутрь и столовая ложка на клизму. — Увѣряетъ, что оно одинаково дѣйствуетъ при любой болѣзни, начиная отъ глазной и кончая кишечной... Сказываютъ, что при дизентеріи получались хорошіе результаты — такъ какъ оно представляетъ хорошее вяжущее.

Жаль человѣка, бросившаго изъ-за болѣзненной идеи свое помѣстье и скитающагося здѣсь «во имя человѣколюбія». Врачи, конечно, не вѣрятъ его средству, а онъ видитъ въ этомъ злостные происки...

Сегодня новый слухъ: Дальній взятъ генераломъ Мищенко; говорятъ, къ намъ прибыли отъ него два унтеръ-офицера «съ бумагами».

Оказывается, что прилетѣлъ почтовый голубь, но безъ письма. Въ хвостѣ у него не хватаетъ пера, къ которому обыкновенно прикрѣпляются письма. Потерялъ ли голубь это письмо дорогой самъ, или же онъ побывалъ въ рукахъ японцевъ — трудно сказать; онъ могъ и просто вырваться и прилетѣть на мѣсто своего прежняго жительства по собственному желанію.

Кстати — наша голубиная почта, устроенная нѣсколько лѣтъ тому назадъ (былъ особый завѣдывающій ею), не принесла намъ пока ни на грошъ пользы. Все это, должно быть, были опыты, опыты и опыты... и пріятное, между прочимъ, времяпровожденіе въ мирное время...

Когда же, наконецъ, мы начнемъ серьезно заниматься дѣломъ? — Когда это будетъ?

У друзей въ госпиталѣ узналъ, что штабсъ-капитанъ Кв—нъ убитъ японцами наповалъ, какъ-бы по заказу; никто другой даже не раненъ въ этотъ день. — Вдругъ одинъ изъ его товарищей по училищу, а затѣмъ и другіе вспомнили, что онъ убитъ въ тотъ же самый часъ, въ который онъ, будучи въ К — скомъ училищѣ, убилъ одного товарища, изводившаго его

безъ всякой причины болѣе года всевозможными способами; — убилъ въ оврагѣ за училищемъ. Мнѣнія товарищей о степени его виновности въ дѣлѣ убійства раздѣляются; одни находятъ его поступокъ вынужденнымъ, а другіе признаютъ его все же неправильнымъ, несмотря на вѣскія причины. Онъ долженъ былъ вызвать товарища на поединокъ, но не убивать. Но всѣ находятъ въ его смерти — перстъ Божій, месть судьбы, наконецъ — роковую случайность.

Вечеромъ принималъ участіе въ очень интересныхъ спорахъ. Намъ сообщили на столько же интересную, на сколько страшную новость: въ ночь

Подпоручикъ П. В. Яфимовичъ, нач. охотн. команды 16-го полка, отличившійся при защитѣ горы Юпилазы и въ другихъ бояхъ.

на 11 августа японцамъ удалось прорвать въ двухъ мѣстахъ линію обороны на правомъ флангѣ и если бы они не проявили обычную педантичность и нерѣшительность, а также, не будь тамъ генерала Горбатовскаго, то въ эту же ночь они могли бы взять цѣлый рядъ нашихъ батарей и укрѣпленій съ тыла и даже завладѣть городомъ. Мы не успѣли бы и опомниться.

И всему этому виной генералъ Фокъ, этотъ отрицательный герой.

Дѣло въ томъ, что еще 10-го числа, когда въ предыдущіе штурмы наши отряды сильно пострадали, порѣдѣли, ближайшіе резервы были исчерпаны, а японцы насѣдали все сильнѣе и сильнѣе, начальникъ боевого фронта генералъ Горбатовскій потребовалъ резервовъ. Командующій резервами генералъ Фокъ, вмѣсто того, чтобы немедленно дать требуемые резервы, началъ от-

писываться — прислалъ коменданту, генералу Смирнову длинную записку, въ которой доказывалъ необходимость беречь людей, а Горбатовскому письмо, полное укоризны... На это комендантъ кратко и категорически заявилъ Фоку, что въ данномъ случаѣ бережливость неумѣстна и ею можно погубить крѣпость, а поэтому онъ требуетъ немедленной присылки нужныхъ резервовъ (которые были расположены въ Новомъ городѣ, т. е. дальше 4 верстъ отъ мѣста боя). Но и на этотъ разъ Фокъ вмѣсто требуемыхъ войскъ, послалъ вторичную и длиннѣйшую записку съ соображеніями, въ силу которыхъ онъ не даетъ резервовъ... Послѣ этого коменданту пришлось пригрозить Фоку самой строгой отвѣтственностью, если требованіе не будетъ немедленно исполнено.

Между тѣмъ японцы, пользуясь темнотой, начали новый штурмъ, прорвались съ редутовъ № 1 и 2 и направились, одной колонной, къ Большому Орлиному гнѣзду, а другой къ Скалистому кряжу *).

Положеніе было настолько опасное, что, казалось, не было уже и спасенія...

Придвинь японцы въ тоже время и свои резервы, поддержи они свои штурмовыя колонны большими силами, не пожалѣй они еще батальонъ — другой, и часть фронта была бы безповоротно въ ихъ рукахъ, такъ какъ въ это время инженеръ-капитанъ Шварцъ лишь началъ работы на одобренной генераломъ Кондратенко и комендантомъ второй линіи обороны, необходимой на случай прорыва непріятеля.

До этого нельзя было и думать о постройкѣ второй линіи, такъ какъ еще не успѣли закончить первую вслѣдствіе недостатка въ рабочихъ рукахъ.

(Тутъ-то и казалось было-бы цѣлесообразнѣе употреблять дружины на работы по устройству окоповъ и ходовъ сообщенія, чѣмъ мучить этихъ людей безполезными муштровками и маневрами ради удовольствія генерала Стесселя, который, какъ большой фронтовикъ и шагистъ, все равно остался недоволенъ ихъ маршировкой).

Выручилъ насъ въ этотъ критическій моментъ педантизмъ японцевъ: прорвавшіяся впередъ колонны пріостановились и поджидали, чтобы изгибы штурмовой линіи выпрямились, т. е. чтобы и въ прочихъ мѣстахъ штурмующія части достигли той же высоты на хребтѣ, а главное—чтобы подоспѣли ихъ резервы, стоящіе за редутами въ значительныхъ силахъ.

Этимъ временемъ генералу Горбатовскому удалось подтянуть послѣднія двѣ роты (между прочимъ и роту, данную въ распоряженіе инженера Шварца) и ударить на врага, пока тотъ не успѣлъ вполнѣ уяснить себѣ всю выгоду своего положенія. Генералъ повелъ, буквально, остатки своихъ резервовъ самъ въ атаку, блестяще опрокинулъ японцевъ и отбросилъ ихъ обратно къ редутамъ.

---

*) Въ этомъ ночномъ дѣлѣ одинъ очень нехрабрый командиръ, С., раненъ; очевидцы разсказываютъ, что когда запѣли вокругъ непріятельскія пули, С. спрятался головой за камень — точно страусъ; пуля задѣла ему мягкое мѣсто. С. кичится и понынѣ тѣмъ, что онъ раненъ въ эту ночь.

По силѣ удара и натиска, и благодаря темнотѣ, японцы вѣроятно предположили, что подоспѣли наши резервы въ большихъ силахъ и поэтому, боясь не выдержать, они дрогнули (вотъ что значитъ быстрота и натискъ!). Знай японцы наше истинное положеніе—дѣло-бы было проиграно.

Только потомъ, когда миновала всякая опасность и японцы бросили на этотъ разъ попытку взять крѣпость штурмомъ безъ подготовительныхъ осадныхъ работъ, тогда подоспѣли резервы Фока.

При этомъ извѣстіи всплыли вновь воспоминанія о дѣятельности генерала Фока на Киньчжоуской позиціи, на Зеленыхъ горахъ—отдача Куинсана и Волчьихъ горъ.

Узнаемъ, что во время боя на Киньчжоу командиръ бригады генералъ Надѣинъ послалъ было уже резервы—два батальона для предупрежденія обхода

Уголъ Морской и Артиллерійской улицъ.

японцами нашего лѣваго фланга и этимъ можно было предотвратить скорое паденіе позиціи, предотвратить полное избіеніе геройскаго 5-го полка и, если-бы удалось подвести снаряды, то и продержаться на позиціи значительное время; даже и въ томъ случаѣ, если-бы наша эскадра не оказала позиціи никакой помощи. Но Фокъ вернулъ эти резервы...

Роковая депеша объ отступленіи японцевъ была послана генераломъ Надѣинымъ по приказанію Фока, который теперь всячески открещивается отъ нея.

Но, почему же генералъ Стессель такъ благодарилъ Фока за Киньчжоу и еще сейчасъ выказываетъ ему свое благоволеніе?

Большинство изъ присутствовавшихъ высказало убѣжденіе, что генералъ Стессель давно подпалъ подъ вліяніе Фока и живетъ и мыслитъ теперь только мозгами Фока.

Причины этому слѣдующія: послѣ прошлогодней побѣды Фока *) надъ Стесселемъ во время маневровъ, когда первый «взялъ» Артуръ—Стессель почувствовалъ къ Фоку сильнѣйшее благоговѣніе, какъ предъ выдающимся военнымъ геніемъ **); сознавая свое ничтожество, онъ преклонялся предъ эфемерной мощью духа Фока. Это—разъ. Второе то, что и тотъ и другой возненавидѣли коменданта, генерала Смирнова, какъ образованнаго человѣка; въ этомъ они были вполнѣ солидарны, такъ какъ ни тотъ, ни другой не получали высшаго образованія. Къ генералу Кондратенко ***) они относились снисходительнѣе, какъ къ подчиненному и равному по положенію; къ Горбатовскому свысока.—Третье то, что на парадѣ по случаю рожденія Наслѣдника генералъ Фокъ съумѣлъ вскружить голову Стесселя льстивой рѣчью о чрезвычайномъ значеніи полученныхъ послѣднимъ генералъ-адъютантскихъ аксельбантовъ—и все время умѣлъ нашептывать ему свои взгляды на столько, что генералъ Стессель сталъ слѣпъ и глухъ ко всякому доказательству людей противуположныхъ взглядовъ.

Кто-то даже высказалъ предположеніе, что во всемъ, что творитъ генералъ Стессель, виноваты его наушники и окружи онъ себя людьми честными и умными, онъ могъ-бы принести, несмотря на всѣ свои личные недостатки, нѣкоторую пользу защитѣ раіона и крѣпости.

Дебаты приняли другое направленіе и опять таки выяснили многое новое для меня, такъ что я отчасти склонялся примкнуть къ послѣднему предположенію, не снимая однако личной отвѣтственности съ генерала Стесселя, на котораго возложена задача огромной важности, въ силу чего ему не слѣдовало заниматься личными счетами и дѣлишками.

— Прекрасно,—говоритъ подполк. Р., до этого молча слушавшій споры,—допустимъ, что въ данное время генералъ Фокъ, и кто тамъ еще, имѣютъ вредное вліяніе на генерала Стесселя. Но, почему же во время

*) По плану подполковника Мандрыки.

**) Положимъ и всѣ, незнавшіе истинной подкладки дѣла, считали Фока героемъ, умницей и надѣялись на него, ожидали отъ него чудесъ на войнѣ.

***) Генералъ Смирновъ окончилъ академію артиллерійскую и генеральнаго штаба; Кондратенко же - инженерную и генеральнаго штаба, но былъ лишь командиромъ дивизіи, какъ и Фокъ.

Какъ это ни странно, но по увѣренію непосредственныхъ участниковъ обороны - спеціалистовъ, генералъ Кондратенко не любилъ инженернаго дѣла; онъ увлекался болѣе активными дѣйствіями войскъ. Дѣло же обороны крѣпости зналъ въ полномъ объемѣ лишь комендантъ, генералъ Смирновъ, серьезно изучившій его теоретически и руководствовавшій имъ фактически. Во время бѣшенныхъ штурмовъ въ первыхъ числахъ августа сознавали это и генералы Стессель, Фокъ и Никитинъ. Въ критическую минуту они явились къ генералу Смирнову совершенно павшіе духомъ.—Что дѣлать? Намъ не устоять!—Комендантъ, предусмотрѣвшій всѣ случайности и распредѣлившій соотвѣтственно этому резервы, успокоилъ ихъ увѣреніемъ, что пока нечего опасаться. Но какъ только минула первая опасность и стало яснымъ, что японцы не могутъ рѣшиться на второй такой общій штурмъ, господа эти снова прониклись убѣжденіемъ, что они отстояли крѣпость и могли-бы обойтись и безъ генерала Смирнова, что его «ученость» тутъ не при чемъ. Это они не только думали, но и высказывали и доказывали на каждомъ шагу.

Китайскаго похода онъ оказался тѣмъ-же? Тамъ не было ни генерала Фока, ни госпожи Стессель. Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что всю тяжесть тяньцзинскихъ боевъ вынесъ на себѣ и руководилъ всѣмъ полковникъ Онисимовъ; заслуги же эти генералъ Стессель приписалъ себѣ и своимъ приснымъ; Онисимовъ остался въ тѣни. Что-же выказалъ за время похода генералъ Стессель: умъ, распорядительность, личную храбрость, доброту сердца, наконецъ—патріотизмъ? Скажите пожалуйста, въ чемъ эти качества проявились?.. Откуда же онѣ взялись-бы теперь?

Никто не могъ отвѣтить на эти вопросы.

Разговоръ перешелъ къ вопросу, кто назначилъ генерала Стесселя начальникомъ укрѣпленнаго раіона—намѣстникъ или же генералъ Куропаткинъ?

Штабсъ-капитанъ крѣпостной артиллеріи Н. В. Волковъ, командовавшій батареей на Киньчжоускихъ позиціяхъ; раненъ на батареѣ литера Б во время штурма 8-го августа шрапнельными пулями въ руку, плечо и ступню.

Мнѣнія раздѣлились.

Тутъ сообщили намъ со словъ ближайшихъ свидѣтелей, будто при отъѣздѣ намѣстника на сѣверъ, послѣ назначенія Стесселя временно командующимъ укрѣпленнымъ раіономъ, послѣдній просилъ намѣстника, при обозрѣніи имъ Киньчжоуской позиціи, взять его лучше въ сѣверную армію, но получилъ отказъ.

— Я хочу, чтобы вы остались здѣсь,—сказалъ ему на это намѣстникъ.

Это, положимъ, не снимаетъ съ генерала Стесселя отвѣтственности за тѣ его поступки, которые шли не въ пользу защиты раіона и крѣпости, а принесли огромный, даже непоправимый вредъ дѣлу обороны.

Напримѣръ — проектъ укрѣпленія Киньчжоуской позиціи былъ прекрасно разработанъ, но генералъ Фокъ не далъ возможности его выполнить,

заставлялъ производить никому ненужныя работы, а главное — не далъ въ день боя необходимыхъ войскъ для защиты позиціи. Орудія на батареѣ, предназначенной отражать могущія приблизиться къ лѣвому флангу позиціи непріятельскія суда, не успѣли установить, а тѣ, которыя должны были охранять лѣвый флангъ отъ обхода японской пѣхоты, были давно сняты генераломъ Фокомъ и перенесены на правый флангъ (гдѣ они не принесли ровно никакой пользы); взамѣнъ этихъ, крупныхъ и дальнобойныхъ орудій, были поставлены полевыя. Поэтому всѣ выгоды Киньчжоуской позиціи остались неиспользованными и она легко досталась японцамъ. На всѣ дѣйствія Фока, постоянно тормазящаго необходимыя работы, неоднократно жаловались генералу Стесселю, а тотъ лишь санкціонировалъ приказанія Фока, или, по крайней мѣрѣ, не вмѣшивался, предоставляя ему самостоятельно дѣйствовать.

Послѣ позорной потери и еще болѣе позорнаго, безпорядочнаго отступленія отъ Киньчжоу, оставленія неразрушеннаго и неподготовленнаго къ очищенію Дальняго, а также и Таліенвана, казалось бы, не могло бы быть оправданія Фоку... Но, не тутъ-то было—въ то время, какъ остатки 5-го полка и другіе дѣйствительные герои обзывались измѣнниками, въ то же самое время генералъ Стессель горячо благодарилъ Фока за какую-то, проявленную при этомъ доблесть, за какой-то подвигъ!..

Уму непостижимо, до какой нелѣпости, до какого позора мы можемъ дойти по этому пути.

XII. Сентябрскіе штурмы.

3/16 сентября. Проснулся въ половинѣ четвертаго утра, слышу — идетъ бой. Вскочилъ, одѣлся и поднялся на гору наблюдать.

Штурмовой огонь по направленію Водопроводнаго редута; болѣе рѣдкій по всему фронту до батареи литера Б. — Среди непрерывнаго ружейнаго трескотка слышно татаканіе пулеметовъ, противоштурмовыя пушки и отдѣльные выстрѣлы изъ болѣе крупныхъ орудій. Отголоски боя доносятся переливами, то усиливаясь, то затихая; судя по нимъ, бой не такъ жестокъ, какъ это было во время августовскихъ штурмовъ.

На ближайшей къ бою окраинѣ города отчаянно ревутъ мулы, какъ-бы понимая, чуя недоброе; собаки заливаются раздраженнымъ лаемъ; пѣтухи поютъ почти безпрерывно; всѣ эти звуки иногда кажутся то отдаленнымъ «ура», то отдѣльными криками отчаянія, то сплошнымъ ревомъ озвѣрѣвшей толпы. Небольшой боковой вѣтерокъ придаетъ полету крупныхъ снарядовъ какой-то особенный сухой, голодный вой... Все это дѣйствуетъ подавляюще на нервы.—Не прорываются ли вновь японцы въ какомъ нибудь болѣе слабомъ мѣстѣ?

Нѣтъ.—Начинаетъ свѣтать; становится свѣтлѣе и свѣтлѣе; насколько усиливается разсвѣтъ, настолько же начинаетъ стихать бой и все на томъ же мѣстѣ; звуки не приблизились къ намъ. Значитъ—отстояли, отбросили врага.

Сейчасъ вспомнилъ, что вчера вечеромъ говорили, будто къ утру ожидается наступленіе японцевъ; другіе увѣряли, что теперь менѣе, чѣмъ когда либо можно ожидать нападенія.

Все же лучше ожидать нападенія, чѣмъ не ожидать и быть застигнутыми врасплохъ.

Узналъ результатъ утренняго боя. Штурмъ Водопроводнаго редута отбитъ очень удачно и съ большимъ урономъ въ рядахъ японцевъ; у насъ всего 2 убитыхъ и 18 человѣкъ раненыхъ.

Оказывается, что съ вечера наши охотники сдѣлали довольно удачную вылазку — застигли японцевъ врасплохъ и отбросили ихъ изъ ближайшихъ къ редуту окоповъ. Дорого стоило японцамъ занятіе вновь этихъ окоповъ — уничтоженъ цѣлый батальонъ.

Послѣ обѣда ввели во внутреннюю гавань трехмачтовую японскую шкуну, захваченную на морѣ однимъ изъ миноносцевъ. Это второй нашъ морской трофей, вѣрнѣе призъ. Шкуна оказалась пустой; въ ней нашли около 50 ящиковъ пива. Команда шкуны состоитъ изъ 8 человѣкъ очень мелкорослыхъ японцевъ — это какіе-то пигмеи.

Шкуна, видимо, выгрузилась — привозила японцамъ провіантъ.

Не везетъ однако намъ и съ призами. До сей поры наши миноносцы не изловили ни одного японскаго транспорта или иностраннаго судна, снабжающаго японцевъ военной контрабандою.

Недавно былъ случай, когда нашъ миноносецъ, кажется «Расторопный», встрѣтилъ англійскій пароходъ «Гипсангъ» и пустилъ въ него мину. Пароходъ пошелъ, конечно, ко дну; съ него сняли команду и капитана-англичанина; кромѣ него оказался тамъ на пароходѣ еврей Серебрянникъ — бывшій россійскій, а нынѣ американскій подданный. Капитанъ и Серебрянникъ *) (будто зафрахтовавшій пароходъ), увѣряли, что они возили провіантъ для русской арміи въ Инкоу, встрѣтили миноносецъ на обратномъ пути и тотъ, не предупредивъ ихъ, пустилъ мину въ пароходъ; теперь они требуютъ возмѣщенія убытковъ. Командиръ миноносца увѣряетъ, что онъ предупреждалъ пароходъ, требовалъ его остановки, а когда онъ приблизился къ пароходу, оттуда открыли по миноносцу огонь изъ револьверовъ... и кромѣ того пароходъ будто собирался таранить миноносецъ... Исторія довольно темная во всѣхъ отношеніяхъ **). Давно уже циркулируютъ у

---

*) Одни считаютъ Серебрянника лицомъ, заслуживающимъ довѣрія, а другіе смотрятъ на него крайне подозрительно.

**) Такъ какъ миноносецъ обладаетъ значительно большимъ ходомъ, чѣмъ торговый пароходъ, то заявленія командира миноносца, лейтенанта Лепко, о томъ, что пароходъ убѣгалъ, что онъ намѣревался таранить миноносецъ и что поэтому онъ былъ вынужденъ пустить мину, возбудили нѣкоторыя сомнѣнія; также увѣренія, что съ парохода стрѣляли по миноносцу, вооруженному пушками, изъ револьверовъ... Когда мы прибыли въ Шанхай, то узнали, что русскому правительству пришлось заплатить за потопленіе парохода «Гипсангъ» огромную сумму и — что г. Серебрян-

насъ слухи, что разные иностранцы и нѣкоторые евреи оказываютъ усердныя услуги и нашимъ и японцамъ.

Сегодня же передавали мнѣ характерный отвѣтъ китайца-джоночника на вопросъ нашего гражданскаго комиссара — можно ли еще пробраться въ Артуръ изъ Чифу и обратно.

— Мошна, мошна,—отвѣтилъ на это китаецъ,—хорошо мошна, но... (тутъ онъ немного замялся) русска миноноска—худо есть...

— Что такое? — Ну, говори, не бойся!

— Ипэнъ *) человѣкъ храбрый есть; ходи близко наша джонка, посмотри — ничего нѣту,—говори цуба, манза!.. Русскій миноноска далеко, далеко,—боися, — стрѣляй, стрѣляй, — шибко худо есть — много китайскій человѣкъ помирай, джонка ломай... Худо есть! (То есть—японцы, встрѣтивъ джонку, подходятъ къ ней вплотную, осматриваютъ ее, и если тамъ ничего нѣтъ, говорятъ китайцамъ—ступай!—Русскіе же миноносцы боятся подойти близко, стрѣляютъ издалека; при этомъ напрасно гибнутъ китайцы и, конечно, джонка разстрѣливается.)

Трудно допустить, чтобы порядочный китаецъ лгалъ—значитъ, бывали случаи.

Этимъ, отчасти, объясняется незначительный прорывъ къ намъ китайскихъ джонокъ съ провіантомъ, съ зеленью и прочей провизіей, такъ необходимой намъ.

Этимъ же какъ бы дано нѣкоторое объясненіе происшествію съ «Гипсангомъ».

Неоднократно носились у насъ слухи, будто среди японской эскадры имѣются суда бутафорныя, съ картонными башнями и деревянными пушками.

Сказываютъ, что китайцы принесли это извѣстіе изъ Дальняго.

Солдаты съ береговыхъ батарей увѣряютъ, что это правда:

— Иногда появляется на горизонтѣ японскій броненосецъ—настоящій броненосецъ съ двумя или тремя трубами, съ броневыми башнями, все какъ слѣдуетъ быть. Пока онъ идетъ бокомъ вдоль рейда, ничего; а какъ только повернется, глядишь, «селедка»!..

никъ вхожъ у г. Павлова и др., заправлявшихъ снабженіемъ нашихъ войскъ и эвакуаціей артурцевъ.

Если «Гипсангъ» въ самомъ дѣлѣ возилъ провіантъ для нашихъ войскъ въ Инкоу, то «усердіе» миноносца «Расторопнаго» грозило навлечь вниманіе японскихъ блокирующихъ судовъ.

Словомъ—исторія «Расторопнаго» съ «Гипсангомъ» осталась темной и «геройство» лейтенанта Лепко стоило Россіи сотни тысячъ рублей.

Нынѣ, кажется, слѣдовало бы пролить побольше свѣта и на эту исторію. Это тѣмъ болѣе нужно потому, что лейтенантъ Лепко не постѣснялся распространить въ нѣкоторыхъ петербургскихъ сферахъ свою рукопись—пасквиль, въ которой онъ, пытаясь обѣлить генерала Стесселя, чернитъ безъ зазрѣнія совѣсти другихъ и, впрочемъ, вырисовываетъ себя очень неудачно.

*) Китайцы называютъ японцевъ «ипэнъ»; японцы же называютъ себя «ниппонъ».

То есть — корпусъ судна узкій, чего не бываетъ у броненосцевъ *).

Въ послѣдніе дни по гавани шныряютъ наши судовыя шлюпки подъ парусами. Говорятъ — Виренъ подтянулъ. А то парусное дѣло совсѣмъ забросили; только знаютъ разъѣзжать на паровыхъ катерахъ.

4/17 сентября. Вчера вечеромъ и сегодня утромъ шла довольно сильная канонада по батареямъ; она все еще не прекращается; и суда наши пострѣливаютъ перекиднымъ огнемъ; слышится ружейная перестрѣлка по направленію Орлинаго гнѣзда.

Мнѣ передаютъ, будто предшествовавшая послѣднему штурму (на Водопроводный редутъ) вылазка была, вопреки первымъ слухамъ, неудачна; японцы поджидали ее и поэтому мы понесли совершенно напрасныя жертвы.

Въ штабахъ разсуждаютъ о томъ, что если японскую армію прижмутъ съ сѣвера къ Киньчжоу, то и Артуру будетъ жарко—японцы попы-

*) Нынѣ, имѣя въ рукахъ полный списокъ и альбомъ фотографическихъ снимковъ японской эскадры, можемъ утверждать, что всѣ эти слухи были вздорны. Дѣло объясняется очень просто: японскіе крейсера 1-го класса имѣютъ броневыя башни, вооружены орудіями крупнаго калибра и похожи съ боку на броненосцевъ; между тѣмъ, корпуса крейсеровъ значительно уже корпусовъ послѣднихъ, по сравненію съ ними корпусъ крейсера похожъ на «селедку». Мало того—даже нѣкоторые японскіе крейсера второго и третьяго классовъ, напримѣръ, «Нанива», «Такачихо», «Хашидате», «Кассаги» (2-го) и «Изуми» (3-го) имѣютъ броневыя башни для пушекъ большого калибра, какъ на носу и кормѣ, такъ и по бортамъ.

Поэтому узнать непріятельское судно, проходившее по горизонту, могли только люди, хорошо знакомые съ отличительными признаками каждаго типа; на этой-то почвѣ возникли и держались слухи о сомнительныхъ японскихъ судахъ.

Читая нынѣ сравнительныя таблицы флотовъ уже не удивляемся тому, что японскіе броненосцы и больше своимъ водоизмѣщеніемъ, и быстрѣе ходомъ нашихъ броненосцевъ; знаемъ, что если японскій броненосецъ значится съ 18 узловымъ ходомъ, то онъ и имѣетъ тотъ ходъ, между тѣмъ какъ наши артурскіе броненосцы, напримѣръ «Полтава», могли пройти въ часъ лишь 11 узловъ; не удивляемся, что японскіе броненосцы, крейсера, канонерки и миноносцы вооружены много лучше нашихъ,—что ихъ крейсера 1-го класса всѣ бронированы и на каждомъ изъ нихъ по четыре 8-дюймовыхъ орудія, когда у насъ всего по два такихъ орудія на большихъ крейсерахъ и т. д.; но мы удивляемся тому, что японскія суда, при всѣхъ ихъ преимуществахъ обошлись государству почти наполовину дешевле, чѣмъ наши. Японскіе броненосцы, построенные въ Англіи, стоили всего въ среднемъ по 6 милліоновъ іенъ (столько же, прибл. рублей); наши же броненосцы, строились ли они за границей, или у себя дома, обошлись чуть ли не вдвое дороже. Изъ нихъ нужно было считать лучшими «Цесаревича» и «Ретвизана»; но эти броненосцы обошлись по 13—15 милліоновъ рублей каждый.

Желая имѣть боевой флотъ, японцы не думали одновременно этимъ обогащать отечественную промышленность. Они заплатили деньги, дѣйствительно наблюдали за постройкой, за расходованіемъ государственныхъ средствъ и получили желаемое. Мы же потратили уйму средствъ и остались при пиковомъ интересѣ.

Право, если мы способны *только на такое* сооруженіе флота, то намъ лучше бросить разъ навсегда мысль о возсозданіи нашихъ морскихъ силъ... Мы ими не обладали, не смотря на чудовищные расходы. Мы разорили лишь казну, пустили по міру народъ. Такимъ путемъ Россія никогда не можетъ стать морской державою.

таются все таки овладѣть Артуромъ; при этомъ высказывается увѣренность, что все же отстоимъ крѣпость...

А давно-ли японцы чуть не прорвались въ городъ?

Эхъ, надоѣли всѣ эти толкованія!

Какъ можно было ожидать, свѣдѣнія о доставленныхъ 6,000 снарядовъ и 3 милліоновъ патроновъ оказались жирной уткой,—говорятъ—пущенной генераломъ Стесселемъ.

Удивительно, какъ хочется вѣрить въ данное время самымъ невѣроятнымъ слухамъ, не смотря на скептицизмъ внутренняго голоса.

Сейчасъ разсказываютъ, будто блокаду Артура съ моря поддерживаютъ только бывшій китайскій броненосецъ 2-го класса «Чинъ-іенъ», крейсеръ «Ицукушима» съ пластыремъ и 23 миноносца; изъ нихъ будто половина должна была на дняхъ присоединиться къ эскадрѣ, ожидающей нашъ Балтійскій флотъ, который будто уже находится между Сайгономъ и Шанхаемъ.

Спрашивается — не рановато-ли это?

Глупое положеніе быть отрѣзаннымъ отъ всего міра въ то время, когда кругомъ ураганъ войны и на политическомъ горизонтѣ новыя зловѣщія тучи! — Положительно ничего не знаешь.

Разсуждаютъ о томъ, когда насъ, наконецъ, освободятъ отъ осады; одни говорятъ, что къ половинѣ сентября, другіе — что только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Мнѣ думается, что не раньше прихода Балтійской эскадры, который долженъ прервать пути сообщенія японцевъ, завладѣть моремъ. Но никто не можетъ сказать, гдѣ этотъ флотъ—далеко-ли, близко-ли.

Гдѣ-то ночью была снова вылазка; японцевъ вышибли изъ окопа, при чемъ ихъ потери считаются около 50 человѣкъ.

Ночью же будто стрѣляла японская канонерка изъ Голубиной бухты по расположенію нашихъ войскъ; но Ляотѣшанская батарея прогнала ее вскорѣ.

Разсказываютъ, что вчера, когда нашъ миноносецъ захватилъ шкуну и взялъ ее на буксиръ, за нимъ погнались два японскихъ миноносца. Тогда онъ подтащилъ шкуну подъ защиту батарей Тигроваго полуострова и сталъ самъ за шкуну. Батареи отогнали японцевъ тремя выстрѣлами. Послѣ этого нашъ миноносецъ потащилъ снова шкуну, какъ паукъ муху, въ гавань. — На шкунѣ оказалось 8 взрослыхъ японцевъ, изъ нихъ нѣкоторые бывшіе въ Артурѣ, и мальчикъ лѣтъ семи. Этотъ мальчикъ, видимо думая, что ихъ не оставятъ живыми, сильно упрашивалъ о чемъ-то командира порта: «капитана, капитана»!..

Мальчика допрашивали отдѣльно. Интересно, чего отъ этихъ моряковъ-рыбаковъ можно добиться? Развѣ только необходимыя данныя для призового суда.

Сейчасъ пришло на умъ — не имѣла ли атака японцевъ на Водопроводный редутъ, всего однимъ батальономъ, цѣлью отвлечь наше вниманіе отъ другого мѣста, для того, напримѣръ, чтобы этимъ временемъ придвинуть и установить свои осадныя орудія, или перевезти таковыя черезъ опасное, открытое мѣсто?..

Этого, конечно, не узнаешь; а все возможно. Орудовали же японцы съ морского фронта всегда съ какой-нибудь новой хитростью и мы всегда попадались на эти удочки.

Нельзя не отмѣтить, что появилась необычайная масса мухъ, обыкновенныхъ и зеленыхъ, очень большихъ; несомнѣнно онѣ перебрались въ городъ послѣ того, какъ зарыли на позиціяхъ трупы.

Японская картина боя подъ Артуромъ.

Также необычайно много комаровъ, которые жалятъ очень больно, особенно по ночамъ; они забираются не только въ комнаты, но и въ казематы, не даютъ и тамъ покою; особенно изводятъ они дѣтей.

Конечно, появленіе комаровъ легко объясняется нынѣшнимъ чрезвычайно дождливымъ лѣтомъ и необыкновеннымъ ростомъ травы. Въ сухое лѣто ихъ мало.

Мухи, конечно, много безобиднѣе; онѣ менѣе подвижны, не жалятъ; но когда онѣ садятся на тѣло, то чувствуешь ихъ мохнатыя ножки и невольно отряхаешься; надоѣдаютъ онѣ своимъ металлическимъ жужжаніемъ и противны тѣмъ, что набиваются въ комнаты, кухни, казематы, садятся и бродятъ по хлѣбу и всюду. — Глядя на нихъ не можешь избавиться отъ мысли, что онѣ также сиживали на гніющихъ трупахъ. Въ комнатахъ у запертыхъ оконъ погибаютъ онѣ цѣлыми кучами. Гдѣ только какіе-либо отбросы, все кишитъ червями — ихъ личинками.

Интересно-бы выяснить, приносятъ-ли онѣ пользу, какъ ассенизаторы, т. е. уничтожающія все гніющее и поддающееся гніенію, или же вредъ — какъ распространители трупного яда и другихъ нечистотъ. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ первое, такъ какъ въ разныхъ явленіяхъ природы нельзя не усмотрѣть какую-то мудрую предусмотрительность, цѣлесообразность.

Положимъ, по этой же теоріи мы должны допустить и нѣкоторую пользу отъ нашествія комаровъ. Такъ ли это? Пусть отвѣтятъ намъ на это ученые спеціалисты.

Сегодня японцы обстрѣливали Соборную гору, Новый городъ, портъ и Перепелочную гору.

Наши предположенія, что они перестанутъ бомбардировать городъ, оказались преждевременными; скорѣе всего они молчали потому, что у нихъ вышли снаряды; теперь же ихъ подвезли вновь.

5/18 сентября. Ѣздилъ на Тигровку навѣстить друзей, погулять по берегу моря. Заходилъ въ артиллерійскую лабораторію, гдѣ заряжаются 6-ти дюймовыя бомбы. Заинтересовавшись этимъ дѣломъ я замѣтилъ, что работа производится довольно неосторожно. Мнѣ объяснили, что надзоръ надъ этими работами почти невозможенъ; потому что у насъ 8 такихъ лабораторій, разбросанныхъ по разнымъ угламъ крѣпости, завѣдуетъ же ими всѣми одинъ офицеръ, который, при всемъ своемъ желаніи, можетъ побывать за день въ каждой изъ нихъ лишь короткое время. Хлопоты завѣдывающаго о назначеніи ему помощника, въ этомъ непосильномъ для одного человѣка дѣлѣ, остались пока безъ успѣха. Но, — какъ мнѣ говорили, — главная бѣда въ томъ, что у насъ нѣтъ опытныхъ, подготовленныхъ особымъ курсомъ, хотя-бы руководителей работъ изъ нижнихъ чиновъ. Поэтому солдаты, торопясь отработать положенный урокъ, пренебрегаютъ мѣрами предосторожности. Въ одной изъ этихъ лабораторій былъ уже взрывъ, при чемъ погибло 9 человѣкъ; но солдаты все же мало обращаютъ на это вниманія, насыпаютъ сразу цѣлый рядъ снарядовъ, подкалачиваютъ довольно неосторожно, не завинчиваютъ насыпанный снарядъ тотчасъ и т. д., такъ что рискъ несчастій на каждомъ шагу.

На дальнѣйшіе мои разспросы мнѣ объяснили, что въ бытность въ Артурѣ начальникомъ артиллеріи генералъ-маіора Холодовскаго была выработана смѣта, планы, опредѣленъ удобный участокъ земли и все подготовлено для того, чтобы устроить эти лабораторіи въ одномъ мѣстѣ; тутъ-же должны были быть открыты спеціальные курсы для нижнихъ чиновъ-лаборантовъ; но по уходѣ Холодовскаго дѣло осталось по старому; всему будто помѣшали личные счеты, другіе взгляды. Старая исторія.

.. А возъ и по нынѣ тамъ!..

По берегу моря солдаты усердно ловятъ во время отлива краббовъ *); эта ловля доставляетъ имъ развлеченіе, улучшеніе пищи, а также и небольшой доходъ, такъ какъ при хорошемъ уловѣ остается и на продажу.

*) Десятиногихъ круглыхъ морскихъ раковъ.

Пока вода теплая, ловля эта не грозитъ простудой; противъ же ущемленія краббовъ клешнями, причиняющаго пораненія иногда съ очень сильными болями и иногда долго не заживающія, солдаты надѣваютъ кожанныя рукавицы и ухитряются поймать крабба такъ, чтобы онъ не могъ ущемить.

Китайцы-джоночники, прорывавшіеся въ Артуръ во время тѣсной блокады.

Солдаты показывали намъ экземпляры фіолетовыхъ краббовъ и говорили, что это и есть самые злые и ядовитые, т. е. ущемленія этихъ заживаютъ не скоро.

А пойманные красивые краббы злобно хватали все вокругъ себя клешнями, какъ-бы въ подтвержденіе сказаннаго о нихъ.

— И наше положеніе сейчасъ не лучше этихъ краббовъ въ корзинѣ!..

Сказавшій это молодой офицеръ было весело захохоталъ, но потомъ задумался и долго молчалъ.

На самомъ дѣлѣ много сходства съ нашимъ положеніемъ.

Направляясь на Маячную горку, мы проходили мимо неразорвавшагося японскаго 12-тидюймоваго снаряда, попавшаго сюда во время первыхъ морскихъ бомбардировокъ крѣпости. Чугунная или же стальная глыба — чурбанъ, длиною въ $1^1/_4$ аршина, лежитъ на пескѣ, не долетѣвъ до укрѣпленія по крайней мѣрѣ на четверть версты; не далеко отъ нея, въ лужѣ морской воды, видна огромная воронкообразная яма — должно быть тамъ разорвалось такое же чудовище.

— Все же безуміе — говоритъ артиллеристъ — бомбардировать крѣпость съ моря. Ну, что они этимъ достигли? — Ровно ничего... Въ этомъ отношеніи Артуръ прекрасная крѣпость,—скалы не скоро сшибешь съ мѣста.

Поднялись на Маячную горку, полюбовались моремъ, которое еле колышется. Направо виднѣется множество лодокъ; это прибережные китайцы и наши команды ловятъ рыбу для себя и для нуждъ крѣпости.

А налѣво вдали, около острова Кеба, виднѣется какое-то японское военное судно.

Здѣсь на Тигровкѣ, на берегу моря такъ тихо, вѣетъ такимъ спокойствіемъ, будто и нѣтъ осады — будто мы находимся въ другой части свѣта...

Поднимаемся на самую вершину горы и передъ нами открывается картина сухопутнаго фронта. Кое-гдѣ мелькнетъ дымокъ и донесется гулъ пушечнаго выстрѣла. Кто и куда стрѣляетъ, нельзя разобрать.

Опасаемся, какъ-бы не началась бомбардировка гавани; тогда придется просидѣть здѣсь до ночи; семьи будутъ безпокоиться. Къ тому-же быть въ гостяхъ *) по нынѣшнимъ обстоятельствамъ не значитъ быть и сытымъ; зачастую у радушнаго хозяина нечѣмъ перекусить; онъ самъ не рѣдко сидитъ впроголодь; если удастся купить банку мясныхъ консервовъ — это цѣлый праздникъ. Приходится пробиваться на чаѣ, да на рисѣ, то такъ, то этакъ. Коли выпилъ рюмку портвейна, да закусилъ сухимъ чайнымъ печеньемъ, больше ужъ и не спрашивай. Это сознаетъ каждый. Настало время, когда злоупотребленіе гостепріимствомъ является чуть не преступленіемъ!..

Только-что переправились обратно черезъ гавань, какъ началась бомбардировка города и гавани, продолжавшаяся болѣе часу.

6/19 сентября. Утромъ всего 12 градусовъ тепла по Реомюру; послѣ державшихся все время 12—20° по утрамъ и 25—26° въ обѣдъ, чувствуется прохлада.

Вечеромъ былъ въ госпиталѣ, навѣстилъ тяжело раненыхъ друзей, отнесъ одному карту Маньчжуріи, чтобы поразобрался по ней въ положеніи

*) Не у интендантовъ, конечно.

сѣверной арміи, о которомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній,—другому старый указатель желѣзнодорожныхъ движеній, для составленія маршрутовъ и смѣтъ для будущаго отпуска въ видахъ дополнительнаго лѣченія...

Ну и народъ—эти врачи!—Привыкли рѣзать и пилить ежедневно человѣческое тѣло и разсуждаютъ объ операціяхъ и человѣческой жизни, какъ сапожники о старомъ сапогѣ!.. Впрочемъ, всѣ они прекрасные люди и работаютъ не покладая рукъ, не заботясь о себѣ, не обращая никакого вниманія на то, что въ любую минуту можетъ ворваться въ госпиталь непріятельскій снарядъ и перекрошить всѣхъ.

Передаютъ, будто вчера вечеромъ одно изъ японскихъ судовъ береговой обороны (изъ старыхъ китайскихъ броненосцевъ) нарвалось въ бухтѣ Луизы на мину и еще сегодня утромъ видѣли его лагомъ *) несомое теченіемъ; надо-де было послать миноносцы «добивать» это судно, но это представляло рискъ, такъ какъ оно было уже далеко,—почти на горизонтѣ. Кто-то высказалъ сомнѣніе, не накренили-ли японцы сами это судно для лучшаго обстрѣла берега; но такое предположеніе не выдерживаетъ критики—имъ нечего такъ высоко обстрѣливать; большой же подъемъ орудія укорачиваетъ, а не удлиняетъ полетъ снаряда.

Говорятъ, что опять прилетѣли цѣлыхъ три почтовые голубя, но также безъ писемъ. Вѣроятно вырвались.

Одинъ изъ артиллеристовъ, бывшихъ въ Киньчжоускомъ бою и израненый здѣсь во время августовскихъ штурмовъ, говоритъ, что по его мнѣнію фраза: «война родитъ героевъ» слишкомъ громка, банальна и невѣрна. По его наблюденіямъ во время боя, когда кругомъ витаетъ смерть и увѣчье, люди, какъ-бы преобразовываются, становятся такими, что въ другое-бы время ихъ не узнать; сколько-бы времени вы ни знали человѣка, но въ бою онъ совершенно мѣняется: кто необычайно сурово сосредоточенъ, кто, какъ-бы озаренъ свыше, кто озлобленъ, свирѣпъ, кто, какъ-бы хитро злобствуетъ; иной становится, какъ-бы глухимъ и нѣмымъ, а кто, какъ будто спокойно покоряется судьбѣ, преданъ долгу, своей работѣ. Герои мирнаго времени,—по его словамъ,—обыкновенно стараются укрыться отъ опасности и—наоборотъ—прежде совсѣмъ незамѣтные люди смотрятъ смѣло въ глаза смерти, или будто не видятъ ея... Но какъ только прошла опасность, человѣкъ становится опять тѣмъ же, прежнимъ. Слѣдовательно,—по его мнѣнію,—всѣ характерныя черты человѣка-героя не вновь нарождаются, а они свойственны ему, таятся всегда въ немъ и проявляются лишь тогда, когда это нужно. Искусственныя, притворныя проявленія героизма кажутся театральными, и—грошъ имъ цѣна.

Далѣе разговоры коснулись непримиримаго противорѣчія между движеніемъ, борьбой за всеобщее разоруженіе, между ненавистью къ войнѣ—

*) Бокомъ.

высоко гуманнымъ кликомъ: «долой оружіе!»—и печальной необходимостью въ международной жизни воевать. Едва-ли кто изъ самыхъ ярыхъ ненавистниковъ войны (а кто же любитъ или способенъ любить ее?—Развѣ только тѣ ненасытные, безсердечные гешефтмахеры, которые наживаютъ во время войны колоссальные капиталы, сгребаютъ богатства цѣною крови безвинно погибающихъ массами людей?) захочетъ быть покореннымъ другою цивилизованною націею, а тѣмъ паче народомъ дикимъ или хотя-бы полудикимъ!—Едва-ли ему можетъ показаться терпимымъ, что его отечество, его сородичи перейдутъ во власть чужестранцевъ-побѣдителей,—если благосостояніе родного края будетъ разграблено, святыни религіи поруганы, наука и искусства будутъ попраны, результаты вѣкового прогресса уничтожены и все это только по праву болѣе сильнаго.—Уничтожить же въ корнѣ всѣ причины и поводы къ войнѣ всеобщимъ соглашеніемъ державъ, окончательнымъ разграниченіемъ «сферъ интересовъ» немыслимо до тѣхъ поръ, пока каждому государству хочется имѣть *болѣе* другихъ,—немыслимо до тѣхъ поръ, пока всѣ народы земного шара не станутъ равноправными, пока ни одна раса не будетъ стремиться поработить другую, пока все человѣчество не обратится въ одну общую культурную и дѣйствительно свободную массу... Но до той поры люди будутъ соперничать и воевать, то съ бо̀льшимъ, то съ меньшимъ озлобленіемъ, стараясь изобрѣтать все болѣе страшныя орудія истребленія—стремясь стать сильнѣе другихъ... Возможность всеобщаго мира теряется въ дали будущихъ вѣковъ, а въ данное время представляетъ собою ничто иное, какъ мечту. А поэтому остается только примириться съ печальной необходимостью имѣть оружіе и стремиться быть сильными, умѣть постоять за себя.

Появились слухи, будто японцы готовятъ къ 10-му числу минную атаку, чтобы въ тоже время садиться на транспорты и убираться по добру-по здорову въ Корею или домой, такъ какъ ихъ дѣла на сѣверѣ плохи и они не надѣются овладѣть Портъ-Артуромъ... Что-то слухъ этотъ ужъ слишкомъ благопріятенъ намъ. Тѣмъ не менѣе пресерьезно разсказываютъ, что видѣли около 50—54 японскихъ транспортовъ, пришедшихъ за осадной арміей; кто говоритъ, что суда эти пришли къ Инченцзы, а кто—что къ Дальнему.

О намѣстникѣ, адмиралѣ Алексѣевѣ, сразу три слуха: по одному онъ застрѣлился, по другому онъ проболѣлъ 6 дней и умеръ, а по третьему онъ или самъ отравился или же его отравили.

Разсказываютъ, что наши лазутчики, убѣдившись, что всюду впереди расположенія японцевъ протянута проволока съ подвѣшанными на ней колокольчиками и пустыми коробками изъ-подъ консервовъ, мѣшаетъ имъ пробраться незамѣченными и развѣдать силы японцевъ, рѣшили отомстить—подкрались къ этой проволокѣ, привязали къ ней тонкую веревочку и вернулись къ себѣ; предупредивъ объ этомъ наши цѣпи, они начали отъ

времени до времени подергивать за веревочку. Японцы всполошатся и давай стрѣлять куда попало. Такъ заставили они японцевъ потратить массу патроновъ попусту и не давали имъ спать въ то время, какъ наши отряды спокойно отдыхали и потѣшались выдумкою лазутчиковъ.

Въ то время, какъ всюду, въ городѣ и на позиціяхъ, наступила жизнь впроголодь, узнаемъ, что у генерала Стесселя имѣются еще сто свиней и много всякой другой съѣдобной живности. Онъ запасся основательно всѣмъ.

Случайный блиндажъ.
Подъ мостомъ-насыпью, ведущимъ въ Саперную импань, поселилось послѣ начала бомбардировокъ до 80 человѣкъ мирныхъ жителей.

По его адресу слышны злобно-ироническія замѣчанія; между прочимъ задается вопросъ—если у генерала Стесселя 100 свиней, такъ сколько-же тамъ свиней всего?—Отвѣты не сходятся...

Послѣ обѣда канонада усилилась и сейчасъ еще не смолкла. Должно быть японцамъ подвезли свѣжіе запасы снарядовъ и они успѣли установить новыя батареи и орудія вмѣсто сбитыхъ.

Необходимо отмѣтить, что у насъ и по сейчасъ еще вѣрятъ, будто для обстрѣла города установлены спеціальныя орудія. Такъ мнѣ сегодня

пресерьзно сообщали, будто на Дагушанѣ установлено 6 орудій для бомбардировки города.

Въ самомъ началѣ бомбардировокъ усердно доискивались откуда это стрѣляютъ по городу; говорили, что даже назначена награда тому, кто обнаружитъ эти орудія и заставитъ ихъ замолчать; сообщали, что эти орудія установлены въ китайской деревнѣ, въ одной изъ фанзъ, или же, что наконецъ батарея эта обнаружена, но она поставлена за скалой и совершенно неуязвима, такъ какъ изъ-за скалы видны лишь дула орудій, то еще разсказывали, что полиціймейстеръ Тауцъ поѣхалъ въ сопровожденіи какого-то кавказца, чтобы обнаружить орудія, стрѣляющія по городу, а потомъ,—что онъ нашелъ ихъ и указалъ артиллеристамъ по картѣ, гдѣ они находятся и теперь, дескать, они будутъ сбиты... Разъ сообщали даже будто собралась партія смѣльчаковъ, запаслась пироксилиновыми шашками, бикфордовымъ шнуромъ и пр. и ушла ночью въ расположеніе японцевъ, чтобы взорвать тамъ эти орудія—люди рѣшили пожертвовать собою, но спасти городъ отъ обстрѣла...

Канонада ничуть не смолкаетъ, даже какъ будто еще усиливается. Кто-то принесъ извѣстіе, что первая атака уже отбита 13-мъ полкомъ; японцы наступали на Водопроводный и Кумирнинскіе редуты; будто на эти редуты сосредоточенъ главный артиллерійскій огонь, и подготовляется штурмъ.

Сегодня довольно сильный вѣтеръ и поэтому достигающіе насъ звуки совершенно особенные, какіе-то плоскіе, расплывчатые—шрапнель рвется со звукомъ, похожимъ на ударъ по желѣзной крышѣ, а общій ревъ орудій сливается въ какой-то сухой грохотъ, будто буря колышетъ огромную желѣзную крышу; между этимъ, то и дѣло, слышенъ какой-то глухой стукъ, будто отъ паденія чего-то тяжелаго, твердаго—взрывы и выстрѣлы. Береговой фронтъ и суда посылаютъ японцамъ, то рѣже, то чаще, свои тяжелыя бомбы; Золотая гора растеряла при этомъ по городу нѣсколько крупныхъ осколковъ, но какъ-то счастливо, не смотря на движеніе народа—никого не ранила; одинъ упалъ близъ городской столовой, другой напротивъ почтовой конторы, около магазина Чурина, а третій гдѣ-то дальше. Да кто ихъ считаетъ, лишь бы они не причиняли вреда!

Отъ стрѣльбы нашихъ крупныхъ орудій окна дребежжатъ и колышатся, того и гляди, что стекла могутъ вылетѣть, что нерѣдко и бываетъ въ ближайшихъ къ гавани домахъ. Нельзя держать окна раскрытыми; вѣтеръ гонитъ по улицамъ облака пыли.

Становится свѣжо; въ обѣдъ было всего 15,5° тепла; нужно одѣваться потеплѣе.

Вотъ уже 11 часовъ вечера, а ружейный огонь, начавшійся съ сумерекъ, почти не умолкаетъ; иногда онъ усиливается до сплошной трескотни, между которой слышны пулеметы; потомъ станетъ рѣдѣть, рѣдѣть и почти затихаетъ... но вдругъ разгарается съ новой силой.

Мнѣ сообщаютъ, что положеніе Водопроводнаго и Кумирнинскаго редутовъ въ высшей степени опасно.

7/20 сентября. Около 2-хъ часовъ ночи насъ разбудилъ грохотъ въ нашей кухнѣ—что-то упало, стекла и посуда задребезжали, что-то треснуло и глухо загрохотало; взрыва однако не слышно. Вышли посмотрѣть — оказывается большой осколокъ съ Золотой горы прошибъ сверху уголъ кухни, перемѣсилъ тамъ полки, посуду, и прокатился по корридору къ дверямъ.

Съ самаго утра слышна канонада далеко на лѣвомъ флангѣ. Бой по направленію редутовъ почти не прекращался до сей поры.

Около 8 часовъ первое извѣстіе съ позицій — будто за ночь отбито 6 отчаянныхъ атакъ, взорвано нѣсколько фугасовъ, нанесшихъ большой уронъ японцамъ; потери японцевъ отъ ружейнаго и пулеметнаго огня огромны. Наши потери за ночь всего около 200 человѣкъ убитыми и ранеными. Одними, фугасами будто, взорваны на воздухъ 4 роты японцевъ.— Кто говоритъ, будто японцы заняли первый и второй окопъ Водопроводнаго редута, хотя поясняетъ, что ихъ запустили туда для того, чтобы взорвать... Что-то сомнительно.

Пришли дружинники со своей позиціи и разсказываютъ, какъ ихъ обдало осколками разорвавшагося снаряда съ «Ретвизана», но счастливо — никого не ранило; это уже второй въ это утро разорвавшійся снарядъ съ «Ретвизана».

Вотъ удовольствіе! Свои снаряды усердно посыпаютъ городъ осколками; несомнѣнно также и тылъ нашихъ позицій... Ну и снаряды!

А стоятъ эти снаряды казнѣ не меньше, чѣмъ хорошіе. Интересно бы узнать, гдѣ ихъ дѣлаютъ и какъ зовутъ тѣхъ, кто принималъ такіе снаряды, какъ годные?..

Очень было-бы интересно узнать имена господъ пріемщиковъ, а также пообстоятельнѣе, какъ производится эта пріемка. Намъ это интересно потому, что мы видимъ, испытываемъ на себѣ результаты этой пріемки.

Раненые, возвращающіеся съ позицій, бодры и говорятъ: «Ничего, не бойтесь! Ничего не отдадимъ японцамъ».

Около половины девятаго по направленію редутовъ вновь поднялся ружейный огонь. Съ 9 часовъ началась въ томъ же направленіи сильная канонада.

Стрѣлокъ-доброволецъ изъ охотничьей команды съ лѣваго фланга сообщаетъ, что вчера на лѣвомъ флангѣ не было ничего серьезнаго. Около часу ночи открыли, для отвлеченія японцевъ, сильный ружейный огонь — фальшивое обходное движеніе; японцы въ это время отхлынули отъ редутовъ.

Зашелъ подпоручикъ К., оправившійся отъ ранъ; идетъ за новымъ назначеніемъ въ строй; ему предлагали нестроевую должность - не желаетъ.

Говоритъ, нужно ожидать штурма и основательнаго *).

Онъ разсказалъ, что исторія съ веревочкой и проволокой съ колокольчиками имѣла серьезныя послѣдствія для японцевъ. Наши подготовились основательно и сдѣлали тревогу. Японцы подтянули свои резервы. Тогда наши стали выманивать ихъ изъ окоповъ посредствомъ колокольчиковъ и разстрѣливать ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ; нанесли имъ большой уронъ. Отомстили.

Жестоки шутки военнаго времени.

Другой разсказывалъ, какъ наши моряки скатили мину съ Кумирнинскаго редута въ японскій окопъ; мина было застряла; тогда выскочилъ одинъ лейтенантъ и одинъ матросъ, пихнули мину впередъ и вернулись цѣлыми на редутъ. Взрывъ мины сильно переполошилъ японцевъ; долго не могли они опомниться отъ этого сюрприза.

Съ батареи капитана Страшникова улетѣла къ японцамъ, вмѣстѣ со снарядомъ, половина дула пушки. Такой же случай былъ въ морскомъ бою 28-го іюля, когда на палубу броненосца «Полтава» прилетѣло дуло японскаго орудія.

Съ десятаго часа японцы жестоко обстрѣливаютъ Перепелочную батарею; снаряды такъ и воютъ безпрестанно. Но эту батарею не легко уязвить. Было время, когда мы думали, что она разбита; но нѣтъ. Около 12 часовъ она открыла вновь бѣглый огонь по непріятелю, который съ нея хорошо виденъ.

Сообщаютъ, что японцы ночью штурмовали и Высокую гору.

Узнаемъ, что къ 11 часамъ очищены нашими отрядами сперва Водопроводный, а потомъ и Кумирнинскій редуты, за невозможностью тамъ укрыться противъ сосредоточеннаго непріятельскаго артиллерійскаго огня. Наша артиллерія не даетъ теперь непріятелю укрѣпиться въ редутахъ. Но все же не удержать намъ эти редуты нейтральными; на это нужно множество снарядовъ, а ихъ у насъ мало.

Водопроводъ закрытъ. Но онъ закрытъ не японцами, а нашими властями изъ опасенія, какъ бы непріятель не отравилъ воду; голова водопровода теперь въ его рукахъ. Теперь будемъ брать воду изъ колодцевъ, которыхъ у насъ довольно много. Чтобы вода не была отравлена и въ колодцахъ китайцами-шпіонами, у каждаго колодца дежуритъ стража изъ дружинниковъ **).

*) По его мнѣнію всѣ штурмы съ недостаточными для достиженія цѣли силами не что иное, какъ самоубійство...

**) Какъ послѣ оказалось, водопроводъ не былъ испорченъ японцами; онъ функціонировалъ все время. Японцы, видимо, не желали его портить, надѣясь со временемъ и такъ завладѣть крѣпостью. Также они не пытались отравлять воду; это, вѣроятно, не входитъ въ ихъ тактику; этотъ варварскій обычай они не переняли у культурнаго запада... Наши же власти не считали нужнымъ производить ежедневные анализы воды, закрыли водопроводъ и заставили гарнизонъ и жителей пользоваться колодцами, вода въ которыхъ была далеко низшаго качества. Говорятъ, что водовозы иногда тайкомъ пользовались водопроводомъ.

Во второмъ часу видѣлъ съ горы огромный столбъ дыму, потомъ донесся глухой взрывъ; дымъ расползался медленно. Гдѣ-то взорвали фугасъ или пороховой погребъ.

Разсказываютъ, что сегодня около Водопроводнаго редута легло костьми 9 штурмовыхъ колоннъ; изъ нихъ шесть уничтожены ружейнымъ огнемъ, а остальныя фугасами и заложенными въ редутѣ минами. У солдатъ отъ частой стрѣльбы дервенѣли пальцы.

Подпоручикъ 25-го полка Василій Николаевичъ Никольскій, завѣдывавшій мастерскими плавучихъ средствъ военнаго вѣдомства.

Встрѣтилъ врачей Краснаго Креста; по собраннымъ ими свѣдѣніямъ наши потери около 300 человѣкъ. Японскихъ войскъ подъ Артуромъ сейчасъ будто около 80 тысячъ.

Подъ вечеръ японцы вновь обстрѣливали Перепелочную батарею, при чемъ много перелетныхъ снарядовъ легло въ раіонъ города.

Вечеромъ наблюдалъ съ горы за рѣдкимъ артиллерійскимъ огнемъ. Больше другихъ стрѣляетъ какая-то батарея изъ скорострѣлокъ, будто рубитъ топоромъ; изрѣдка посылаетъ Золотая гора свой «чемоданъ»; стрѣляютъ и наши суда; иногда же раздается откуда-то выстрѣлъ и слышенъ лишь свистъ снаряда, летящаго къ японцамъ. Должно быть съ Электрическаго утеса.

Но все же довольно тихо и будто все больше утихаетъ; должно быть до захода луны, а тамъ снова начнутся штурмы.

8/21 сентября. Въ 5 час. утра выхожу послушать что творится на позиціяхъ. Прохладно. Всего 11^0 тепла по R. Какой-то туманъ, похожій на дымъ, застилаетъ сухопутный фронтъ.

Тихо. Еле уловимая перестрѣлка на лѣвомъ флангѣ; она возгарается и, минутъ черезъ 10, становится сильнѣе; можно предполагать, что по направленію Высокой горы начался бой. Въ центрѣ и на правомъ флангѣ рѣдкіе выстрѣлы.

Канонада то усиливается, то стихаетъ.

Узнаемъ, что за ночь отбиты цѣлыхъ семь атакъ на Высокую гору.

Еще вчера наши отряды очистили Длинную гору; при этомъ японцамъ достались двѣ пушки, которыхъ не успѣли ни увезти, ни взорвать.

Въ это время подошли японскія канонерки, которымъ было приказано обстрѣлять Длинную гору, и открыли убійственный огонь по своимъ. Японцы махали флажками, чтобы канонерки прекратили огонь; но ихъ никто не видитъ; жарили себѣ, да и только.

Наши войска съ окрестныхъ высотъ замѣтили это, но вообразили сперва, что это наши канонерки и давай кричать «ура»; когда же разобрались въ чемъ дѣло, то закричали и пуще того. Говорятъ, жалко было смотрѣть, какъ японцы метались, прятались, перебѣгали отъ своего огня. Огнемъ съ канонерокъ уничтожено не меньше батальона японцевъ.

Сообщаютъ, будто генералъ Стессель захворалъ; получилъ отъ Куропаткина депешу: «Бейтесь сами, надѣйтесь на себя, помочь не могу»... и упалъ даже въ обморокъ. И комендантъ, говорятъ, не надѣется на этотъ разъ отстоять крѣпость; или, быть можетъ, онъ это говорилъ только зазнавшемуся было генералъ-адъютанту... Все это, конечно, предположенія, но весьма вѣроятныя.

Генералъ Смирновъ хотя и не вполнѣ оправился еще отъ дизентеріи, но все же ѣздитъ на позиціи.

Разсказываютъ, будто армія генерала Оку налегаетъ на Артуръ, а армія Куроки окружена Куропаткинымъ.

Съ 9 час. 15 мин. утра японцы начали обстрѣливать Золотую гору; снаряды ложились довольно высоко, подъ батареи; большинство ихъ легло у подножія горы, въ бухту, а нѣкоторыя даже около дачныхъ мѣстъ. Наши батареи берегового фронта открыли сильный отвѣтный огонь и черезъ полчаса японцы прекратили бомбардировку Золотой горы.

Зато они съ часу до четырехъ обстрѣливали довольно рѣдкимъ огнемъ весь Старый городъ.

Подъ вечеръ японцы еще разъ стрѣляли по городу, но недолго.

Подумаешь, какъ мы привыкли къ обстрѣлу! Помнится, какъ жутко было въ началѣ бомбардировокъ, въ послѣднихъ числахъ іюля и первыхъ числахъ августа.

Какъ-то въ обѣдъ стрѣльба затихла. В., Т. и я идемъ домой съ занятія; намъ по пути. Проходимъ Пушкинскую улицу и радуемся, что тихо. Но какъ только мы повернули на Бульварную улицу, идущую, какъ бы прямо навстрѣчу японскимъ позиціямъ — началась бомбардировка залпами. Засвистѣли снаряды прямо намъ навстрѣчу и черезъ головы, ударялись то въ право — въ Военную гору, то влѣво — въ бухту Таучинъ, то перелетаютъ по направленію порта, падаютъ то ближе, то дальше — не знаешь, не ляжетъ ли слѣдующій снарядъ прямо передъ нами на улицу. Выстрѣлъ за выстрѣломъ почти безъ перерыва. В. и Т. идутъ вдоль тротуара, почти по серединѣ улицы; я же жмусь инстинктивно ближе къ стѣнѣ, иду вдоль домовъ. Какъ разъ свиститъ намъ навстрѣчу снарядъ; я прижимаюсь къ стѣнѣ магазина Кунстъ и Альберсъ. Трахъ!.. Снарядъ попадаетъ въ зданіе, гдѣ-то тутъ же за стѣной. Отскакиваю къ своимъ спутникамъ и иду уже не уклоняясь въ сторону — все равно — а то какъ разъ подскочишь подъ снарядъ.

— Что? — вылѣчились! — смѣются мои спутники; а у самихъ лица блѣдныя, серьезно сосредоточенныя — не до смѣху.

Все же вышли цѣлыми изъ этой бани, изъ сферы огня, и послѣ весело вспоминали свое путешествіе.

— —

Куда ни повернись, всюду разсужденія о томъ, сколько именно японскихъ войскъ подъ Артуромъ.

Ясно одно—что тѣ транспорты, о которыхъ разсказывали, будто они пришли за тѣмъ, чтобы увезти отсюда осадную армію, безъ сомнѣнія привезли японцамъ подкрѣпленія.

По штабнымъ свѣдѣніямъ было: на лѣвомъ флангѣ 5 тысячъ, на правомъ 6 тысячъ, а за Волчьими горами, въ резервѣ, 20 тысячъ — всего 31,000 (?). Подкрѣпленія получено по однимъ свѣдѣніямъ 20, а по другимъ— 40 тысячъ. Солдаты говорятъ, что все это еще не страшно, лишь бы не навалили сѣверныя японскія арміи.

Вечеромъ всюду тихо; рѣдко гдѣ раздастся одиночный выстрѣлъ.

10/23 сентября. Температура все понижается — сегодня всего 10 градусовъ тепла.

Въ 4 часа утра я выходилъ послушать; все было тихо; только широкій, яркій лучъ японскаго прожектора лизалъ Перепелку и весь фронтъ до батареи литера Б. — Хороши прожектора у японцевъ!

Съ 8 час. утра японцы снова усиленно обстрѣливаютъ Золотую гору, но съ одинаковымъ успѣхомъ; снаряды ложатся высоко, но не на батареѣ.

Сейчасъ генералъ Смирновъ проѣхалъ на лѣвый флангъ; тамъ слышна рѣдкая канонада.

Предположенія, что ночь прошла спокойно, оказываются ошибочными. За ночь отбиты японскія атаки на Высокую гору (говорятъ, цѣлыхъ 6); въ занятые японцами окопы и блиндажи *) были спущены, подъ руководствомъ лейтенанта Подгурскаго, мины. Въ то же время кинулся онъ со стрѣлками 5-го полка съ ручными бомбочками и въ штыки. Не только отбросили, а вѣрнѣе, уничтожили тамъ японцевъ; какъ ни старались японцы, но завладѣть потеряннымъ имъ уже не удалось. Нашими захвачены два японскихъ пулемета, много ружей и аммуниціи. 5-й полкъ отличился вновь; въ немъ, кажется, всѣ герои, начиная отъ командира полка полковника Третьякова и кончая послѣднимъ стрѣлкомъ. Коменданты горы, капитанъ Стемпневскій и шт.-кап. Сычевъ, какъ передаютъ, отличные, храбрые офицеры.

Кстати—начиная съ первыхъ отбитыхъ штурмовъ въ городѣ появилось много японскихъ ружей и даже офицерскихъ сабель. Солдаты приносятъ ихъ съ позицій и охотно продаютъ любителямъ за рубль—два; говорятъ—наберемъ еще вдоволь!..

Покупка и продажа японскаго оружія воспрещены комендантомъ, какъ военной добычи, принадлежащей казнѣ; но все же находятся на нихъ охотники. Солдату, конечно, выгоднѣе продать, чѣмъ сдавать въ казну.

Во время послѣднихъ боевъ нерѣдко пускали въ ходъ противъ японцевъ ихъ же ружья. При усиленной стрѣльбѣ винтовки накаливаются и нужно имѣть ихъ нѣсколько на смѣну. Конечно, довольно и нашихъ винтовокъ (отъ убитыхъ); но почему же не пострѣлять и изъ непріятельскихъ; благо и патроновъ къ нимъ набрано вдоволь.

Съ виду эти японскія винтовки довольно топорной работы. Офицерскія сабли лучше нашихъ.

Много крови пролито опять за эти дни. Потери японцевъ считаютъ до 12 тысячъ; наши потери исчисляютъ всего въ 800 человѣкъ.

Наши солдаты не вѣрятъ, чтобы японцы могли взять Портъ-Артуръ, несмотря на появившійся слухъ — будто къ японцамъ подошли 20 тысячъ охотниковъ изъ арміи Оку (по другой версіи изъ Японіи), поклявшихся взять Артуръ или умереть.

Сообщаютъ, что японскіе солдаты переругиваются съ нашими изъ ближайшихъ окоповъ.

— Догадались, черти, — кричатъ будто японцы, — устроить ручныя бомбы — мы васъ научили!..

Другіе кричатъ: «Не стрѣляйте, русскіе, такъ далеко, а то попадете въ Куропаткина»!..

Вотъ чѣмъ они тамъ занимаются, глядя ежеминутно въ глаза смерти! Разумѣется, и наши солдаты не остаются въ долгу по части балагурства и колкостей.

*) Въ теченіи первыхъ штурмовъ, оказывается, японцы успѣли занять часть нашихъ окоповъ.

Добылъ свѣдѣнія, по которымъ у насъ выбыло изъ строя по 8 сентября всего 11,636 человѣкъ; изъ нихъ: убиты и умерли отъ ранъ 3,600 нижнихъ чиновъ и 65 офицеровъ; выздоровѣли и вернулись въ строй 4,300 нижнихъ чиновъ и 106 офицеровъ, а 3,500 нижнихъ чиновъ и 65 офицеровъ находятся еще въ госпиталяхъ и большая часть ихъ (за исключеніемъ искалѣченныхъ) вернется въ строй *).

Общія наши потери, сравнительно съ японскими, довольно таки незначительны.

Сегодня замѣтенъ всеобщій подъемъ духа, даже среди малодушныхъ.

Снова сѣтуютъ на закрытіе генераломъ Стесселемъ газеты. — Кому — спрашиваютъ — принесъ онъ пользу тѣмъ, что закрылъ газету? — Развѣ японцы теперь меньше освѣдомлены о томъ, какая батарея открыла по нимъ огонь? — Ничуть!

Японскіе трупы подъ Высокой горой.

Какъ было-бы хорошо, если-бы была газета — сегодня же узнали-бы на всѣхъ дальнѣйшихъ позиціяхъ про молодецкое дѣло прошлой ночи на Высокой горѣ. Было-бы недурно опубликовать и вышеприведенныя свѣдѣнія о нашихъ потеряхъ и выздоровѣвшихъ; цифры эти весьма краснорѣчивы для каждаго солдата — весьма утѣшительны.

Мнѣ передаютъ характерный, почти анекдотичный разговоръ, касавшійся нашего далеко нехрабраго начальника во время послѣднихъ штурмовъ.

— Ну, что — онъ, говорятъ, нездоровъ?

— Да — сильное разстройство желудка...

— Нѣтъ, не то — говорили что-то на счетъ умственныхъ способностей.

— Ахъ, это — да; но это съ нимъ уже давно — съ малыхъ лѣтъ...

Намекъ на тупоуміе.

---

*) Свѣдѣнія эти касаются сухопутныхъ силъ.

Сообщаютъ, что около Высокой горы японскихъ труповъ лежитъ до 10 тысячъ.

Былъ случай, что японцы строили себѣ траверсы изъ труповъ товарищей.

Будто сегодня виднѣлись на горизонтѣ 4 крейсера и 4 броненосца. Не вѣрится. Чьи-бы суда могли это быть? Послѣ гибели «Хатсузе» и «Яшимы» осталось у японцевъ всего 4 броненосца, а сильно поврежденный 28-го іюля «Миказа» не могъ еще исправиться.

Говорили про появленіе иностранной эскадры... Но, чья-же она моглабы быть? Англійская, американская, французская или германская?

Японцы стрѣляли сегодня по Золотой горѣ, порту и городу до 12 час. 50 мин. дня. Около дворца намѣстника загорѣлось. По пожарищу японцы участили огонь. Были, будто, сегодня и попаданія на батарею Золотой горы.

Нельзя не отмѣтить своеобразное явленіе изъ жизни въ осадѣ, которое въ другое время и немыслимо.

Собаки дерутся около... коробки изъ-подъ консервовъ. Побѣдительница схватываетъ коробку зубами и убѣгаетъ съ нею подальше, чтобы вылизать ее основательно...

— Слишкомъ ужъ аккуратными стали эти люди, — разсуждаютъ, должно быть, при этомъ собаки, — стали очень опрятно опорожнять эти посудины. Хотя-бы подумали о нашемъ-братѣ... Нынче о косточкѣ и подумать не смѣй... Когда — когда ее увидишь! И то, развѣ, конскую...

И замѣчательно приловчились онѣ вылизывать эти коробки и банки: не боятся и острыхъ краевъ вырѣза.

Да, — голодно становится и собакамъ.

Еще сегодня разсуждали, что провіанта въ городѣ такъ мало, что, дай Богъ, чтобы хватило его еще мѣсяца на два. Если до тѣхъ поръ не подоспѣетъ выручка... будетъ худо.

Оказывается, что японскіе снаряды попали и въ старую импань Краснаго Креста, въ аптеку, въ квартиры егермейстера Балашова и его помощника статскаго совѣтника Тардана; къ счастью ихъ не было дома. Тамъ ранило лишь нѣсколько китайцевъ и то легко. Попалъ снарядъ и въ садъ Маріинской общины Краснаго Креста; ранилъ проѣзжавшаго извозчика и еще кого-то.

Во время штурмовъ Высокой горы взводъ полевой артиллеріи, подъ командой штабсъ-капитана Ясенскаго, посланный полковникомъ Ирманомъ въ тылъ японцамъ, къ Голубиной бухтѣ, оказалъ большія услуги.

11/24 сентября. Сегодня утромъ 14° тепла.

Извѣстіе, что японцы, облѣпившіе было Высокую гору, отброшены, радуетъ всѣхъ; только и слышны разговоры о томъ, что въ пылу схватки

наши поддѣвали японцевъ на штыки и сбрасывали подъ гору... Все возможно. Растерявшихся отъ взрывовъ и внезапнаго нападенія японцевъ били наши охотники и съ тылу, и съ фланговъ, и съ фронта.

Утверждаютъ, что вчера вечеромъ японцы пытались подобраться къ Куропаткинскому люнету, но безуспѣшно.

Быть можетъ они хотятъ попытать счастье на правомъ флангѣ — перенесутъ свои атаки снова сюда.

Сообщаютъ, что одинъ изъ нашихъ саперовъ перебѣжалъ на виду у всѣхъ къ японцамъ. Это первый подобный случай. Причиной перебѣжки послужило будто то, что этого сапера наказали розгами, по приказанію генерала Стесселя.

Сегодня снова взбудоражила наши нервы похоронная музыка — хоронили несчастнаго капитана Лопатина, осужденнаго за отступленіе съ горы Куинсана безъ особаго на то приказанія. Смерть избавила его отъ исполненія приговора суда; но онъ умеръ вслѣдствіе этого же приговора — отъ паралича сердца.

Суть въ томъ, что не онъ виноватъ въ отдачѣ горы, а тѣ изъ начальства *), которые, не признавая въ Куинсанѣ ключа нашихъ позицій, не вняли многократнымъ о томъ докладамъ младшихъ офицеровъ, не укрѣпили его, не поставили на него болѣе значительный гарнизонъ и пулеметы **), а также не дали, несмотря на неоднократныя о томъ просьбы капитана Лопатина, необходимаго подкрѣпленія. Будто капитану Лопатину было даже приказано не ввязываться въ бой; поэтому, потерявъ въ бою очень много людей и не получая никакого отвѣта на требованія о подкрѣпленіи, онъ рѣшилъ отступить съ остатками своей роты, рискуя и такъ, и этакъ быть судимымъ за неисполненіе приказанія.

Когда обнаружилась вся важность Куинсана, то нужно было найти козла отпущенія — и все обрушилось на бѣднаго стрѣлковаго офицера... Нашелся «стрѣлочникъ».

Сегодня снова вспомнилась омерзительная сцена, переданная намъ очевидцемъ и разыгравшаяся еще тамъ, на Зеленыхъ горахъ. Генералъ Фокъ кричалъ тогда, что нужно разстрѣлять его — измѣнника ***). А полковникъ Савицкій увивался предъ нимъ и заявлялъ театрально расходившемуся генералу съ дьявольской готовностью:

— Сейчасъ распоряжусь, ваше прев — во!..

---

*) См. запись отъ 20-го іюля.

**) Въ книжкѣ Я. У. Шишко: «11-мѣсячное сидѣніе въ Портъ-Артурѣ» на стр. 43 помѣщенъ фотографическій снимокъ: начальникъ штаба генерала Фока — подполковникъ Дмитревскій на вершинѣ Куинсана наканунѣ боя (также не признавшій Куинсанъ важнымъ).

***) Генералъ Фокъ также обзывалъ измѣнниками защитниковъ Киньчжоуской позиціи, куда онъ также не давалъ подкрѣпленія, а еще самъ приказалъ отступить, даже не сообщая объ этомъ полковнику Третьякову.

И удивительно, какъ еще не смыли свой позоръ кровью другого, кровью козла отпущенія.

Смерть капитана Лопатина, какъ-бы сняла тяготѣющій надъ всѣми тяжелый гнетъ и, какъ-бы зачеркнула грязную страничку изъ геройской защиты Артура.

Многіе прямо радуются смерти капитана Лопатина.

Еще во время штурмовъ Высокой горы, 9-го числа, передавали мнѣ слухъ, будто на другой день (10-го), наша эскадра должна выйти къ Киньчжоу. Получено, дескать, приказаніе... Но едва-ли кто этому повѣрилъ.

Сегодня на позиціяхъ спокойно.

Передаютъ, что съ нашей стороны была попытка атаковать Длинную гору также какъ атаковали Высокую, но безъ результата — японцы очень бдительны.

Одинъ изъ раненыхъ офицеровъ, съ которымъ бесѣдовалъ сегодня въ госпиталѣ, увѣряетъ, что японцы повторяютъ въ точности кампанію 1895 года, — что они неспособны придумать ничего новаго — и что, если не все протекаетъ такъ, какъ было тогда, то причина этому лишь та, что теперь здѣсь русскіе, вмѣсто китайцевъ.

Генералъ Стессель, будто, ѣздилъ сегодня на лѣвый флангъ, но на какія укрѣпленія — не знаю. Тамъ вездѣ спокойно.

12/25 сентября. Утромъ девять съ половиной градусовъ тепла. Послѣднія двѣ ночи чудныя, лунныя, прошли сравнительно спокойно. Рѣдкіе ружейные выстрѣлы; коротко татакнетъ пулеметъ, или заговоритъ, какъ-бы съ просонокъ, какая нибудь пушка и снова все тихо; словно сторожевая собака тявкнула и снова свернулась въ комокъ.

Съ 9 час. 55 мин. утра японцы начали обстрѣливать западную часть гавани перекиднымъ огнемъ со стороны Дагушаня. Въ это время ходилъ прогуляться, былъ какъ разъ на бульварѣ (Этажеркѣ) и сразу не понялъ въ чемъ дѣло — гляжу въ порту забѣгали люди, прячутся, какъ мыши по норамъ... Снаряды пролетаютъ довольно высоко; только одинъ, какъ-бы оборвался около Большой горы.

Имъ начали отвѣчать съ судовъ. Все же бомбардировка продолжалась болѣе двухъ часовъ.

Мнѣ разсказали, будто во время боевъ, какъ-то, въ одинъ изъ брошенныхъ нашими войсками блиндажей — дѣло, кажется, было при отступленіи отъ Зеленыхъ горъ — забрались ночью и нашъ и японскій раненые солдаты и легли спать, не замѣчая другъ друга; утомленіе брало свое. На утро проснулись и было испугались другъ друга — хватились за ружья; но замѣтивъ, что оба ранены, подали другъ другу руки и начали объясняться мимикой, такъ какъ русскій не зналъ ни слова по-японски, а японецъ

также по-русски. Оба проголодались. У русскаго нашелся хлѣбъ, а у японца въ фляжкѣ вино; выпили, закусили. Нашъ солдатъ свернулъ «цыгарку» и оба покурили съ наслажденіемъ. Посидѣли, перевязали получше другъ другу раны и рѣшили пойти дальше; японецъ было звалъ нашего солдата пойти съ нимъ, но тотъ пригрозилъ ему смѣясь кулакомъ. Оба противника были изъ запасныхъ; и у того и у другого дома жена и дѣти; все это выяснили мимикой, руками — другъ другу посочувствовали. Рѣшили каждый пойти къ своимъ. Но это было не легко, такъ какъ тѣ и другіе ушли впередъ и заняли другія позиціи. Выяснивъ положеніе, пошли, поддерживая другъ друга, такъ какъ оба были ранены въ ноги. Когда добрались почти до расположенія японцевъ, то японецъ, высмотрѣвъ съ горки внимательно мѣстность, указалъ русскому, какъ добраться до своихъ незамѣченнымъ. Снова пожали другъ другу руки и разстались...

Велосипедистъ-санитаръ у безплатной чайной.

Сегодня опять цѣлый ворохъ слуховъ.

Слухъ, будто Балтійская эскадра прошла во Владивостокъ, продолжаетъ держаться.

Будто вчера прошли по направленію къ Киньчжоу 13 русскихъ судовъ съ миноносцами. Прошлую ночь будто полковникъ С. доносилъ штабу два раза о томъ, что за Волчьими горами—по направленію Киньчжоу—слышна довольно сильная, какъ бы морская канонада.

Что это такое? — не вѣрится, чтобы тамъ могли быть русскія суда— но кто же тамъ палитъ?

Развѣ опять какая нибудь грандіозная хитрость со стороны японцевъ— желаютъ выманить наши суда или гарнизонъ въ хорошо устроенную засаду?

Вчера удалось намъ купить у китайца 6 фунтовъ европейскаго картофеля по 60 коп. за фунтъ. Подѣлились съ полк. Т. и полакомились; давно не ѣли ее*).

*) Это было въ послѣдній разъ за время осады.

Китайская картофель, продолговатая, вродѣ рѣдьки — очень сладкая, стоила бы того, чтобы попытаться культивировать ее въ Россіи; думается, что многимъ понравилась бы и она. Также слѣдовало бы переслать въ Россію сѣмена зеленой китайской рѣдьки (луопа); она очень сочна и нѣжна. Мы рады, что она еще имѣется у китайцевъ.

Сегодня купилъ одинъ сдобный бѣлый хлѣбъ (фунта 2—3) у Зазунова за 80 копѣекъ. Московскаго «столоваго масла» (вѣрнѣе маргарина) купилъ 4 коробки по полтора рубля. Курицы на базарѣ (незавидныя) по 7 р. 50 к. штука. Цѣны поднимаются.

13/26 сентября. Утромъ 15° тепла; пасмурно.

Китайцы очень довольны тѣмъ, что японцамъ не удается взять Артуръ; они, какъ бы чувствуютъ въ этомъ нѣкоторую отместку за взятіе японцами Артура въ 1895 году.

Сообщаютъ, что въ ожиданіи и во время первыхъ штурмовъ китайцы пали духомъ; особенно боялись и будто даже плакали, плохо ѣли арестованные китайцы—подсудимые; говорили, что имъ всѣмъ будетъ «кантами», т. е. японцы отрубятъ имъ головы. Теперь всѣ успокоились.

Тѣ изъ китайской бѣдноты и изъ арестованныхъ за болѣе легкія преступленія, которыхъ отпускаютъ на уборку японскихъ труповъ, очень довольны тѣмъ, что имъ разрѣшили снимать съ труповъ обувь и носить ее. И тутъ они пускаются на нѣкоторую хитрость — каждое утро они отправляются на работу чуть не босикомъ, а по вечерамъ возвращаются все въ новыхъ японскихъ башмакахъ. Они разсказываютъ:

— Сто тысячъ, пятьдесятъ тысячъ ипэнъ ломай, помирай есть — тунъ-тунъ ломай. Холосоооо!..

Разумѣется, ихъ понятія о тысячахъ очень смутны.

Говорятъ, что джонка, недавно отправленная съ оффиціальной и частной почтой, вернулась обратно; того китайца, которому была поручена оффиціальная почта, нѣтъ *) и нельзя добиться толку, куда онъ дѣвался. Говорятъ, не бѣда, если его перехватили японцы. Тамъ не было никакихъ секретовъ.

Какіе тутъ секреты — можемъ пока держаться и продержимся до тѣхъ поръ, пока насъ не выручитъ подоспѣвшая помощь. Вотъ и все.

Одна изъ торговыхъ фирмъ обѣщаетъ своимъ служащимъ выплатить награду за время осады въ размѣрѣ половиннаго жалованья; но сейчасъ, когда цѣны на все необходимое для жизни возросли и возростаютъ до неимовѣрнаго, не прибавили къ жалованью ни копѣйки. Служащіе возмущаются, говорятъ, что деньги есть, отчего бы не выплатить обѣщанное сейчасъ? — Точно разсчитываютъ на то, что — авось того или другого убьютъ и тогда деньги останутся въ хозяйскомъ карманѣ... Кажется, ни при какихъ другихъ

---

*) Пакеты съ оффиціальной почтой снабжались всегда свинцовой пластинкою, чтобы при встрѣчѣ съ японцами было бы легко потопить, опустить бумаги на дно морское.

обстоятельствахъ всякія такія обѣщанія не могутъ имѣть меньше цѣны, чѣмъ сейчасъ у насъ и не дѣлаютъ меньше чести такимъ обѣщателямъ; все это отдаетъ недобросовѣстностью, жидоморствомъ.

Сообщаютъ, будто замѣчено нѣкоторое скопленіе непріятельскихъ силъ противъ Высокой горы.

Туда проѣхалъ комендантъ — генералъ Смирновъ.

Передаютъ, что ему все время приходится бороться со внутренними врагами. Генералъ Фокъ будто натравляетъ на него генерала Стесселя, всюду ругаетъ коменданта, насмѣхается надъ нимъ въ присутствіи офицеровъ и солдатъ, критикуетъ его распоряженія, тормазитъ выполненіе ихъ. Да вообще, по разсказамъ людей болѣе освѣдомленныхъ, генералъ Фокъ предался всецѣло интригамъ, ссоритъ всѣхъ начальниковъ между собою — всѣ у него и «подлецы» и «измѣнники»; всюду вноситъ самую грубую ругань и разладъ.

Благодаря тому, что генералъ Стессель подпалъ подъ гипнозъ Фока,— а на струнахъ самолюбія наигрывать легко, — все сходитъ ему съ рукъ.

Все же трудно понять, что такое представляетъ изъ себя генералъ Фокъ — психически ли ненормальнаго человѣка или же злого генія (выраженіе, пожалуй, немного громковатое для характеристики его отрицательныхъ заслугъ).

Еще до боевъ на Киньчжоу онъ разъ высказался послѣ того, какъ переругалъ всѣхъ дураками изъ дураковъ.

— И Фокъ дуракъ — такой же дуракъ! — Но нѣтъ — онъ знаетъ свое дѣло: пройдетъ все благополучно — подавай Фоку чины и награды! Если же будетъ худо — Фокъ не виноватъ, онъ человѣкъ съ дырявой головой *);— не назначай такого!..

На то и походитъ. А говорятъ, что онъ уже представленъ не къ первой наградѣ и всегда впереди всѣхъ.

Приходится удивляться самому себѣ. Въ первое время бомбардировка города и каждый бой отдавался какой-то болью въ сердцѣ. Теперь все это какъ будто нипочемъ. «Привыкнешь, и въ аду хорошо». Такъ и мы привыкли. Порою нѣтъ ни воодушевленія, ни унынія —наступаетъ, какъ бы полная апатія, которая давитъ, какъ кошмаръ: невѣдѣніе, что есть, что было, что творится сейчасъ на свѣтѣ и когда, и откуда можемъ ожидать помощь—освобожденіе. Нервы какъ будто надсажены. Иногда какая-то скука. Нѣтъ нормальной работы, нѣтъ нормальнаго отдыха и нормальной пищи. Навѣрное и питаніе отзывается на настроеніе. Желудокъ какъ бы не хочетъ переваривать всю эту консервированную дрянь; надо бы имѣть какую нибудь перемѣну въ питаніи, а тутъ предвидится только все большій и большій недостатокъ всего съѣдобнаго. Поневолѣ вѣчныя головныя боли, какая-то придавленность.

---

*) Генералъ Фокъ раненъ въ голову въ русско-турецкую войну.

Сообщаютъ, что прилетѣлъ еще одинъ голубь съ сѣвера и также безъ письма. Непонятно, что это такое — неужели японцы устроили на Киньчжоускихъ высотахъ какую нибудь приманочную станцію? Или же тамъ, въ Ляоянѣ, ихъ выпускаютъ зря; некому досмотрѣть.

Дѣло съ нашими воздушными шарами дальше опытовъ не пошло; тоже самое и съ воздушными змѣями. Для шаровъ скупили въ городѣ весь шелкъ; говорятъ даже, что дамы жертвовали на это дѣло свои шелковыя юбки. Шары сшиты, но говорятъ, нѣтъ кислоты для газа; другіе увѣряютъ, что и это вздоръ, что можно сфабриковать и газъ.

Досадно, что у насъ нѣтъ ничего серьезнаго — бирюльки, опыты, какъ бы ради рекламы. А понадобилось показать и доказать на дѣлѣ — ничего не выходитъ. Виновата погода, затишье, вѣтеръ—все, но только не мы сами. Скажутъ—виновато начальство... Не вѣрю! И сами кругомъ виноваты—не принимаемся серьезно за дѣло, лишь бы тянуть служебную лямку, лишь бы поскорѣе пристроиться куда нибудь потеплѣе; а опытами пусть занимаются тѣ, кому еще надо обратить на себя вниманіе начальства. Пусть работаютъ другіе...

Хороши дѣла въ нашемъ порту; уши вянутъ про нихъ слушая. Вотъ что узналъ сейчасъ: для сухопутной обороны понадобились электрическіе проводы, но неоткуда ихъ взять. Комендантъ, узнавъ, что будто, имѣются въ порту, обращается по телефону къ командиру порта съ запросомъ — не уступятъ ли? Адмиралъ Григоровичъ отвѣчаетъ ему, что уступитъ охотно, такъ какъ помнитъ, что недавно принято что-то 30 тысячъ футовъ проводовъ; велитъ прислать подводы. Подводы пріѣхали, но — проводовъ-то не оказалось — нѣтъ, да и только... Принялись за розыски, которые выяснили, что провода, всего 10 тысячъ футовъ, были привезены, показаны пріемной комиссіи и... вывозились въ другія ворота; потомъ появились опять въ первыя ворота и вновь предстали предъ ясныя очи комиссіи и... такимъ образомъ было принято 30 тысячъ футовъ, изъ которыхъ не оказалось налицо ни фута. Чиновникъ Д..... уволенъ.

Подводы такъ и уѣхали безъ проводовъ. Потомъ оказалось, что агентъ Восточной Китайской дороги Коганъ предлагалъ купить партію проводовъ, а самъ не имѣлъ ихъ. Словомъ — всплыла грязная исторія. Напавшему на слѣдъ злоупотребленій удалось выяснить слѣдующія данныя о разныхъ лицахъ, у которыхъ рыльце въ пуху — интересную характеристику *):

Са..... беретъ 5 процентовъ съ суммы поставки; необходимо дать въ конвертѣ, завернутымъ въ фирмовую бланку; свидѣтельствуетъ качество товара.

П..... беретъ около $2^1/_2$ процентовъ, получаетъ отъ времени до времени нѣсколько десятковъ, а при большихъ партіяхъ товару по нѣсколько сотенъ рублей.

---

*) По документамъ одной изъ фирмъ, занимавшихся поставками и по другимъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ.

Д..... получаетъ 2 процента; ускоряетъ пріемку и выдачу квитанцій.

Т..... получаетъ 1 процентъ; очень услужливый, ускоряетъ пріемку товара и получку денегъ.

П..... 5 процентовъ, въ конвертѣ, принимаетъ у себя дома; надо подталкивать для полученія ассигновки.

Б..... и Я..... (сумма не обозначена) очень нужные люди, помогаютъ усердно.

Далѣе — свѣдѣнія о личномъ состояніи:

П..... домовъ не имѣетъ; добираетъ до полуторыхъ сотъ тысячъ.

М..... имѣетъ нѣсколько домовъ и деньги.

Су..... имѣетъ уже тысячъ 60 и, кажется, тоже домъ.

Китаецъ, заподозрѣнный японцами въ шпіонствѣ.

Б..... занимается мелочами (отъ 3 до 25 р.) по назначенію на мѣста; покупаетъ участокъ не здѣсь, а около Петербурга, въ П.....ѣ.

Б..... добираетъ уже третью сотню тысячъ, хотя служитъ не долго.

Это, конечно, дѣла довольно мелкія; о крупныхъ не дознаешься такъ скоро.

Словомъ — «темна вода въ облацѣхъ».

Разспрашивалъ объ очищеніи нашими отрядами Длинной горы. По одной версіи солдаты бросили офицеровъ, не предупредивъ ихъ объ опасности, по другой — капитанъ Москвинъ, не получивъ приказанія отступить, отпустилъ солдатъ, а самъ остался на мѣстѣ; убитъ или попалъ въ плѣнъ — неизвѣстно. Эпизодъ довольно неясный.

Сегодня японцы не обстрѣливали городъ.

Вечеръ чудный, но зловѣщіе признаки неспокойной ночи — пулеметы потатакиваютъ.

Сижу на горкѣ. Мимо проѣзжаютъ солдаты на двуколкахъ, везутъ строительные матеріалы. За одной изъ подводъ идутъ два солдата и разговариваютъ. Слышны отрывистыя фразы.

— Сами ляжемъ всѣ, но и ихъ уложимъ всѣхъ!..

14/27 сентября. Утромъ 14 градусовъ тепла. Ночью гдѣ-то стрѣляли довольно много.

Первымъ долгомъ узнаю, будто прибыла изъ Чифу джонка, на ней будто прибыла г-жа Ц., привезла письма и извѣстіе, что у Куропаткина былъ 12-дневный бой и японцы разбиты.

Бѣгу, чтобы убѣдиться. Вѣрно только то, что прибыла джонка и Ц. получилъ отъ жены изъ Чифу письмо. Пишетъ, что по слухамъ Балтійскій флотъ вышелъ сюда 20-го іюля. Извѣстій о нашей сѣверной арміи не имѣется.

А на дняхъ сообщали, что по газетамъ, найденнымъ у убитыхъ японцевъ, видно, что Балтійскій флотъ вышелъ изъ Либавы 3 сентября стараго стиля.

Интересенъ приказъ генерала Стесселя № 661:

«Въ послѣднее время подвозъ китайцами продуктовъ на шаландахъ почти совершенно прекратился и по имѣющимся свѣдѣніямъ произошло это не столько отъ усиленія наблюденія со стороны японцевъ, сколько отъ того, что цѣны, по которымъ разсчитываютъ китайцевъ, слишкомъ низки и *не вознаграждаютъ за рискъ,* сопряженный съ доставкой продуктовъ, а также отъ того, что шаланды слишкомъ долго задерживаются, чѣмъ увеличивается рискъ обратнаго возвращенія. Имѣя въ виду, что въ настоящее время слѣдуетъ заботиться не объ экономіи, а о привлеченіи всѣми мѣрами китайцевъ къ подвозу продуктовъ, — покупку послѣднихъ возлагаю на капитана Павловскаго, которому по приходѣ шаландъ немедленно сгружать всѣ привезенные товары, уплачивая по цѣнѣ, заявленной китайцами, безъ всякаго замедленія. Всѣ пріобрѣтенные такимъ образомъ продукты передавать въ крѣпостное интендантство для распредѣленія между частями войскъ. Лицамъ, наблюдающимъ за побережьемъ о всякой прибывшей съ товаромъ шаландѣ, тотчасъ же сообщать капитану Павловскому. Грузы, привезенные не для продажи съ шаландъ, а адресованные торговымъ фирмамъ или частнымъ лицамъ, должны быть безпрепятственно выдаваемы адресатамъ, увѣдомляя о количествѣ и родѣ грузовъ крѣпостного интенданта. Крѣпостному интенданту выдать капитану Павловскому авансъ на покупку привозимыхъ продуктовъ».

Безспорно очень дѣльный приказъ, но появился онъ слишкомъ поздно. Объ этомъ нужно было подумать раньше.

Теперь уже не заманишь китайцевъ сюда калачикомъ; они научены горькимъ опытомъ. Очень жаль, что это такъ; китайцы могли доставить огромное количество необходимыхъ намъ продуктовъ, особенно зелени; они идутъ охотно на рискъ, лишь бы это хорошо оплачивалось.

По этому поводу говорятъ, что генералъ Стессель живетъ только настоящимъ днемъ; онъ не способенъ предугадать будущее. Поэтому у него столько оплошностей. Но думается, что тутъ сыграло видную роль и упрямство, нежеланіе слушать чьего либо указанія. Мало ли указывали ему на необходимость запасаться, особенно зеленью; и въ «Новомъ Краѣ» было нѣсколько статей на эту тему.

Неуваженіе къ чужому мнѣнію, особенно если оно дѣльное — великій недостатокъ и никогда не можетъ принести пользы.

Узналъ про ночной бой. Наши устроили вылазку на редутъ № 2; бросили туда метательную мину, которая натворила среди японцевъ что-то ужасное; потомъ кинулись впередъ и заняли редутъ. Но удержаться тамъ немыслимо; къ редуту ведутъ японскіе ходы сообщенія, по которымъ быстро подоспѣваетъ помощь. Черезъ полчаса японцы заняли редутъ снова; наши отступили съ трофеями, потерявъ только нѣсколько человѣкъ (изъ принесенныхъ въ Красный Крестъ 3 раненыхъ умеръ одинъ). Какъ только охотники отступили, наши батареи открыли убійственный огонь по редуту. Японскія потери насчитываются до 400 человѣкъ.

XIII. Еще о Киньчжоускомъ боѣ.

Наконецъ удалось мнѣ выяснить вѣрную картину Киньчжоускаго боя и состоянія позиціи; для этого пришлось побесѣдовать съ нѣсколькими участниками боя, ознакомиться съ картой — и послѣ всего это прійдти въ ужасъ. Не хотѣлось бы вѣрить, что мы такъ позорно потеряли эту позицію, побросали ее ни за что — и все это при богатырской стойкости нашихъ солдатъ!

Въ 1900 году Киньчжоуская позиція была укрѣплена для того, чтобы предупредить прорывъ боксерскихъ полчищъ на Квантунъ, когда всѣ войска съ Квантуна были отправлены въ Китай; но потомъ все было заброшено, разрушилось, поросло травою.

Прямо таки удивительно, что въ то время, когда надъ нами давно висѣла угроза войны, т. е. съ лѣта 1903 года, никто не подумалъ о заблаговременномъ укрѣпленіи Киньчжоу.

Послѣ того, какъ артурскій гарнизонъ,—3-я дивизія,—былъ отправленъ на сѣверъ, на Ялу, т. е. въ январѣ с. г., пріѣзжалъ на Киньчжоу генералъ Кондратенко (чуть ли не по собственному почину), осматривалъ прежнія наши тамъ укрѣпленія и поинтересовался, что уцѣлѣло отъ прежнихъ китайскихъ укрѣпленій.

Прекрасно устроенныя китайцами Таліенванскія батареи были разрушены... нашими подрядчиками; оттуда брали строительные матеріалы на разныя надобности.

Первоначальная смѣта инженера Шварца на возстановленіе Киньчжоускихъ укрѣпленій *) не была утверждена; областной совѣтъ предлагалъ всего четверть требуемой суммы.

Это необходимо отмѣтить, какъ образецъ нашей неумѣстной экономіи, тогда, какъ на другія статьи, напримѣръ на Дальній, расходовались милліоны.

Это было наканунѣ войны.

Грянула война и только тогда было приказано приступить къ укрѣпленію Киньчжоу.

Теперь уже нельзя было думать о спокойномъ возведеніи долговременныхъ укрѣпленій, а пришлось—хватай, имай!—броситься работать, чтобы на первый случай соорудить какое нибудь препятствіе японцамъ, высадку которыхъ ожидали съ часу на часъ. Нельзя было и думать о бетонныхъ казематахъ; дай Богъ возвести земляныя прикрытія.

Теперь работа обошлась втрое дороже, чѣмъ это стоило бы въ мирное время и страшно утомляла своей лихорадочной спѣшкою. Она обошлась бы еще дороже, если бы комендантъ Киньчжоуской позиціи, командиръ 5-го Вост.-Сибирскаго стрѣлковаго полка полковникъ Третьяковъ, не разрѣшилъ работать и своимъ стрѣлкамъ за ту же плату, какая платилась китайцамъ. Позднѣе было получено распоряженіе, чтобы солдаты работали безплатно.

Возобновляли, а гдѣ прорывали новые окопы, устраивали проволочныя загражденія, закладывали фугасы; нужно было преградить почти весь перешеекъ. Батареи и редуты устраивались преимущественно за естественными брустверами и траверсами въ нѣсколько саженъ толщиною — очень прочными **).

Сперва дѣлалось только крайне необходимое, а лишь потомъ все, что нужно и возможно. Тамъ были устроены блиндажи для орудійной прислуги, блиндированные склады для аммуниціи и припасовъ и такой же перевязочный пунктъ ***); въ траншеяхъ были прикрытія отъ шрапнели, бойницы и т. п.

Словомъ — позиція была далеко не такъ плохо укрѣплена, какъ про нее говорили послѣ Киньчжоускаго боя, когда нужно было найти оправданіе позорному отступленію.

Позиція *не была взята съ фронта* и поэтому не были использованы всѣ ея преимущества — ни проволочныя загражденія, ни цѣлыя линіи фугасовъ ****); японцамъ не пришлось брать штурмомъ ни одного окопа, ни одного редута; а что стоитъ такой штурмъ, этому мы имѣемъ поучительныя цифры за августовскіе штурмы, гдѣ японскія потери были въ *пятнадцать* разъ больше нашихъ.

---

*) Что-то около 19 тысячъ рублей, по стоимости рабочихъ рукъ и пр. въ мирное время.

**) Жаль, что въ Артурѣ не было возможности пользоваться такими же естественными брустверами для батарей; здѣсь характеръ мѣстности другой.

***) Если эти укрѣпленія гдѣ и пострадали серьезнѣе, то только отъ фланговаго огня. отъ крупныхъ орудій японскихъ канонерокъ.

****) Появившіяся въ газетахъ свѣдѣнія о томъ, будто фугасы не взрывались потому, что среди китайцевъ работали и японцы, перерѣзавшіе провода — не что иное, какъ фантазія. Японцы совсѣмъ не пошли по фугасамъ.

По всему фронту позиціи японцамъ нигдѣ не удалось приблизиться къ окопамъ ближе 700 шаговъ (мѣстами даже 1200 шаговъ); какъ только залегшія японскія цѣпи пытались подняться и двинуться впередъ, ихъ буквально скашивалъ мѣткій огонь стрѣлковъ и уцѣлѣвшіе должны были снова залечь.

Поэтому японцы употребили всѣ усилія, чтобы обойти, подъ прикрытіемъ огня съ канонерокъ, нашъ лѣвый флангъ. Даже переднія наши заставы оказали имъ такое стойкое и дружное сопротивленіе, что не разъ пришлось имъ отступать. Когда наша артиллерія замолчала за недостаткомъ снарядовъ и японцы попытались пододвинуть свою артиллерію, то и это не увѣнчалось успѣхомъ; одна батарея только что выѣхала и стала на мѣсто,

Персоналъ полевого телеграфа, раскомандированный въ дружины и въ санитары.

какъ огнемъ стрѣлковъ была сразу уничтожена вся прислуга и пушки остались стоять безпомощными, — какъ въ англо-бурскую войну у Моддерривера *).

Попытки японцевъ обойти лѣвый флангъ бродомъ были также безуспѣшны — мѣткій огонь стрѣлковъ не давалъ продвигаться впередъ, разстрѣливалъ колонны японцевъ и тѣ отступали и двигались снова впередъ лишь тогда, когда получали значительныя подкрѣпленія.

Нашихъ стрѣлковъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ били артиллеріей съ фронта, съ канонерокъ съ фланга и ружейнымъ огнемъ придвинувшихся японскихъ цѣпей и наступающихъ колоннъ; они таяли, но держались богатырски, не думали отступать и удержались бы. Дай бы имъ подкрѣпленіе—

*) Эти-то пушки и были упомянуты въ телеграммѣ ген. Надѣина.

одинъ, два баталіона—и японцамъ не взять въ этотъ день Киньчжоу, а за ночь могли подвезти для артиллеріи снаряды *). Японцамъ пришлось бы пойти на штурмъ фронта при помощи траншей, саповъ, дѣло могло затянуться надолго, стоило бы японцамъ несомнѣнно много большихъ потерь и армія Ноги была бы принуждена высаживаться также въ Бицзыво, а армія генерала Оку была бы надолго задержана и сильно ослаблена Киньчжоуской позиціей. Вся картина войны могла получить другой оборотъ. Подвести крупныя осадныя орудія сухимъ путемъ черезъ Бицзыво было дѣломъ, требующимъ много времени и огромнаго труда.

Этимъ временемъ могли мы спокойно очистить и разрушить Дальній и Таліенванъ, вывести оттуда всѣ припасы и все цѣнное, а главное — куда лучше укрѣпить Артуръ!

Кромѣ того, что генералъ Фокъ не былъ самъ на позиціи, не слушалъ просьбъ полковника Третьякова о присылкѣ подкрѣпленія и не далъ послать ихъ Надѣину (вернулъ посланный послѣднимъ баталіонъ), онъ приказалъ, *помимо* полковника Третьякова, отступить. Третьяковъ было кинулся остановить отступленіе, но это оказалось невозможнымъ. Присланныя Фокомъ двѣ роты, съ категорическимъ приказомъ употреблять ихъ только для прикрытія отступленія, не могли прикрыть и отступленія. За время боя, за цѣлый день съ разсвѣта до вечера, наши потери были не больше 450 человѣкъ, а одно отступленіе, совершившееся не болѣе часа, стоило намъ 650 человѣкъ **).

И это доказываетъ, что позиція не была плоха ***); на ней можно было держаться—было бы только разумное руководительство боемъ, необходимая поддержка резервами. Наши войска не знали пресловутаго принципа отступленія—«въ видахъ сбереженія войскъ» ****)... Ихъ усиленно пріучали къ этому отступленію—и вотъ вамъ—Куинсанъ, Зеленыя и Волчьи горы, Дагушань и Сяогушань, Длинная гора... Стойкость, какъ не какъ, надломлена — пожинаемъ плоды.

Описанія Киньчжоускаго боя, появившіяся въ печати, односторонни и неполны. Въ нихъ сообщалось, что и защитники центра позиціи отступили и ихъ прикрывали въ это время другія части.

На самомъ же дѣлѣ въ центрѣ позиціи отступленія не было и защитники его, за исключеніемъ небольшой части, отправленной въ тылъ нѣ-

*) Въ сочиненіи графа Ревентлова «Der russisch-japanische Krieg» находимъ, что яп. ген. Оку хотѣлъ было уже закончить атаку, въ виду ея безуспѣшности и огромныхъ потерь, когда замѣтилъ отступленіе русскихъ съ лѣваго фланга. Этотъ фактъ отмѣченъ и другими иностранными изданіями.

**) По словамъ другихъ—800 человѣкъ; мнѣ думается, что въ послѣднее число входятъ и жертвы паническаго, безпорядочнаго отступленія по сію сторону Киньчжоу, т. е. не по винѣ японцевъ.

***) Мнѣ довелось слышать мнѣніе, что слѣдовало укрѣпить и гору Сампсонъ и это принесло бы намъ много пользы, какъ прекрасный наблюдательный пунктъ.

****) Стоившаго Россіи сотенъ тысячъ жизней, уйму средствъ и — престижъ на Дальнемъ Востокѣ и въ глазахъ Европы.

сколько ранѣе, погибли съ поразительнымъ геройствомъ, самоотверженіемъ и стойкостью.

Окруженные, безъ преувеличенія, въ пятьдесятъ разъ сильнѣйшимъ противникомъ и поражаемые со всѣхъ сторонъ, они на предложеніе сдаться, выраженное наклоненіемъ внизъ флаговъ и наглядным показываніемъ положить оружіе, всякій разъ отвѣчали болѣе ожесточенной стрѣльбой, а когда сошлись вплотную — то штыкомъ и шашкой. Дѣло дошло до прикладовъ, кулаковъ и зубовъ. Отбивались и отстрѣливались тяжело-раненые. Погибли, конечно, всѣ. Изъ всего участка (3, 4, 8-й ротъ, полуроты 9-й роты и 2-й пѣшей охотн. команды 5-го полка) благодаря особой случайности уцѣлѣло и находятся въ плѣну два тяжело-раненыхъ офицера: подполковникъ Бѣлозоръ и штабсъ-капитанъ Шастинъ.

Остальные, нѣсколько сотъ человѣкъ, легли, свято выполнивъ свою присягу.

Вотъ, какъ дрался 5-й полкъ, не помышляя объ отступленіи и о сохраненіи своей жизни!

Чтобы дать болѣе полную картину проявленнаго здѣсь войсками геройства, долженъ сказать, что отрядъ, защищавшій Киньчжоускія позиціи (5-й полкъ, 2 роты 13-го полка и охотничья команда 16-го полка) былъ растянутъ жидкой линіей на протяженіи 6 — 7 верстъ, безъ всякихъ резервовъ. Въ тылу отряда дѣйствовала импровизированная артиллерія, прекратившая свою дѣятельность вскорѣ послѣ того, какъ японцы двинули свои колонны на приступъ (приблизительно въ половинѣ одиннадцатаго утра).

Артиллерія прекратила свою дѣятельность потому, что не было больше снарядовъ и никто не думалъ ихъ подвозить. Для примѣра приведу нѣкоторыя цифры.

На одной изъ батарей, имѣвшей 4 орудія, боевой комплектъ состоялъ всего изъ 560 снарядовъ, т. е. по 70 снарядовъ на орудіе. Снаряды подраздѣлялись на слѣдующіе: 216 гранатъ, 303 шрапнели и 42 картечи. Ихъ было разстрѣляно 216 гранатъ, 287 шрапнелей; 15 шрапнелей дали осѣчку; картечь пришлось взорвать, такъ какъ ею не пришлось стрѣлять и унести ее не было возможности.

Противъ гарнизона Киньчжоускихъ позицій дѣйствовало: 3 дивизіи пѣхоты, 216 орудій съ фронта и 4 канонерки и 6 миноносцевъ съ фланга и тыла. (Цифры эти взяты изъ сообщеній иностранныхъ корреспондентовъ).

Чтобы ярче обрисовать неравенство силъ и стойкость нашихъ войскъ необходимо пояснить, что въ началѣ боя противопоставлена была десяти нашимъ стрѣлкамъ одна скорострѣльная пушка, въ полдень осталось на каждую непріятельскую пушку лишь по 5, а къ концу боя всего по 3 стрѣлка.

При такихъ условіяхъ полкъ держался 16 часовъ, а центральный участокъ, не получившій приказанія объ отступленіи, и не думалъ отступать, а предпочелъ остаться на мѣстѣ, хотя и видѣлъ въ этомъ неизбѣжную смерть.

Едва-ли найдется въ исторіи другой примѣръ такой стойкости горсти войскъ противъ цѣлой, столь сильно вооруженной арміи.

Поистинѣ, ѳермопильская стойкость!

И артиллерія исполнила въ этомъ бою добросовѣстно свой долгъ. Для подтвержденія этого привожу выдержки изъ скромнаго, правдиваго рапорта одного изъ фейерверкеровъ, командовавшихъ отдѣльной батареей.

«Чуть разсвѣло, какъ непріятель открылъ огонь по всей нашей позиціи; наши батареи открыли огонь по непріятелю изъ всѣхъ орудій. Когда непріятель сосредоточилъ весь свой огонь на нашей батареѣ, младшій фейерверкеръ Василій Сулинъ приказалъ прекратить огонь на 5 минутъ. Непріятель потерялъ цѣль и перенесъ весь огонь на сосѣднія батареи. Тогда мы снова открыли огонь изъ нашихъ орудій по непріятельской батареѣ около бухты Хунуэза (изъ 8 орудій) и нѣсколькими удачными залпами заставили замолчать ее. Въ это время непріятель сталъ стрѣлять съ канонерокъ изъ Киньчжоуской бухты. Одинъ снарядъ попалъ въ пустой снарядный передокъ, разбилъ его и ранилъ канониpовъ Тита Дрогана въ лѣвый бокъ и Константина Немочкина въ правую ногу ниже колѣна. Оба остались въ строю, но такъ какъ раны стали ихъ ослаблять, то они перешли къ установкѣ дистанціонныхъ трубокъ. Въ 8 час. утра былъ раненъ въ лѣвую руку шрапнельной пулей на вылетъ бомбардиръ-наводчикъ Эдуардъ Трей; послѣ перевязки сталъ обратно на свое мѣсто и остался до конца боя.

Когда показались непріятельскія колонны, батарея открыла шрапнельный огонь по нимъ; колонны не выдержали и отступили къ желѣзнодорожной станціи. Въ это время снарядомъ ранило бомбардира-наводчика Христіана Павуля въ кисть лѣвой руки; сдѣлали перевязку чѣмъ могли и онъ остался въ строю. Снаряды были уже на исходѣ. Въ это время снова появились непріятельскія колонны. Мы открыли по нимъ огонь шрапнелью, а въ то же время стрѣляли гранатой по непріятельской батареѣ. Тутъ непріятельскій снарядъ попалъ во второе орудіе, подбилъ его и убилъ наповалъ канонира Федора Селезнева, вторично ранилъ бомбардира Эдуарда Трей въ правую ногу ниже колѣна съ переломомъ кости. Только что его убрали въ блиндажъ и разстрѣляли послѣднія 6 шрапнелей и 3 гранаты, какъ снова попалъ къ намъ снарядъ, убилъ наповалъ раненаго канонира Константина Немочкина, вторично ранилъ канонира Тита Дрогана въ правый бокъ смертельно и контузилъ въ правое ухо фейерверкера Василія Сулина. Остались здоровыми бомбардиръ-лаборантъ Тимофей Новокшановъ и бомбардиръ Николай Павлушинъ. Въ это время было прислано приказаніе отступить, убравъ раненыхъ и попортивъ орудія. Пришелъ командиръ артиллеріи штабсъ-капитанъ Высокихъ 1-й и распорядился, какъ все это сдѣлать. Разобрали замки; я приготовилъ динамитъ для взрыва орудій, отправилъ раненыхъ на попавшейся намъ походной кухнѣ, вернулся самъ на батарею, заложилъ динамитъ въ орудія, зажегъ шнуры, взорвалъ и благополучно дошелъ до станціи Тафашинъ».

Все это такъ просто, безъ прикрасъ; люди сдѣлали, что могли, и получивъ приказаніе отступить, ушли.

Нѣкоторые артиллеристы не дождались приказанія отступить, но, когда вышли снаряды, взяли свои винтовки и пошли въ окопы помогать стрѣлкамъ *).

Эхъ-ма! вырывается съ болью въ сердцѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что будь на Киньчжоу, вмѣсто Фока и Надѣина, генералы Кондратенко и Горбатовскій, или даже только одинъ изъ нихъ—и сопротивленіе Киньчжоуской позиціи удивила-бы міръ, эта позиція стоила-бы японцамъ вдесятеро больше жертвъ, по крайней мѣрѣ, и у нихъ не развилась-бы та увѣренность,—та стихійная храбрость, которую они начали выказывать — ихъ сломила-бы доказанная русская стойкость **).

*) Досаднѣе всего то, что все беззавѣтное геройство нашихъ солдатъ и офицеровъ пропало даромъ изъ-за генераловъ негероевъ. А нынѣ, на родинѣ осуждаютъ всю армію по общимъ результатамъ кампаніи. Развѣнчивая дутыхъ, самозванныхъ героевъ, чуть не плюютъ на дѣйствительныхъ; въ лучшемъ случаѣ не обращаютъ на нихъ никакого вниманія...

Искренно обрадовались мы за артурскій гарнизонъ, когда узнали, что прибывшій изъ плѣна комендантъ крѣпости генералъ Смирновъ первымъ долгомъ началъ ходатайствовать о достойномъ награжденіи всего гарнизона, помимо полученныхъ отдѣльныхъ наградъ, какъ о дани справедливости.

Думается, что та же справедливость требуетъ и награжденія всѣхъ участниковъ Маньчжурскихъ армій, хотя-бы особо установляемыми медалями. Для многихъ навѣки искалѣченныхъ будетъ это единственной наградою, такъ какъ начальство удивительно скупилось жалованіемъ знаковъ отличія, заслуженныхъ по статуту.

**) Интересны слѣдующіе отзывы о Киньчжоускихъ укрѣпленіяхъ:

Покойный адмиралъ Макаровъ осматривалъ подробно Киньчжоускія позиціи и остался ими очень доволенъ.

— Вы окопались тутъ какъ у Плевны! — Это настоящая Плевна! — сказалъ онъ.

Замѣчательно то, что и японцы, завладѣвъ Киньчжоускими укрѣпленіями, назвали ихъ тоже Плевной, но добавляли, что у русскихъ не доставало только Османа-паши...

Комендантъ крѣпости, генералъ Смирновъ, сказалъ, когда онъ подробно ознакомился съ Киньчжоускими позиціями:

— Это настоящія Ѳермопилы!..

Онъ не ошибся.

Защитники позицій оказались достойными имени увѣковѣченнаго Леонида.

Но если назвать Киньчжоускія позиціи Ѳермопилами, то генералу Фоку безспорно принадлежитъ тоже безсмертная слава, но развѣ только... слава Эфіальта.

Намѣстникъ, адмиралъ Алексѣевъ, осмотрѣвъ всю позицію, телефонную станцію и блиндированные колодцы (ихъ было вырыто цѣлыхъ пять — все было разсчитано на упорную оборону) остался всѣмъ очень доволенъ.

— Вы доказали, — обратился онъ къ полковнику Третьякову и инженеру Шварцу, — что въ трудныя минуты можно сдѣлать даже невозможное!

Когда окопы и редуты были закончены, то генералъ Фокъ осмотрѣлъ ихъ и сказалъ вышепомянутымъ строителямъ позицій:

— Вотъ, это такъ! — Теперь я берусь защищать эти позиціи даже безъ артиллеріи!

Но — какъ онъ защищалъ ихъ на дѣлѣ, это мы уже знаемъ.

Хотя-бы далъ другимъ возможность защищать!

Глупо, конечно, жалѣть о томъ, что непоправимо, но жалко, досадно, обидно! — И вмѣсто заслуженнаго порицанія, даже суда надъ нимъ, генералъ Фокъ называется героемъ и творитъ здѣсь, Богъ знаетъ, что — тормазитъ все что можетъ, вноситъ сумбуръ, разладъ и озлобленіе. И онъ же называетъ другихъ измѣнниками!

Сейчасъ пришедшій съ позицій раненый стрѣлокъ говорилъ намъ, что по ночамъ японскіе пулеметы татакаютъ большей частью зря — попусту. Японцы копаютъ себѣ окопы — паралели, а такъ какъ они всегда должны опасаться внезапной нашей вылазки (въ ночь на понедѣльникъ наши охотники опять засыпали одинъ японскій окопъ), то они нѣтъ-нѣтъ, да и потатакиваютъ пулеметомъ въ сторону нашихъ — мы-де видимъ.

При разсужденіяхъ о Киньчжоу вспомнились два мирно-военныхъ или военно-мирныхъ приключенія съ нашими солдатами.

Еще въ то время, какъ японцы осторожно подвигались къ Киньчжоу и съ нашей стороны велись развѣдки одиночными конными охотниками и небольшими отрядами, одинъ изъ нашихъ конныхъ охотниковъ взбирается на небольшую горку и — встрѣчается тамъ лицомъ къ лицу съ японскимъ офицеромъ... Не опомнившись отъ неожиданности онъ инстинктивно козыряетъ офицеру. Тотъ отвѣчаетъ на привѣтъ тѣмъ-же и, спохватившись, задаетъ съ улыбкой, какъ-бы грозно, вопросъ:

— Ты что здѣсь ищешь?

— А такъ что, вашбродіе, ничего; развѣдки произвожу!..

— Ну, нечего разговаривать — слѣзай съ коня! Нашихъ здѣсь много...

— Нѣтъ ужъ, дудки, вашбродіе! И нашихъ здѣсь видимо-невидимо!..

Въ это время на самомъ дѣлѣ къ японскому офицеру скачутъ нѣсколько его кавалеристовъ. Нашъ стрѣлокъ поворотилъ коня и улепетываетъ во весь духъ, схвативъ съ плеча винтовку и отстрѣливаясь на ходу.

Такъ и ушелъ себѣ благополучно. Но послѣ онъ страшно досадовалъ на себя, что не схватилъ японскаго офицера. Все это случилось такъ неожиданно и скоро, что онъ не успѣлъ и опомниться. Онъ говоритъ, будто офицеръ былъ въ русской формѣ *).

И японскій офицеръ опростоволосился.

И тотъ, и другой не вошли еще въ свою роль, роль воюющихъ.

Другой случай на передовыхъ позиціяхъ за Волчьими горами.

Къ часовому подъѣзжаетъ въ сумеркахъ офицеръ и спрашиваетъ, гдѣ находится такой-то полкъ. Тотъ отвѣчаетъ. Офицеръ спрашиваетъ еще и еще. Солдатъ отвѣчаетъ, но спохватился, что офицеръ-то офицеръ, и форма-то русская, настоящая, «а рожа, будто японская», — какъ онъ говоритъ.

— Что вы тутъ разспрашиваете, — окрысился вдругъ нашъ солдатъ, — вотъ, позову разводящаго!.. Нашихъ полковъ тутъ тьма-тьмущая!..

*) Ему не повѣрили; но послѣ разсказывали и про другіе такіе же случаи; даже японскіе солдаты иногда надѣвали шинели съ нашихъ убитыхъ, чтобы этимъ обмануть наши передовыя цѣпи.

— Не ври, не ври!—говоритъ ему со смѣхомъ офицеръ,—мы знаемъ хорошо сколько васъ!

Поворотилъ коня и былъ таковъ. Тутъ только спохватился нашъ солдатъ, что попалъ въ просакъ.

Но больше уже не слыхать, чтобы кто нибудь изъ нашихъ солдатъ опростоволосился.

Китайцы сообщаютъ все о мелкихъ стычкахъ нашей сѣверной арміи, результаты которыхъ всегда благопріятны для насъ; у японцевъ постоянно большой уронъ. Но Куропаткинъ, будто, все еще не имѣлъ серьезнаго боя, все вызываетъ японцевъ въ наступленіе.

Бомбардировка гавани. Снаряды рвутся въ расположеніи землечерпательнаго каравана, правѣе эллинга Невскаго завода. «Ретвизанъ» вблизи Мертваго угла.

Китайцы же сообщаютъ, что японцы готовятся къ общему штурму Артура. Наши солдаты только этого и ждутъ, надѣятся встрѣтить ихъ достойно.

Былъ въ Красномъ Крестѣ. Тамъ надняхъ поступили съ позицій лейтенантъ Хоменко и еще два моряка съ обожженными вѣками и другими пораненіями. Говорятъ шли, увидали неразорвавшійся японскій снарядъ, кто-то изъ нихъ толкнулъ ногой и вотъ, поизуродовали себя, къ счастію легко. Знакомый артиллеристъ говоритъ, что онъ этому не вѣритъ,—что тутъ что-то не то; по его мнѣнію эти господа или разряжали японскій снарядъ или производили какой нибудь опытъ; маленькая неосторожность, въ которой не охота сознаться. Хоменко считаютъ очень дѣльнымъ офицеромъ; ему поручено поставить морскія орудія на кряжѣ надъ китайскимъ городомъ. Это вторая оборонительная линія сзади Орлиныхъ батарей (см. пл. на стр. 355).

— Вотъ, позавидуешь,—говорилъ артиллеристъ,—какъ они дружны: рѣшили сказать такъ, и тутъ уже отъ нихъ не услышите другого. А у насъ, сухопутинцевъ, совсѣмъ другое—все я, да я герой, а другой ничего!..

Бѣднаго С., тяжело раненаго въ голову (онъ только недавно началъ гулять), прозвали «муміей» за то, что голова его вся забинтована; кромѣ того онъ долженъ носить темные очки-консервы.

Незлобно потѣшаются другъ надъ другомъ.

Тамъ же встрѣтилъ выздоровѣвшаго К., который говоритъ, что послѣ сытнаго питанія въ Красномъ Крестѣ ему сейчасъ «на волѣ» голодно... И деньги есть, а купить нечего; нельзя досыта поѣсть; а ему-бы хотѣлось скорѣе оправиться и пойти вновь на позиціи. Онъ ютится пока у подпоручика 25-го полка В. Н. Никольскаго; у того тоже ничего нѣтъ; тотъ пробивается также.

Кстати пару словъ о Никольскомъ. Это малозамѣтный, но цѣнный труженикъ; завѣдываетъ мастерскими плав. средствъ на Тигровомъ хвостѣ, подъ Маячной горой и тамъ оказываетъ великую услугу оборонѣ: исправляетъ подбитыя пушки, пулеметы, изготовляетъ картечь для противоштурмовыхъ орудій, изобрѣтаетъ то одно, то другое крайне необходимое—капсюли, ударныя трубки и т. п.; предался этому дѣлу съ любовью. Онъ инженеръ-механикъ, поступившій на военную службу болѣе изъ любознательности; много путешествовавшій, много наблюдавшій. И весь свой богатый опытъ онъ примѣняетъ теперь на дѣлѣ. Для того, чтобы дать ему отличиться, генералъ Кондратенко назначилъ его на короткое время на Кумирнинскій редутъ; нисколько не сомнѣваясь въ его храбрости, можно все же сказать, что здѣсь онъ приноситъ много больше пользы, чѣмъ будучи тамъ, на позиціяхъ *). Мнѣ удалось разъ заглянуть въ эти мастерскія, видѣть исправленныя пушки, которыя считались уже никуда негодными, прослѣдить всѣ разнообразныя работы, которыя кипятъ въ умѣлыхъ рукахъ.

Уже солнце садилось за горизонтъ, когда японцы начали обстрѣливать батарею на Перепелкѣ. Все перелеты, да недолеты. Какая красивая картина (хотя и опасно любоваться—любую минуту можетъ прилетѣть осколокъ), когда на тѣневой сторонѣ горы рвутся японскіе снаряды: одновременно съ густымъ клубомъ дыма и пыли сверкнетъ снопъ темно-краснаго огня, а отъ мѣста взрыва нерѣдко подымается красивое кольцо дыму и долго плыветъ по вечернему небу. Такія-же кольца мы часто видимъ при выстрѣлахъ изъ мортиръ на Золотой горѣ; они напоминаютъ кольца, какія иногда пускаетъ искусный курильщикъ... Вотъ, чѣмъ мы любуемся—вотъ, что насъ потѣшаетъ!

---

*) Отмѣчаю этотъ фактъ, какъ иллюстрацію нашихъ порядковъ: человѣка, оказавшаго дѣйствительныя услуги защитѣ крѣпости, приходилось послать на позиціи для того, чтобы представить его къ небольшой наградѣ. Между тѣмъ самъ ген. Стессель награждалъ своихъ штабныхъ и прочихъ присныхъ, не требуя отъ нихъ дѣйствительныхъ заслугъ.

Не могу не отмѣтить, что Т. М. Д-ва, жена запаснаго унтеръ-офицера изъ коммерсантовъ, взятыхъ здѣсь же на службу—вѣчно боявшаяся бомбардировокъ и убѣгавшая всегда при первомъ выстрѣлѣ въ ближайшій казематъ, вѣчно охавшая и вздыхавшая,—собралась сегодня и навѣстила мужа на позиціяхъ, посидѣла съ нимъ въ окопахъ, посмотрѣла черезъ бойницы на расположеніе японцевъ, но жалѣетъ, что никого изъ нихъ не видала. Набрала тамъ массу шрапнельныхъ пуль—на память. Угощала и товарищей мужа виномъ и пирожками; всѣ, говоритъ, такъ рады что она пришла. И она рада что не побоялась навѣстить мужа и что теперь знаетъ, гдѣ онъ тамъ сидитъ.

Постовой городовой во время бомбардировки.

— Снаряды такъ и падаютъ, такъ и падаютъ,—говоритъ, она задыхаясь отъ восторга или страха,—но въ окопѣ не страшно; не то что на чистомъ полѣ. Шла обратно—совсѣмъ близко—«бацъ»—и ничего; только осколки пропѣли...

При ней вызывали охотниковъ на какую-то вылазку; и ея мужъ хотѣлъ-было идти, но она уговорила:

— Что-ты, что-ты! я-то какъ тогда останусь?.. Будь ты одинъ—другое дѣло!

Мужъ старался увѣрить ее, что все равно, что и такъ можно погибнуть, и что вылазки не такъ страшны,—но согласился сегодня не пойти. И не было нужды, такъ какъ охотниковъ всегда больше, чѣмъ надо.

— Господи, Господи!—удивляется она,—и всѣ готовы сейчасъ, вотъ, идти почти на вѣрную смерть!..

Забылъ еще отмѣтить—будто одинъ изъ нашихъ артиллерійскихъ подпоручиковъ, забубенная головушка, разрядилъ небольшой снарядъ, вложилъ въ него письмо къ японцамъ и послалъ... Пишетъ имъ, что напрасно они стараются попасть въ Артуръ этимъ путемъ,—чтобы они имѣли побольше терпѣнія—вскорѣ будутъ, молъ, доставлять ихъ прямо изъ Нагасаки въ Артуръ по удешевленному тарифу...

Все еще бравируемъ.

Говорятъ, что если узнаетъ про то начальство, то достанется ему на орѣшки.

Сообщаютъ, что прибыли двѣ джонки изъ Чифу; одна съ сапогами, а другая со съѣстными припасами.

XIV. Исторія съ корреспондентами.

15|28 сентября. 3 часа утра. Чудная лунная ночь. Тишина совершенная. Только изрѣдка кое-гдѣ тявкнетъ дворняжка. Городъ, крѣпость, окружающія горы—все спитъ. Ни одного признака войны.

Мельница Тифонтая, взятая въ казну, работаетъ тихо; лишь дымъ изъ трубы паровика стелется сегодня густымъ облакомъ, стоитъ, какъ большое. тѣнистое дерево, какъ столѣтній вѣтвистый дубъ, на одномъ мѣстѣ въ неподвижной сегодня атмосферѣ, чтобы медленно, медленно расплыться и висѣть какъ-бы зловѣщей тучей въ будто рѣдкомъ, прозрачномъ, какъ хрусталь, воздухѣ.

Вечеромъ почти не было слышно выстрѣловъ изъ пушекъ на линіи сухопутной обороны—видишь огонь и клубъ дыма, а звукъ какъ будто изъ ружья. Это объясняется своеобразнымъ состояніемъ атмосферы.

За этой тишиной таится страшный призракъ: вызванные вчера охотники гдѣ-то крадутся съ миной, съ бомбочками, чтобы вдругъ забросать непріятельскій окопъ. Любую минуту могутъ замелькать зловѣщіе огоньки съ мягкими звуками взрывовъ—превращающихъ, быть можетъ, сотни людей въ ничто... Сотни людей, того не подозрѣвающихъ, могутъ быть въ мигъ изорваны на клочки или тяжело изувѣчены, будутъ умирать въ эту чудную, серебристо-ясную лунную ночь—вдали отъ своихъ, отъ родины – во славу своей родины, интересы коей требуютъ этихъ жестокостей, этихъ ужасовъ, этихъ жертвъ... Война превратила людей въ кровожадныхъ звѣрей, не знающихъ жалости...

Мы не могли обойтись безъ этой войны, мы не могли избѣгнуть ея, потому что, какъ японцевъ, такъ и насъ толкнулъ въ нее — культурный западъ. Ему хотѣлось, ему нужно, чтобы было побольше этихъ ужасовъ, побольше текло крови, побольше погибало жизней. Его интересы—эгоистичные, торгашескіе интересы, боязнь за свою шкуру заставили его желать, чтобы русскій и японскій народы ослабляли другъ друга, разоряли свою казну,

задолжались, чтобы они нескоро могли оправиться и не могли помѣшать «культурному западу» обогащать себя за счетъ довольно безпомощнаго, дѣтски добродушнаго дальняго востока...

Нѣтъ на свѣтѣ хищнѣе, алчнѣе, ненасытнѣе звѣрей, чѣмъ—люди.

Въ 9 час. 17 мин. просвистѣлъ первый непріятельскій снарядъ въ западную часть гавани, но взрыва не было—должно быть упалъ въ воду Стрѣляютъ усердно.

Яма, образовавшаяся на мѣстѣ взрыва 12-дюймоваго снаряда, на набережной вблизи Полевого телеграфа (27 января 1904 г.).

Встрѣтилъ знакомаго моряка, отъ котораго узналъ, что по приказанію командира порта, контръ-адмирала Григоровича, назначено слѣдствіе по дѣлу объ исчезнувшихъ проводахъ. Говоритъ, что можно ожидать раскрытія массы злоупотребленій. Онъ же говоритъ, что въ прошломъ году началось было слѣдствіе о безцеремонномъ хозяйничаньи съ казеннымъ углемъ, но намѣстникъ приказалъ прекратить дѣло, чтобы не выносить на свѣтъ Божій второй севастопольскій скандалъ. Сейчасъ, по его мнѣнію, разгорится скандалъ еще крупнѣе, коль скоро начнутъ обличать другъ друга.

Онъ же сообщаетъ сенсаціонную новость—сегодня утромъ прибыли на рейдъ въ вельботѣ подъ французскимъ флагомъ два иностранныхъ корреспондента. Ихъ привезли въ гавань и на «Пересвѣтъ», накормили и на-

поили. Было приказано доставить ихъ подъ конвоемъ въ штабъ крѣпости; но тутъ явился адъютантъ изъ штаба раіона и увелъ ихъ къ генералу Стесселю *). Они привезли не совсѣмъ радостную вѣсть—будто на сѣверѣ былъ кровопролитный бой съ огромными потерями съ обѣихъ сторонъ (у японцевъ, будто, почти вдвое бо̀льшія потери, чѣмъ у насъ) и Куропаткинъ отступилъ къ Мукдену. Ляоянъ въ рукахъ японцевъ. Будто ловко отступилъ. (?)

Больше онъ ничего не зналъ и очень торопился. Но и это извѣстіе сильно подѣйствовало на меня; слишкомъ оно неблагопріятно для насъ, артурцевъ, какъ не утѣшай себя тѣмъ, что Куропаткинъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Если ужъ онъ ушелъ на сѣверъ, то, слѣдовательно, и не думаетъ выручать Портъ-Артуръ,—идти на югъ. Одна надежда на флотъ.

Въ моемъ кабинетѣ собралась цѣлая компанія знакомыхъ—люди разныхъ вѣдомствъ и разнаго рода оружія. Разговоры, конечно, о послѣднихъ новостяхъ. Каждый высказываетъ свое мнѣніе.

И. В. Я. увѣрялъ, что отступленіе Куропаткина къ сѣверу есть несомнѣнный для него плюсъ,—чѣмъ вышибать японцевъ изъ ихъ укрѣпленныхъ позицій, лучше вызывать ихъ на открытый бой.

— Уступая японцамъ свои укрѣпленныя позиціи?--вопрошаетъ кто-то съ отчаяніемъ въ голосѣ.

— Вопросъ еще въ томъ,—говоритъ другой,—пойдутъ-ли японцы на открытый бой, въ виду наступленія зимы? А если они укрѣпятся въ Ляоянѣ и зазимуютъ тамъ? Изволь-ка тогда вышибать ихъ оттуда!..

И какъ не верти этотъ вопросъ, а утѣшительнаго не найдешь ничего.

Корреспонденты говорятъ, что весь міръ удивляется храбрецамъ—защитникамъ Артура.

А надолго-ли хватитъ этихъ храбрецовъ и провіанта для нихъ, если помощи ниоткуда не будетъ?

Балтійскій флотъ будто вышелъ сюда только въ 20-хъ числахъ августа.

Но—вотъ вопросъ—что это за корреспонденты и, какъ они прибыли въ Артуръ?

На это никто не можетъ дать опредѣленнаго отвѣта. Кто ихъ знаетъ!

Прибыли на вельботѣ съ парусомъ — изъ Чифу! Не спустили ли ихъ японцы съ крейсера или миноносца, чтобы эти господа развѣдали, чѣмъ мы тутъ дышимъ, что дѣлаемъ, какъ живемъ?—Все время было на морѣ порядочное волненіе,—а они вдругъ явились на вельботѣ! Подозрительно что-то. Не шпіоны ли на самомъ дѣлѣ?

Б--въ пріѣхалъ изъ Голубиной бухты — ѣздилъ къ пришедшей туда джонкѣ—и сообщаетъ, что къ сѣверу отъ бухты ясно слышна морская пальба.

Никто не можетъ объяснить, что это такое.

*) По другому сообщенію ихъ уже конвоировали въ штабъ коменданта, когда явился адъютантъ и увелъ къ Стесселю.

Вечеромъ былъ въ Красномъ Крестѣ и узналъ, что прибывшіе на вельботѣ корреспонденты гуляли по городу; побыли и въ Маріинской общинѣ. Ихъ провожалъ кто-то изъ адъютантовъ штаба—не то шт.-кап. Колесниковъ, не то подпоручикъ Малченко, знающій иностранные языки и, какъ говорятъ, оказывающій генералу Стесселю большія услуги сообщеніемъ въ иностранныя газеты благопріятныхъ ему свѣдѣній, дѣлающихъ ему рекламу.

Что-то просто невѣроятное!—Или же, быть можетъ, эти корреспонденты снабжены особыми довѣрительными письмами со стороны русскихъ властей?

Уважаемый всѣми мсье Тарданъ увѣряетъ, что одинъ изъ этихъ корреспондентовъ несомнѣнно французъ. Но, вѣдь, этого еще слишкомъ мало для того, чтобы имъ довѣрять.

—

Японцы стрѣляли сегодня по гавани съ утра до 4 часовъ дня.

Въ 9 часовъ вечера они пустили еще два снаряда въ портъ.

Сигнальная пушка на берегу моря, бывшая морская, подбитая снарядомъ; обрѣзана и оборудована въ мастерскихъ плавучихъ средствъ подпоручикомъ Никольскимъ.

16/29 сентября. Пасмурно. 17 градусовъ тепла — давно небывалая температура.

Ночь прошла спокойно.

Первое, что узнаю сегодня, это то, что вчера вечеромъ, въ 10 часовъ, у генерала Стесселя чествовали иностранныхъ корреспондентовъ богатымъ ужиномъ — конечно для того, чтобы тѣ возвѣстили міру пріятныя рекламнымъ героямъ извѣстія.

Корреспонденты,—имена которыхъ все еще не удалось узнать,—будто шествовали къ генералу Стесселю въ сопровожденіи новаго флигель-адъютанта полковника Семенова и поручика Малченко. Но гдѣ они побывали, этого не знаемъ.

Потомъ, будто, пріѣхалъ къ Стесселю генералъ Смирновъ. Его любезно просили принять участіе въ трапезѣ, а онъ сухо, формально, заявилъ генералу Стесселю, что этихъ господъ слѣдуетъ не чествовать ужиномъ, а арестовать.

Тогда только почуяли что-то подозрительное въ документахъ этихъ корреспондентовъ.

Теперь будто они уже арестованы и содержатся на «Ретвизанѣ».

— Не привезены ли, на самомъ дѣлѣ, эти господа сюда японцами изъ бухты Луизы? — спрашиваетъ возмущенный всѣмъ этимъ одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ.

Другой говоритъ, что это несомнѣнные шпіоны. Посылали розыскивать джонку, — спустившую ихъ, якобы около Артура, — но ничего не нашли.

Пока мы такъ бесѣдовали, теряясь въ загадкахъ и возмущаясь неосторожностью генерала Стесселя, къ намъ принесли экстренный приказъ его за № 663 (отъ 16 сент.):

«Вчера, 15-го сего сентября, въ Артуръ изъ *Чифу* прибыли два корреспондента иностранныхъ газетъ — французской и нѣмецкой (!?) *). Были они спущены на берегъ въ Порту безъ тщательнаго осмотра бумагъ. У нихъ имѣются консульскія удостовѣренія, но нѣтъ оффиціальнаго разрѣшенія изъ штаба арміи быть военными корреспондентами. Прибыли они, разумѣется, чтобы пронюхать каково настроеніе въ Артурѣ, такъ какъ въ одной газетѣ пишутъ, что мы уже землю ѣдимъ (!), въ другой, что у насъ музыка играетъ и мы ни въ чемъ не нуждаемся. *Продержавъ ихъ сутки при штабѣ корпуса подъ надзоромъ офицера* (!?), я предписалъ начальнику штаба произвести осмотръ бумагъ ихъ, такъ какъ они прибыли безъ вещей, а затѣмъ немедля выселить изъ крѣпости, такъ какъ я не имѣю данныхъ разрѣшить имъ пребываніе; и безъ того въ иностранныхъ газетахъ печатается всякій вздоръ, начиная отъ взятія Портъ-Артура и до отступленія генералъ-адъютанта Куропаткина, чуть не до Харбина. А вѣдь у насъ извѣстно, какъ дѣлается: мы первые всякой газетѣ вѣримъ, будь тамъ написано хотя видимый для всѣхъ вздоръ, напр. что Куропаткинъ отошелъ куда-то, а когда посмотришь это разстояніе, то видно, что надо въ два дня сдѣлать 150 верстъ, но наши умники всетаки вѣрятъ, потому — въ газетѣ написано, да еще въ иностранной **). Впредь прошу портовое начальство отнюдь никого не спускать на берегъ безъ разрѣшенія коменданта крѣпости или, разумѣется, моего и безъ тщательнаго осмотра документовъ. Коменданту же предлагаю организовать это дѣло. П. п. Начальникъ Квантунскаго Укрѣпленнаго раіона Генералъ-Адъютантъ Стессель. Съ под. Вѣрно: Начальникъ Штаба, Полковникъ Рейсъ».

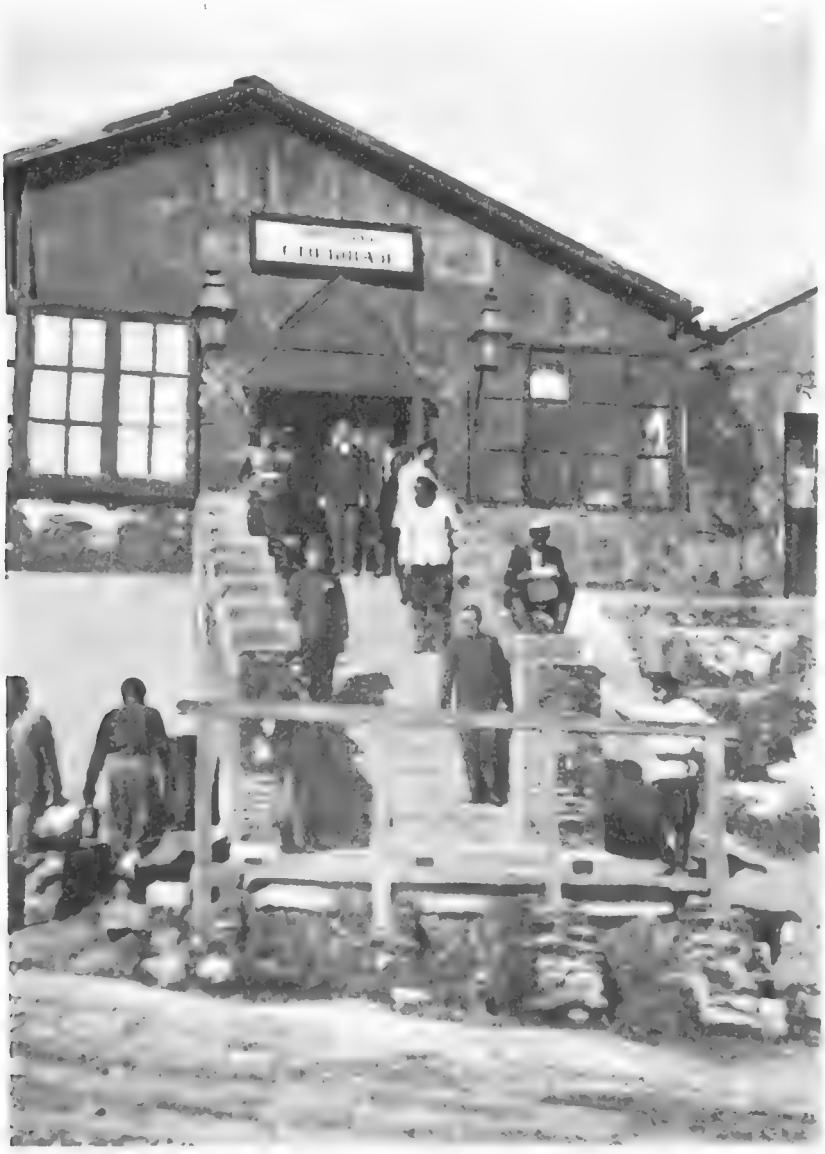
Прочитали и обомлѣли.

Что же это такое? — Къ чему намъ такія сказки — такая ложь? Приказъ, судя по стилю, писанъ самимъ генераломъ Стесселемъ. Неужели мы можемъ чувствовать къ нему уваженіе при его безцеремонномъ извращеніи фактовъ, извѣстныхъ всѣмъ и каждому въ Артурѣ! — Изъ приказа получается впечатлѣніе будто портовое начальство и комендантъ виноваты въ

*) На самомъ дѣлѣ французской «Matin» и американской «Chikago Daily News» — что генералъ Стессель долженъ былъ знать.

**) Предаю всегда дословный текстъ приказа, исправляя лишь грубыя ошибки правописанія. Курсивъ и знаки въ скобкахъ мои.

томъ, что Стессель угощалъ невѣдомыхъ намъ корреспондентовъ... И спрашивается—къ чему такое балаганное отношеніе къ газетамъ? Вѣдь газеты же разнесли по бѣлу свѣту славу о неслыханномъ геройствѣ генерала Стесселя! Но что-то не слыхать, чтобы онъ обижался на это или чтобы пожелалъ опровергнуть эти свѣдѣнія...



Городская дешевая столовая въ помѣщеніи бывшей французской гостинницы.

Если прибывшіе дѣйствительно шпіоны, то съ ними слѣдуетъ и обойтись, какъ съ таковыми. Если же они вполнѣ порядочные и честные люди, то и изъ этого еще не слѣдуетъ давать имъ возможность разгуливать по городу, въ тѣсно осажденной крѣпости, а затѣмъ безпрепятственно выпустить ихъ обратно изъ крѣпости. Развѣ они не могутъ разгласить то,

что важно знать японцамъ? Намъ же это разглашеніе можетъ принести страшный вредъ! — Почему было не задержать ихъ въ крѣпости? — Если они прибыли сюда изъ-за жгучаго любопытства, то слѣдовало удовлетворить его: пусть бы остались въ крѣпости, поиспытали бы осаду.

Корреспондентовъ выслали обратно въ море. Тамъ ихъ перехватитъ японскій миноносецъ (пожалуй даже ожидавшій ихъ возвращенія) и увезетъ ихъ въ японскій лагерь; а тамъ ужъ ихъ допросятъ, и допросятъ подробно. И думать нечего, чтобы они рѣшились тамъ не разсказать того, что они видѣли. Незачѣмъ имъ рисковать, въ противномъ случаѣ, жизнію *).

Поговорили, повозмущались и разошлись. Развѣ у насъ мыслимы какіе либо протесты!

Встрѣчаю на набережной другую группу знакомыхъ, которые возмущаются тѣмъ, что надняхъ городскую прачешную взяли да взорвали —

*) Имѣя въ данное время въ рукахъ иностранные матеріалы — описаніе этого событія со словъ самыхъ корреспондентовъ: американца Эмерсона и француза Ванъ-Ламберже (см. «Der russisch-japanische Krieg» графа Ревентлова, стр. 408, «Въ гостяхъ у генерала Стесселя»),—мы все же не можемъ на слово повѣрить разсказамъ этихъ господъ. Въ этихъ разсказахъ есть мѣста довольно сомнительныя. Такъ они разсказываютъ, что 2-го сентября н. ст. (т. е. 20-го августа по нашему календарю) отправились они изъ Чифу въ обыкновенномъ сампанѣ съ парусомъ, но вслѣдствіе сильной непогоды должны были нанять маленькій каботажный (чей?) пароходикъ, чтобы тотъ дотащилъ ихъ до острововъ Мяо-тао. При большомъ волненіи буксирный канатъ лопнулъ и сампань погибъ. Все же они добрались (на пароходикѣ) до острововъ и остались тамъ. (Что за своеобразная робинзоніада—почему они не вернулись обратно на пароходикѣ въ Чифу, разъ ихъ сампань погибъ?). Чѣмъ питались эти путешественники на островахъ Мяо-тао, остается неизвѣстнымъ. Надо думать, что съ сампанемъ погибли и ихъ запасы.

Далѣе говорится, что предпріимчивые корреспонденты сидѣли на негостепріимныхъ островахъ Мяо-тао и впродолженіи нѣсколькихъ дней они находились именно тамъ, гдѣ былъ вракъ недавно сѣвшаго на камни норвежскаго парохода «Унизонъ». Имъ удалось завладѣть одною изъ спасательныхъ лодокъ этого парохода и, установивъ на ней парусъ, приспособить эту лодку для своей цѣли (не правда ли — настоящая робинзоніада!) Но все это они не могли сдѣлать безъ посторонней помощи и безъ необходимыхъ инструментовъ. Но—говорится далѣе—первые опыты показали, что лодка течетъ и, слѣдовательно, ее понадобилось чинить... А такъ какъ, будто, плохая погода была имъ благопріятна ввиду того, что въ этихъ водахъ держалась флотилія японскихъ миноносцевъ (намъ же было извѣстно, что именно около острововъ Мяо-тао держалась эта флотилія), то они отправились 27-го сентября (14-го по нашему календарю), при довольно сильномъ волненіи, въ дорогу. (Спрашивается, гдѣ они ютились и чѣмъ кормились все это время — 24 дня?).

Ночью они будто замѣтили нѣсколько японскихъ судовъ и должны были измѣнить курсъ, чтобы не попасть имъ въ руки; а затѣмъ, когда они миновали всякую опасность, то на радостяхъ выпили три бутылки пива (откуда взяли они пиво?)...

Все это что-то не такъ. Если бы эти господа сообщили, что они прибыли на японскомъ пароходикѣ на Мяо-тао, прожили это время тамъ, гдѣ базируются японскіе миноносцы, — что даже соорудили при ихъ помощи этотъ вельботъ, взамѣнъ погибшаго сампаня,—и что японскіе же миноносцы подвезли и спустили ихъ ночью противъ Артура,—тогда мы охотно повѣрили бы имъ на слово...

будто по распоряженію генерала Стесселя—вмѣстѣ съ машинами и бѣльемъ, отданнымъ въ стирку, не предупредивъ никого объ этомъ. Арендаторъ прачешной ѣздилъ въ городъ по дѣламъ; возвращается и видитъ — одни безобразныя развалины. Тамъ у него было 2 тысячи штукъ бѣлья Краснаго Креста, затѣмъ бѣлье остальныхъ госпиталей, а также частныхъ лицъ. И все это погибло. Какъ будто мы такъ богаты бѣльемъ!—Когда на самомъ дѣлѣ добровольныя сестры милосердія и почти всѣ женщины въ городѣ собираютъ и шьютъ на солдатъ, оставшихся и такъ безъ бѣлья, обносившихся въ конецъ.—И машины можно было бы вывезти всѣ, чтобы устроить прачешную въ другомъ мѣстѣ.

Какъ глупо, какъ безтолково все дѣлается у насъ!

11-дюймовый снарядъ съ Золотой горы, упавшій около Маріинской Общины Краснаго Креста.

Прачешная будто взорвана для того, чтобы японцы не воспользовались ею также, какъ гаоляномъ, который былъ оставленъ невыкошеннымъ... Но японцы еще не насѣдали на это мѣсто до сей поры!

Кажется, можно было бы предоставить японцамъ разрушать эти зданія артиллерійскимъ огнемъ: они не преминули бы это сдѣлать изъ опасенія, что тамъ могутъ скрываться наши резервы или что либо прочее. Все же потратили бы не мало снарядовъ.

Сообщаютъ, что корреспондентовъ отправили отсюда на небольшой джонкѣ, которую портовой катеръ отбуксировалъ черезъ минное загражденіе въ открытое море. — Съ нашихъ наблюдательныхъ постовъ сообщали, что на морѣ къ джонкѣ подошелъ японскій крейсеръ, навѣрное снялъ съ нея корреспондентовъ и отвезъ ихъ въ бухту Луизы — къ японцамъ *).

---

*) Наши предположенія оправдались:

Въ книгѣ графа Ревентлова говорится, что въ морѣ встрѣтило ихъ японское военное судно, которое будто отвезло корреспондентовъ въ Японію. Марсель Смитъ-ванъ-Ламбержѐ вернулся тотчасъ въ Чифу, а Эдвинъ Эмерсонъ остался въ Японіи.

Снова началась бомбардировка гавани.

Вчера японцы корректовали стрѣльбу по гавани съ двухъ воздушныхъ шаровъ.

Досадно, что наша артиллерія не можетъ сбить японскіе воздушные шары.

Пріятное извѣстіе — сегодня утромъ пришла въ Голубиную бухту джонка съ почтой.

Виренъ произведенъ въ контръ-адмиралы. Его флагъ уже развѣвается на «Пересвѣтѣ».

Сказываютъ, что Фокъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты — должно быть за «подвиги» при Киньчжоу... Спрашивается: за что же именно?

Въ нашихъ аптекахъ обнаруживается недостатокъ разныхъ медикаментовъ, при томъ самыхъ необходимыхъ при дезинтеріи — Боткинскихъ капель. Впрочемъ, и въ мирное время не всегда всѣ лѣкарства имѣлись въ нашихъ аптекахъ. А цѣны — Боже мой! — что это за цѣны! И все то сходитъ у насъ съ рукъ и называется: «все обстоитъ благополучно».

По городу ходятъ всевозможные толки о Куропаткинѣ. Онъ будто отступилъ для того, чтобы завлечь японцевъ; завлекъ ихъ и тогда наша кавалерія врѣзалась въ тылъ и въ фланги дивизіи, или сколько ихъ тамъ было, и покрошила японцевъ немилосердно.

Не вѣримъ, не хотимъ вѣрить въ дѣйствительное отступленіе Куропаткина. Намъ страшно повѣрить!

Японцы обстрѣливали сегодня гавань до 5 часовъ; послѣдніе снаряды ложились около землечерпательнаго каравана. Мы наблюдали съ набережной. Звуки выстрѣловъ кажутся очень близкими и свистъ снарядовъ сталъ значительно короче, что позволяетъ думать, что стрѣляющія орудія установлены японцами очень близко.

Вечеромъ мнѣ разсказывалъ знакомый полковникъ, что взятый въ плѣнъ раненый японецъ все упрашивалъ, даже когда его уже принесли въ госпиталь, чтобы его не добивали — онъ-де человѣкъ богатый, расплатится за все, вознаградитъ за это. Когда-же убѣдился въ томъ, что никто и не думаетъ добивать его, то расчувствовался и разсказалъ, будто въ Японіи сильный разладъ между партіями старыхъ людей, требующихъ прекращенія войны и молодыхъ, желающихъ ея продолженія. Когда потребовались подкрѣпленія для осаждающей Артуръ арміи, то молодой, воинственной партіи было предложено вступить въ ея ряды. И пошли милиціонеры-волонтеры; между ними есть и профессора, и студенты (онъ самъ долженъ былъ пойти въ числѣ этихъ охотниковъ); всего набралось ихъ будто около 10 тысячъ. Когда они прибыли подъ Артуръ, то высказали презрительное недовѣріе:

— Чтобы Артура не взять!..

Ихъ тогда и послали въ первую голову на сентябрскіе штурмы, поставили въ первыя колонны.

Кажется, убѣдили.

Въ настоящихъ японскихъ войскахъ будто полное угнетеніе.

Пріятно слушать, но трудно повѣрить всему этому.

Когда стемнѣло, за Перепелочной горой и Орлинымъ гнѣздомъ засверкала отдаленная молнія. Публика готова повѣрить, споритъ, что это Куропаткинскія войска сражаются уже за Волчьими горами. Оспариваю; увѣряю, что былъ-бы не меньше ихъ радъ приходу помощи. Но не слушаютъ. Каждый остается при своемъ убѣжденіи.

Около 10 часовъ, когда уже взошла луна, японцы пустили по городу нѣсколько снарядовъ; одинъ легъ у Краснаго Креста, другой у мельницы Тифонтая, третій въ Китайскомъ городѣ, а четвертый гдѣ-то около Казачьяго плаца. Повидимому пристрѣливаются. У нихъ есть несомнѣнно въ городѣ свои наблюдатели, которые должны имъ сообщать, какъ ложатся снаряды.

Забылъ отмѣтить, что корреспонденты говорили, будто французскій агентъ Кювервилль и германскій — Гильгенгеймбъ — исчезли; съ ними, по всей вѣроятности, случилось какое либо несчастіе. До сихъ поръ они никуда не прибыли; между тѣмъ отсюда они выѣхали на джонкѣ давно. Всѣ розыски пока не привели ни къ чему.

Быть можетъ они схвачены пиратами-хунхузами, которые и предложатъ выкупить ихъ за большую сумму. Или же они попали въ плѣнъ къ японцамъ и тѣ не повѣрили имъ, что они агенты, а не шпіоны.

17/30 сентября. Въ 7 час. утра 14^0 тепла; воздухъ влажный; роса капаетъ съ крышъ.

Зашелъ Р. и сообщилъ, что поручикъ минной роты Багговутъ остался на полѣ битвы впереди Водопроводнаго редута; его денщикъ успѣлъ только снять съ него часы и шашку. Сколько у насъ легло такъ храбрыхъ офицеровъ, и намъ неизвѣстны даже имена ихъ всѣхъ! А кажется можно было бы объявить въ приказахъ списки погибшихъ, съ отмѣтками, при какомъ дѣлѣ и какъ погибли они. Вѣдь они, положившіе свои головы за отечество, безспорно стоятъ того; нашъ долгъ — почтить ихъ память.

Тутъ-же узналъ, что морская пальба, о которой сообщали третьяго дня, объясняется просто — въ одной изъ бухтъ западнаго фронта стали японскія канонерки и обстрѣливали наши позиціи. О попаданіи по нашимъ позиціямъ что-то не слыхать; должно быть опять стрѣляли по своимъ.

По городу усиленно циркулируютъ слухи: 1) будто Куропаткинъ окружилъ японцевъ въ Ляоянѣ и требуетъ ихъ сдачи безъ боя; 2) что онъ ушелъ за Ляоянъ, и заманивши японцевъ въ Ляоянъ, уничтожилъ ихъ тамъ — и 3) что онъ началъ наступать на югъ.

Блаженъ, кто вѣруетъ.

Разсказываютъ, будто въ прошлую ночь была снова довольно удачная вылазка на редутъ № 2.

Поздно вечеромъ японцы опять бросили нѣсколько снарядовъ по гавани, какъ-бы желая помѣшать сообщенію и помѣшать исправленію судовъ.

Вечеромъ былъ на имянинахъ, ѣлъ жареныя сосиски (изъ консервовъ) и европейскую картофель. Какая роскошь въ это время!

18 сентября (1 октября). Съ 8 час. 35 мин. утра японцы открыли огонь по старому направленію, по гавани. Но суда наши переставлены, а поэтому снаряды падали все въ воду.

Нашъ больной вопросъ — что и какъ Куропаткинъ. Разсуждаемъ — онъ, стягивая на себя всѣ японскія арміи и отступая съ ними на сѣверъ, готовитъ, навѣрное, имъ тыльный или, по крайней мѣрѣ, фланговый ударъ; въ то же время онъ, видимо, поджидаетъ прибытіе Балтійской эскадры, которая должна отрѣзать японцамъ, при помощи артурской и владивостокскихъ эскадръ, пути отступленія. Все это хорошо, но намъ теперь приходится разсчитывать только на Балтійскую эскадру, какъ на освободительницу. Осада грозитъ затянуться; а никто не знаетъ, гдѣ эта эскадра и какимъ путемъ она идетъ.

Оказывается мортиръ у насъ мало и мало снарядовъ къ нимъ; также мало артиллерійскихъ снарядовъ вообще. Теперь, когда японцы начали стрѣлять и въ потемкахъ, можно-бы легче обнаружить и разбить ихъ батареи, обстрѣливающія городъ и гавань *). Хотя и тутъ они могутъ вводить насъ въ заблужденіе фальшивыми вспышками.

Узналъ нѣкоторыя подробности объ очищеніи Кумырнинскаго редута.

Когда японцы буквально сметали прикрытія артиллерійскимъ огнемъ, то солдаты изъ одного люнета боковой траншеи кинулись на редутъ, чтобы хотя тамъ подъ блиндажемъ найти нѣкоторое спасеніе отъ адскаго огня; редутъ японцы поливали такимъ же артиллерійскимъ огнёмъ; поэтому и тутъ они не могли укрыться, такъ какъ блиндажи эти были биткомъ набиты гарнизономъ самого редута. Стоять же на редутѣ безъ прикрытія не было возможности — и вотъ, солдаты стали перебѣгать назадъ, отступать, увлекли съ собою — такъ сказать стаднымъ чувствомъ — и гарнизонъ редута. Офицеры отступали послѣдними и, говорятъ, съ достоинствомъ — отходили не торопясь по сильно обстрѣливаемой площади, предварительно испортивъ оставшіяся на редутѣ 2 пушки и 2 пулемета. Говорятъ, что полковникъ, флигель-адъютантъ Семеновъ не предусмотрѣлъ возможности этого отступленія и не велѣлъ увезти оттуда заблаговременно хотя-бы пушки, которыя тамъ были безъ всякой надобности, такъ какъ на барбетахъ были пулеметы, и снимать ихъ, чтобы дать мѣсто пушкамъ, было не-

*) Въ то время мы все еще вѣрили, что для бомбардировки города и порта японцами установлены особыя батареи.

мыслимо, да и было-бы неразумно. Мало того — онъ прислалъ на редутъ вечеромъ, наканунѣ отступленія, еще одну пушку; но офицеры вернули ее обратно на свой рискъ и страхъ, такъ какъ пользы отъ нея не могло быть; она бы досталась также японцамъ. Да вообще можно отмѣтить отсутствіе единства руководства. Если самому Семенову некогда было посѣщать редутъ, то слѣдовало бы посылать туда одного изъ батальонныхъ командировъ, либо кого нибудь изъ прочихъ штабъ-офицеровъ.

— На что же они имѣются у насъ!—говорятъ офицеры, —не мирное же время! — А такъ никто другому не подчиненъ; все молодые и каждый по своей части старшій. А насъ-то и въ штабѣ не слушаютъ, если мы о чемъ просимъ.

Японскій фотографическій снимокъ одного изъ штурмовъ на Куропаткинскій люнетъ: 1) Взрывъ 11-дюймовой бомбы; 2) Куропаткинскій люнетъ; 3) Малая Орлиная батарея—и 4) Японскій ходъ сообщенія, по которому подходятъ резервы.

Изъ разговоровъ узналъ, что вчера полковникъ Т. былъ принятъ генераломъ Стесселемъ особенно холодно, и это потому, что Т. единственный человѣкъ, который постоянно напоминаетъ Стесселю, что онъ присвоилъ себѣ права, не предоставленныя ему ни законами, ни обстоятельствами.

Всюду слышны возмущенія по поводу бездѣятельности нашего вице-консула въ Чифу—Тидемана. Въ то время, какъ тамошній японскій консулъ проявляетъ энергичную дѣятельность, имѣетъ даже свои развѣдочные пароходы (одинъ такой былъ взятъ еще адмираломъ Макаровымъ во время выхода съ эскадрой къ островамъ Мяо-тао), — нашъ консулъ не предпринимаетъ — ровно ничего; онъ даже не позаботился послать намъ съ тѣми джонками, которыя прорываются къ намъ по собственному почину, хотя бы по пачкѣ газетъ. Не трудно было бы послать намъ каждый разъ хотя бы

краткіе перечни важнѣйшихъ міровыхъ событій за время тѣсной осады. У насъ устроили на Ляотѣшанѣ безпроволочный телеграфъ, а онъ и не думалъ устроить таковой же у себя. Японскій консулъ дѣлаетъ все, что служитъ интересамъ его отечества; а нашъ — ничего. Говорятъ, что онъ человѣкъ больной. Въ такомъ случаѣ ему не въ Чифу мѣсто, гдѣ нуженъ человѣкъ энергичный, предпріимчивый. Говорятъ, что ему покровительствуетъ намѣстникъ. Но, вѣдь, его можно бы перевести на такое мѣсто, гдѣ не нужно особенной дѣятельности. Мало ли такихъ мѣстъ *)!

Къ часу дня повелъ я давно болѣющую жену въ Красный Крестъ. (Извозчики и рикши давно стали для большинства артурцевъ недоступной роскошью и всѣ, кто только въ силахъ, передвигаются пѣшкомъ). Уже давно ей нужно было клиническое лѣченіе, но она перемогалась кое-какъ, все не рѣшаясь, въ виду ежедневныхъ бомбардировокъ, отправиться къ врачу. Ухудшеніе болѣзни заставило ее наконецъ рѣшиться. Но только мы вошли въ садъ Маріинской общины, какъ вокругъ насъ завыли, зашипѣли японскіе снаряды и рвались очень близко. Съ трудомъ довелъ, такъ сказать, застывшую отъ ужаса жену до вестибюля больницы, куда со всѣхъ сторонъ сбѣгались и тащились выздоравливающіе солдаты, не менѣе насъ перепуганные бомбардировкой близи. Японцы доказали уже не разъ свое неуваженіе къ флагу Краснаго Креста и не разъ уже стрѣляли по госпиталямъ, расположеніе которыхъ прекрасно имъ извѣстно (напримѣръ, Своднаго военнаго госпиталя) по имѣющимся у нихъ несомнѣнно хорошимъ планамъ города, и поэтому никто не могъ ожидать, чтобы они пощадили на этотъ разъ Красный Крестъ. Но вскорѣ выяснилось, что они обстрѣливали только мельницу Тифонтая, работающую и день и ночь для нуждъ гарнизона и города, какъ единственная въ Артурѣ мельница. Было уже нѣсколько попаданій. Съ улицы принесли только-что раненаго солдата, посланнаго съ казенными пакетами...

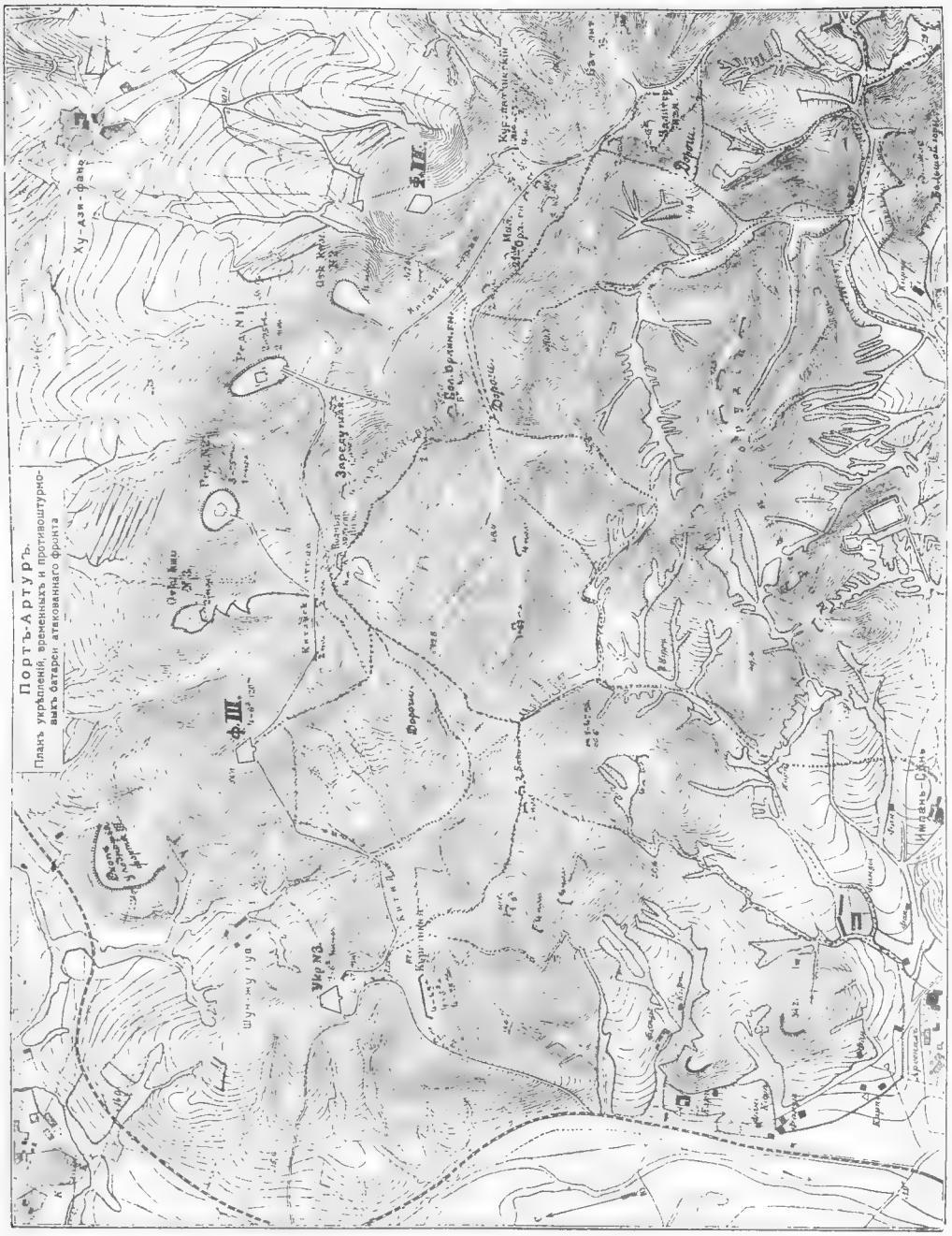
Въ продолженіи часа сыпались вокругъ Краснаго Креста снаряды.

Тутъ вспомнили — что же это такое? — послѣ отъѣзда незнакомцевъ-корреспондентовъ японцы стали болѣе интенсивно обстрѣливать и гавань и городъ? — Ужъ не узнали ли на самомъ дѣлѣ японцы кое-что отъ взятыхъ ими корреспондентовъ? — Въ первый же вечеръ послѣ отъѣзда этихъ господъ, какъ будто была пристрѣлка къ мельницѣ; теперь же обстрѣляли ее, какъ по точной цѣли **).

*) Впослѣдствіи оказалось что не онъ одинъ виноватъ въ этомъ бездѣйствіи.

**) Грѣшенъ, но и сейчасъ не могу избавиться отъ доли этого подозрѣнія. Въ сообщеніи гг. корреспондентовъ объ ихъ путешествіи (у графа Ревентлова, глава «Въ гостяхъ у генерала Стесселя», стр. 412) находимъ этому какъ бы подтвержденіе; тамъ говорится: «Немолотаго хлѣба будто имѣется огромное количество и *мельница работаетъ день и ночь*, такъ что недостатка въ хлѣбѣ не ощущается»... Тамъ же они сообщаютъ, что были даже на одномъ форту (и это правда), видѣли достраивающійся новый госпиталь (Красный Крестъ, или же также достраивающійся новый корпусъ Сводnаго госпиталя) и какъ прекрасно укрытъ цѣнный конскій матеріалъ крѣпости—въ покрытомъ желѣзными плитами прикрытіи... (Это они, навѣрное, видѣли лошадей генерала Стесселя).

Далѣе японцы продолжали «долбить» мельницу, пока она не перестала работать.



(Изъ книги: А. В. фонъ-Шварцъ «Изъ дневника инженера.»)

Планъ участка сѣверо-восточнаго фронта (праваго фланга) отъ желѣзной дороги до батареи литера Б, противъ котораго велись главныя операціи японцевъ, начиная съ августовскихъ штурмовъ, вплоть до сдачи крѣпости.

Примѣчаніе: Къ части II прилагается планъ всей крѣпости, въ видѣ особаго приложенія.

Жена, конечно, не рѣшилась остаться при такой обстановкѣ въ Красномъ Крестѣ и вернулась домой.

Узналъ еще нѣкоторыя подробности объ отступленіи съ Киньчжоу 13-го мая.

Офицеръ полевой артиллеріи увѣряетъ, что генералъ Фокъ послѣ боя приказалъ занять позиціи на Тафашинскихъ высотахъ. Но, когда стали на позиціи, выпрягли лошадей и дали имъ кормъ, въ это время было получено приказаніе генерала Стесселя о немедленномъ отступленіи.

Эта новость поставила меня въ тупикъ: неужели это правда? — Значитъ, не Фокъ виноватъ въ отступленіи? Какъ могъ генералъ Стессель, сидѣвшій въ Артурѣ, дать приказъ объ отступленіи?

Но люди, болѣе знающіе закулисье штаба раіона разъяснили дѣло просто. Генералъ Стессель отдавалъ разныя приказанія только ради того, чтобы этимъ показать свою дѣятельность, — доказать, что онъ, а не кто другой командуетъ раіономъ. Когда Фокъ сообщилъ ему по телефону, что необходимо занять Тафашинскія высоты, онъ приказалъ занять ихъ; а когда, немного погодя, Фокъ телефонировалъ или телеграфировалъ ему, что «въ видахъ сбереженія людей» лучше отступить, то Стессель тотчасъ-же приказалъ отступить. Этимъ Фокъ снялъ съ себя отвѣтственность.

Внезапный приказъ объ отступленіи, когда люди уже приготовлялись къ ночлегу и къ предстоящей оборонѣ новыхъ позицій, а также и то, что генералъ Фокъ и его штабъ уѣхали въ Артуръ,—т. е. отступили поспѣшно,—вызвали тревогу: люди полагали, что японцы уже налегаютъ въ большихъ силахъ. Отсюда паника въ отступавшихъ въ темнотѣ войскахъ.

Конецъ I-й части.

Примѣчаніе. Къ этой части книги прилагается планъ города Портъ-Артура со схематическимъ указаніемъ паденія непріятельскихъ снарядовъ. На планѣ ниже надписи «Старый городъ» отмѣченъ голубой краской конусъ, означающій значительный обстрѣлъ 11-дюймовыми снарядами этого мѣста, т. е. квартиры коменданта крѣпости генерала Смирнова, не имѣвшаго (вопреки убѣжденіямъ его ненавистниковъ) блиндажа и не пожелавшаго устроить его.

Федеральное государственное
учреждение культуры
"Государственная
публичная историческая
библиотека России"
№ 20 г.

Федеральное государственное
учреждение культуры
"Государственная
публичная историческая
библиотека России"
№ 20 г.

Приложенiе I къ П. Ларенко „Страдные дни Портъ-Артура"

ПЛАНЪ ГОРОДА ПОРТЪ-АРТУРА

СО СХЕМАТИЧЕСКИМЪ УКАЗАНІЕМЪ ПАДЕНІЯ НЕПРІЯТЕЛЬСКИХЪ СНАРЯДОВЪ.